

Наталья Трауберг

ВЕНОК СОНЕТОВ

Трауберг Н. Л.

Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. — СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — 32 с. — ил.

ISBN 978-5-905586-05-7 (Книжные мастерские)

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© 2013 Трауберг Н. Л. (наследники)
© 2013 000 «Книжные мастерские»
© 2013 000 «Мастерская „Сеанс“»

Наталья Трауберг

ВЕНОК СОНЕТОВ

«Ёлочка»

СЕАНС

Томас Тристрамас Чепайтис, Наталья Трауберг, Виргилиус Юозас Чепайтис.
Москва, 1960

Томас Тристрамас ЧЕПАЙТИС

Томас Тристрамас Чепайтис

ПРЕДРОВЫЕ СОНЕТЫ

П Р Е Д Р О Д О В Ы Е
С О Н Е Т Ы

***

В Серебряном бору я жил в удобном комоде
К сожаленью, нас испугали — запретили ночевать на даче
Матушке сказали, что скоро, и она ходила в консультацию
Батюшке надоело, и он уехал в Вильнюс

Здесь есть неплохие вещи: подсыхающие вильнюсские плиты
Но, Франя, должен тебя предупредить, есть и другое
Можно жить в коммунальной квартире или на большой подмосковной станции
С другой стороны, можно жить в комфортабельной хозяйкиной квартире
И, наконец, можно дождаться помощи

Вначале был Ленинград, синий воздух над длинными мостами
Батюшка ехал в Москву, справедливо уверенный в поддержке гномов
Для того, чтоб родился ты (а позже и я)
Мы вошли в Алисину норку, в щелку других измерений
В Серебряном бору я жил в удобном комоде

Акмеистический сонет

В Серебряном бору я жил в удобном комоде,
А комод покачивался в дождевом и сосновом воздухе,
Среди широких, чрезвычайно прозрачных окон
И круглых, коротких, почти прозрачных полиэтиленовых чашек.

Когда наливали кофе, чашки становились темно-кофейные,
Тяжелые, маленькие, еще круглей и слишком красивые.
Потом наливали чай (предварительно их помывши),
И они становились темно-золотисто-чайные, довольно прозрачные.

Иногда бывала гроза, и комод мелко дрожал, — по-видимому, боялся —
А воздух был еще чище и сосны еще важнее.
Я совершенно не боялся грозы.

Однажды сварили щавель, его ели из низеньких мисок
На террасе висели маленькие полотенца — лимонное и абрикосовое.
Мне становилось все ясней, что здесь хорошо.

В духе современной салонной поэзии

Матушка моя — комод — ходила в консультацию, —
Там сидели опоенные тетki с негативными лицами,
Они ели грязного цвета селедку и простывшие макароны, вылавливаемые
из мутной воды,
Отсюда — белок, цилиндры и вбитые в твердые туфли отечные ноги.

Я узнал сладковатый запах медицинского кафеля,
Скороговорку одинаковых биографий,
Длинные лиловые штаны, перерезающие резиновые мутные ляжки,
Мелкий перманент, сивые косички, пропотевшие платья с плечами и тугим,
непонятного назначения поясом над братом моим — упупой.

Дело в том, что, с достойным уважения упорством,
Они отрицали капли воды на салатных листьях,
Легкие озарения голодных дней, наивный творог без соли.

Они отрицали жалость, высокое счастье поста, дрожащий от чуда воздух,
Недоверчиво поджимали губы, не отвечали, презрительно хмыкали.
Я знал, что они неправы, жалел их и очень за них просил.

Философский сонет

К сожалению, нас испугали — запретили ночевать на даче;
Начались поездки по шоссе, сквозь холодную строительную пыль,
и я заволновался,
А вдруг действительно правы почти все философы, бабушка
моя Жак и Успенский?
(Я имею в виду разговор о «родителях, причинивших жизнь».)

Может быть, тут вылезают из сумки в предслужебный утренний холод,
Мучительно улыбаются в троллейбусе, непрерывно жалеют и боятся?
Неужели для того мы ели тяжелые розы и ежевику у маяка?
Варили декабрьский пунш, вели мистический счет указаний и искуплений?

Я размышлял — сопоставлял — метался.
Батюшка мне обещал жидкий шоколад и высокую духовность,
Матушка моя — комок — читала нежные английские книжки.

Пришлось спросить, где надо (это было еще не трудно — легче, чем вам).
Потом я поворочался, уткнулся, мудро посопел —
Так ложатся поспать перед елкой, перед свадьбой, экзаменом,
приключением — и стал готовиться к родам.

Сонет про роды

Батюшке надоело, и он уехал в Вильнюс.
Тогда, как обычно, — на тринадцатые сутки
Начали мы рожаться, поехали в роддом им. Крупской,
И тут, к нашему с матушкой удивлению, обнаружились странные вещи:

Роды — не так ужасно, как говорят идиотки бобрицы, —
Во-первых, потому что это дело, пыхтящая работа и иогически радуешься силе,
Во-вторых, потому что в максимальной степени дает ту самую радость
освобождения, которую предвещают творчество и внезапное действие
прямой кишки,
В-третьих, потому что через тебя проходят, как обнаженный провод, пути чуда.

С другой стороны — это гораздо хуже, чем думаешь,
Потому что, во-первых, очень больно, до удивления,
И, во-вторых, потому что ни одна собака не только не помогает, а даже не
дозовешься, особенно, если просишь виновато, вежливо, как мы с матушкой.

Но, как бы то ни было, мы сделали свое дело.
Матушка поминутно засыпала, лепетала некомильфотно, пила невероятно
вкусный чай и ела сахар,
А я увидел бобров, удивился, но не поверил.

Томас Тристрамас ЧЕПАЙТИС

Томас Тристрамас Чепайтис

СОНЕТЫ ФРАНЕ

С О Н Е Т Ы
Ф Р А Н Е

I

Тут есть неплохие вещи: подсыхающие вильнюсские плиты, пропеченный шуршащий огород, желтовато-медово-кукурузный, слишком круглые и красные яблоки на иголках ежа, чистое окно, медленные снежинки, белый лист бумаги;

умные разговоры с Гришей — упругие кенгуровые скачки над
 андрее-беловской зыбкой штукой,
 шустрое снование по маленькой, прибранной берлоге,
 обламывание и выкручивание фраз и внезапная подсказка гномов,
 приветливые глазуньи, лакированная значительная индейка ножками
 вверх (нам еще не дают, можно лет с пяти, а то и с шести).

Вот, юная Франия, как все хорошо тут для тебя приготовлено: последние болезни загнаны в угол, хитрые сыворотки — на местах, сажают мало, а скоро снова не будут, и этих выпускают; гномы поберегут тебя и нас, для чего-то это нужно, т. е. я знаю, для чего, и ты скоро узнаешь, а рассказать, к сожалению, нельзя — бобры обмусолили, звучит сусально.

II

но, Франя, должен тебя предупредить, есть и другое: Рылы.
например, очень трудно говорить с уверенной домработницей
и даже с т. наз. нашими — все комильфотны и до отвращения трехмерны. Гады...

хочется ходить Франциском — твоим тезкой — всех радовать,
а они смеются, садятся на голову, интересно, как он сам управлялся
на бело-розовых зимних дорогах самого близкого к тому, что нужно, XIII века?

наверное, помогали, даже больше, чем мне и бабушке,
не говоря уж о матушке — ее так часто оставляют одну,
чтоб выплывала, барахтаясь. Это — знак уважения. Такие испытания.

наверное, я буду а ля баушка, а ты — вроде маушки
будешь, несчастнейшая¹ из Франь, чувствовать себя голой (а то и секомой)
на площади;
но за это бывает и вознаграждение.

---

¹ но, конечно, счастливейшая же.

Томас Тристрамас Чепайтис, Наталья Трауберг.
Вильнюс, 1961

Наталья ЧЕПАЙТЕНЕ

Наталья Чепайтене

ОБЪЯСНЯЮЩИЕ СОНЕТЫ

Специально
как рукопись
картинки - Картина
Кедровой - Денис Давид

Н. Чепайтене

17/IV/61

О Б Ъ Я С Н Я Ю Щ И Е

С О Н Е Т Ы

Свифтический

Можно жить в коммунальной квартире или на большой подмосковной
станции,

Ходить по холинским улицам под честертоновским небом,
Жалеть у ворот больницы оплывших или выжженных баб,
Покупать то же самое, что они, в кожаной полутьме промтоваров и мелкой
макаронной пыли продмагов.

Носить детские прюнелевые туфли, косынки, ватнички, валенки,
Казалось бы — то же, что они! Но, поскольку не разъелась, сохраняешь дар
удивления и не осуждаешь ближних,
Толку от этого мало. Вообще, надо бы лису и шляпу с резинкой от штанов,
Но это уж слишком, далеко за границей смирения.

Пить у соседей крепленное вино, есть порошковый кисель, консервы
повреднее —
Только бы без витаминов и привкус оставался попротивней!
Отвергать молодых и мордатых родственников хозяйки, которых обещали
познакомить.

Может ли блаженная свобода абсолютной порядочности,
Фаунтлеройская верность друзей, акмеистическая весомость слов на белой,
как воздух, странице
Прорвать серую пленку или хотя бы поддерживать жизнь?

Свифтический же, но и какой-то другой

С другой стороны, можно жить в комфортабельной хозяйкиной квартире,
Долго мыться под шлангом пористыми, как мусс, губками чистых тонов,
Славиться демократизмом в косметическом институте, ходить на лекции
по кибернетике,
Покупать благородные платья джерси у добрых, но жирных спекулянтов.

Кто же простит легче? Может, все-таки — те, из предыдущего сонета?
Не знаю. Едят тут такое же вредное, только с соусами, и вина пьют сухие;
Домкиновские дамы и налитые в черные платья нежнокожие нэпманши
Задают вопросы, на которые, по кодексу Фаунтлероев, ответить нельзя.

Но ведь можно почти никогда не ходить в ресторан с мордатými
последователями Хемингуэя,
Пить кофе на чистой кафельной кухне, защищать друзей-голодранцев
и, вдохновившись,
Писать мистические фрагменты («вот, — скажет хозяйка жиреющей
племяннице-англистке, — поучилась бы усидчивости у Н. Н. — многого
добьется!»).

В такси начинает дрожать кружочками воздух,
От друзей все-таки становишься немножко дальше,
Францисканствовать, как ни странно, еще труднее.

Татический

И, наконец, можно дожидаться помощи.

Снисходительно и понимающе улыбнется Шнупса,
Франя кротко задаст натурфилософские вопросы,
Воздух станет прозрачен и спокоен, цветы — круглее, дом — реалией
с детской картинки.

Мы едим чистый, густой, мандельштамовский мед,
Белый овальный сыр, круглые овощи, ягоды и фрукты —
Карминовые, лимонные, охраемые и нежно-оранжевые —
Густых и чистых цветов батюшкиной палитры.

Мокрый букет березовых троичских веток — сад с белой страницы классика,
Лимонный и бронзовый лес по дороге мимо Антоколя — из Честертона,
Елки и сосны за домом в снегу, пропеченные травы, ежи и плиты —
из первого сонета Фране —

Т. е. все — из склада подарков, неожиданных, которых не допросишься,
слишком заслуженных,
Чем же? И можно ли, если этого нет у других? А может, им и не нужно?

Мария Пранцишка ЧЕПАЙТИТЕ

Мария-Пранцишка Чепайтите

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

И С Т О Р И К О -
Б И О Г Р А Ф И Ч Е С -
К И Е С О Н Е Т Ы

Наталья Трауберг, Мария Пранцишка Чепайтите (на руках), Томас Тристрамас Чепайтис.
Вильнюс, 1961

Сонет матушке

Вначале был Ленинград, синий воздух на длинных мостах, тоненько-серый
на утреннем Кировском проспекте,
Ультрамариновая комната, маленькая и квадратная; считанные,
обособленные, весомые и лучшие предметы:
Красные и золотые обложки детских книг за толстеньким стеклом
краснодеревяного, почти кубического шкафчика;
Монеты в глиняных горшочках, два зимних платья: пледово-клетчатое,
в трехмерном западном духе и серое — гретхенское —
трикотажное в белых, крестиком, снежинках.

Белые низенькие колонны Академии, желтые, как крымские травы,
коренастые домики Мойки и Фонтанки,
Пиво, Карсавин, Новалис, чистые цвета Средних веков,
Простодушная, никогда не прощаемая, эйфория ночных чтений
и легконогого восхищения собой,
Бонвиваны-профессора, наивная недолгая свобода коротенькой передышки.

Потом — серая паутиная пленка, резиновая логика травли,
Дыра во времени, шевелящаяся гуща рыл,
Переезд в Москву, продолжение дыры и слабые слезы воскресения.

Еще потом — второе начало, горячее мисочное варево неназванной жизни,
Тоненькая утренняя мелодия мистического обещания
И многое, известное из других сонетов.

Сонет батюшке

Ты, батюшка, ехал в Москву, справедливо уверенный в поддержке гномов,
А растрепанная, желто-серая, как порошок в обертке, матушка
Шлепала плоскими галошками, шуршала ситцевым кринолином, мучительно
думала, бродила,
Барахталась в неназванной жизни затравленных московских мандаринов.

По тем же улицам и полю будущего Ассизи или Болдина
Ходили герои наивной осени 56-го (а также инерции 57–58 гг.),
В том числе — кроткий и темный перс, розово-золотистый пуховый литовец
И метерлинковская, как струя воды, чрезвычайно эльфическая
(но не гномическая!) героиня будущих мемуаров.

Темной зимой 57–58 учебного года поле дрожало от напряжения,
Сгущались и возникали во всей весомой объемности нужные персонажи —
Например, мягкий, цвета молочного шоколада Франек перевез матушку
на новую квартиру.

В темно-желтом коммунальном свете дрожало, как будто схватился за провод,
Напряжение муравьевских новалисовских откровений,
Готовились к концу июня, к приезду матушки из Киева.

Сонет Шнупсе

Для того, чтоб родился ты, а позже и я,
Матушка независимо и затравленно вернулась из Киева,
Вошла в хорошую полосу циклотимии, получила необходимые знаки
И бодро зашлепала по кольцу бульваров черными, на клетчатой подкладке,
бархатными тяпами.

Тут начались обязательные вещи: предварительная уличная встреча (чтоб
знали, что неспроста),
Непрерывные т. наз. совпадения, лицемерные разговоры,
Внезапное изменение города, как будто сняли пленку с переводной картинки,
Клиберновское везение, вообще — знаки значительности.

Для перестраховки деда нашего, Людовика, послали в Вильнюс,
Хотя матушка поехала бы и так, очень хотелось датского лета,
Аистов, лопуха, черепицы, плитяных тротуаров,
А главное — вынырнуть из бесформенной трухлявой относительности,
Которая так очертела многим (см. Саганку, «Мошенников» и, в сущности,
почти всех),
На зеленые холмы томизма.

Сонет всей берлоге

Мы вошли в Алисину норку, в щелку других измерений,
Однако не все и не сразу оказалось таким как надо —
Берлога, еще без места, повисла почти беспомощно
И туго, как наши сонеты, стала набиваться разными вещами:

Летом в Литве, — ожиданьем грозы, бесконечной логикой ссоры;
Внезапной — свистящей, как сарай, — неуютностью пушкинского дома;
Бегствами в Вильнюс, теплым окном и зайцем после мягких сугробов;
Моим началом в рыльном огороде, в жаре, в невыносимом привкусе первой
половины пингвинства.

Но ведь главное — не это, а кроткая хитрость Шнупсы,
Мягкая толстая его челка, наивная широкая переносица,
Круглые глаза, круглый, как бублик, рот, рыцарство, юмор и тонкость;

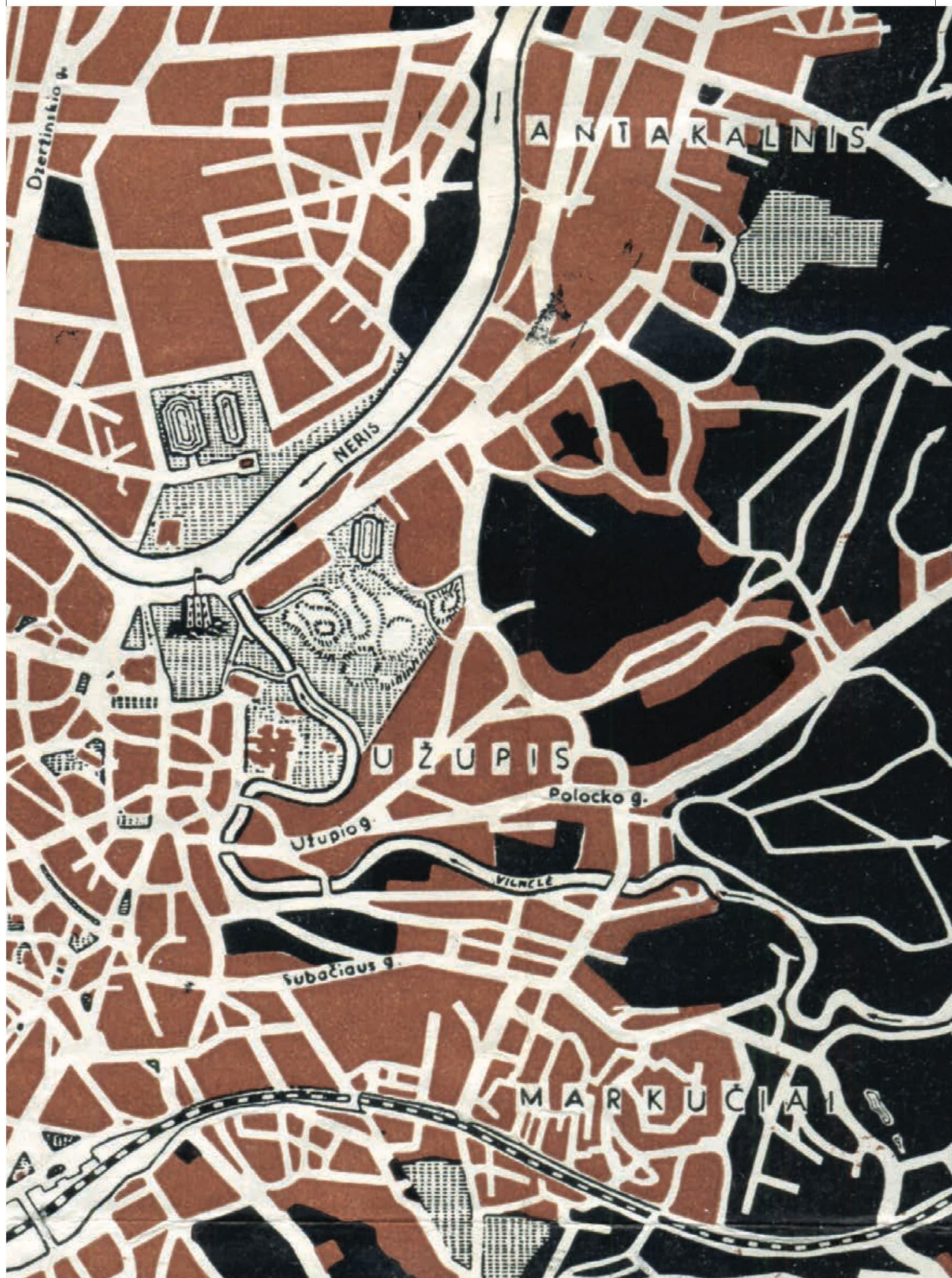
Гномическая сила батюшки, напряжение матушкиной просьбы,
Благодарная, мелкая и важная деятельность Мадлоши и прочих.
И снова — только Шнупсе прощаемое, почти немислимое здесь сочетание
мудрости, красоты и благородства.

VILNIUS

Далее — еще два сонета автора, написанные в 1963 году, после переезда в Вильнюс.

Весна в Вильнюсе

март	Крутые и покатые крыши В пятнах желтого снега, Дымящаяся мокрая бедность.
апрель	Овальная телятина с морковкой, Чосеров луг в маргаритках, Белый сыр, масло, лук, редиска.
май	Крокусы в длинном саду, Старое летнее платье, Самые ранние гости.

Лето в Литве

июнь	Гости на вокзале из Москвы, Томик становится старше, Скоро уедем в деревню.
июль	Юбилей, рождения и свадьбы, Гости кишат, как угри, Один другого приятнее.
август	Летние туфли развалились, Два Преображенья, два Успенья, Скоро ехать в Москву.

Необходимые пояснения к «Венку сонетов»*

Действующие лица:

Наталия Чепайтене = Наталия Трауберг = Матушка

Виргилиус Чепайтис = Батюшка

Томас Чепайтис, их сын (род. 1959) = Шнупса

Мария-Пранцишка (Франциска) Чепайтите,
их дочь (род. 1961) = Франя.

Томас Тристрамас Чепайтис. Предродовые сонеты

Тристрамас — так называл сына В., поскольку, когда ждали Т., читали «Тристрама Шенди». Когда ждали второго, В. говорил: «А может, назовем его Перегринас?», поскольку читал «Перегрина Пикля».

Акмеистический сонет

В Серебряном бору... — Н. и В. снимали там в мае 1959 г. деревянный домик, только въезжаешь в Серебряный бор, слева. Хозяйка — Зина.

В духе современной салонной поэзии

...в консультацию... — женская консультация в Бобровом переулке.

длинные лиловые штаны — женское нижнее белье, панталоны из трикотажа ядовито-сиреневого цвета, давшие термин «лиловые» тем, кто их носит. «Лиловелло» — говорила Ирина Игнатьевна Муравьева, видя таких дам.

...упупой — «Урира еорпс» — латинское название удода, так В. называл (чтоб было непонятно) Т. в утробе.

Философский сонет

...разговор о «родителях, причинивших жизнь». — в период между 13 октября и 31 января 1959 г. Н. подслушала разговор своей матери Веры Николаевны Трауберг

Сверху вниз:
Тристрам Шенди;
Урира еорпс;
И. Муравьева;
Вянтес Рагас, маяк

* Сборник «Венок сонетов» написан в 1961 году в Красной Пахре. Пояснения написаны автором в 2008 году.

(Жак — домашнее прозвище) и Владимира Андреевича Успенского. Они говорили о том, как «опрометчиво причинять человеку жизнь». Н. расстроилась.

...тяжелые розы и ежевику у маяка... — поездка Н. и В. на Вян-тес Рагас (мыс на Куршском заливе) в августе 1958 г.
жидкий шоколад — сгущенное какао в банках.

Сонет про роды

роддом им. Крупской — роддом № 6 им. Н. К. Крупской, 2-я Миусская, д. 1/10.

бобрицы — термин ввел В., обозначает тех, кто, по М. Хайдеггеру, называются «*das Man*» и делают то, что положено делать (бобрам положено строить хатку).

иогически — в 1959 г. В. выпустил книжку «Личная гигиена йога» (издательство «Ёлочка»). Там были картинки, например, как йог полощет кишечник в бассейне. Читатели верили, что это правда, даже Г. С. Померанц. Книга заканчивалась такими словами: «Если ближе 9 миль находится человеческое жильё, все предыдущее отменяется».

...прямой кишки... — сначала в сонете было «толстой кишки». В. был в ужасе, что Н. не знала, где толстая, а где прямая.

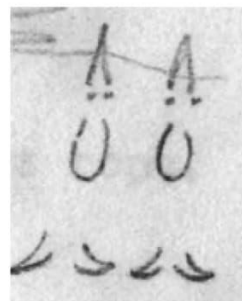

Томас Тристрамас Чепайтис. Сонеты Фране

I

...умные разговоры с Гришей... — Григорий Соломонович Померанц.

...внезапная подсказка гномов... — гномами назывались про-мыслительные совпадения.

Наталия Чепайтене. Объясняющие сонеты

Свифтический

...холинским улицам... — Игорь Сергеевич Холин.

прюнелевые туфли — матерчатые лодочки с перепонкой.

...шляпу с резинкой от штанов... — к шляпе, чтоб не спада-ла, пришивали резинку от трусов, и прятали ее сзади под прической.

Сверху вниз:
В. Трауберг и Том;
В. Успенский;
Г. Померанц;
Гномы (рисунок
Н. Трауберг, 1960)

фаунтлеройская — герой романа Френсис Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой» (1886).

Свифтический же, но и какой-то другой

платья джерси — трикотажные заграничные платья, их покупали у спекулянтов.

Татический

татический — «Татя» — самоназвание Н. в детстве, что совпало с псевдонимом французского актера Тати — употреблялось в обоих смыслах.

...батюшкиной палитры. — В. писал картины темперой.

страницы классика — Бориса Леонидовича Пастернака.

Антоколя — Антакальнис — район в Вильнюсе.

Мария Пранцишка Чепайтите.

Историко-биографические сонеты

Сонет матушке

ультрамариновая комната — комната Н. в Ленинграде, М. Посадская ул., д. 4а.

Бонвиваны-профессора... — Н. училась на Романо-германском отделении филфака ЛГУ с 1944 по 1949 г., собиралась стать медиевистом.

...резиновая логика травли... — Леонид Захарович Трауберг (отец Н.) в начале 1949 г. был обвинен в космополитизме. В 1950 г. Н. была выгнана за это с работы.

Переезд в Москву... — Л. З. Трауберг с семьей переехал в Москву 12 мая 1953 г. (не давали разрешения переехать два года; когда Сталин умер, разрешили).

Сонет батюшке

...ехал в Москву... — В. приехал в Москву в 1954 г., поступил в МГУ, был исключен, второй раз приехал в 1956 г. и поступил в Литературный институт.

порошок в обертке — вместо таблеток в аптеках продавались порошки в бумажке.

кроткий и темный перс — Тимур Касымович Зульфикаров.

Сверху вниз:

Тати;

Л. Трауберг;

Т. Зульфикаров;

И. Емельянова

розово-золотистый пуховый литовец — Виргилиус Чепайтис.
героиня будущих мемуаров — Ирина Ивановна Емельянова.
Франек — Пранас Моркус.

...на новую квартиру. — в январе 1958 г. Н. сняла комнату в сталинском доме на ул. Горького у директора зала Чайковского.

...муравьевских... — Владимир Сергеевич Муравьев.

...приезду матушки из Киева. — в начале лета 1958 г. Н. ездила в Киев, жила у режиссера И. Земгано, много гуляла, ходила в оперу на знаменитого заграничного тенора.

Сонет Шнупсе

бархатные тяпы — домашние тапочки, которые пижонки носили как летние туфли.

...предварительная уличная встреча... — Н. и В. в первый раз увидели друг друга 23.06.1958 на улице Горького, на переходе возле ресторана «Армения». В. был в узких зеленых вельветовых штанах. Вечером того же дня их познакомили у И. И. Муравьевой.

клиберновское везение — американский пианист Ван Клиберн победил в 1958 г. на конкурсе Чайковского в Москве.

Людовик — прозвище Л. З. Трауберга, которое придумал П. Моркус. И. Сталина он называл «Зудялёнас», К. Прейкшаса — «Бригошаздас», А. Венцлову — «Вензолáfас».

...матушка поехала бы и так... — Н. первый раз поехала в Литву в июле 1958 г. с В. Муравьевым и П. Моркусом.

...Саганку... — Франсуаза Саган.

...«Мошенников»... — фильм Ф. Феллини «Мошенники» (1955).

Сонет всей берлоге

...бесконечной логикой ссоры... — между Н. и В. Н. Трауберг.

...пушкинского дома... — квартира Траубергов в Москве, Страстной бульвар, д. 2.

...началом в рыльном огороде... — лето 1960 г. на даче в Заветах Ильича, Н. беременна М.

...Мадлоши... — Мадлоша — тряпичная кукла Н., которую ей привезла Н. Черкасова из Чехии.

Сверху вниз:
П. Моркус;
В. Муравьев;
Ван Клиберн;
Н. Трауберг
с куклой Мадлошей

Наталья Леонидовна Трауберг

Венок сонетов

Составитель: Мария Чепайтите

Дизайнер: Арина Журавлева

Выпускающий редактор: Петр Лезников

Корректоры: Алексей Белозеров, Валентина Кизило

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,86. Тираж 1500 экз. Заказ № 4404

ООО «Книжные мастерские»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

ООО «Мастерская „Сеанс“»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

+7 (812) 237-08-42

info@seance.ru

<http://seance.ru>

Отпечатано в ЗАО «Типография „Моби Дик“»

191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 44

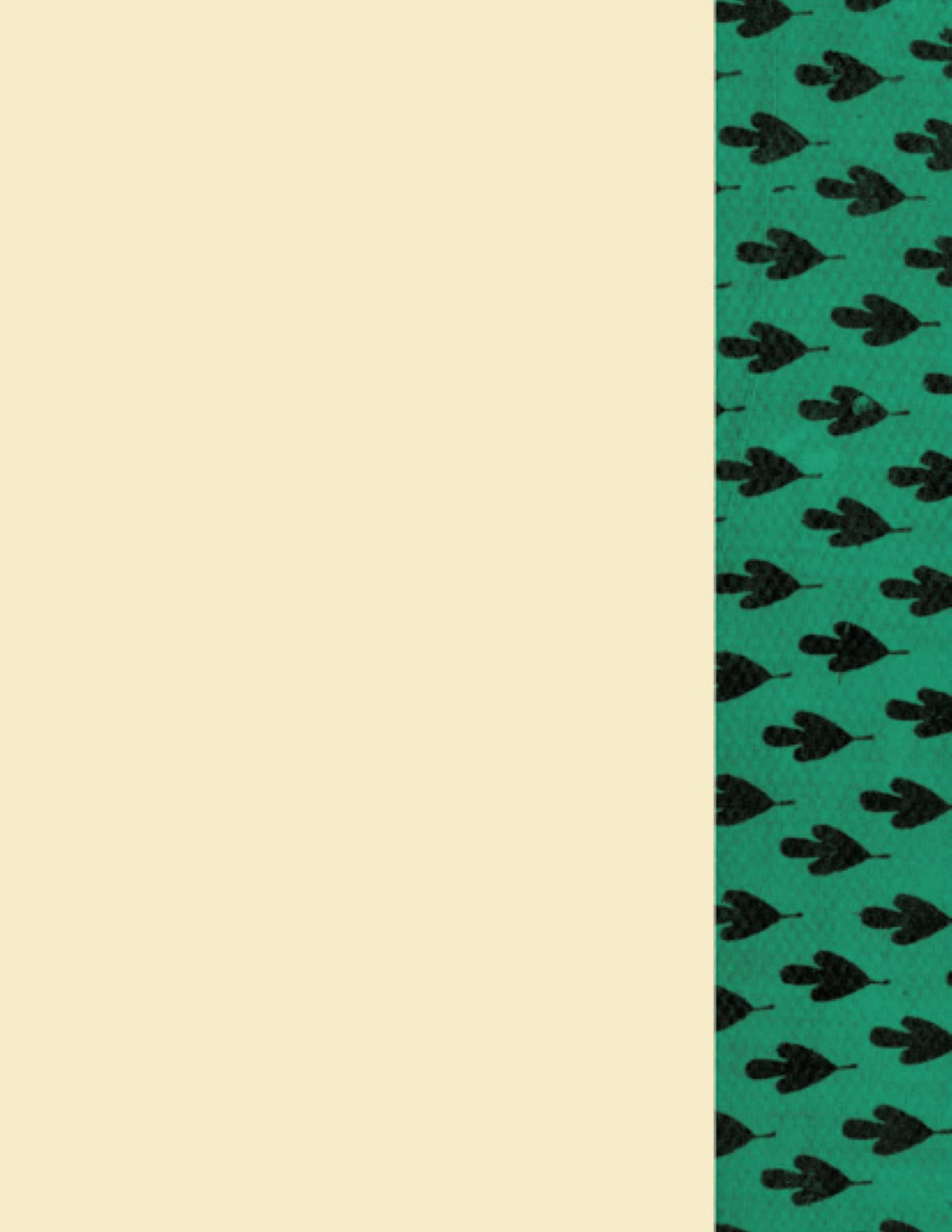
+7 (812) 572-21-21

info@mobyprint.ru

<http://mobyprint.ru>

Наталья Трауберг

ЗАПИСКИ ПАНДЫ

Трауберг Н. Л.

Домашние тетради. Тетрадь вторая: Записки Панды. — СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — 36 с. — ил.

ISBN 978-5-905586-05-7 (Книжные мастерские)

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© 2013 Трауберг Н. Л. (наследники)
© 2013 000 «Книжные мастерские»
© 2013 000 «Мастерская „Сеанс“»

Наталья Трауберг

ЗАПИСКИ ПАНДЫ

«Ёлочка»

СЕАНС

Панда Пинь-Пинь в Московском зоопарке.
1957

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Я и палевая маргаритка. — Леда Джен. — Мы, панды, пингвины и нутрии. — Мисочный салат. — Суп. — Миусские бобры. — *М.М.* и кино-афиши. — Серый бобер.

Сегодня я вышел пораньше, хотел найти маргаритку. По многим данным, палевые маргаритки растут в садике около Седьмой Миусской. Надо пройти до кольца, потом немного потерпеть полосу бобров а потом уже будет городок миусских и тверских улиц. Дело в том, что ни в коем случае нельзя давать алисины сады без перерыва. Сад не сад, если нету дверцы, причем совершенно обязательно сперва ходить вокруг и не разрешать себе туда заглядывать. Примеров тому немало. Так, у леда Джен был забор, за которым жили аристократки. Над забором торчали мягкие — как мы, панды, — но якорозовые розы, слишком большие. Было известно, что такие круглые, приветливые цветы даром не выра-

I

Я и палевая маргаритка. — Леди Джен. — Мы, панды, пингвины и нутрии. — Мисочный салат. — Суп. — Миусские бобры. — Н. Н. и киноафиши. — Серый бобер.

Сегодня я пошел пораньше, хотел найти маргаритку. По многим данным, палевые маргаритки растут в садике около Седьмой Миусской. Надо пройти до кольца, потом немного потерпеть полосу бобров, а потом уже будет городок миусских и тверских улиц. Дело в том, что ни в коем случае нельзя давать Алисины сады без перерыва. Сад не сад, если нету дверцы, причем совершенно обязательно сперва ходить вокруг и не разрешать себе туда заглядывать. Примеров тому немало. Так, у леди Джен был забор, за которым жили аристократки. Над забором торчали мягкие — как мы, панды, — но ярко-розовые розы, слишком большие. Было известно, что такие круглые, приветливые цветы даром не вырастут. Это знают все дети — знаем и мы, панды. Кстати, мне бы хотелось предупредить, что ничего восточного в нас нет. Происхождение — вздор! Мы — теплые и европейские. Наши братья — пингвины, сестры — нутрии. Как ни странно, ни те ни другие по-настоящему в Европе не жили; теперь, однако, живут, очень символично, в маленьких домиках, у самого заднего, привлекательного угла зоологических садов.

Сейчас я занят, буду есть из кремовой фаянсовой миски светло-яркий мисочный салат. Там будут: толстенькие кусочки первой редиски, немножко зеленого лука, крутые яйца очень круглыми кружочками. Французско-красное, ноздреватое белое, нагло-зеленое, рассыпчатое желтое, плотное дрожащее белое и вежливо-кремовое (все залито сметаной). К этому — толстый кусок бурого черного хлеба с маслом. После еды продолжу о поисках маргаритки.

Я позавтракал. Тогда, утром, я тоже завтракал, ел суп. По утрам я ем густые супы. Миску и ложку я люблю так сильно, что иногда прижимаю их к груди, причем миска как раз наполняется мехом¹. Я сам ее мою и кладу сушить на солнце. Вот, позавтракал я густым супом и сел на низкую скамеечку, выпить кофе (юодóс кавóс) и продумать план. По-видимому, там, на месте, не все будет легко, — серьезно думал я. Там плохие мостовые. Домá — всякие. Довольно много двори́ков, где живут завитые серые бобрицы. Им кажется, что маргариток нет, а мою вежливость они принимают за глупость. Причем существуют они попарно, чтобы можно было переглядываться, когда подойдет такой панда. У меня очень мягкие, короткие лапы, их это раздражает. Они любят шершавые кухонные

---

¹ Когда я уже писал эти абзацы, Тумялис подарил книжку, где изображено именно это — панда прижимает к груди миску.

умывальники. Едят все такое, чтобы потолстеть, но главное, чтобы сероватое. Котлеты, макароны, жирный серый суп, макароны, булку, т. н. песок, макаронную запеканку. Колбасу — по признаку тусклости.

Итак, я шел, искал маргаритку. Сперва, когда я вышел, я смотрел не на землю, а на окна и на афиши — все равно до Миусс никаких маргариток не будет. На афиши смотреть хорошо, они гномичны. Мой близкий друг *Н. Н.* говорила мне, что у нее всегда важные происшествия отмечаются в афишах. Сильнее всего это проявляется в нашей большой штуке, которая висит на кино. Когда *Н. Н.* много плакала летом 1956 года, там висела женщина с носовым платком; когда она очень болела весной 1958-го, там был доктор с пробиркой; когда она приехала с так называемым Батюшкой из Литвы, там весь первый сентябрь были плакаты на любовные темы. Да, забыл: в начале 1953-го висел серый искаженный погромщик, а в день, когда все переменялось, — 4 апреля, кажется, — появилась надпись «Мечта сбылась». Перед самым появлением друга моего Тристрама кино закрыли и плаката не было. Мы все перепугались, однако в газетах появилось объявление, что там все равно пойдет картина «Ваня»², постановка Шульмана. Тристрама, как все вы помните, принимал именно Шульман. И не далее, как на прошлой неделе, когда семья *Н. Н.* опять приехала из Литвы, там повесили картинку — папа обнимает белобрысого Шнупсу; она и сейчас висит. Следует, однако, заметить, что гномы, управляющие этим делом, сильны и приятны³. Когда повесят что-нибудь нехорошее — пограничника с большой собакой, шнипаса в шляпе, военное что-нибудь и вообще, — они не пускают.

Маргаритки мне очень нужны. Я знаю, как трудно найти именно маргаритку, но ведь гномы на моей стороне. В последнем номере «Пшекруя» — он вышел после начала моих поисков — на обложке помещена значительная тетка с маргаритками. Я благодарен гномам за такой знак, хотя и сам, без них, понимаю, что время выбрал правильно.

Итак, еще раз — иду я, иду, и вижу большого бобра. Он прислонился к столбику; а мне обязательно надо самому прислониться — тут первый привал. Совершенно точная треть пути. Если бы прислонился я, в конце улицы Чехова было бы розовое и лимонное, недостижимое Небо в Конце Улицы. Купол был бы виден, и блестел бы светло-золотым. Рядом, в будке, продавали бы предварительные цветы, даже, может быть, розовые маргаритки (шелковые). А так он притягивал все не-круглое, ходили люди с неточными лицами, машины ехали плотно, ни

---

² По-видимому, имя Ваня тут следует понимать, как «мальчик» (ср. «Иван» в значении «взрослый русский»). Гномы недоучли, что Шнупса не вполне русский. Хотя, возможно, они имели в виду, что он рождается в России.

³ Были и другие случаи.

одной яркой и ни одной кубической ( )⁴. Идти дальше не было никакого смысла. Я сделал вид, что просто шел к Женечке, свернул на Дегтярный, дошел до Воротниковского, посмотрел на дом Людмирской и подумал немного о превратностях судьбы (схему приведу дальше). К Женечке не пошел — все равно в музей — и вернулся все записать и съесть двенадцатичасовой салат. Придется идти завтра и другим путем.

II

Механические действия. — Цвета. — Пьеса о Боре Успенском. — Людмирская. — Кубы реальности. — Сомнения. — Куб настоящего.

Погода сегодня с утра была хорошая, препятствий не было. Я помыл миску и ложку, поставил на солнце и пошел. Как ни странно, я машинально повторил вчерашний путь: от киоска через дорогу к Пушкину, от Пушкина к нашему кино, весь тротуар мимо «Известий» и за угол. Таковы мы, панды. Много делаем чисто механических действий. Но, в отличие от бобров, мы поступаем так только по врожденной задумчивости. Задумаемся — и делаем чисто механическое действие.

На улице Чехова обнаружили разные цвета. Мостовая была темно-серая, как слон или чемодан. На таком фоне расположились цвета посветлее. Домики были совсем бледно-желтые — в сущности, палевые, — и я сразу понял, что это добрый знак. У театра были даже белые, как пастила, колонны. На самом углу, где я его огибал, были детские, очень покладистые, красноватые крыши — длинные жестяные полоски. Такие крыши особенно хороши, когда высыхают. И, конечно, ездили автобусы и троллейбусы. Спереди они показались мне похожими на скотч-терьеров. Доказательства: сосредоточенный, кроткий взгляд и весомая кубичность. Но это впечатление может оказаться мимолетным и субъективным; надо проверить еще раз, когда не буду спешить. И вообще, не это главное. Речь идет о цветах (*couleurs*, а не *fleurs*), а цвета у них совершенно ясные. У троллейбусов низ — школьно-синий, у автобусов — красный, которым красят игрушки; верх — сливочный. Синий и красный — классическое соотношение, точно соответствует «мужчина и женщина», «кошка и собака», «котлета и картошка», «писать и читать», «юбка и кофта», «арифметика и русский» и многим другим. Такие Главные Простые Пары⁵. Задумавшись о Простых Парах⁶, я свернул на

⁴ Имеется в виду «фиат 1100» или «фольксваген» — *Примеч. изд. «Ёлочка».*

⁵ На границе бобра, однако слишком Главные, чтобы туда сползти.

⁶ Р. С. К моему глубокому огорчению, Успенский-старший не понял — он принял Главные Простые Пары за бобровые штампы и привел пример: «идейно-художественный!» Номиналисты, семантики, густой холод, стена...

Старопименовский. Снова дошел я до угла Воротниковского и задумался уже о другом. В сущности, именно здесь, на маленькой тесной сцене вот этих переулков, в специальном, квадратном, кукольном городе между улицей Горького, улицей Чехова, Садовым кольцом и Пушкинской площадью происходили важные вещи. Года три тому назад — нет, больше, еще летом 1956 года — мы шли с *Н. Н.* и Колей Томашевским, несли Женечке клубнику и какой-то мне ненужный крепкий напиток. Мы ходили туда часто, писали пьесу про Ельсслева, Бору Успенского и крокодила⁷. Об этой пьесе — она сыграла в моей жизни довольно важную роль — я, если вспомню, расскажу дальше. С настоящими событиями она почти не связана.

Я дошел до перекрестка, где Старопименовский встречается с Воротниковским. Передо мной, слева, были тонкие черные деревья, а справа был дом, где живет Галя Людмирская. Он слишком велик для этого кукольного угла, но в нем столько стекол, всяких окон, витрин, полосок и касс, что он становится огромной, широкой коробкой — стеклянной и серой коробкой для игрушек. Однако сама Людмирская на игрушку не похожа. Она похожа на популярную героиню Гриммов. У нее черные волосы, белое личико, красное тоже что-то есть — может, иногда красит губы? Нет, скорее — не красит. Но дело не в этом. Она ведь не знакома ни с одним пандой. А в городе, где она живет, игрушки сложены в ящик.

Она не знает меня, она ничего не знает, у нее нет панды. Как скучно без панды, сколько лишних будничных дел, и как мало разгадок! Она проходит по серенькой улице Чехова, толково себя ведет в магазине без продавца и не помнит, что в кафельных, толстых молочных веселые добрые звери едят бесплатный салат⁸.

Я удивился. Почему я стою, думаю ритмической прозой, и при чем тут, собственно, Галя Людмирская⁹? Неужели я обобрел и вместо синтетической реальности панд вижу разбегающуюся реальность людей? К сожалению, все обстояло именно так. Прозрачные кубы¹⁰ кукольного города никак не совмещались. В одном из них была весна, прозрачные тонкие деревья отражались в круглых лужах, и *Н. Н.* в сером пальто вежливо беседовала с чужой собачкой¹¹. Другой был желтоватый, вроде светлого желе, и все мы сидели на низеньком каменном низе ограды напротив Женечкиной кафельной башни; сквозь нежное вещество желе хорошо проникали шутки на изысканно-литературные темы (в желе звуковые волны особенно приятны). Пармский прохладный воздух составлял третий куб; его видели из окна в то предслужебное время (под вечер тоже), однако

⁷ Потом, естественно, Б. Успенский поехал в Данию.

⁸ Думаю, не салат, а сливки с круглыми ягодами. Ах, форма, форма!

⁹ Как выяснилось позже, у Г. Л. панда есть.

¹⁰ Возможно — параллелепипеды или усеченные пирамиды.

¹¹ Старопименовский пер., д. 18, начало апреля 1955 г.

проникнуть в него не удалось никому. Воздух такого цвета бывает только в окнах, и никому еще не удалось, заметив его за белой рамой, не полениться и, мелькая ногами по лестнице, выскочить прямо в него. Другие кубы реальности были гораздо печальней; в одном из них мы шли от Женечки с Колей, и я благородно гладил прекрасную даму по холодной ситцевой спине. Вопреки законам геометрии панд и нутрий, кубы не совмещались, туго выскакивали вбок и наверх; а толковый, абсолютно прозрачный куб молочной кухни, светлого асфальта и гриммовских (бело-красно-черных) афиш плотно стоял. Я совершенно отчетливо видел, как легко ему побеждать беспомощные кубы Будущего и Прошлого.

В таком настроении маргаритку искать нельзя. Придется пойти в среду. (Завтра иду посмотреть «Римские каникулы».)

III

Героизм Тумялиса. — Мостовые. — О свободе. — Бульканье. — Лавка. — Беседа с бобрицами, чувство виноватости. — Импрессионистский компот. — Н. Н. и пасхальная неделя 1957 года. — Гномы и дом.

«Римские каникулы» не смотрел, билет(а?) не достали. Зато приехал Тумялис, пришел вчера ко мне. Сколько народу ходит ко мне теперь, когда признали панд! Правда, Тумялис ходил бы и раньше — он признавал бы панд один, даже под страхом увольнения.

Сегодня утром я вышел из ворот и свернул налево. После тех, неудачных, попыток стало совершенно ясно, что идти надо по улице Горького. Так я и пошел. До Маяковского было все просто; я никого не толкнул, не пятился, почти не извинялся, и меня мало толкали. У перехода копают туннели. Один уже прорыли, а второй роют и роют, что-то им мешает. Все это очень хорошо, а то жалко смотреть, как бедная *Н. Н.* стоит на берегу мостовой и ждет, не появится ли хоть один человек с не-жестоким выражением лица. Я перешел смело, машины панд не давят. Для нас всякая улица — как чистый деревянный пол после детской болезни. О чувство легких лап, свободного мягкого бега!

Я свободен — другими словами, я могу идти до самого конца улиц, где улицы переходят в поле, и небо становится розовым, а воздух прохладным. Трава и земля еще не остыли, но самый кончик улицы уже холодный — надо бежать домой, и у порога будет почти темно и слишком холодно босиком. Свобода станет ненужной — густым веществом за окнами, отсутствием границ, изменой. Все добро мира мягко светится в доме, светло-алый и незабудочный сок сгустился в кубики желе, но все это пока что не имеет ко мне отношения, потому что — не вечер, а утро, и иду я не после домашней, набитой логикой, ссоры, а после весомого супа и низенькой светлой скамейки.

Кроме того, это чувство Слишком-Далеко-От-Дома-Рядом-Краюшек-Земли-Где-Выглядывает-В-Остроконечном-Колпаке-Мама-Была-Правда — к делу совершенно не относится. Я пишу не повесть, а хронику, и нечего тут вдаваться! У меня в то утро такого чувства не было.

Но я об этом подумал — Поэтому все это было¹².

Я шел и смотрел по сторонам. Стояли дома. На Третьей (?) Тверской-Ямской, справа, стоял волшебный дом Союза Композиторов. Внутри переливчато булькала музыка, и я облизнулся, не оборачиваясь, представив себе мадлош в толстых, как розы, кринолинах, на винтовых лакированных стульчиках. Облизнувшись, я повернулся. Дом был ободранный, как туша, слишком высокий, слишком широкий, и совершенно немыслимый. Таких домов нет. «Все дома — такие, каких нет», — подумал я и снова упрекнул себя за декадентство. Однако ступать стало труднее. Серые и кирпичные выступы дома отрицали утренний вкус воздуха. Я уткнулся в барьер серой, лавочной пыли, провинциальной замутненной среды. Я отфыркнулся и пошел — мягко и мужественно — сквозь вещество. Я очень гордился и шел, дошел до угла, увидел керосиновую лавку, потопал лапами и совершенно не мог вспомнить, куда и зачем я иду. Под лапами был асфальт, но в то же время как бы и булыжник; на тротуарах стояли тарелки с сероватой и обмокшей жареной рыбой; бобрицы у лавки говорили о керосине; в бывшем Доме Композиторов открыли семнадцать контор с досчатыми полами; стало пыльно и холодно. Я понял, что никаких оснований у меня нет, и нечего лезть, куда не звали. Вообще, утром надо на службу идти — тут подошла молодая бобрица.

Бобрица на меня посмотрела и позвала сообщниц. Лопаясь от виноватости, я начал само-апологию¹³.

---

¹² Усилием воли запрещаю себе писать, а то можно Бог знает куда забраться!

¹³ БОБРИЦА: Вы что, медведь будете?

Я. Простите пожалуйста, я, знаете, тут иду, потому что, простите, у меня живут хорошие знакомые... а можно было идти слева... а я должен был зайти в магазин... 17.90 полкило... а такая, знаете, она кандидат.... (от виноватости я заискивающе смотрел им в глаза, но они глаза отводили и сурово молчали).

БОБРИЦА 2. Это теперь, наверное, модно, фасон (произносит несколько странных слов, все хохочут).

Я. Понимаете — хе-хе-хе!.. — так удобнее — а если привязывать хвост к боку, то гораздо ведь, в сущности, труднее и противоестественнее.

БОБРИЦА 3. Да уж, удобно! Вообще не понимаю, такой он вроде скромный, приличный, а эту ихнюю моду перенял!

Я. (объяснения, логика)

ХОР (уклончиво). Бывает, бывает...

Апология вышла не совсем. В конце концов я подробно объяснил, почему мне, в сущности, уже не надо к кандидатам, и заверил, что у меня двенадцать метров площадь, а свободен я в такое время, потому что работаю в вечернюю смену. Четыре бобрицы меня простили, одна даже очень полюбила и прослезилась, а одна повернулась, не дослушав, и пошла в керосиновую очередь. Там она стала другим про меня рассказывать, и четыре тяжелых старухи пристально на меня смотрели, а ей при этом лениво кивали. Тут я больше не мог, еще раз шесть извинился, и задом — чтобы их не обижать — вышел к обновившемуся Дому Композиторов¹⁴.

Там я долго сидел, постанывал и думал о таких вещах, о которых здесь и сейчас писать не хочу. Мадлоши играли и булькали.

Когда я вышел на улицу Горького, солнце, по неизвестным причинам, было передо мною. Я шел в импрессионистский вечерний золотистый компот. Но поскольку я шел лицом к своему дому, компот был не вечерний, а утренний¹⁵. Вообще, все это очень сложно¹⁶.

Минут через двадцать я был дома. На лестнице было сыро и свет опять не горел, только в маленькое окошко на первой площадке сочилось что-то темно-серое. Я бежал очень быстро, отскакивая пятками, скорее психастенически спрятаться в квадратную комнату, к себе.

Гномы встретили меня приветливо. Толстая фаянсовая миска стояла на круглом столе, булькал синий эмалированный кофейник, мандариновый теплый воздух был прозрачен.

IV

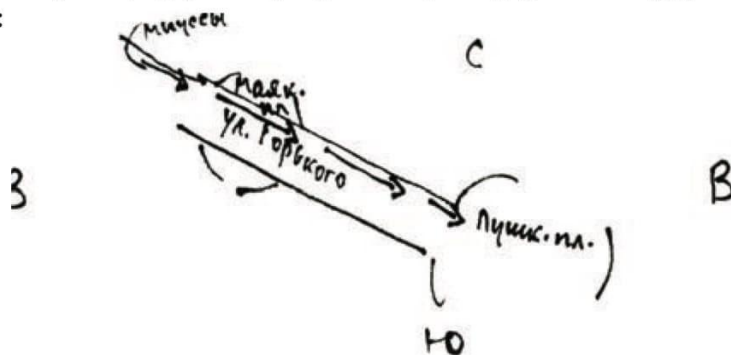
Времена года. — Прага, Вильнюс и несколько образов в защиту реалистов (средневековых). — Гурзуф. — Девяностые годы. — Немного о ежах. — О лени. — О жалости. — Комильфотные бобры.

Сам не понимаю, почему уже месяца три не могу выбраться из дому. Может быть, я ждал конца весны — в сущности, гораздо логичнее идти летом. Можно

¹⁴ Обновился он потому, что теперь он был по эту сторону барьера, а здесь он и не менялся.

¹⁵ Выпускаю раздел о том, как *Н. Н.* шла этой дорогой на пасхальной неделе 1957 года, думала о баронессе Марии Фредерикс и увидела сзади Лидку, ныне Пердухину.

¹⁶ План компота:

бы идти и весной, но тут весны нет. Когда я жил в доме с белыми колоннами и круглым входом усадьбы южных штатов, я узнавал о Временах Года из нежных немецких книжек. Картинки были на двух страничках, поперек — широкое маленькое окошко в розовый мир универсалий, Времена Года как таковые. Белый и розовый каток обозначал Зиму, хоровод на светлом лугу обозначал Весну, Лето было густым и медовым садиком, а Осень — круглой горой и сбором черного винограда. Зиму и Лето я узнавал. Они были немного реальней настоящих, как и подобает Реалиям. Осень была странная. Черное светящееся вещество винограда, сгустившееся из очень темно-красного, относилось не столько к осени-на-даче, сколько к тоненьким опилкам и белой скатерти в преувеличено тихих комнатах по приезду в город. Но, в сущности, раз виноград привозили — значит, его и собирали, так что в какой-то щелке измерений такая Осень была. Потом, к счастью, оказалось, что есть еще одна, соперничающая, Осень — охотниковая, дубовая, бронзово-лимонная и светло-серая (небо). Это совсем подходило, и я успокоился.

Труднее было с Весной. Я не хотел и не мог привыкнуть к слишком готовому майскому лугу и подставлял светлые толстенные почки, красные веточки, светлый асфальт, классы на плитах, огурцы и сверкающие пылинки на черных, сильно нагретых, тяжелых пальто. Это все было нужное и совершенно особенное, а луг дублировал Лето и смысла не имел.

Реалия всего — правильная Средняя Европа — круглые, как паштет¹⁷, горы — и город как таковой — опять же реалия Города — Вильнюс на севере или Прага на юге!

Потом есть чуть ниже — у самого входа в грустную антистрану масляных и лакированных субтропиков: трава и цветы в апреле на низеньких крымских горах, мирные палевые овцы и тоненькая граница в траве, за которой гномы, по-видимому, почти теряют силу. Такая же граница, по некоторым данным, проходит в Швейцарии, и дальше говорят по-итальянски.

Всю Весну я лежал на клетчатом пледе — читал журналы правильных и уютных девяностых годов. Толсторукие томные дамы с распущенными волосами обнимали лошадей и поливали цветы. Другие дамы, бюстатые, гуляли с детьми¹⁸, а дети несли серсо. Мужчины тоже знали, что к чему, — Соловьева они не читали, а Белый и Блок еще учились в гимназии. Было позитивно и тихо, однако — и гномы не дремали. Они отдыхали. Волны временно приутихли, и мир

---

¹⁷ Я имею в виду запеченный паштет XVII века, который едят на тяжелом дубовом столе в сверхпрозрачном сверкающем осеннем воздухе, с горьковатым вином, под широким, разлапистым деревом.

¹⁸ Первые дамы — поэтические.

был совсем похож на реалию, которая — как ей и полагается — правильной зыбкого дрожания и бледных огней¹⁹ следующих двух десятилетий. Но между этим пустым макетом и прекрасной реальией мадлош и фей стояла толстая стеклянная стена, сквозь которую и сейчас мы все еще не все и не совсем прошли. Правда, было и тогда — в детских книжках, конечно, где доверчивые Фаунтлерои обезоруживали кротостью сварливых Плохих Людей.

Я, как и все достойные снисхождения панды, много лежу и много думаю. Лицо у меня при этом неприятно меняет очертания, появляется что-то неуловимо лишнее, исчезает точность кукольного театра, и нивелировка бесформенного Большого Города затрагивает даже меня. Но тут, собственно, это не столько от Города, сколько от лени. Лень — большое достоинство. Ленивый панда (или человек) — мягок и снисходителен. Комильфотный пронзительный блеск в глазах у него появиться не может. Он по праву относится к виноватым, нищим духом, к домашнему, защищающемуся миру усталых сотрудниц ВГБИЛа, чадолюбивых завмагов, Магдалины, Мышкина и придуманного интеллигентными сотрудниками ВГБИЛа Вана Клиберна. Это очень правильно, я это действительно знаю — и что-то тут не так. Где-то не заметишь, и начинается бурая глухота запоров, одутловатость, противный привкус парадного второго²⁰ или бесформенных, не ограниченных больничных разговоров. Такие вещи — отвратительны, они-то и есть Зло. Добро, естественно, — вскочить, растираться холодной водой и от счастья есть на солнечной кухне, на клеенке в ягодах и гномах; вовремя все убирать, точно работать на белых листах бумаги. Таким образом:

<i>Зло</i>	<i>Добро</i>
комильфотность	снисходительность
непримиримость	виноватость
НО	
<i>Зло</i>	<i>Добро</i>
пере...	факирско-конфуцианский (!)
без формы	однако <u>акмеистический</u> порядок

Как-нибудь, в свободное время, я пойму, как соединить (и надо ли соединять) эти два основных разделения мира²¹.

¹⁹ *pale lights* (см. Autobiography, где Честертон говорит о Йейтсе).

²⁰ Жареное мясо, густой соус, подозрительная картошка, но до этого еще были майонезные энтремесы под водку и крепкий, как моча, бульон с жирными пирожками.

²¹ Некоторую ясность вносит гл. IV книги «Св. Фома Аквинат».

Итак, я вскочил, вымылся под холодным душем, растерся, потоптался, приготовил мисочный салат, вымыл орудия готовки, положил на сушилку, съел салат, читая Диккенса, вымыл миску, вытер клеенку, поправил предметы на полках и в передней и пошел по делам.

Недалеко от дома, у кино, стояли недобрые цызи. Теперь они знают, что надо гримироваться под затерзанных и умоляющих о пощаде, но толку мало — потому что с трудом отысканные тунеядцы не больше верят в душу, чем прежние мордатые из отдела кадров. Они, цызи, и правда злые — но жалеть их надо.

Жалость, соловьевская добродетель, мне помогает и мешает. У нас, у панд, благоговение и стыд как-то ни к чему. То есть благоговение само собой разумеется; а стыд — вообще неясно, почему обязательно стыд. Жалость, добродетель гномов, хорошая и главная вещь, и от нее хорошо, но ведь:

- 1) из робости не смеешь подойти и топчешься, хуже злых;
- 2) чиновники нас не любят и, если пойдешь похлопотать, только хуже сделаешь.

Ах, Господи, я же знаю, что не это главное, а надо виновато улыбаться тем, кто потише и боится перейти дорогу, незаметно гладить обиженные камни, поднимать перышки, чтобы не затоптали, выбирать переулок без мостовой, просить помощи для нелюбимых платьев и пристраивать их, как котят, в хорошие руки!

Мешает жалость только потому, что времени уходит много. Перьев слишком много, дети ездят — дела на каждом метре, и насекомых поднимать, и вообще надо очень зорко смотреть, а мы, панды, рассеянны.

В сущности, зачем мне маргаритка? Все равно не простят, и я должен снова — в который раз — понять, что кое-как разрешат только отсутствие неприятностей. А счастье активное — нельзя. Сколько раз меня били по морде, и все мало! Неужели нельзя понять, что и за это спасибо, спасибо и еще раз? Пока что, стоит мне хоть на секунду ослабить запрет, поверить и разрезвиться — подтянутые, безжалостные дамы удивятся мелодичным голосом, и станет еще обидней, чем от бобриц с керосином.

ПРАВИЛО № 1

Если нарушил слово, или нахвастался, или не дал говорить другим,

Или не смог в гостях скрыть, что очень расстроен,

Или чрезмерно резвился —

Это все хорошо.

А вот если осудил другого, особенно — *за такие вещи*, —

Снисходительно посмеялся, пожал плечами, нарочно пугал,

Или сделал страшное дело, которое у бобров называется «осадить» и «поставить на место», —

Прощенья тебе не будет.

Правило это абсолютное, главное, но пока я не встретил еще ни одного зверя или человека, который бы его придерживался. Остается предположить, что оно открылось тем, кто писал книги, и мне. Пользуются им, опять же, в счастливом мире эпилогов и у меня в гостях. Я помогаю, если кому не дают говорить, или не отвечают, или собираются сечь — но толку все равно мало, потому что примерно к середине *soiree* сечь начинают меня.

Итак: для всего остального мира (то есть кроме гостей и эпилогов) надо придерживаться других, неправильных правил, а именно:

никуда не ходить;

никого не звать;

если что спросят, 1) врать, по возможности повторяя целиком последние слышанные тобой ответы знакомых, 2) молчать с максимально идиотским видом.

Тем самым, нужно сидеть дома. Правда, не выходя и никого не видя, даже поесть себе не достанешь, но в магазинах — чужие, там легче все-таки. И дома стоят предметы. А предметы — живут в том мире, где любят жалость²².

Ну что ж, пойду домой. Бог с ней, с маргариткой! По дороге, кстати, обдумую, чем заменить.

---

²² Из «Мудрости бобров»: «Я лично (фырк!) не выношу, когда меня жалеют! Унизительное чувство!» (вар.: «Жалость унижает бобра»).

уловки да отговорки, я не причесама, я нефотогенична, я то я сё, вволокли в кабину, придерживая руки, чтобы волосы не приглаживала да не пыталась причесываться. Я всегда бобрино выхожу. Ну-ну, коли что, порвем. Рвать нелёзя. Ну, тогда не возьмем пусть на выставку выставляют.

И вот вам результат:

ЯНВАРЬ
1960
СРЕДА

6

© Восх. 8.59
Зах. 15.13
Долгота
дня 7.14

Совсем как на вяковских карточках, сказала мать. Я как всегда фотогеничен, сказал отец. Ой, какая я смешная сказала мать. Я тоже ничего, сказал отец.

Страница из семейного самиздата В. Чепайтиса и Н. Трауберг

Но вообще оба остались довольны, даже говорили, что есть приятность внезапного взгляда.

Н. Трауберг.
Москва, Страстной бульвар, 1958

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ч А С Т Ь   В Т О Р А Я

У

Замены. - О стихах. - О цветах. - Еще об еде.
- О пленке. - Сомнение. - В который уже раз о
стенце и паснике.

Заменить есть чем. Еще с юности меня учили, что тут, среди импортных пледов, свитеров и т. наз. лаконичной мебели, очень много хорошего. Так приятно у них все выходит. Салат тоже едят, пьют сухое вино, много апробированных рассказов про Эйзенштейна. Конечно, никто не решится прямо сказать: "Благ Божий мир" - безвкусно как-то, но на самом деле знают, что домработницы домработницами, зависть завистью, колкости в гостях - колкостями, недостаточное количество кафе - им же, а жить приятно, трезмерно так, чистенько. Домработницы, в сущности, за пределами счетов - не моятся целиком каждый

V

*Замены. — О стихах. — О цветах. — Еще о еде. — О пленке. — Сомнение. —
В который уже раз о слепце и пасынке.*

Заменить есть чем. Еще с юности меня учили, что тут, среди импортных пледов, свитеров и т. н. лаконичной мебели, очень много хорошего. Так приятно у них выходит. Салат тоже едят, пьют сухое вино, много апробированных рассказов про Эйзенштейна. Конечно, никто не решится прямо сказать: «Благ Божий мир» — безвкусно как-то, но на самом деле знают, что домработницы домработницами, зависть завистью, колкости в гостях — колкостями, недостаточное количество кофе — им же, а жить приятно, трехмерно так, чистенько. Домработницы, в сущности, за пределами счетов — не моются целиком каждый день, подмышек не бреют, говорят неправильно. Зависть не такая уж большая, все равно ведь знаешь, что у тебя все лучше. А колкости можно очень хорошо парировать, лучше всего — подчеркнуто наивным тоном (есть и другие способы). Зато уже так много приятных изобретений, то для мытья, то для обуви; такси все больше, пледы немецкие появились, есть английская промышленная выставка. Туда пойдешь, сюда, — никаких даже пивных почти нет — этих окошек в низший мир, кружек для бытового, страшно сказать чего, и пены подозрительного цвета. От выставок остались стеклянные павильончики, планочки, сосиски на бумажных тарелках, гигиенические вощеные стаканчики, и кофе выскакивают повсюду.

Я тоже это понимал, только слишком радовался, как в игрушечной лавке или после болезни, и не употреблял авгурских слов²³. Потому, естественно, постановили, что я не умею радоваться — «так трагически воспринимает жизнь» — да, эта его истерическая религиозность, ну и, знаете, как у них, упивается страданием — достоевщина, — так и в католичество перейти недолго, изуверство (брезгливо морщатся). «Мне кажется, Федор Михайлович был, скорее, против католицизма», — сказал с вольтерьянской улыбкой образованный сценарист. «Ну конечно! — всполошились дамы. — Он же такой гуманист!» Слава сценариста укрепилась. Еще долго будут рассказывать в гостях, что он буквально все знает, недурно бы этим молодым поучиться.

---

²³ 1) Типа «лаконично», «нашего профсоюза», «наив» и, страшно сказать, «придумка».

2) Я слишком любил предметы, гладил их, трогал и жалел. А потом еще больше жалел те, что были раньше. Это уж черт знает что! — те, как всем известно, жалеть не надо. Не убрали бы те, не было бы этих; кажется, понятно! И вообще, прогресс. И нечего выпендриваться. Не умеет себя вести. Вы знаете, эта экзальтация вызывает у меня брезгливость. Неплохо и «сентиментальность вызывает у меня...», «слюнявая сентиментальность...» и др., и др., и др.

А может быть, они не говорят насчет Божьего мира не из хорошего вкуса, а потому что не знают? (Нет, панда, панда, мало тебя секли! Как это так не знают? Ты, значит, знаешь, а они вот не знают? Почему это, собственно? Чего ты в жизни добился? Они-то признанны, а у вас что? Этот вот нынешний анархизм, все эти молодые отрицают. Что ж ты, считаешь, все, кроме тебя, дураки? А если даже дураки? Тем более. Значит, сумели себя поставить. Про умного всякий скажет, а вот если дурак, и все-таки говорят...) Нет, простите, я... то есть я... то есть про умных не всегда... (Ну вот именно. Вот ты вот — кажется, умный, а кто про тебя скажет? Я и говорю.) Так странно... напечатать — наверное, получится то самое, что в книжках мещанская мудрость... Но ведь как скажешь? У них так все обкручивается, сразу докажут наоборот. И потом, кто они, дети, что ли, или панды какие-нибудь, чтоб мерить по книжке? Да, а главное — обидятся. Когда я говорю, как-то особенно сильно на меня обижаются. Может быть, потому, что я особенно стараюсь не обижать.

Так думаешь, думаешь, и плоды посереют, и в гости идти страшно. Тогда можно сделать переключение где-то в животе, как будто немножко ярче (или наоборот) стала лампочка после утюга, и тут же другой Единственного Хорошего Вкуса мир, этот уже почти совершенно всеобъемлющий. Правда, и тут надо в гости, но предполагается, как будто куда ни придешь — знают. Куда ни ткнись, все так знакомы с Борис Леонидовичем, и «знаете, Зинаида Николаевна сейчас больна» — «А у Надежды Яковлевны» — «А в прошлый раз Анна Андреевна» — молитвенник очень старый купили — Габричевского вчера видели — но и даже Клее, и Руо — а из Франции прислали. Как хорошо это было, как я не смел поверить. «Вы и это знаете? И у вас это так?» — «Вот, вот именно...» Нет, мне лучше не ходить, сам же писал в той главе. Буду сидеть у себя.

Я же знаю технологию счастья. Вот подмел любимый ковер. Это очень важно. Одно из самых важных. Даже удивительно, как важно прибрать. Теперь сразу, не разлеживаясь, побегу резать то да се для моего салата. Леночка Васильева тем и пробавляется — нарежет салату, и все хорошо. Вот и я пойду овощей нарежу, яйцо сварю и переберу все, что узнал за всю жизнь безусловно хорошего. Например, повторяю, уборка комнаты, прибирание в шкафу.

Потом, есть стихи.

Один томик — розоватый, как коктебельский камушек или лежалая семга, подсохшая по краям, но еще и чешуйчатый, сотами, потрескавшийся (Чешуя, Соты, Кора — мандельштамовские категории).

Другой — кубически-трехмерный, чистенький, как комната монашки и дамы.

Третий — прохладно-серый, а бумага в нем очень белая, как воздух или синтез всех других цветов; или как детский снег на дворе, или кисея, или бинт.

Есть и кипы неизданных.

Что же делать со стихами?

Переписывать в сотый раз — читать про себя, читать друзьям, — стараясь не замечать, как они ерзают, — дарить, постыдно и жалко улыбаясь? Странные какие-то все люди! — Мне бы дарили и читали, я бы спасибо сказал.

Есть коробка с красками и даже тюбики — реалия цветов, последняя сущность.

Можно делать веселые жирные мазки чистых красок. Известно, что так не делают, у взрослых не полагается — в их трехмерном мире вынесено за скобки, что краски надо смешивать, чтобы погрязней.

Так и со всем у них, а сказать нельзя²⁴.

Наконец, есть еда.

Бывает горячая и грубая картошка в мундире,
черный хлеб,
холодное масло,
соль,
жирная истекающая селедка толстыми кусками,
разваливающееся вареное мясо плюхается в большую миску,
в маленькой миске нарезан белый лук со сметаной,
кто хочет, пьет и водку, очень прозрачную.

Бывают первые огурцы,
много жареной корюшки,
тоненький воздух Петроградской стороны в открытую форточку,
редиска,
салатные листья.

Бывает густое темно-разноцветное варево из баклажанов,
красный перец,
большие помидоры,
еще в миске поменьше варево из фасоли,
орехи
и сухое вино.

Бывает кофе со взбитыми сливками и прилежно растертым гоголь-моголем,
мягкий мокрый торт,
твердый шоколад.

И еще бывают разные вещи, все хорошие.

---

²⁴ Из юношеских стихов Панды (отрывки): «...И не стыдно — делать из этого тусклое? Вот так же из Божьего мира».

Как-то лаконично я написал про еду. Не в хорошем ихнем смысле (по-авгурски «... плане»), а в самом плохом.

Ну, ничего. Это все чепуха, только бы отпустило. Слезла бы пленка, обманывающая так давно и так много людей. Конечно, когда все такое, и не догадаешься о сотворенном, раскрашенном, объемном мире. Суп какой-то. Я потоптался; порядок в комнате вроде был, а соразмерности — нет и нет. Может быть, упаси Господь, они правы насчет условности видимого нами облика предметов? И действительно ведь, если Универсалий нет, тогда все правда — и про колебания, и про цвета, вся эта гадость. Значит, правы!.. нечем мерять, ничего не значат чистые краски. Ну а стихи как? Я привычно опустил на пол около шкафика, где они все стоят на второй полке снизу, поперебирал и взял одни, напечатанные на машинке бедными московскими мироносицами. Сидел я на полу долго, часа два. За это время звонили и Женечка, и Успенский, и даже из издательства, но я каждый раз приходил обратно, сразу забывал и садился на пол. Как я люблю сидеть на полу, еще не кончив уборку, в безвредной эйфории кофе, работы и порядка! Но сейчас не получалось. От кофе стало кисло и зачесалась левая лапа, работы не было, а порядок не помогал.

Я вышел в коридор. Было слишком невыносимо. Оказалось, что я не могу притронуться к рождественской плоской коробке — я не могу открыть *n*-мерный мир, который, как я всегда знал, разместился между самодельными коричневыми обложками. Хорошо, если просто буду плакать — а вот если не буду? Ну конечно, я знаю, что это затрепано по Коктебелю и поливановско-габричевским безукоризненным чаепитиям, и даже ВГБИЛовские голодные козяки примерно года с пятьдесят восьмого считают своим долгом. Что ж тут поделаешь? Они давно и легко взяли мои набитые непереваренным просом кровавые сгустки — за что-то им полагается, нужнее, значит. И вообще, я ничего не пойму, я не умею ходить втроем по тротуару, всегда меня незаметно выпихивают назад. Смирение мое — некрасивое, доброта — никому не нужная, формы нет, *ridicule*.

Тогда появилась и осталась надолго серая пленка керосина, еда потеряла вкус, краски смешались сами собой и стихи закрылись.

VI

Издательство. — Кофе и псевдовдохновение. — Зеленоватое желе. — Приметы немистические. — Обиды.

Я пошел в издательство. Лучше всего работать — вот как пишут эти, которых спросили в двадцатых годах. Они все как один советуют сидеть за столом, поплотнее вписавшись в твердое кресло, и тогда приходит такое состояние,

которое материалистически нельзя, конечно, называть вдохновением, а так, вроде спортивного тонуса или как-то у них там еще. В сущности, тут немало они догадались. Мне самому — как я уже несколько раз здесь писал — никогда не будет вот этого, прежде называвшегося вдохновением, если не приберу. Очень часто, особенно обязательно, оно приходит как раз во время уборки, и тогда только поспевай записывать. Раньше я знал, что это диктовка, а сейчас не чувствую, так что надо бы согласиться с ними, что и одним сидением в пустой прибранной комнате многого добьешься. Пустой — в том смысле, что один, ничего (никого!) в ней нет, даже поля, материалистично все так. Ну вот. Взял заказ в издательстве, пришел, сел и начал работать.

Диктовки нет как нет, очень трудно писать. (Не сейчас, а тогда было трудно.) Я пошел на кухню, надо было применить искусственные средства. Как эта нарисованная музыка — наоборот, оттуда сюда. Первое средство, конечно, кофе. Стал я варить кофе. И странно — даже мягкая в точечку шапочка над кастрюлькой, после которой ее (кастрюльку) надо быстро отставить в сторону, не обрадовала меня.

Пока варил, думал о литературе. Вот сяду, высижу, буду писать. Диктовки, значит, как выяснилось, нет. Раньше это просто померещилось, такое нервное явление. Выйдет, вероятно, реализм. То есть в том смысле, как в лекциях про XIX век. Стендаль, Теккерей, а потом Голсуорси, сами Манны и Панда. И вообще, вот эти, которые сбалансировали, и не понесло их к бедной Вирджинии Вульф. Помнится, я оправдывался раньше: «Нет, не думайте, я могу писать реалистически, только тогда не выражу и одной сотой правды». Какую ж это я правду имел в виду? Бог его знает. Вроде все тут.

Да, еще диалоги трудно писать. Мне хотелось (*plus-que-parfait*, еще до варки кофе и всех происшествий хотелось) записать разговоры совсем точно, как шнипасы на своих гнусных машинках. Но тогда уже сам Томас Манн не получится. Неизвестно — что получится. Так и до Джойсова тупика дойдешь. (До Джойсова можно. Он ведь искал тут, в трех измерениях. В том-то все и дело. Номиналисты, номиналисты.)

Пришел бы Померанц, поговорили бы. Тут поспел кофе. Я сел и выпил всю кастрюльку. Сперва потеплело и посветлело, мне даже показалось, что пленка дрогнула. Потом понесло. Как на очень большой скорости, промелькнуло такое, как я ищу, и даже выглянула из щелки, мягко улыбаясь, какая-то маргаритка. Палевая ли? И придет же в голову! Почему палевая, что за дурацкая измена вкусу? Однако меня несло дальше. Вот, не первитин, просто кофе — а как подействовало!

Все чесалось, гениальные образы скакали, и я их тут же забывал. Сперва от них было лестно, потом смешно, а потом страшно; а потом вообще только

мелькало и мелькало. Писать не стал. Неожиданно заснул — и проснулся тупой, неприбранный, во рту железный вкус, точнее, вкус вот этого «пере...»²⁵.

Что же делать? Что-то делать надо. Мы не обращаем внимания на Алисину кучу старых листьев и проваливаемся в трухлявые и тряские бездны. От всех экс-гениальных образов остался один: «грустное, как вода, зеленоватое желе солипсизма». Я почистил зубы, заставил себя постелить кровать и раздеться; белье было прохладное, и немножко стало лучше.

Утром я мылся и прибирал, и стол прибрал. Кофе решил не пить. Начиналась практическая жизнь, всякие дела. Машинку отдать починить, набойки сделать, купить то да се, вернуть Женечке «Воздушные пути» и «Психею», и еще много такого.

То, что было со мной потом, — не знаю, сколько месяцев, уложилось почему-то в Маленькие Повести. Такое уж оно было. Вот эти повести.

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

Повесть первая. Наталья С.

Я убрал дом и вылизал, и залез под все низкие предметы, а главное — стер пыль со штепселя и с нижней дощечки двери, с которой никто не вспомнит стереть. Потом я долго любовался — я очень хотел, чтобы они обрадовались, что-то у них в животе потеплело, размягчилось, и они бы подумали: вот как стало чисто и приветливо, молодец этот панда! Она же сказала: «Д-да... Стол полит чем-то липким. Так. Да. Очень жаль. Много неприятного. Конечно, я не в претензии, что нету фотоаппарата (?!?!?!?) и протоптали клумбу... и потом эти (брезгливо) ваши картины, от них пятна на обоях, нельзя же так, в конце концов!» Клумбу смотрели потом и баптист, и Марья Ивановна, удивлялись: «Тьфу! — говорят. — Обои-то вообще давно менять пора! Вот эти пятна? Ну, Господи!» Тогда мне немного полегчало. Стол я чистил и полировал собственным мехом; но она не обрадовалась.

Повесть вторая. Бидоны

На улице продавали белые бидоны. Ах, подумал я, как обрадуются, когда я принесу белый бидон! Потеплеет и размягчится. Стал я в очередь, пропустил человек двадцать. Тогда сзади стали говорить: «Вы будете брать или нет?!» Я дотронулся лапой до плеча самого рыла, который спокойно, чуя усами нищего духом, шел прямо к бидонам (очередь как бы аннулировалась тем, что впереди

---

²⁵ См. стр. 12.

стоял я), и шепотом сказал: «Простите...» Тогда все ахнули: «Да, культура пошла! Руку поднял! На старика! Ну, дожили!» Меня секли. Бидон все же пришлось купить, так как продавщица обиделась: «Ну, вы берете или нет? Долго тут ждать?!»

Повесть третья. Такси

Когда подошла моя очередь на стоянке такси, и я взял двух теток, которые стояли дальше, и развез их по домам, шофер сказал: «Чего их таскать? Я так понимаю: когда ты им то да се, никакого уважения от людей не будет». «Мне не нужно уважение», — сказал я. «Это в каком смысле? — нервничал шофер. — Я вот только жизнь начал, как стал никому не доверять. Это, по-вашему, значит, один за всех? Ну ладно, давайте допустим. Тогда чтоб все за одного тоже надо. А они как? А они... Так теперь я живу — ни я никому, ни мне никто». «Тогда не стоило бы вообще...» — говорил я. «Я верю!» — говорил я, а он спорил, и к концу пути я хотел выскочить из шкуры и начинал соглашаться с ним. Вышел Батюшка, очень розовый, и несколько светился. Черепица и сосны стояли вокруг машины. Я не заметил, что он надул меня, и надо платить за трех теток тоже, хоть они и заплатили; и выдернув из всего этого незаконченную фразу о жалости²⁶, он неожиданно для себя сказал: «Было бы у меня что, обязательно бы вам помог».

Повесть четвертая. Нервы

Я ехал в троллейбусе, а сзади, на следующем сиденье, сидели какие-то двое и говорили про женщин. «Моя жена, — говорил он, — не давала мне расти, развиваться. Уйду в полет, а она нервы закатывает. А чего? Если, скажем, что, так она будет материально обеспечена, у нас в таких случаях всегда материально обеспечивают». «Ох, — отвечала она, — есть женщины, а есть бабы. Я лично...» Тогда не хватило воздуха, и я, девятнадцать раз попросив прощения, вышел из троллейбуса, а на улице были очень широкие, темные деревья, как в поэме про имя Мария.

Повесть пятая. Однако

Однако перед Новым Годом, когда мой друг *Н. Н.* уже совсем скоро должна была родить моего друга *М.-Ф.*, ей уступили место в очереди в кассу в магазине «Кулинария». Она долго плакала.

Повесть шестая. Книжки

В магазине на Никитской продавали книжки «Золотой библиотеки», и мы рассматривали картинки, хотя и так знали, что купим. «Вот! — сказал Мужчина

²⁶ См. сноску к стр. 14.

типа доцента преклонных лет. — Я бы своим детям такого не дал, сентиментальная чепуха». Он, вне магазина, писал про философию (философская мысль Азербайджана? — нет, Шеллинг, думаю) и переводил с английского, а редактируя, вместо «совсем» и «опять» ставил слова «вовсе» и «снова». Но старая дама за прилавком твердо сказала: «Если бы читали эти книги, не было бы таких, как вы».

Так я жил; ходил по несоразмерным московским улицам, кого-то видел и с кем-то говорил и постепенно забывал о том раскрашенном куске жизни. Много соглашался в разговорах — не только чтобы не огорчить, а по-взрослому, уже почти зная, что все все равно. Иногда я пугался, а иногда мне очень нравилось и в Союзе Писателей, и в издательствах, я говорил с бобрицами в косах и в синих костюмах, останавливаясь в коридорах, а они милостиво мне улыбались. Я ел в столовой, пил кофе в булочных — не понимая, почему раньше в этом всегда была детская опасная радость, — и даже начал понемногу ходить в гости.

Ходил я к старым старушечкам в переулках, в большие заставленные комнаты, после дворики, которые (и комнаты, и дворики) когда-то, почему-то, были для меня одним из спасений. Сейчас секли и тут, правда, не сильно, вяло. Главным образом, за следование пшекруевой моде. Ходил я и к хитрым киношным дамам, которые ругали друг друга. Ходил в зимние пристанища кокетельцев. У них было слишком точно, найденная правда уже почти совсем застыла; а мне в те месяцы так хотелось спать, только голова и падала, как на собрании. Однако именно у одних кокетельцев, после длинного жалкого визита, началось освобождение.

Это было, наверное, в конце зимы — в дни твоего, Франека, рождения, — и я слонялся весь день по комнате, надеялся и сам над собой смеялся. Потом позвонил тем и сем, кто-то условно позвал меня, и я пошел по грязно-желтой кашке, которая, если не быть прагматистом, есть снег. В большой комнате, среди нарядных рогожек, керамики, Рабина и лаконичной мебели, долго ругали тех, кто этого всего не понимает. Как обретший мудрость, я не говорил, 1) что керамика значит «мандельштамовский звон сухоруких трав и глиняная крынка», то есть не обижай, дыши и грей; 2) рогожки — то же; 3) лежащие на столе листики — о том, как затравили бобры, то есть «не затрави». 4) Рабин — «не бей!». Вместо этого я подобострастно — чтобы обрадовать их, — но неубедительно защищал Жанночку и Ахмадулю. Они довольно кисло (их любимое слово) сказали, что я очень добрый, а одна, конечно, посоветовала перестать юродствовать: «Знаете, честно говоря, это уже производит нехорошее впечатление». Я пообъяснял, пооправдывался и приступил к уходу.

Я уходил и уходил, топтался на месте и говорил лишнее, точно зная, что сейчас, после ухода, будут меня за это ругать. И вдруг со столика в узеньком гибриде коридора с передней упала большая книжка. Я взял ее и узнал — надо открыть. Открыл, не обращая внимания на хозяев. Увидел портрет панды. Тогда сразу нашлись чужие, легкие и бойкие слова, и я побежал по пустой Петровке — читать.

Я не мог дотерпеть до дома. Фонари были тут же, я сел под фонарем, и свету было достаточно. Естественно, скамейка была точно такая, как во время визита *Н. Н.* в Алисин сад, в Месяц ее т. н. главной любви. Дом, у которого стоял фонарь, тоже был готический, хотя их нет в Москве, и я решился, еще не веря, подумать на минуту, что это потому, что упомянутый Месяц был в готическом маленьком городе. Потом, очень осторожно, как перед гаданьем, я открыл книжку и стал читать. Это была научная статья про разных редких животных²⁷.

Нас нашел миссионер-католик и понял, что это очень важно. Панду ему принесли 2 апреля. Другого панду, много позже, поймали сыновья Рузвельта, но он сбежал. Потом ловил Харкнесс, и ничего ни у кого не выходило, панды не давались, не ловились. Тогда поехала вдова Харкнесса (он тут умер от малярии). Она очень его любила, и все, что было берложного у них, стало для нее пандой. Это было в том году, когда родился Батюшка. Все говорили, что выдумает же вечно она! Она не слушала и поехала. Поймала легко. И тут я вспомнил, что чудо всегда легко, потому и удастся сказать потом, если надо, что чуда не было.

VII

Спасение. — Апофеоз. — Ликование, значительные хвостики узоров. — Сомнение о бобрицах. — Маргаритка. — Триумф объективного идеализма. — Просьба.

Когда я пришел домой, мне было лучше и даже гораздо лучше, чем раньше. Звонил Левитин, который уже давно не звонил, и об этом лежала записка. Я позвонил ему, и говорилось как-то само собой, он меня очень любил. Все ж мало на свете людей лучше Левитина. Потом я уже позвонил другим нескольким, и тут оказалось, что обиды (на меня) я сам выдумал, никто и не обижался, во всяком случае — если и обижались, то забыли, а это потому, что я не просил прощения. Беседы были мадлошные, соразмерные, и, что особенно странно, меня не занесло в эйфорическую свертоткровенность. Единственный раз в жизни мне удалось (само собой, я совсем не старался) говорить в чисто фаунтлероевской манере. Потом я долго и за много месяцев первый раз без серой пленки читал на кухне роман о совершенно татических, но похожих на

²⁷ Альманах «Мир приключений». 1961.

Катку Малаховскую (внешне) секретаршах, которых все обижали, а потом все любили и поняли, а моды уже были почти современные, к тому шло — юбка до щиколотки, плиссированная, блузы с бантом внизу декольте, пояса с пряжкой. Почти такие же, как в середине пятидесятих годов. Вот то, что до этого, — шлейфы и высокие кружева до подбородка — не может снова войти в моду, а это смогло, и еще будет входить. Как хорошо, что я думаю про моды! Детская радость ощупывания жизни, любопытных знаний, запаха эпох.

Я попробовал лечь. Белье, как тогда, в начале горя, было прохладное, я сравнил и понял разницу. Сейчас как будто что-то растаяло, я не боялся кровати, потому что не боялся первого воспоминания после сна. Тогда я лег, еще почитал, заснул. Проснулся я, наверное, очень скоро. Горела лампа, абажур был маленький и вощенный, плотный и прозрачный, чистого лимонного цвета. В остальной части комнаты было почти темно, но воздух был другого свойства, прозрачный. Тут я уже знал наверное. Оставалось выйти и бежать туда поскорее.

По другую сторону площади росли розовые и белые кусты роз, из книжек второй половины XIX века. Точнее, это были розы, которые красили валеты в «Алисе», — палка, а сверху роза, как тарелка. Зелень была светлая и густая на темных ветках, асфальт очень светлый. На улице Горького дома и магазины стояли просто, как в провинциальном городе, как будто они единственные — *l'Овощная*, *la Булочная-Кондитерская*, *le Детский магазин*. Пробегая, я вспомнил, как хорошо, рано вставши, пить горячий кофе в булочной и есть ватрушку. На площади Маяковского было тихо, а направо жила Сусанна в те месяцы, когда еще незаметно для самих героев создавалась берлога. Потом начался городок Миусс, маленькая модель мира, потому что там есть все стили и вообще все, что бывает на свете. Овощи лежали на больших лотках. Когда я пробежал мимо того дома, все окна распахнулись. Мадлоши играли сосредоточенно, юбочки были совершенно как розы. (Тут — уже трехмерные, не тарелки, а кочаны.) Керосиновой лавки, оказывается, не было вообще. Зато был сад во дворе нейрохирургического института, песочные дома псевдо-Корбюзье и целая новая улица, музейная модель двадцатых годов с окнами поперек себя шире. У площади оказалось, что стоят фонари из детской жизни конца XIX века, города детской книжки. И площадь была слишком тихая, и очень сильно пахло травой, а тихо было от абсолютной точности ее пропорций (площади, а не травы). Потом оказался тупичок, щелка в Город, Куда Еще Не Пускала Мама, то есть в Алисину страну. Тогда я пошел спокойно, уже управлял сам, я уже знал, и даже, от знания, затягивал, как в кокетстве. В конце тупичка стоял дом с окнами поперек себя шире. Тут же, на своем месте, серьезно росли маргаритки разных нежных цветов.

Несколько панд сидели в траве. Они завтракали. Самый толстый из них подвинулся, и все улыбнулись мне, чтобы я не подумал, что им помешал. Я не подумал. Я очень хорошо понимал, что они меня ждали.

— Тут, вот видите, маргаритки, — сказала мать.

— У нас паштет из зайца и вот салат, — сказала старшая кузина. У нее за ухом была пунцовая ленточка.

— Только не уходите, пожалуйста, — сказали оба младших панды.

Все они были без недостатков. Они были настолько без недостатков, что даже знали, как жалеть, восхищаясь, и восхищаться, жалея. Я не буду описывать нашу беседу, потому что они очень хвалили меня и моих друзей. Оказалось, что Левитина они знают очень хорошо, с Успенскими были вместе как раз в то время, когда там был какой-то решающий сюжетный ход, и еще многих знают. Но главное — пока мы ели, я понял, что единственное их дело уже давно было стеречь маргаритки, пока я приду.

Потом мы осматривали маргаритки. Они оказались лучше, чем я думал (даже тогда, до дыры), — очень круглые, щеточкой, а если бы я еще не отказался от этого, я бы сравнил это их свойство с эрдельтерьерами. Когда *М. Н.* было пять лет, она жила в санатории Инснаба, и там по воскресеньям было мороженое, а на темных, круглых, как пирог, клумбах, росли маргаритки. Потом, гораздо позже, я узнал, что маргаритка — жемчужина, то есть, в сущности, именно белый, палевый или розовый шарик. Теперь выступило курсивом все, что я знал и узнавал про маргаритки и, как всегда в любви, это оказалось связным, внезапно разгаданным и главным узором жизни. Как всегда в любви, стало ясно, что ничего тут не было зря, все со значением, все подготовка.

Долго шло простодушное ликование апофеоза, как в этой Колиной мессе Баха; все панды мягко прыгали, искусно перебирая толстыми пушистыми ногами; вносили и разносили какие-то миски, называли кого-то именами моих друзей — ничего не было случайного, только кончики важных узоров, знаки, стенография скрытой формулы Всего Этого, как во время родов или в последней главе «Четверга».

Потом все ушли, я спал около клумбы и проснулся от счастья. Неужели я никогда больше не буду просыпаться от горя? Я устроился поудобней, лежал и благодарил.

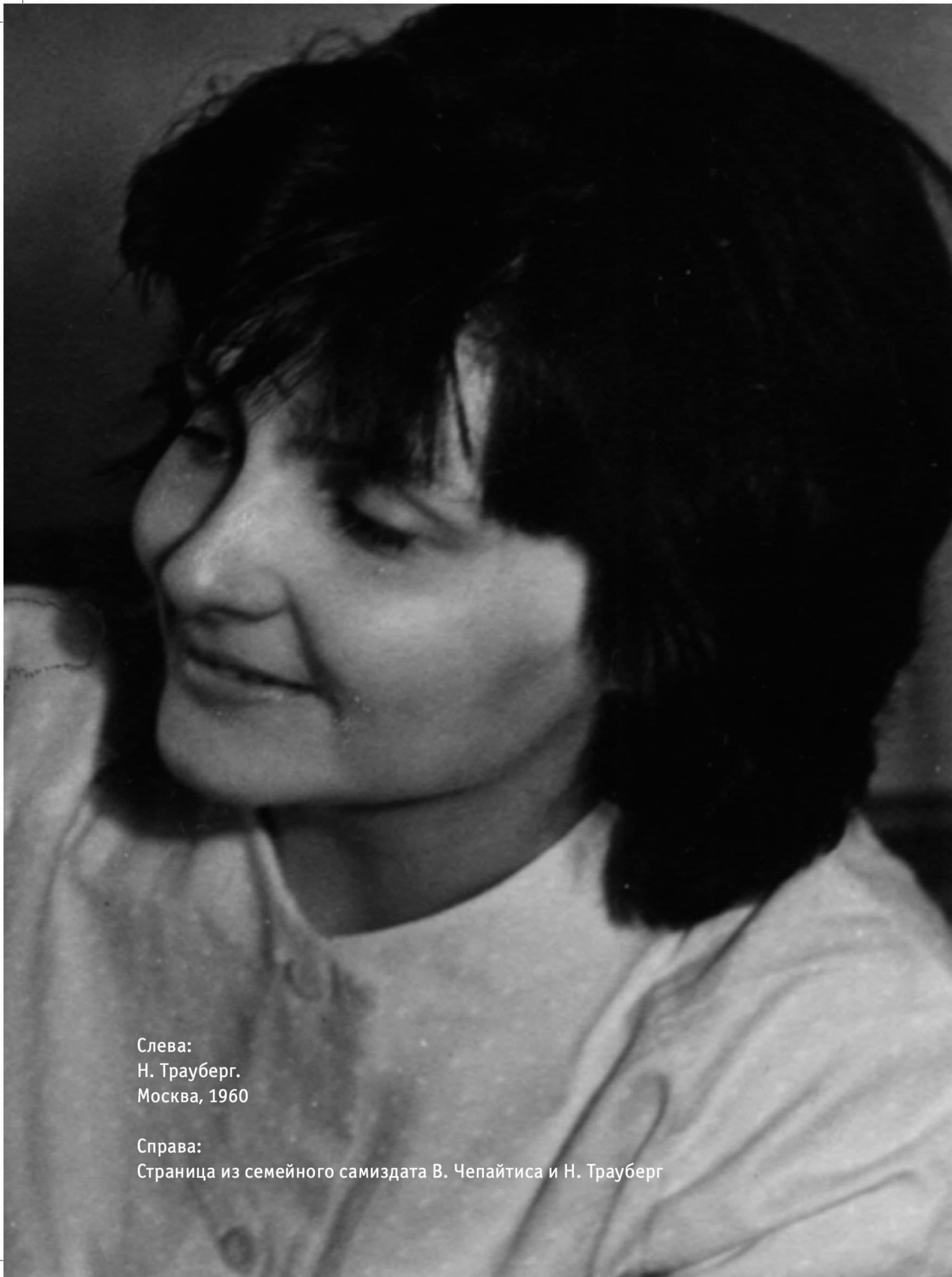
А как же бобрицы? Ведь они остались — и керосиновые, и школьные, и салонные? Может быть, им не пройти через толстенную стену воздуха? Но ведь приходится выходить мне — хотя бы воды принести, поливать маргаритку. Можно ли спокойно все это поручить Прощению, Жалости и Помощи?

Я не знаю. Я просто верю, что если мне дали дойти — значит, простили, пожалели и помогут. Мне придется это знать, иначе окажется, что я и не был тут, и не есмь, и вообще, сам не понимаю, какой во всем этом аллегорический смысл. А мне больше не вписаться в «безнадежный мир гностиков и агностиков», как говорил когда-то я сам в умных разговорах.

Я сидел на коричневой земле и осторожно гладил маргаритку. Цвета вокруг незаметно сделались правильные, но не слишком, чтобы не было гаремно-метрошной полноты. (Надеюсь, все вы знаете, что хорошо только свое, ограниченное, особенное и недостаточное.) Небо стало очень светло-голубое, дома — песочные, крыши — розовые и красные, тоненький утренний рожок прошел через прозрачный воздух. В белом свете чуда кротко стояли предметы — «не курицы, не грезы, и не удобные допущения, а вещи, признанные авторитетом чувств, которые — от Бога».

Я прошу у теперь доказанной, невыдуманной, все объясняющей реальности других измерений принять мои испытания, давать, когда нужно, новые, только оставить мне то, что я нашел.

Слева:
Н. Трауберг.
Москва, 1960

Справа:
Страница из семейного самиздата В. Чепайтиса и Н. Трауберг

нет не могу и все
вы все можете наташа вот ногу сюда
вот поставила Ну и что

сюда

так

а вот и передохнем
скажите виргилийс А почему тут мусорная яма
чтобы санитарнее и все сюда лезют
только молодые и ловкие
нет тут я больше не пойду

вот за этот кустик наташа
жалко кустик
за кустик!

почему я не одела тыпы ког-
да могла одеть тыпы а не эти с каблуками

а вот и жизнь
крыши и дым из
трубы идет

Необходимые пояснения к «Запискам Панды»*

Часть первая

I

Леди Джен — героиня одноименной повести Сесилии Джеми-сон «Леди Джен, или Голубая цапля» (1891).

...мы, панды... — в 1957 г. в Московский зоопарк первый раз привезли панду.

...нутрии. — посещение Н. Каунасского зоопарка с П. Моркусом, В. Чепайтисом, В. Муравьевым в июле 1958 г., когда были придуманы словосочетания типа: «чуткая чайка Чепайтиса», «нежная нутрия Натали», «вопиющая выпь Венцловы», а В. Муравьев начал сочинять повесть и сочинил одну фразу: «В салонах поговаривали о нутрии».

миусские бобры — см. пояснения к сонетам.

Тумялис — Юозас Тумялис.

юодос кавос — juodos kavos — черного кофе (лит.).

...они гномичны. — гномы — см. пояснения к сонетам.

...кино. — кинотеатр «Центральный» на Пушкинской площади, напротив дома Страстной бульвар, 2.

...когда она очень болела весной 58-го... — вспышка общего заражения крови у Н., произошедшего 13 апреля вследствие стрептококковой ангины.

...4-го апреля, кажется... — 4.04. 1953 в центральных газетах появилась заметка о том, что т. н. «врачи убийцы» не виноваты.

...друга моего Тристрама... — см. пояснения к сонетам.

Шульман — Борис Эммануилович, врач родильного дома им. Крупской, расположенного в Миуссах.

...белобрысого Шнупсу... — см. пояснения к сонетам.

...шнипаса в шляпе... — šnipas — шпион (лит.), имеется в виду стукач.

В последнем номере «Пшекруя»... — Przekrój — польский журнал, который читали в Литве.

Купол был бы виден... — предположительно, церковь препо-

---

* «Записки Панды» написаны в 1961 году. Пояснения написаны автором в 2008 году.

Сверху вниз:
Леди Джен;
Юозас Тумялис;
Przekrój;
Нутрия

добного Пимена Великого, Нововоротниковский пер., д. 3.
...просто шел к Женечке... — Евгений Семенович Левитин жил
 в Дегтярном переулке, работал в то время в Пушкинском музее.
...посмотрел на дом Людмирской... — Галина Даниловна Люд-
 мирская, с 1960 г. жена В. Муравьева. (В 1970-х годах
 В. Муравьев со второй женой Т. Ф. Муравьевой, урожденной
 Кононовой, снова получил квартиру в этом доме).

II

...пьеса о Боре Успенском... — Борис Андреевич Успенский.
...через дорогу к Пушкину... — памятник А. С. Пушкину на площади.
Успенский-старший — Владимир Андреевич Успенский.
...шли с Колей Томашевским... — Николай Борисович Томашевский.
...писали пьесу про Ельмслева... — написаны были только две
 реплики: 1. Входит Боря Успенский и спрашивает «Ельмслева
 не видали часом?» 2. Кто-то: «Был тут твой».
Старо-Пименовский, д. 18 — в этом доме снимал комнату
 у С. О. Голдиной Михаил Юрьевич Блейман.
...иду смотреть «Римские каникулы». — американский
 фильм (1953) с Одри Хепберн.

III

...думала о баронессе Марии Фредерикс... — Мария Дмитриевна
 Фредерикс, старшая сестра Д. Д. Шостаковича.
...Лидку, ныне Пердухину. — Лидия Лебедева, прозванная
 Пердухиной.

IV

...я жил в доме с белыми колоннами... — Ленинград, Большая
 Пушкарская, д. 46/48.
 ВГБИЛ — Всесоюзная Государственная Библиотека Иностран-
 ной Литературы.
...стояли недобрые цызи. — cizia — фифа (польск.).

Часть вторая

V

образованный сценарист — Константин Федорович Исаев.

Сверху вниз:
 братья Успенские;
 Н. Томашевский;
 О. Хепберн;
 Б. Пушкарская
 д. 46/48, стоит тетя
 автора О. Ланде

...Габричевского вчера видели... — Александр Георгиевич Габричевский.

Леночка Васильева — Елена Ивановна Васильева.

Один томик — розоватый... — О. Мандельштам, 1928 г. изд.

Другой — кубически-трехмерный... — А. Ахматова.

Третий — прохладно-серый... — Б. Пастернак.

...поливановско-габричевским безукоризненным чаепитиям... —

Поливановы: Константин Михайлович, Маргарита Густавовна, Михаил Константинович, Мария Константиновна, Анна Константиновна, жили на ул. Казакова.

голодные коцьяки — *kościak* — *фифа* (польск.).

VI

Померанц — см. пояснения к сонетам.

Наталья С. — Наталья Семеновна, хозяйка снятой в Пахре на зиму дачи.

баптист — истопник в Пахре.

Марья Ивановна — домработница на даче.

белые бидоны — белый прозрачный пластмассовый бидон с красной крышечкой. Такие бидоны тогда появились впервые.

Батюшка — см. пояснения к сонетам.

М.-Ф. — см. пояснения к сонетам.

...защищал Жанночку... — барышня, которая хотела женить на себе Олега Прокофьева.

...по пустой Петровке... — на Петровке, д. 26 жила Нина Викторовна Каретникова.

VII

...роман о совершенно татических... — см. пояснения к сонетам.

...похожих на Катьку Малаховскую... — Екатерина Брониславовна Малаховская, жена Н. Б. Томашевского.

...направо жила Сусанна... — Сусанна Ильинична Раппопорт.

...Колиной мессе Баха... — Николай Николаевич Каретников.

...«не курицы, не грезы, и не удобные допущения, а вещи, признанные авторитетом чувств, которые — от Бога» — из книги «Св. Фома Аквинат» Г. К. Честертона.

Сверху вниз:
О. Мандельштам;
А. Ахматова;
Б. Пастернак;
Е. Малаховская

Наталья Леонидовна Трауберг

Записки Панды

Составитель: Мария Чепайтите

Дизайнер: Арина Журавлева

Выпускающий редактор: Петр Лезников

Корректоры: Алексей Белозеров, Валентина Кизило

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,86. Тираж 1500 экз. Заказ № 4404

ООО «Книжные мастерские»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

ООО «Мастерская „Сеанс“»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

+7 (812) 237-08-42

info@seance.ru

<http://seance.ru>

Отпечатано в ЗАО «Типография „Моби Дик“»

191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 44

+7 (812) 572-21-21

info@mobyprint.ru

<http://mobyprint.ru>

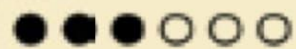

Наталья Трауберг

SUMMA ANTHROPOLOGIAE

Трауберг Н. Л.

Домашние тетради. Тетрадь третья: *Summa Anthropologiae*. — СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — 36 с. — ил.

ISBN 978-5-905586-05-7 (Книжные мастерские)

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© 2013 Трауберг Н. Л. (наследники)
© 2013 000 «Книжные мастерские»
© 2013 000 «Мастерская „Сеанс“»

Наталья Трауберг

**SUMMA ANTHROPOLOGIAE,
или Матвеевский садик (Hortulus Matthaei)**

«Ёлочка»

СЕАНС

Н. Трауберг, дочь Мария и сын Томас.
Вильнюс, 1964

ВЫПУСК I

В в е д е н и е **Выпуск I**

ВВЕДЕНИЕ

На глазах нашего поколения возникла новая наука: ученые занялись исследованием двух человеческих типов, т.н. зануды и т.н. паскуды. Слова эти известны всем; мы встречаем их в научно-популярных журналах и даже в газетных статьях. Люди легко употребляют их, но мало кто действительно знаком с наукой, их породившей. Как всегда, большинство крайне поверхностно, а то и просто неверно представляет себе, что же такое зануда и паскуда, каковы их особенности, типы, законы их бытия. Назрела необходимость в кратком, но строго научном изложении основ и проблем этой дисциплины. Попытку такого изложения мы и предлагаем читателям.

Наша книга не требует особой подготовки. В I Выпуске мы расскажем об основных положениях науки, в следующих — ознакомим с основными ее проблемами и направлениями исследовательской мысли, а также рассмотрим частные случаи */casuistica/*.

На глазах нашего поколения возникла новая наука: ученые занялись исследованием двух человеческих типов, т. н. зануды и т. н. паскуды. Слова эти известны всем: мы встречаем их в научно-популярных журналах и даже в газетных статьях. Люди легко употребляют их, но мало кто действительно знаком с наукой, их породившей. Как всегда, большинство крайне поверхностно, а то и просто неверно представляет себе, что же такое зануда и паскуда, каковы их особенности, типы, законы их бытия. Назрела необходимость в кратком, но строго научном изложении основ и проблем новой дисциплины. Попытку такого изложения мы и предлагаем читателям.

Наша книга не требует особой подготовки. В первом выпуске мы расскажем об основных положениях науки, в следующих — ознакомим с основными ее проблемами и направлениями исследовательской мысли, а также рассмотрим частные случаи (*casuistica*).

1. Определение основных понятий

Начнем с того, что — как во многих науках — еще не определены основные понятия. Люди, несомненно, делятся на два типа; но как их определить? Этому наука не знает. Потому, вероятно, и не привились многочисленные термины, авторы которых пытались дать определение в самом слове. Привились же — условные, почти случайные, но удивительно удачные слова, появившиеся впервые в ранней работе Н. Ковалевой¹. Теперь это — термины; и никто не вправе сетовать на неполное соответствие прежнего, нетерминологического значения этих слов новому, терминологическому.

Мы принимаем их, как принял мир. Однако нельзя обойти другие попытки создания научных наименований для двух типов людей. Даем их в историческом порядке.

Тип А

(в принятой терминологии — зануды)

неправильные
дети
униженные
ridicule

Тип В

(в принятой терминологии — паскуды)

правильные
взрослые
возвышенные
comme il faut

¹ Ковалева Н. Ю., Л., 1968.

Тип А

открытые
 недостойные
 нелепые
 негладкие
 тихие
 трудные
 слабые
 глупые

Тип В

закрытые
 достойные
 не-нелепые
 гладкие
 бойкие
 легкие
 сильные
 умные

Определений зануды и паскуды дано 153. Все они так или иначе повторяют то, о чем говорят перечисленные выше термины. Мы не станем их приводить — это было бы громоздко и уводило бы нас в дебри мелких споров.

Однако мы надеемся, что объем понятия будет становиться все ясней по мере изложения основных законов, гипотез и проблем. Сейчас же — ознакомим читателя с попытками выделения дифференциальных признаков зануд и паскуд.

2. Дифференциальные признаки паскуд и зануд

Признаки эти до сих пор не установлены окончательно, и многие ученые сомневаются, можно ли их установить. Недавно (на XVIII заседании *Academiae Regalis Pervalcensis*) был даже поставлен вопрос, не надо ли вынести установление признаков, как определение основных понятий, за пределы науки. Тем не менее мы считаем полезным ознакомить читателей с двумя попытками определения признаков.

А

Т. Чепайтис исходит из признаков паскуд (+). Отсутствие признака (–) считается признаком зануды.

Дифференциальные признаки паскуд и зануд по Т. Чепайтису:

умение себя вести	сходство с другими	гладкость	серьезное отношение к себе	что-то еще

Некоторые сторонники Т. Чепайтиса доводят число признаков до 94. По мнению одних исследователей, паскудой может быть назван тот, кто обладает всеми признаками; по мнению других — тот, кто наделен хотя бы тремя из пяти.

Наконец, статистическая школа Штрома предлагает исчислять каждый признак в процентах: больше 50 % дает (+), меньше 50 % дает (-). (О работах этой школы мы расскажем подробнее в других выпусках.)

В

М.-Ф. Чепайтите исходит из признаков зануд.

Признаки по М.-Ф. Чепайтите:

нелепость	неуверенность	незащищенность

Одни исследователи считают, что зануда должен обладать всеми тремя признаками; так, человек нелепый, но уверенный и защищенный — уже паскуда. Другие — что достаточно двух признаков; и, наконец, третьи, что достаточно одного. (Подробнее см. ниже, особенно в разделе о т. н. *zanuda pascudata*.)

3. Основные виды паскуд и зануд

Ознакомим читателя с двумя основными принципами классификации.

А

	паскудофил	занудофил
паскуда	<i>Paskuda pascudans</i>	<i>Paskuda zanudans</i>
зануда	<i>Zanuda pascudans</i>	<i>Zanuda zanudans</i>

Как видим, паскуды и зануды делятся здесь в зависимости от того, какими они хотят и стараются быть. Опишем вкратце основные виды.

Paskuda pascudans. Паскуда, и считает это правильным. Иногда не думает об этом специально и, питая неизбежную неприязнь к занудам, не проявляет ее в агрессивной форме, пока зануда не напросится. Иногда же — полностью осознает и активно проявляет свою неприязнь. В первом случае относится к т. н. типу Тальбот-Толли, во втором — к типу Таракана. Первые милы и беспечны, вторые — хмуры. Приведем два совета, касающиеся общения с *P. Pascudans* 1-го и 2-го типа.

1) «Ходите к ним в гости на традиционные празднества — все будет у них как надо и как нельзя лучше. У них и вкусно, и гладко, и вообще хорошо. Только, упаси вас Господь, не идите дальше формул! Лучше уж молчите, все и обойдется».

2) «Не ходите и не пытайтесь. Ни к чему эти ваши угрызения — они вот

люди, и кто я, чтобы их сторониться, и т. п. Вы — зануда; и не вы их сторонитесь, а они вас сотрут и не почешутся, хотя бы вы притворились самым что ни на есть *comme il faut*. У них — чутье, нюх; не ошибутся.

Paskuda zanudans. Об этом виде расскажем подробнее, т. к. именно в наши дни он представляет особую социальную опасность.

В определенные эпохи возникает мода на зануду (обычно как реакция на предшествующий культ паскуд). Всякая мода предполагает среду и стандарт. Зануда вписаться в среду и соответствовать стандарту не может. Поэтому необходимую роль зануд выполняют паскуды. На них изливает общество то, о чем прорвавшиеся в литературу и т. п. зануды вопили про себя.

P. zanudans может уподобиться зануде поверхностно — особый костюм, непричесанные волосы, отсутствие грима, детские туфли, удивленный вид и т. п. В этом случае мы имеем дело с т. н. типом Терлецкой.

Может уподобиться и глубже, от отдельных фраз до целой, глубоко разработанной в наши дни, системы поведения (т. н. тип Тарновского). Наконец, он может вообще ничего не делать, а только писать о прелести занудства или восклицать: «Ах, Кафка (Сэлинджер, Белль) так меня понял!»².

Приведем интересное высказывание М.-Ф. Чепайтите³.

Но упаси Бог появиться зануде настоящей! У нее нет ни образа, ни формы — все валится кашей, все надо угадывать и лепить самим. Это — невозможно; и зануду, как и подобает, вышвыривают вон. Тут уместно вспомнить текст о побивающих пророков. Пустите Кафку или Цветаеву к тем, кто их так любит, — их забьют, точно так, как забили при жизни. Забьют всех, никого не пощадают, и никакие книги, никакие моды не дадут занудам спасенья. Что ни пиши, как ни ори — занудам не поможешь, только увеличишь количество модных имен и еще бессмысленней запутаешь клубок неправды.

Не все согласны с такой точкой зрения. Так, Е. Корнилова считает, что есть люди, которые от этого вопля просыпаются и спохватываются; ошибка же — в том, что их ищут не там, где надо, и массой, а не поодиночке:

И салон, и редакция есть среда. Зануда со средой несовместим. Чего же вы хотите, чему удивляетесь? Но выйдите из среды — и все окажется не так страшно. Быть может, вы даже увидите четкий мир детской книги, и найдете начала и концы⁴.

² К сожалению, мы не имеем возможности рассмотреть интереснейшую работу П. Гайденоко «Занудство как истина жизни и как научная истина» (Вопросы бытия. М., 1968) — она появилась, когда наш труд уже был в печати. Отсылаем к ней читателя.

³ Курс лекций, прочитанный в Лозаннском обществе «Атенеум» в 1967–1968 гг.

⁴ Сообщено ее матерью, которой и приносим величайшую благодарность.

Zanuda pascudans. Особенно незащищенные зануды начинают иногда верить в правила жизни паскуд. В легких формах это не очень заметно, в острых — дает т. н. тип Термитова. Люди этого типа презирают занудство и создают систему, в которой уверенность, твердость, сила, а порой и жестокость — хороши и достойны, слабость же, нелепость и т. п. — постыдны и плохи. Именно этот тип поставляет миру и фанатиков, и тиранов⁵.

Приведем описание людей этого типа.

Конечно, они не паскуды. Разве могут быть паскудами такие страдающие и немислимые существа? Так отчего же, спросите вы, они так безжалостны именно к занудам? Почему восхищаются силой, и презирают слабость не только в себе (это бы ладно), но и в других? Ведь и жестокость к женщине — пусть душевную — они считают достойной. Я думаю, все это потому, что они начисто лишены и панцыря, и кожи. Они слишком боятся жестокости от женщины, которую не смогли бы вынести. Они чувствуют: разреши они себе человеческую и жалобную слабость, люди их уничтожат. А унижения им не переварить; они не могут взвыть *de profundis*: «Я знаю, как это страшно — и никогда никого сюда не ввергну и не посмею судить ни о ком, кто здесь». Это спасло бы их, как спасало многих по неизвестному закону, но они не могут, и ход мысли их другой. Так создается, слой за слоем, особый панцырь — нет, точнее сказать, так заменяются, слой за слоем, новые ткани, или что там у человека есть. Зануда не способен принять это просто, «как люди», — он оставляет позади даже тип Таракана, и апология паскудства становится манией. Он суров и безжалостен к слабости, как паскудам и не снилось. Но вы не верьте, это не так, и не бойтесь его. Он еще несчастнее вас.

И дальше:

Вы скажете, такими были рыцари. Нет; они были сильными — и потому прощали и понимали слабых. Быть может, их не было вообще. Но рыцарство как идеал сводилось к тому, что и зануду должен кто-то защитить. Люди, верившие в рыцарей, знали твердо, что женщину обидеть нельзя не потому, что она сильна или достойна, а потому, что «женщина как таковая» — зануда перед мужчиной и перед миром, слабая и нелепая тварь. Они знали, что сила и суровость нужны только с сильными: и не сила восхищала их, а добро, не слабость возмущала, а зло, тем самым — и презрение к слабости⁶.

⁵ Подробнее см. *Шестов Л. Zanuda paskudans*. Берлин, 1922. (Философ утверждает, что Ницше принадлежал не к этому типу, но к типу *Z. zanudans*.) Развитие этой точки зрения и полемику с ней см. в работах: *Глазов Я. Достоевский, Леонтьев, Ницше*. Пярвалка, 1967; *Траубридж М. Подполье унижения и Zanuda pascudans*. Лондон, 1967; и др.

⁶ *Чепайтите М.-Ф.*

В последнее время резко увеличилось число людей вида *Z. pascudans*, и это представляется исследователям опасным симптомом.

Zanuda zanudans. Просто зануда, и сам это знает, но, как это ни накладно, считает, что лучше все же быть занудой, чем паскудой⁷.

В

	панцырный	не-панцырный
паскуда	<i>Pascuda pascuda</i>	<i>Pascuda depascudata</i>
зануда	<i>Zanuda pascudata</i>	<i>Zanuda zanuda</i>

Здесь, как видит читатель, принимается во внимание другой признак: положение паскуды или зануды в этом, падшем мире.

Pascuda pascuda. Обладая всеми или почти всеми признаками паскуды, живет гладко и неплохо, как и следовало ожидать.

Pascuda depascudata (в русской терминологии — обездоленная паскуда). Живет плохо, против всякого ожидания. Внешне может полностью или частично уподобиться зануде (т. н. парадокс Пранаса); но, в отличие от зануды, сохраняет свойства, определяемые учеными как «себе на уме». Приведем одно из описаний этого вида людей.

Посмотришь — прямо сердце разрывается. Глаза затравленные, таблетки ест, и колышется, как желе, и вид совсем не тот, нету гладкости. Но — пусти его в толпу и увидишь, что не его толкают и топчут, а он всех раздвигает, и даже сами раздвигаются, как будто так и надо. Наверное, толпа и магазин — самая лучшая проверка, хотя бывает и посложней: топчут. Тогда остается ждать. По плодам и узнаём⁸.

Мы еще вернемся к этому вопросу и осветим его глубже, когда читатель будет знать больше о проблематике нашей науки.

⁷ Ченайтуме М.-Ф. Указ. соч. Подробнее см. классический коллективный труд «Претерпевший до конца» (В., 1964) особенно разделы «*Zanuda zanudans* и заповеди блаженства», «XX в. Гофман, Кьеркегор, Достоевский», «XX в. Кафка и некоторые другие», «XX в. *Zanuda zanudans* у Сэлинджера и *Zanuda zanudans* у Белля».

⁸ Ченайтис Т. Парадокс Пранаса и другие очерки. П., 1968. Рекомендуем читателям очерки «Унижение и *Pascuda depascudata*. Проблема человека из подполья», «Грушенька. *Pascuda depascudata* или *Zanuda pascudata*?», «Царство зануд? Едва ли», «Дзен, битники, хиппи», «Зануда — внутри нас».

Zanuda pascudata (в русской терминологии — панцyrная зануда). Зануда в чистом виде теоретически жить не может⁹. У нее два выхода: или помощь из неизвестных науке мест, зависящих от нее лишь частично, или создание панцyrя собственными силами. Панцyры эти бывают самого разного типа; но все они сводятся к трем разновидностям.

а) *Панцyrь как таковой* — посильное внешнее подражание паскудам. Это — внешняя подтянутость (удается редко), т. н. приличные манеры, напускная серьезность, важность, обет молчания и т. п. Если зануда истинная, они помогают очень мало или не помогают вообще. Зануда в таком панцyre относится к т. н. типу Тили.

б) Т. н. *прокладка* — у некоторых зануд развивается особый панцyrь, напоминающий стеганую прокладку. Такой зануде становится безразлично, как ведет себя мир по отношению к ней (к нему). Зануда как бы глохнет, отключается и, соответствуя извне *Z. zanuda*, не очень об этом беспокоится. Быть может, этот панцyrь — самый надежный, но встречается он реже других. Если прокладка очень толста — перед нами т. н. тип Томаса.

в) Самый распространенный вид панцyrя — т. н. *миф*. Зануда создает для других, а отчасти и для себя определенный свой образ, и выставляет не реальные слабые места, а какие-либо другие. Зануда этого вида скрывает свои истинные унижения от людей (зачастую, в сущности, и от себя). Реакция паскуд — непроста: с одной стороны, сверхразумным чутьем они угадывают зануду, а с другой — они не могут сразу обнаружить истинное больное место. К счастью для паскуд, они его все же обнаруживают. Панцyrь мифа обманывает прежде всего лишенных панцyrя зануд.

Если мы вспомним дифференциальные признаки зануды по М.-Ф. Чепайтите, то можно сказать, что в случае а) зануда частично или хотя бы внешне избавляется от нелепости, в случае б) — от незащищенности, в случае в) — от неуверенности.

Zanuda zanuda. Зануда, не создавшая себе панцyrя, жить не может. Она должна погибнуть (смерть, сумасшествие, алкоголизм или наркомания). На самом деле зануды беспанцyrные живут, хотя их и немного.

Вот их основные типы:

Zanuda tener (в русской терминологии — зануда-лемур). Отличается крайним миролюбием. Смотрит на всех, прежде всего на паскуд, испуганно (т. н. *timor zanudae*), виновато (т. н. *culpabilitas zanudae*) и умоляюще (т. н. *supplicia zanudae*). Вызывает сильное раздражение. Искомое снисхождения добывается только у зануд, для которых можно было не стараться.

---

⁹ Почему — станет яснее, когда читатель ознакомится с основными закономерностями существования зануды. О том, что практически зануда все-таки живет, см. немного ниже.

Zanuda clamans (в русской терминологии — буйный зануда). Не может примириться со своей участью и орет, требуя чего-то не совсем определенного — не то жалости, не то справедливости. Вызывает у паскуд крайнее раздражение, что делает невозможными и жалость, и справедливость, и усиливает до предела действие основных закономерностей (см. ниже). Ученые считают, что в таком виде человек долго прожить не может. Если он не гибнет (см. выше), он переходит в один из следующих трех типов.

Zanuda ferox (в русской терминологии — злющий зануда). Покрывается иголками (отсюда его английское название — *Z. porcupine*). Мрачен, подозрителен, злобен, избегает людей, а если их встретит — держится крайне замкнуто или агрессивно. Часто становится с горя *Z. pascudans* (напомним, что это — тип из другой классификации, так что можно быть одновременно *Z. ferox* и *Z. pascudans*).

Zanuda sapiens (в русской терминологии — зануда задумчивый). Обретает особую, печальную мудрость. Тих, мягок и ровен. Смотрит не столько испуганно, сколько обреченно, а иногда — умудренно и нежно. Характерна ирония: при всяком удобном случае не слишком весело смеется над собой. Как пишет М.-Ф. Чепайтите, «может, и бьют его меньше, а может — притерпелся, но ему все ж легче, а бывает совсем ничего»¹⁰. Иногда переходит в тип панцырных с прокладкой.

Zanuda felix (в русской терминологии — блаженный зануда). Это явление несколько сложнее. Человек может быть *Z. felix* в трех случаях.

а) В детстве, иногда — в юности, при благоприятных условиях (т. н. феномен Фаунтлероя). Такой *Z. felix* непозволительно резв и доверчив. В случае чего — становится *Z. clamans*.

б) Всю жизнь (т. н. феномен Франциска). Встречается один раз в два-три века.

в) В приличном возрасте; чаще всего — после т. н. момента Иова, кульминации *Z. clamans* (т. н. чудо Честертона). До сих пор неизвестно, каким образом это происходит и откуда берется. По-видимому, вопрос выходит за пределы науки. Такой *Z. felix* отнюдь не уподобляется паскуде. Он остается для мира смешным и нелепым и отличается от зануд других видов только тем, что может реализовать себя (скажем, в творчестве или в своей берлоге). Однако бьют его меньше, т. к. полученные в результате реализации блага (слава, семья, веселый вид и т. п.) создают сравнительно сильное защитное поле.

Не все исследователи принимают эту классификацию. Некоторые отвергают существование промежуточных типов и считают, что опознать зануду и паскуду можно только по тому, действуют ли т. н. основные закономерности

---

¹⁰ Указ. соч.

существования зануд и паскуд. Если панцырь таков, что они не действуют, — перед нами уже не зануда, пусть даже *pascudata*, но паскуда. Если же действуют — перед нами зануда, а не *P. depascudata*. Чтоб все это стало ясней, ознакомим читателя с Закономерностями.

4. Закономерности существования паскуд и зануд

1. Эффект Раскольников

В науке существуют две формулировки этого эффекта: 1) умеренная и 2) радикальная.

1) То, что вменяется в вину зануде, не вменяется паскуде.

2) Зануде вменяется в вину все, паскуде — ничего.

Шире распространена умеренная точка зрения. Приведем отрывок из книги ее сторонника Я. Глазова:

Хоть тресни, все правильно не сделаешь. Каждый в чем-нибудь да провинится — невольно, а бывает и вольно. Но если ты зануда, с тебя спросят по всей строгости; а главное — не копаются в причинах, хватает факта или даже слуха. Типичное суждение о зануде: «Ну, знаете, если человек способен на ..., он для меня не существует!» Хорошо, скажу я возмущенному X, предположим, что вы так требовательны к людям. Но почему, если точно то же делает паскуда, вы окажетесь так милосердны? Разумного ответа нет, и незачем занудам вопить: «Но ведь вы же сами ...!» или «... он же сам». Мало ли что! Ему — можно, а вам — нельзя. Если вы не по книжкам живете, а по жизни, вы знаете, какой тягучий и внелогический получится разговор. Описать его нельзя, бумага не берет, разве в духе Ионеско.

И дальше:

Вот пример: жалуются все, и все до единого, кроме траппистов, говорят о себе. Но прощают это и даже не замечают, только если жалуется паскуда. Хоть бы он день и ночь говорил, скажут: «Какое мужество!», «Какая сдержанность!» Что скажут о зануде, не стоит и описывать¹¹.

---

¹¹ Глазов Я. Заметки о занудах. М., 1968.

2. Эффект Цахеса

Этот термин применяется а) в широком и б) в узком смысле.

а) Здесь тоже есть две формулировки:

- 1) умеренная — то, что ставится в заслугу паскуде, не ставится зануде;
- 2) радикальная — паскуде ставится в заслугу все, зануде — ничего.

Вычислен коэффициент воздаяния (т. н. формула Фомы):

$$B = 10 \leq n \rightarrow \infty$$

где n — т. н. золотой запас зануды.

(Как видим, сторонники радикального взгляда считают, что $B = \infty$. Если они правы, невозможно чудо Честертона.)

б) В узком смысле эффектом Цахеса называется более частное явление: все, что сделает хорошего зануда, припишут паскуде.

Этот эффект наблюдается, когда зануда и паскуда достаточно близко подходят друг к другу (приезжают вместе на конференцию, пишут книгу, выдумывают теорию и т. п.).

Чудо Честертона создает сравнительно сильное поле, ослабляющее действие эффекта Цахеса¹².

К эффектам Раскольникова и Цахеса близки еще два эффекта — эффект ножа и эффект пробки.

3. Эффект ножа

- 1) Где пройдет паскуда, не пройдет зануда (умеренная формулировка).
- 2) Паскуда пройдет везде, зануда — нигде (радикальная формулировка).

Простейший случай: человек идет в толпе. Если он — паскуда, перед ним расступаются, даже не видя его. Если зануда — он просит прощения каждую секунду, его же не пропускают (и, по возможности, ругают — по эффекту Р.).

4. Эффект пробки

- 1) Откуда вытолкнут зануду, не вытолкнут паскуду.
- 2) Зануду вытолкнут отовсюду, паскуду — ниоткуда.

Простейший случай: идут трое; среднего, если он зануда, непременно выпихнут назад.

---

¹² См. интересную статью А. Черновой «Семиотика занудства» (Кяарику, 1966), где автор рассматривает случаи, когда текст воспринимался по-разному в зависимости от того, зануду или паскуду считали автором. Как установила исследовательница, после смерти зануда выходит из поля действия эффектов Р. и Ц.

5. Эффект Наташи¹³

Установлен также частный эффект, определяющий т. н. личную жизнь женщины-зануды.

В зануд влюбляются, на паскудах женятся.

Подробно — см. Приложение I.

Некоторые ученые считают, что в основе этих эффектов лежит еще не изученное физическое явление: паскуды излучают особый вид энергии, вызывающий у людей не вполне осознанное чувство, подобное страху. По мнению других, энергию излучают зануды; явление сопоставимо с известным в зоологии действием запаха крови на некоторых животных. Эти гипотезы хорошо объясняют эффект ножа (в узком смысле слова). Толпа не знает, а часто — не видит человека, но ведет себя по-разному в зависимости от того, паскуда он или зануда.

Некоторые, однако, полагают, что дело не в энергии, а в особых законах поведения зануд и паскуд. Наука выделила три таких закона:

1. закон воды и гуся,
2. закон пальца и рта,
3. закон товара и лица.

1. Когда обидится зануда, не обидится паскуда.
2. Когда обидится паскуда, не обидится зануда.

а) Зануда обижается, когда его *хотят* обидеть — оттолкнут в очереди, скажут гадость, ударят в больное место, прекрасно зная, что ему это неприятно.

Паскуда обижается, когда его совсем *не хотят* обидеть — нарушат какие-нибудь правила и т. п. (когда хотят, обижается тоже, но это бывает крайне редко).

б) Зануда ищет свою вину, прощает, как только обидчик того захочет (в тяжелых случаях — просит прощения сам).

Паскуда своей вины не ищет и не прощает вообще.

в) Когда речь идет о зануде, слово «обидеться» значит «страдать» и «удивляться».

Когда речь идет о паскуде, слово «обидеться» значит «поставить на место».

---

¹³ По имени героини «Униженных и оскорбленных». Рекомендуем работу И. Геца «Парадокс порядочности» (Каролинки, 1967), где автор доказывает, что до последних десятилетий действию этого эффекта в некоторой степени мешала традиция.

г) Когда обижается зануда, к прежнему битью прибавляется битье за обидчивость («тебе слова нельзя сказать»).

Когда обижается паскуда, перед ним ходят на лапках («молодец, себя в обиду не даст»).

3. Обо всем, что он делает (чувствует), паскуда говорит с уважением, зануда — без уважения (со стыдом, смущением, иронией).

По мнению ученых, людям лень самим разбираться, и они благодарны паскуде, облегчающему их труд.

Об этом законе — подробнее в следующих выпусках.

***

На этом мы кончаем изложение Основ нашей науки. В следующих выпусках, как мы уже говорили, расскажем о ее проблемах.

Визит Карам 29/III 66

I II III IV

~~Светлая~~

глубоко
порядочный чел. ○

глубоко
порядочный
человек ○ ○

светлая
личность ○ ○

Салфетка из архива В. Успенского.

Н. Трауберг, В. Успенский, Т. Венцлова, А. Поливанова

Работа по типологии личности

ОБЕД
(с Т. Венгелова и А.)

I	II	III	IV
одежда	Васко- Коне- руе	Погода хорошо	Васко- Коне- руе

1	7420	1234
0	4200	
0	0	120
0	0	
0	0	

ман. 4.
хор. 1
пр. 4.

Н. Трауберг.
Вильнюс, 1964

ПРОБЛЕМЫ ЗАНУДОЛОГИИ

Выпуск II

ПРОБЛЕМЫ ЗАНУДОЛОГИИ

Новый этап в науке начался и встал новый круг вопросов, когда о. Сирил Уолл выдвинул свое смелое положение: "Всякий человек — зануда перед Господом"¹⁾. Слово патера Уолла особенно веско, т.к. он в других своих трудах показал, что бесконечно далек от либеральной аналогии всеядной доброты.²⁾ Напомним, что профессор О'Хара в своих речах предостерегает нас от бытующего среди поверхностных критиков мнения о сходстве учения о. Уолла с тем современным, глубоко неверным уподоблением зануды святому, которому отдал дань даже Г. Белль.

Итак, патер Уолл поставил по новому и осветил заново интересующую нас проблему. Его не удовлетворило простое, механическое деление мира на паскуд и зануд и кропотливое наблюдение их признаков; и вот, наша наука перешла на ряда естественных в высший план человековедения и даже богословия.

Что же увидел о. Уолл? Об этом лучше всего расскажет он сам. Представим ^{остав} ему слово.

"Когда на нас, людей, смотрят сверху, а не через тусклое стекло, — пишет о. Уолл, — все мы — нелепые, униженные дети. Поэтому и только поэтому Господь жалует и прощает нас. Один Сатана встал перед ним иначе — и был низвержен. Мы же, убогие дети, не можем за-

1) См. Father Cyril Wall, S.J. "A man as a box (zanooda)" Lond. N. 4/8, "The Culture of Charity, Zanooda v. paicooda" Lond. 1968

Учение Уолла. Споры и выводы

Новый этап в науке начался и встал новый круг вопросов, когда о. Сирил Уолл выдвинул свое смелое положение: «Всякий человек — зануда перед Господом»¹⁴. Слово патера Уолла особенно веско, т. к. он в других своих трудах показал, что бесконечно далек от либеральной апологии всеядной доброты¹⁵. Напомним, что монсеньор О'Хара в своих речах предостерегает нас от бытующего среди поверхностных критиков мнения о сходстве учения о. Уолла с тем современным, глубоко неверным уподоблением зануды святому, которому отдал дань даже Г. Белль.

Итак, патер Уолл поставил по-новому и осветил заново интересующую нас проблему. Его не удовлетворило простое, механическое деление мира на паскуд и зануд и кропотливое наблюдение их признаков; и вот наша наука перешла из ряда естественных в высокий план человековедения и даже богословия.

Что же увидел о. Уолл? Об этом лучше всего расскажет он сам. Предоставим ему слово.

Когда на нас, людей, смотрят сверху, а не через тусклое стекло, все мы — нелепые, униженные дети. Поэтому и только поэтому Господь жалеет и прощает нас. Один Сатана встал пред ним иначе — и был низвержен. Мы же, убогие дети, не можем закрыть от Господа нашу унижительную наготу. Тут — наше спасение, в прямом смысле слова.

Можно быть паскудой для мира — но не для Господа; по жизни — но не по сути. <...> И загадка *caritas* — христианского взгляда на ближних — именно в этом. Ближний в Писании приравнен к «самому себе». В каком же смысле? Неправы те, кто видит в *caritas* восхищение, *admiratio*: никому не могут нравиться все люди, да и сами мы не всегда нравимся себе (кстати, Церковь отнюдь не хочет, чтобы мы себе нравились, и вряд ли стала бы класть это во главу угла одной из двух главных заповедей). Неправы те, кто приравнивает *caritas* к личной привязанности; мы неизбежно привязаны к одним сильнее, к другим — меньше, и ничего дурного здесь нет. Неправы и те, кто видит в *caritas* только и преимущественно активную помощь («помоги, как помог бы себе»). Мир невообразимо сложен, и прямая помощь, при всей ее красоте, чаще всего приносит неожиданные, совсем не благие плоды. Мы не можем отбрасывать опыта афонских подвижников, отказавшихся от какого бы то ни было вмешательства в жизнь; что ж, великим отцам недоставало *caritas*, как может показаться гуманному либералу? А кроме того, помощь — действие; в основе его могут лежать любые, самые дурные чувства (см. 1Кор. XIII).

¹⁴ См. Wall C., SJ. 1) A man as a bore (zanooda). London — N. Y., 1961.; и 2) The Outline of Charity. Zanooda v. pascooda. London, 1968. Отрывки даны в переводе Н. Трауберг.

¹⁵ Сошлемся, к примеру, на серию работ под общим названием *Saligia* и на статью «*Ordos, caritas, veritas* — неслиянно и нераздельно» (русс. пер. см.: *Acta A. R. P.*, вып. 8).

Неправы, наконец, те прекраснотушные еретики, которые вообще не признают вины и считают, что наш долг — видеть «хорошими» всех на свете. Их точка зрения *in the long run* приводит не к любви, а к страшной пустоте безразличия. Ближе всего к истине те, кто мыслит так: о себе и отчасти о близких мы знаем очень много, и потому — взвешиваем все и все можем понять; признаем, что всякий человек столь же непрост — и мы не сможем никому презрительно бросить «рака́». Все это верно: но, по-моему, проще и точнее сказать, что перед собой и порою перед близкими всякий человек слаб и жалок, как перед Богом. И вот, мысля о ближнем, мы должны увидеть его не защищенным и ополчившимся против мира, а маленьким, нелепым и слабым, как ребенок. Тогда, кто бы он ни был, случится странное чудо: мы не сможем судить его со стороны, как, в сущности, не судим себя. Мы «поймем» его, а простим ли — зависит от того, как понимать это старое слово. Да, простим, как прощает нас Господь, если «прощать» значит не отмахнуться, не скривить губы, словно перед вами существо другой, непонятной породы. Нет, не простим, а — быть может — казним, как казнит нас Господь и как казним мы себя сами — страдая и мучительно любя.

В другой своей статье о. Уолл пишет так:

Быть может, всякий рождается таким, и только жизнь мира сего накладывает на него, слой за слоем, панцырь паскудства¹⁶. В раннем детстве все мы — зануды, все беззащитны, нелепы и открыты нападению. Потом большинству из нас удается создать корку, защитный слой, о который ударяется ближний. Но перед собой и перед Богом, а часто — и перед близкими, мы остаемся голыми навсегда.

Есть ли человек, защищенный, одетый перед самим собой? Мне страшно об этом подумать. Если он есть — человек ли это?¹⁷

И, наконец, пародируя со свойственным ему юмором ходячий тип формулы, о. Уолл пишет:

Человек человеку — зануда. Вот он, закон христианского милосердия. Мир же учит: «Человек человеку паскуда», и безжалостно уничтожает всякого, в чьем панцыре завидит хоть щелочку¹⁸.

¹⁶ Ср. точку зрения т. н. школы Глазовых.

¹⁷ О. Уолл не развивает этой мысли. По-видимому, он все же считает, что таких людей нет. О другой точке зрения — см. ниже.

¹⁸ Е. Корнилова обращает внимание на неточность, сделавшую возможными споры, о которых см. ниже: из этих фраз неясно, считает ли о. Уолл, что мир *видит* в каждом паскуду, или что мир учит *действовать* как паскуда.

Из частных замечаний о. Уолла отметим мысль о том, что у — то есть для — Достоевского почти все (или все?) — зануды¹⁹; у Толстого же — почти все паскуды. (Напомним еще раз, что ни один из терминов не имеет пейоративного оттенка.) «Толстой видит так, как видят люди, — пишет о. Уолл, — Достоевский же — так, как видит Бог, и потому его книги не страшны, а утешительны для нас».

Учение о. Уолла породило много новых, разных проблем. Остановимся на них.

1. Проблема Пири

В своей книге «Фея Розабельверде и майор Скоби» С. К. Пири, восхищаясь учением Уолла, обращает все же его внимание на текст о бисере и свиньях. Пири полагает, что учение Уолла применимо только до тех пор, пока речь идет о *восприятии* ближнего; в практике же, в поступках оно выражаться не может (отметим, что об этом, хотя и вскользь, и без уверенности, говорил сам о. Уолл). Перебирая возможные примеры действенного выражения *caritas*, Пири приходит к таким выводам:

Ты увидел человека жалким. Что же ты можешь сделать для него? Одно: возвысить, вытащить из унижения. Но как? Только так, как сделали это фея и майор, увидевшие глазами *caritas* крошку Цахеса и миссис Скоби.

По мнению Пири, помощь может проявиться только в одном: в т. н. каритативной лжи. Но может ли быть ложь орудием истины?²⁰ Вероятно, нет. И вот вместо добра мы получаем зло. В случае Розабельверде униженный возвышен за счет других людей. В случае Скоби — за свой собственный. Перефразируя тут слова апостола, ученый называет это «унизить себя, чтобы возвысить вас». Каритативная ложь в лучшем случае не удастся; в худшем и частейшем — приносит прямое зло. Свиньи, не обратившись, терзают других (резонанс Розабельверде) или, обратившись, самого сострадателя (резонанс Скоби).

По мнению большинства, ошибка Пири в том, что он не видит никаких других путей каритативной любви. «Хорошо, — пишет М.-Ф. Чепайтите, — но как же быть с мнением апостола Павла? Он считал, кажется, что подвиги помощи нехороши без любви (см. 1Кор XIII); а если с любовью? И вообще, как быть со всем мировым опытом Западной Церкви?». На это Пири отвечает, что когда речь заходит о Церкви, он судить не берется. Вероятно, в дело вступают иные законы.

¹⁹ Т. Чепайтис заметил в одной из своих лекций, что именно поэтому эффект Раскольникова применим к таким, как Смердяков, и вообще ко всем.

²⁰ Эпиграфом к своей книге Пири берет текст из книги Иова: «Надлежало ли вам ради Бога говорить неправду и для Него говорить ложь?» (Иов 13:7).

С другой стороны, иеросхимонах Авзоний (Петров), удивляясь «наивности, поистине странной у христианского писателя», напоминает Пири, что «сентиментальная благотворительность не имеет ничего общего с деятельной любовью, и это было известно еще в IV веке». Протоиерей И. Роднянский, однако, спрашивает А. Петрова — в чем же конкретно *проявляется* христианское отношение к ближнему? Только ли в молитве за него? По-видимому, так — ведь ученый говорит прямо: «Препоручим же ближнего Тому, кто может помочь без лжи». Но, быть может, есть что-то еще? Авзоний оставил пока без ответа вопросы И. Роднянского²¹.

Патер П. Баррет в частной беседе удивился, в свою очередь, этим спорам и напомнил о давно известных 14 видах *operarum caritatis* — семи духовных и семи телесных. В частном письме С. К. Пири выводит за пределы исследования *opera* телесные и настаивает на том, что при рассмотрении духовных (в особенности *consolare afflictum* и *ferre onerosos*) немедленно встает его проблема; не встает она только в случае *pro omnibus orare*. Как видит читатель, на этом пути исследование зашло в тупик.

2. Теория Траубридж

Мэри Дж. Траубридж поставила вопрос несколько иначе²². Вот основные положения ее теории.

О. Уолл прав, пока речь идет о восприятии *ближнего*. Когда же мы переходим в плоскость поведения, а) ближних и б) нашего (по отношению к ним), приходится признать, что мир все же делится на паскуд и зануд. И Скоби, и фея этого не учли. Но все было бы иначе, если бы оба плана совпали — т. е. если бы они метали бисер *caritatis* перед занудой.

На этом основании М. Траубридж строит следующую схему:

Зануда (-ы)	→	зануде	сфера действия	т. н. Божеских законов
— « —	→	паскуде	— « —	резонанса Розабельверде–Скоби
Паскуда (-ы)	→	зануде	— « —	законов Дарвина
— « —	→	паскуде	— « —	т. н. законов мира сего (светских)

²¹ См.: Записки Лобнинской богословской школы. 1967. Вып. 5.

²² Траубридж М. *Caritas caritatis*. М.: Просвещение, 1967; пер. с англ.

Специально разрабатывая проблему первого соотношения, М. Траубридж считает, что зануда а) среди зануд или б) получивший помощь от зануды, расцветает и реализуется. В случае а), по ее мнению, создается особо сильное поле, где действует без помех чудо Честертона (см. выше).

По мнению исследовательницы, беда в том, что *caritas* мешает нам видеть, каков человек в плане поведения (у о. Уолла — «по жизни»). Наша задача — остановить *caritas* на уровне восприятия, пустить в дело ум («на злое будьте младенцы, но не дети умом» — 1Кор XIV:20) и, если объект окажется паскудой, ограничиться, все в том же плане поведения, печальной улыбкой.

В дискуссии по поводу теории Траубридж были поставлены три вопроса²³:

1) Исследователь принимает как постулат, что только зануда способен увидеть в ближнем зануду. Так ли это? М.-Ф. Чепайтите, обыгрывая выражение «слабое место», предположила, что многие паскуды оказываются в отношении к человеку подобны зануде, когда дело касается кого-то им очень дорогого (т. н. эффект еврейской мамы или нежного немца). Это предположение не получило разработки.

2) Неясно, в какой форме проявляется помощь зануды (зануд) зануде. Если в форме каритативной лжи — значит ли это, что ложь иногда может быть добром? Если нет — то в каких же формах?

На это М. Траубридж ответила так неопределенно и восторженно, что ее слова должны быть отнесены к области поэзии, а не к области науки. По-видимому, вопрос остался открытым.

3) Наконец, Г. Глазов спросил: нельзя ли считать, что в некоторых случаях зануда в результате помощи становится паскудой?

Исследовательница ответила, что, по ее мнению, зануда паскудой стать не может. Зануда-сострадаватель застаёт паскуду в момент слабости. Точно так же можно застать и зануду; но в том и разница, что зануда не будет за это мстить, паскуда же — будет. Исследовательница напомнила, что сущность паскуды не в постоянной силе (от слабости и унижения не застрахован никто), а в особой закрытости, непробиваемости²⁴. «В сущности, — закончила она, — мы можем судить, с кем имеем дело — с занудой или с паскудой — по тому, вызвала ли наша помощь резонанс Розабельверде-Скоби».

Г. Глазов остался при своем мнении (см. ниже).

4. В ходе дискуссии ученые установили, что, кроме каритативной лжи, резонанс Розабельверде-Скоби могут вызвать еще 44 вида помощи.

²³ Материалы дискуссии. На правах рукописи. М.; В., 1967.

²⁴ См. выше. Вып. 1.

3. Мнение Матушки

Полемику вызывали и другие аспекты учения. Так, Н. Матушка в своей полемической брошюре²⁵ возражает о. Уоллу.

К чему тут призывать? Человек и так зануда другому человеку; но что с того? Всякого из нас «видят насквозь», всякий смешон и жалок — иначе не были бы возможны все унижительные пересуды, от которых не защищен поистине никто. Предостерегая от прекраснотушии, о. Уолл сам попал в его сети. Увидь в ближнем зануду — считает он — и ты его пощадишь, как щадишь себя. Еще чего, сэр! Увидь зануду — и ты ударишь его в незащищенное место²⁶.

И дальше:

А с собой чего сравнивать? Себя-то пожалеешь, никуда не денешься, и своих еще туда-сюда. Нет, не так все просто после беды с Адамом. Мир — хуже, чем кажется о. Уоллу, он жесток и груб в куда более страшном и безысходном смысле²⁷.

Возражая Н. Матушке, Е. Корнилова в одном из своих выступлений напомнила: паскуда тем и отличается от зануды, что способен *практически* защитить эти слабые места. Да, и зануда, и паскуда вызывают безжалостные и унижительные толки; правда, когда дело идет о паскуде, толков этих меньше (вспомним эффект Раскольников), но не в этом дело. Их может быть ровно столько же; важно другое: толки эти не пробивают панцыря, соскальзывают с него.

Вообще же, восхищаясь учением о. Уолла, многие исследователи считают, что он принял как постулат невысказанное равенство: увидеть беззащитным = пожалеть. Быть может, так оно и есть; но это надо доказать. Быть может, прав Н. Матушка.

4. Гипотеза Глазовых

Вернемся к тому, о чем мы говорили в Выпуске I. Развивая другие стороны учения о. Уолла, братья Г. и Я. Глазовы вводят фактор времени. Да, считают они, о. Уолл прав. Всякий человек — зануда, но далеко не только «перед лицом неба».

---

²⁵ Матушка Н. Оптимизм отца Уолла. М.; Л., 1967; пер. с чешского.

²⁶ Матушка Н. Указ. соч. С. 8.

²⁷ Там же. С. 34.

Нет человека, который и в плане поведения прожил бы паскудой всю жизнь. Только в небольших, возможно — очень малых временных пределах вправе мы судить, к какому классу относится индивидуум.

Вы встречаете лопухого мальчишку, над которым издевается весь класс, — и сердце ваше раскалывается от боли. Вы видите в гостях толстую и прыщавую девицу, на которую никто не взглянет, кроме собственной матери. Вы молитесь: сделай их какими угодно, только не такими! И что же? Ваш вопль услышан. Не потому ли мы встречаем через годы уверенного делягу и презрительную даму? Не будем же их судить: это — те²⁸.

Далеко не все ученые приняли эту гипотезу. М.-Ф. Чепайтите заметила (в личной беседе), что описанные индивидуумы не обладали изначально всеми дифференциальными признаками зануд.

5. Ересь Еремеева

Сам о. Уолл заметил, что его призыв применим, только пока человек жив, — иначе он отменял бы доктрину о вечных муках. Развивая это высказанное мимоходом мнение, С. Еремеев пришел к довольно неожиданным выводам и создал свое учение — о т. н. паскудах перед Господом²⁹.

Вы говорите, отец, что только после смерти может человек лишиться Божьей любви. Вы говорите, что всякий, пока он жив, — наг и жалок по своей сути, и потому призываете к любви человеческой. Наг и жалок, и достоин любви? О, если бы! А Сталин? А Гитлер? А Мэнсон? Пусть винят меня в кальвинизме — я не могу поверить, что Господь их любит, и не стану призывать к состраданию.

И дальше:

Я убежден, что многие люди суть не дети Божьи, но подонки, и выключаю их из закона христианской любви.

---

²⁸ Бр. Глазовы. Указ. соч.

²⁹ См.: Еремеев С., ОР. Семь писем отцу Уоллу. Гаага; Париж, 1966. Отрывки даны в нашем переводе.

Монсиньор О'Хара признал учение Еремеева еретическим и, со всей *caritas*, отказался публично от своего талантливейшего ученика. С другой стороны, некоторые ученые, исходя из гипотезы Еремеева (по-видимому, без его согласия), пошли много дальше. Они считают, что классические признаки зануды (нелепость, слабость и т. п.) суть показатели т. н. паскудства перед Господом. Согласно этой теории, испытывать *caritas* можно только к тем, кто у других исследователей определяется как паскуда (знаменитое мотто Муравьева: «Только сильный достоин сострадания»). Тем самым вопрос о Сталине и Гитлере становится открытым; исключаются же из Божеской и человеческой любви П. Тыркина, О. Рондó-Безверхова и прочие лица, подходящие под каноническое определение зануды.

***

Как вы видите, споры и теории подвели нас и к полному сомнению и даже к перестановке основных понятий. Когда прочитаешь все бесчисленные статьи, прослушаешь все споры, перестаешь понимать, есть ли вообще зануды и паскуды. И тут позволю себе привести прекрасные, достойные св. Фомы, слова М.-Ф. Чепайтите:

Так что же, их нет? Вот они меняются местами, переливаются, дробятся. Закроем книги, выйдем в мир и увидим: они есть. Мир делится так почему-то, но не науке справиться с этим. Поверим себе — и не станем верить чутье ненадежной меркой человеческой логики.

Слева:
Н. Трауберг, Мария, Томас, В. Чепайтис.
Вильнюс, ул. Лейиклос, 1967

Справа:
Листок из архива В. Успенского.
Н. Трауберг. Работа по типологии личности

мир лежит со зле

быть как дер

миры как
ми

Ю. ир, но
ми

св. Фран-
ки

св. Роты

св. Доминики

Талки

Баташи

Буревик

Не лежит
он, все
тако
баранье

Легит-то он
лежит, а
мы его
берем

Легит, та-а,
ни его ...

Бруси

Литшени

Ккелси

Ах, велико
вы убожество,
вы тако
ми!

Легит, что
и слово-то,
а я все
создам

Легит, и
перемь всех
премь

Приложение I. Фазы действия эффекта Наташи

	М-зануда	Ж-зануда	М-паскуда	Ж-паскуда
Фаза Беатриче (поклонение)	Зануда в первый и последний раз внушает т. н. <i>tremor</i> — по-видимому, сильное поле тормозит действие основных закономерностей	Сдается сразу, притворяется сильной, не оставляет за собой никаких прав (т. н. <i>superbia zapudae</i>)	Лениво и снисходительно раскачивается	Кочевряжится, притворяется слабой, права оставляет
Фаза Убывающей Любви — 1	<i>Tremor</i> проходит; первые (неизбежные) проявления хамства, удивление («у кого у кого, но у нас!»), легкое раздражение	Страдает, старается, но не может это скрыть (вступает в действие закон гуся)	Первые (неизбежные) проявления хамства	Все съедает (вступает в действие закон гуся)
Фаза Убывающей Любви — 2	Тяжелое раздражение («и чего ей надо?»); вступает в действие эффект Раскольникова	То да се (истинный ад)	Приятность («А с ней — ничего...») и некоторый неосознанный страх	Переходит в наступление
Фаза Девятого круга	(известно что)	Гибнет; или из <i>Z. tener/felix</i> становится <i>Z. clatans/ferox</i> ; или пшет (т. н. эффект волшебного сада); или еще утешается тем, что она — особенная, отсюда все беды (т. н. эффект Лилит)	Полное подчинение и брак	Фаза Хозяйки — может кричать, страдать и вообще делать что угодно — уже ничто не вменяется в вину (вступают в силу все эффекты в крайней форме)

Приложение II. Из архива С. Пири

Фея Розабельверде³⁰

Очень хочется помочь людям. Филантропия не филантропия, а сил нету смотреть, как они друг друга пинают. Придет, скажем, *X* и ругает *Y*; придет *Y* — ругает *X*, причем верно ругает, за дело, только очень уж со вкусом, радостно и так, словно ее самое ругать не за что. Это еще — случай простой, даже простейший: тебе одному плохо; *X* и *Y* друг друга не слышат и могут потом перед тобой делать вид, что их все очень любят (не то что тебя!). Бывает куда хуже — люди в глаза унижают друг друга; а именно унижение переносится больней всего. Папа Бенедикт XV знал, что говорит, когда назвал унижение главным злом века. Бывало, конечно, и раньше — об этом свидетельствуют и слова про «ракá», и весь Достоевский, и очень многое посередине (по времени). Но уж так, как теперь, вряд ли бывало. Иначе почти и не разговаривают — только и слышишь, как брату свысока кидают: «безумный». Я говорю не о спорах, даже не о гневе, и не проповедую сладкого дурного мира; можно сечь друг друга мечами, и это не будет «ракá». Я говорю о том, как бьют в больное место. Странное, очень цепкое желание: а ну-ка, унижу его (ее), пусть станет пониже и похуже на вид. Скажем, одинокую женщину благожелательно спрашивают, когда же она, такая хорошая — и куда мужчины глядят! — выйдет, наконец, замуж. И все, дело сделано, как будто ткнули иголкой в шарик. Она-то знает, что они знают, что это ее не берут. Вот тут — и начинаешь. Нужно одно: залатать шарик поскорей, чтоб не вышел заодно воздух. Как же его латать? Уговорить, чтоб не унижали, — абсолютно невозможно (пробовала). Такую софистику разведут, что ты же и выйдешь в непорядочные (хорошее, кстати, понятие, очень удобное — и себе слава, и другого уничтожишь, и никаких доказательств не нужно). Итак, унижать все равно будут. Значит надо побыстрее состряпать перевес. Методикой могу поделиться.

1) Собирайте и передавайте части чужих фраз, где было что-нибудь мало-мальски не унижительное (целых фраз не бывает).

Пример. «Не понимаю, что у вас общего с этой *Y*! Ну, может, она и занятная, но ведь дура». Передайте: «*X* сказала, что ты очень занятная».

Результат. *Y* меняет мнение об *X*, улыбается ей при следующей встрече и говорит вам: «А знаешь, она ничего». Потом вы встречаете их вместе. Потом *X* говорит *Y*, что вы называли ее (*Y*) дурой, и они объединяются против вас, тем более что — см. п. 2.

---

³⁰ Некоторые ученые считают, что статью эту написал не Пири, а его неизвестный предшественник, вернее — предшественница.

2) Применяйте формулу «Это еще что! А вот я...».

Пример. Х жалуется, что ее, опять же, унизил тот или иной мужчина. Вы объясняете ей, что так бывает всегда, а вас унижают обычно еще больше. Х охорашивается.

Результат. После 3–10 таких бесед Х объясняет вам, а затем У и максимальному количеству людей, что вас всегда все унижают, а мужчины просто топчут, потому что вам не дано управлять ими лихо, как она. Апофеоз.

3) Внутренне сжавшись от ужаса, вы приписываете Х или У свойства, прямо противоположные истинным, но унижительным.

Пример. «Ну, ты ведь надолго верной быть не можешь», или «Смотри, хоть этого не брось» и т. п. Тут вы учитываете, что обвинение в блудстве или в лихости не унижительно (по нашим временам), а даже намек на одиночество или неуспех унижителен до самой крайности.

Результат. Еще хуже, чем те.

Но ведь можно же, бывает же иначе! Есть же люди, которые от такой поддержки становятся не хуже, а лучше! Есть, только очень редко — гораздо реже, чем кажется. И выхода два: поглупей и поумней.

Умный выход: не плодить Цахесов. В нем есть правильность, хоть и мрачноватая, есть и просто правда — ведь ложь не может быть добром, а Цахеса вскармливают из земных средств чуть ли не одной ложью. Есть и огромная опасность — нельзя провидеть в каждом Цахеса, ведь может оказаться и не Цахес. Кажется, эта опасность перевесит. Презумпция виновности — страшней всего, и мы не можем воспользоваться умным выходом.

А выход глупый — плодить Цахесов, но — терпеть, не обижаться, когда они обратятся и растопчут тебя. Однако и тут все не так просто; сама, предположим, вытерпишь — а как другие? Ведь Цахес отъелся и против них. Когда он в силе, он навредит далеко не тебе одной. У Гофмана он вообще навредил только другим, а фею не трогал. Но в жизни, слава Богу, так почти (или совсем?) не бывает. Настоящий, реальный Цахес не урчит, когда его причесывают, а 1) кусает фею, 2) объясняет ей, что он — поэт, министр и прочее, а она — тьфу, и 3) скрупулезно (а главное — верно) передает, кто и что в подтверждение этому сказал. Жители же обычно страдают меньше феи. Мош Терпин не страдает вообще — он бойко отбрыкивается; худо только Бальтазару с Адрианом, а ведь их — меньше, и они с феей сталкиваются. Так что фея вправе решать за себя, не очень учитывая других. Как все трудно!

Отличие опыта от книг не в факте (есть Цахесы), а в пропорции. Факты все правильные, только в этой жизни соотношение другое. У Гофмана — один Цахес на княжество; в современной книге — их штук десять на сотню персонажей (и то — если писатель на них специализировался); а в жизни — 90 на сотню, или 99, и только одна вера не позволяет думать, что 100.

(Тут меня перебивает приятельница З.)

З.: Что ты такое порешь? Разве так помогают? Вот билет купить, дать денег, помыть пол — это помощь. При чем тут всякие унижения и возвышения? У тебя прямо какой-то бзик.

Я: Ты правда так думаешь? Как мне хочется думать, как ты! Еще бы немножко, хоть лет пять, видеть от книжки, а не «от жизни» — но не могу. Видеть от жизни все просят (в газетах), да мало кто решается. В юности (не в детстве! — там мы видим верно), в юности и нельзя, будет каша, в лучшем случае пиранделлообразное *as you like it*. Трудно, медленно, не в молодости, из каши начинают сгущаться робкие универсалии. Они — свои, но им не веришь, слишком похоже на книжки вроде Фаунтлероя или даже, верней, на Книги и на выварки из них — нянину и бабушкину мудрость. А уж на что совсем не похоже, так на бодро-либеральный, без дураков, взгляд, который мы подхватили лет в двенадцать от людей 1920–1930-х гг. (т. е. от тех, кто на всю катушку запустил откровения XVIII и XIX века). Одна из этих новых, неожиданных истин — деление людей на гордых и смиренных, как было в детстве, у няни: «Бог с ней, она важная» и «Хороший человек, всякий его обидит». Другая, еще точнее — деление на простых и хитрых, а еще одна, о которой тут речь, даже не влезает в слова, но она была в детстве, я это точно помню, и прибавила бы «значит есть у Бога», если бы не стучал ток от одного воспоминания, как теперь важно пишут и говорят такие фразы.

З.: Ближе к делу!

Я: Прости, пожалуйста! Папа Бенедикт XV говорил, что в нашем веке самое страшное — унижение людей. Конечно, унижали всегда, и Папа это великолепно знал, слава Богу — читал каждый день ту книгу, где мир разрублен мечом на униженных и унижающих...

З.: Про Папу уже было.

Я: Прости, ради Бога! Я думала, не было. Ну, без Папы. Конечно, практически, *opera caritatis* — накормить, напоить, помыть (в католической *theologia moralis* их семь) — нужны всегда, тем самым и сейчас. Но есть перекося. Не будем спорить, был ли он в прежние века. Сейчас он есть, людей без остановки бьют по больным местам. В последние годы это выкристаллизовалось, получило имя, и косяком пошли Кабирии или «Главные улицы». Конечно, те, кто ставил или писал про это первый (точнее — заново), думал заорать в пустыне. Но вышло хуже: пустыня-то осталась, зато надежда для Кабирии исчезла. Раньше их били без соуса, теперь — приговаривают: «Кстати, вы видели „Кабирию“? Ах, это прямо про меня! Как он все понял! Какой безжалостный мир, какая нежная у меня душа, а ну, поддай!» Концов не найти уже окончательно, а у бедных Кабирий и К° — нет и последней иллюзии: «Вот уж узнают, что простота лучше, — и оставляют нас в покое». Фиг.

З.: Ближе к делу!

Я: Хорошо, только ты же сама потом скажешь, что я ругала Феллини или там хвалила дзен-буддизм. Ведь никогда не угадаешь, что из твоих воплей выведут! Ну да я привыкла. Так вот: теперь главная беда у людей — растоптанность. Люди стыдятся одного — униженности, хотят одного — чтоб их увидели чуть-чуть достойней...

З.: Ах, опять ты за свое, ну прямо помешалась! Пойду-ка я лучше по делам...

Нет, все неверно. Принять глупый выход нельзя ради самого Цахеса. Ведь как-то все вывернулись, а он, как ни верти, утонул в горшке. Бальтазара с Адрианом и пусть даже фею он немало измучил, «души погубить не смог». Даже вроде бы прочистились, перетряхнулись, но вот сам он, бедняга, обрел страшнейшее на свете: апломб. Это бесовское свойство противоположно уму — не может быть умный человек с апломбом. Если уж с апломбом, так значит не умный, а его, скажем, изотоп — круглый дурак. (См. у Тэффи, какой дурак — круглый. А не посмотрите, поясним: логичный, серьезный, категорический и т. п.) Противоположен апломб и деликатности — просто невежливо говорить с апломбом. Так что и по логическому счету, где душа ни при чем, апломб — недостаток. Но это тьфу по сравнению со счетом не-логическим. Тут уж апломб противоположен смирению — закваске, фундаменту, без которого вообще о спасении нечего говорить. Так вот, создавая советника Циннобера, мы не спасаем, а губим несчастного вонючего звереныша, которого увидели у дороги. Вероятно, это и решает. Придется принять умный выход. А как? Дай Бог, когда-нибудь узнаю.

Историческая справка к трактату *Summa Anthropologiae**

С 1963 по 1969 г. семейство Чепайтисов с друзьями снимали летом комнаты у рыбаков в поселке Пярвалка на Куршской косе. Летом 1966, когда предположительно был написан трактат, в Пярвалке жили Галина Петровна Корнилова с дочкой Катей (1957 г. р.), семейство Глазовых — Юрий Яковлевич, Марина Григорьевна и их дети Лена (1953 г. р.), Гриша (1963 г. р.), Яша (1966 г. р.).

Во второй половине лета Н. с Томасом Венцловой поехали на симпозиум по семиотике в Кярику (Эстония). Кроме того, в трактате упоминаются Наталья Юрьевна Ковалева — студентка Ленинградского филфака, Пиам Павловна Гайдено — философ, с которой Н. познакомилась в то время, Агнесса Чернова — в дальнейшем жена Томаса Венцловы, Илья Гец — муж Цили Гецене, которая с Томасом Венцловой работала в Вильнюсском университете, Пири — игрушечный медведь Т. и М.

---

* Трактат «*Summa Anthropologiae*, или Матвеевский садик» написан в 1969 году. Историческая справка написана автором в 2008 году.

Наталья Леонидовна Трауберг

Summa Anthropologiae, или Матвеевский садик (Hortulus Matthaei)

Составитель: Мария Чепайтите

Дизайнер: Арина Журавлева

Выпускающий редактор: Петр Лезников

Корректоры: Алексей Белозеров, Валентина Кизило

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,86. Тираж 1500 экз. Заказ № 4404

ООО «Книжные мастерские»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

ООО «Мастерская „Сеанс“»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

+7 (812) 237-08-42

info@seance.ru

<http://seance.ru>

Отпечатано в ЗАО «Типография „Моби Дик“»

191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 44

+7 (812) 572-21-21

info@mobyprint.ru

<http://mobyprint.ru>

Наталья Трауберг

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

Трауберг Н. Л.

Домашние тетради. Тетрадь четвертая: Петровский парк. — СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — 36 с. — ил.

ISBN 978-5-905586-05-7 (Книжные мастерские)

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© 2013 Трауберг Н. Л. (наследники)
© 2013 000 «Книжные мастерские»
© 2013 000 «Мастерская „Сеанс“»

Наталья Трауберг

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

«Ёлочка»

СЕАНС

Н. Трауберг читает Т. Кибирова.
Москва, 2007

Введение

Недавно мне пришлось редактировать книгу «Детективные истории в Библии». После этого Библейское общество задумало издать «Любовные истории»; видимо, я буду их переводить. Книжки эти строятся так: небольшая статейка — и отрывок из Писания. Сразу пришло в голову сделать что-то подобное, но уже с обыкновенными, человеческими книгами. Перебрав очень многое, я не без удивления поняла, что за восемьдесят лет меня очень тронули книг десять, не больше — то есть не вообще книг, а рассказов о странном союзе, который христиане считают таинством. Быстро отчеркнув на полях отрывки из пяти-шести книг, которые были дома, я еще быстрее написала к ним статейки, предположив, что это будет такой цветник, антология. Странность состава я надеялась смягчить тем, что расположу авторов по алфавиту, и читатель как-то смирится, хотя почти сразу после Вудхауза идет Достоевский (правда, разделяет их Диккенс).

Однако с самими цветами не выходило ничего. История Дика и маркизы очень длинна и обстоятельна. Куски из «Перелетного кабака» образуют какую-то голую поэму, если рядом нет клоунады с Гиббсом или Квудлом и, как ни странно, стихов и песен. С Уайлдером — еще хуже: то, что хотелось передать, почти не выражено. Можно просто переписать все про Юстэйсию — но повествование непозволительно сдвинется. Я очень надеялась на главу из второй части «Маленьких женщин», но и тут все пошло прахом. Любимая с шести лет глава «Под зонтиком» оказалась водянистой, или рыхлой, или еще какой-то, но уж никак не образцом трогательнейшей любви. Правда, последний в составе — Чехов — не подкачал, бери и переписывай. Но все-таки мало, и должен же быть какой-то принцип: антология это или не антология?

Попробуем так: по воле алфавита обрамляют книжку Чехов и Вудхауз; что-что, а у них ни водянистости, ни рыхлости нет. Об остальных я попробую рассказать, включая отрывки, иногда — отдельные фразы. В конце концов, каждый может взять соответствующую книгу и прочитать остальное сам.

Еще думая об антологии, я захотела после каждого трех писателей вставить отступления, в прозе и в стихах. Наверное, я так и сделаю и оставлю, если приживется.

Некоторые соображения

Хорошо, любовные истории. Однако поневоле задумаешься. Сколько времени гадают, когда любовь была, когда — нет! К счастью, реалистически описывая исключительно опасную похоть, темный огонь без света, авторы библейских Притч не употребляют всуе слово, очень затасканное теперь — но не тогда. Античные аналоги — употребляют, но лучше от этого не становится. Честный Катулл хоть прямо написал еще и *odi*.

Открытие XII века, куртуазный культ дамы, принес новые опасности. Даже если он действительно «с Востока», это дела не меняет. Таких проверок любви, как жалость, смех, умиление, как не было, так и нет. Зато возрожденческое распутство и романтический культ влюбленности (да и наши жалкие культы) могут позаимствовать из него особые оттенки прельщения и гордыни. Но зачем гадать, когда, наперекор времени, есть «Песнь песней» — о начале, и Иоаким с Анной — о свершении?

Словом, здесь будут только те кусочки и пересказы, в которых удалось хоть как-то выразить почти непостижимое чувство, делающее из двух людей одного.

I

Пэлем Грэнвил Вудхауз. Перелетные свиньи

Судя по всему, печальный, застенчивый, даже мизантропический Вудхауз сохранял лучшие черты ребенка. Сам он вполне удовлетворился неожиданным, даже случайным браком с бойкой дамой, которая не мешала ему тихо жить. Однако в юности он был почти бессловесно влюблен в женщину, которая его в какой-то мере опекала, а потом вышла замуж за его друга (и Вудхауз, и друг были значительно моложе ее). В своей семье он нашел истинную фею — падчерицу. Они помогали друг другу обманывать сварливую Этель. Изображал он такое создание часто; по-видимому, больше всего на их дружбу похожи отношения племянницы и дяди в «Билле-завоевателе». О тех, кто заподозрит тут другое, и думать не хочется.

В «Перелетных свиньях» Мод и Грегори, расставшиеся по недоразумению лет на двадцать, воспроизводят любовь хороших шестилетних детей. При этом они едят. Как наслаждались бы ученые, напоминая, что трапеза или пир — «на самом деле» то-то и то-то! По-видимому, пир просто лучший образ счастья, причем с одной немаловажной особенностью: ни о чем не надо умалчивать.

Даже в жалчайшем виде он сопутствует самым убогим суррогатам любви. «Останется» ли знакомый у Людки, Галки, Томки, если она не поставит угощения?

Правда, главное тут — выпивка, она и работает. Но вернемся поскорей от таких обычных и страшных вещей к пирогу «Амброзия».

Сэр Грегори Парслоу сел обедать, когда зазвенел звонок. Обед он заказал с утра, вложив в него много выдумки. Некоторые пьют с горя; он с горя ел. Освободившись от опеки, он собирался вознаградить себя за былые лишения.

Обед был такой:

семга,
суп из шампиньонов,
филе камбалы,
венгерский гуляш,
спаржа под майонезом,
воздушный пирог «Амброзия»,
сыр,
фрукты,
кофе,
пирожные птифур.

Пирог «Амброзия» — это вещество, которое состоит из взбитых сливок, взбитого белка, сахарной пудры, бисквитного теста, очищенного винограда, тертого кокоса и апельсинового желе, а означает (во всяком случае, для падшего баронета) высшую свободу.

Сэр Грегори расстегнул нижние пуговицы жилета и стал выдавливать лимон на семгу, когда у парадных дверей поднялся шум. То были Моды, прорывавшаяся в дом, и Бинстед, вежливо, а там — и злобно объяснявший, что хозяин обедает, беспокоить его нельзя. Вышеупомянутый хозяин только собрался сурово спросить: «Что за черт?», как дверь отворилась, и ворвалась Моды, за которой поспешал Бинстед, потерпевший поражение в неравной борьбе.

— Миссис Стаббз, — отчужденно возгласил он и умыл руки, предоставляя хозяину выпутываться самому.

Сэр Грегори застыл, как и семга на вилке. Всегда неприятно, если к обеду явится непрошенный гость, а уж тем более — призрак прошлого. Вспомнив, как подскокил Макбет, когда к нему зашел дух Банко, мы лучше пойдем сэра Грегори.

— Что? Что? Что? Что? Что? — выговорил он, как бывало с ним в минуты волнения.

Синие глаза гости опасно сверкнули.

— Та-ак! — сказала она, легко щелкнув зубами. — Удивляюсь, что ты можешь смотреть мне в лицо, Табби Парслоу.

Сэр Грегори заморгал.

— Я?

— Да, ты.

Сэр Грегори схватил кусок семги, чтоб укрепить мозги; он слышал, что это очень помогает. Он схватил его и съел, но ничего не вышло. Видимо, тут нужна какая-то другая рыба.

Моди, дождавшись встречи, о которой она мечтала столько лет, приступила к делу немедленно.

— Красиво ты со мной поступил! — сказала она, как сама совесть.

— Э?

— Я ждала, ждала в церкви!..

Сэру Грегори опять показалось, что мозги ему не служат.

— Ты? О чем ты говоришь?

— Не финти. Просил ты меня прийти в церковь седьмого июня, в два ноль-ноль?

— Какого июня?

— Сам знаешь.

— Ничего я не знаю. Ты в себе?

Моди горько и коротко засмеялась. Примерно этого она и ждала. К счастью, она вооружилась до зубов.

— Не знаешь? — сказала она, вынимая что-то из сумочки. — Пожалуйста, вот письмо. Смотри, смотри.

Сэр Грегори проштудировал документ.

— Ты писал?

— Да, я.

— Ну, читай.

— «Дорогая Моди...»

— Нет, на другой стороне.

Сэр Грегори перевернул листок.

— Вот, ровно в два, седьмого.

Сэр Грегори вскрикнул:

— Это не семерка!

— То есть как не семерка?

— Так. Это четверка. Четвертого июня, яснее ясного. Только... странному человеку покажется, что это — семерка. О Господи! Неужели ты пришла в церковь седьмого июня?

— Конечно.

Глухо застонав, сэр Грегори схватил еще один кусок семги. Ослепительный свет вспыхнул перед ним. Сколько лет он думал, что Моди холодно и подло предала его, а теперь увидел, что произошло одно из тех печальных недоразумений, о которых любил писать Томас Харди.

— А я пришел четвертого, — сказал он.

— Не может быть!

Сэр Грегори не отличался тонкостью, но все же мог оценить глубину этой драмы.

— В цилиндре, — сказал он, и голос его дрогнул. — Мало того, я отдал его надеть на болванку, ну, выгладить, или что это с ними делают, и протер пивом, чтобы блестел. А когда я прождал два часа и решил, что ты не придешь, я снял его и на нем прыгал. Да, прыгал, а потом уехал в Париж, билеты я купил для нашего путешествия. В Париже хорошо. Конечно, страдал без тебя.

Моди смотрела на него, поводя кончиком носа.

— А ты не врешь?

— Конечно, не вру. Да Господи, разве я могу с ходу такое выдумать! Что я, писатель какой-нибудь?

Мысль его была так разумна, что рассеяла последние страхи. Моди всхлипнула, отвела рукой кусочек семги и едва выговорила из-за слез:

— Табби, какой ужас!

— Да. Нехорошо вышло.

— Я думала, ты спустил деньги на бегах.

— Вообще-то на бегах я был, но мне повезло, я выиграл. Шрапнель пришел первым, ставка один к двадцати. Выиграл сто фунтов. Потому я и смог купить цилиндр. Деньги мне вообщегодились. Знаешь, как в Париже все дорого? Если тебе скажут, что там дешево, — не верь. Грабят на каждом шагу. Хотя еда этого стоит, готовят они...

Наступило молчание. Моди, как Глория Солт, думала о несбывшемся, сэр Грегори вспоминал название ресторанчика за святой Магдалиной (Мадлен), где его особенно хорошо покормили. Именно там он впервые попробовал буйабез.

Бинстед, передышавшийся в буфетной, ибо Промысел не врывался еще так прямо в его тихую жизнь, обрел былой апломб и решился нести суп. Увидев его с суповой миской, сэр Грегори гостеприимно вскочил.

— Ура, суп! — сказал он, радостно улыбаясь. — Вот что, раз уж ты здесь, перекуси, а? Ну, не дури! Столько лет не виделись, а ты сбежишь, как кролик собачий. Поедим, поговорим. Мой шофер тебя отвезет. Кстати, где ты живешь? Как очутилась в наших краях? Я чуть не треснул, когда ты пришла. Р-раз — и здесь! Мы с миссис Стаббз — старые друзья, Бинстед.

— Неужели, сэр Грегори?

— Были знакомы Бог знает когда.

— Вот как, сэр Грегори?

— Так где ж ты гостишь, Моди?

— В Бландингском замке.

— Как тебя туда занесло?

— Галли Трипвуд пригласил.

Сэр Грегори сурово надулся.

— Ну и нахал!

— Он очень милый.

— Милый, еще чего! Вошь в человеческом образе. В общем, присаживайся. Сейчас принесут гуляш, тебе понравится. А я жду не дождусь этой «Амброзии». Взбитые сливки, взбитые белки, сахарная пудра, виноград, кокос, бисквитное тесто, апельсиновое желе. Тает во рту, чтоб мне лопнуть.

При Бинстеде, насторожившем большие уши, нелегко было говорить о прошлом. Когда он подал кофе и ушел, сэр Грегори произнес с чувствительным вздохом:

— Хороший гуляш! Не всякий его приготовит в такой глуши. Тонкая работа. Кстати, старушка, помнишь, я повел тебя обедать в Сохо? Собственно, платила ты, но не в том дело. Какой там был гуляш!

— Помню. Весной.

— Да. Такой это весенний вечер, сумерки всякие, луна. А мы пошли в ресторан и ели гуляш.

— Ты съел три порции.

— Да и ты не одну. А потом — омлет с вареньем. Вот чем я всегда в тебе восхищался — никаких диет! Ела и ела. Сейчас девицы просто свихнулись на диетах, и, я тебе скажу, это опасней, чем сап, чахотка или там ящур. Тут не захочешь, а вспомнишь мою бывшую невесту. Стройность и спорт — вот ее кумиры. И что же? Где ни пройдет — беда, просто сеятель какой-то.

— Разве ты не женишься на мисс Солт?

— Ни в коем случае. Она как раз прислала мне письмо, гонит ко всем чертям. Очень удачно. Не надо было к ней свататься. Все по оплошности, по глупости...

— Ты ее не любишь?

— Да не дури ты, старушка. Конечно, не люблю. Так, понравилась, стройная такая, но уж любить... Я люблю только тебя.

— О, Табби!

— Могла бы знать, сколько раз говорил!

— Это же было давно.

— Какая разница? Люблю, чтоб мне треснуть. Боролся, заметь. Пытался все забыть, если ты меня понимаешь. Но когда ты пришла, такая же красивая... Все. Как будто стою у бара, смотрю на тебя, ты наливаешь виски, открываешь содовую...

— О, Табби!

— А как ты ела пирог! Не клевала, как эти дуры, входила в самую суть. Ну, тут я себе сказал: «Она, и только она!» Мы с тобой — близнецы. Родственные души. Вот так-то, старушка.

— О, Табби!

Сэр Грегори задумчиво пожевал соленую миндалину.

— Ну что ты заладила: «О, Табби»! Хорошо, близнецы — а что толку? Ничего не попишешь, ты замужем.

— Нет.

— Прости, ты забыла. Я совершенно ясно слышал, «миссис Стаббз».

— Седрик умер.

— Сочувствую, сочувствую, — сказал вежливый Табби. — Сегодня — здесь, завтра — там... А кто такой Седрик?

— Мой муж.

Сэр Грегори застыл, другой миндаль повис в воздухе.

— Муж?

— Да.

— Умер?

— Пять лет назад.

От волнения сэр Грегори положил миндаль обратно. Голос его и подбородки дрожали, когда он сказал:

— Нет, давай разберемся. Давай спокойно разберемся. Твой муж умер? Скончался? Приказал долго жить? Так мы же оба свободны!

— Д-да.

— Мы можем сейчас пожениться! Помешает нам что-нибудь?

— Н-нет.

Сэр Грегори схватил ее руку, словно кусок «Амброзии».

— Ну как, старушка? — спросил он.

— О, Табби! — ответила Моды.

II

Чарльз Диккенс. Лавка древностей

Осенью, зимой и весной 1973–1974 годов мы жили втроем с дочкой Марией и котом Кешей. Ей исполнилось за это время тринадцать лет, ему — два года. В самом начале апреля 1972-го моя подруга нашла его во дворе своего дома, в Петровском парке (почти рядом с тем местом, где живут теперь Матвей и Кристина). Нам бы не разрешили взять котенка, но мои родители за день до этого уехали, а позже — уже мы уехали в свою квартиру.

Что бы сейчас ни мерещилось многим людям, время было невыносимым. Аверинцев противопоставлял ему жареную курицу; отец Александр иногда покупал их и привозил (гриля еще не было, жарили дома). Диккенс был квинтэссенцией свободы и курицы, «Лавка древностей» — квинтэссенцией Диккенса, Свивеллер с маркизой — квинтэссенцией «Лавки».

Платону не удалось описать с такой точностью нисходящую и восходящую любовь. Дик видит совершенно забытое создание, маркиза — принца и полубога. Он подкармливает ее; они играют в кривбедж. Тогда, в семидесятых, легко опознавалась такая защита от полной, бессмысленной неправды. Когда тебя бьют буквально за все, быть вдвоем — спасение. Так они и спасают друг друга, пока Дик не заболевает.

Маркиза выхаживает его. Чувства их уже дополняют друг друга: у нее — забота и жалость няни, у него — удивление и благодарность. Много раз во многих сценах они участвуют вдвоем, все больше помогая один другому. Наконец наступает время свершений. Как всегда у Диккенса, зло саморазрушается, добро обживает в земном раю. Что же делать Дику, если маркизе от силы лет двенадцать? Вариант Вудхаузовской феи — слишком прозрачен, где курица? Получается вот что:

Мистер Свивеллер не скоро оправился после болезни, а оправившись и получив завещанную ему ренту, одел маркизу с головы до ног, после чего немедленно отдал в школу. <...> Долго он думал, какое ей дать имя, и наконец решил: Софрония Сфинкс, ибо оно звучало пышно, благородно и заключало в себе намек на тайну. <...> Мистер Свивеллер держал маркизу в пансионе довольно долго, а когда этой хорошенькой, умненькой, веселой девушке исполнилось, по предварительным подсчетам, девятнадцать лет, ему пришлось задуматься — что же с ней делать дальше? <...> И вот тут-то у мистера Свивеллера промелькнуло в уме (правда, не впервые): а что, если она согласится выйти за него замуж? <...> И Ричард тут же изъяснился ей. <...>

Как раз в это время в Хэмстеде сдавался внаем маленький коттедж с садиком и беседкой для курения — предметом зависти всего цивилизованного мира. Они сняли его и, справив медовый месяц, перебрались туда. <...> За свою совместную жизнь они сыграли миллион партий в кривбедж. Добавим еще <...> что, хотя мы зовем его жену Софронией, он сам называл ее не иначе как маркизой; и в память того дня, когда маркиза поразила его, больного, своим появлением в комнате, всегда приглашал мистера Чакстера к обеду, который проходил в торжественной, праздничной обстановке¹.

Прибавлю, что много лет мы повторяли то, что сказал выздоравливающий Дик своей маленькой няне: «Склонив голову на камыши, мы здесь заснем с тобой в тиши. Спокойной ночи, маркиза».

---

¹ Перевод Н. Волжиной.

Н. Трауберг, дочь Мария и кот Кеша.
Москва, 1974

III

Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание

Многих раздражала сцена у Сони. Леонтьев считал, что такая девица будет ездить по святым местам, а не читать Евангелие. Может быть; но так ли хорошо, что у нас (да и везде) почти не знали Божьих слов, которые, что ни говори, «не прейдут»? Прав Леонтьев в другом: объезжая истинные и мнимые святыни, она бы каялась, может быть — очень глубоко, ужасаясь своей жизни. А так что выходит? По ее словам, Бог ей «все дает». С таким же успехом можно это сказать, если ты палач или стукач. Читаем мы, как правило, без особого воображения, и слава Богу, иначе мы бы отряхивались, представляя, из чего состоит жизнь бедной Сони. Вот для сестры она этого не хочет, вполне реалистично предрекая: «Бог не попустит!»; а для себя — тут лучше и впрямь выключить воображение.

Однако в эпилоге, почти наскоро, говорится то, что и правда может перевернуть сердце. Говорят, ничего похожего нет в недавней экранизации; что ж, возможно. А происходит вот что. Раскольников сидит у реки:

Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку.

Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее. Он всегда как бы с отвращением брал ее руку, всегда точно с досадой встречал ее, иногда упорно молчал во все время ее посещения. Случалось, что она трепетала его и уходила в глубокой скорби. Но теперь их руки не разнимались; он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился.

Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. <...>

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.

Часто напоминают, что христианство не решает проблем, а переводит их, точнее — тебя, в другой *ordo*. Такой Раскольников не стал бы гадать, тварь он или право имеет. А вообще, странные у Достоевского книги! И «жизнь», и даже язык — почти муть какая-то, словно ему дано изображать только переломы, точнее — проломы, что-то вроде пробоин в Царство.

Отступление

Здесь надо взять тоном ниже; выше, собственно, некуда. Поместим для успокоения разумного Льюиса и чрезвычайно актуального Кибирова (тоже по алфавиту, сперва Кибиров).

Тимур Кибиров. Зарисовка с натуры

Месяца два назад
В полночном такси
Я слушал на какой-то FM-радиостанции
Ток-шоу.

Ведущий обратился к аудитории
Со следующим вопросом:
«Сколько, на ваш взгляд,
Необходимо современной женщине
Сексуальных партнеров,
Не считая, конечно, супруга?»

Ответы были разные,
Но, в общем-то, все согласились
С тем, что ограничиваться мужем
Современная женщина
Не может и не должна.

Особенно мне запомнился
Звонок Марины из Нижневарттовска.
Она считала, что, конечно,
Партнеров должно быть как минимум два.

«Ведь мы же, — сказала Марина, —
Цивилизованные люди!»

Тут инородец-шофер
Воскликнул: «Вот бият!»
А я — ни к селу и ни к городу —
Подумал: «Шпенглер!»

Клайв Стейплз Льюис. Из книги «Любовь»

<О привязанности>

Любовь между детьми и родителями — первоначальная, основная форма этой любви. Чтобы представить ее себе, вообразите мать с младенцем, кошку в полной котят корзине, писк, лепетанье, тесноту, теплый запах молока. <...>

Но и у животных, и у нас привязанность выходит далеко за пределы семьи. Тепло и уютно бывает не только с детьми и не только с родителями. Такая любовь — самая неприхотливая <...>. Привязанность не требует сходства. Я видел, как не только мать, но и братья любили полного идиота. Привязанность не знает различий пола, возраста, класса. Она связывает молодого ученого и старую няню, живущих в совершенно разных мирах. Более того, привязанность не признает границ биологического вида. Она связывает человека и животное, и двух разных животных, скажем, кошку и собаку, и даже (это видел Гилберт Уайт) курицу и лошадь. <...>

Привязанность тиха, о ней и говорить неудобно. <...> Она облекает, пропитывает нашу жизнь. Она там, где шлепанцы, халат, привычные шутки, сонный кот, жужжание швейной машины, кукла на траве.

Внесу поправку. Все это так, если привязанность ни с чем не связана. Она и сама — любовь, но часто она входит в другой вид любви, пропитывает его, окрашивает, создает для него среду. <...> Что же до влюбленности, она может просуществовать без привязанности очень недолго; если же протянет подольше — становится поистине мерзкой, слишком ангельской, или слишком животной, или тем и другим по очереди. Такая влюбленность не по мерке человеку, она и мала ему, и велика. Зато как хороши и дружба, и влюбленность, когда сами они затухают и привязанность дает нам свободу, известную лишь ей да одиночеству.

<О влюбленности>

[Обычно считают, что] влюбленность — плод вожделения, развитие и усложнение биологических инстинктов. Так бывает, но далеко не всегда. Гораздо чаще мы поначалу просто очарованы женщиной, нас интересует в ней все. <...> Любовь наша

созерцательна. <...> Влюбленность вступает в человека, словно завоеватель, и переделывает по-своему все взятые земли. До земли полового влечения она доходит не сразу и переделывает ее. <...>

Влюбленность чудотворно преобразует удовольствие-нужду в высшее из всех удовольствий-оценок. Нужда направлена здесь на всего человека, и ценность его выходит далеко за пределы нужды.

Если бы мы этого не испытали, если бы мы судили со стороны, мы бы просто не поняли, как можно желать человека, а не удовольствие, удобство, пользу, которые он способен дать. Действительно, объяснить это трудно. Влюбленному повульгарней это кое-как удается, когда он говорит: «Я бы тебя съел!» Мильтону удалось больше, когда он писал, что тела ангелов, состоящие из света, полностью проникают друг в друга. Преуспел и Чарльз Уильямс, сказавший: «Люблю ли я тебя? Да я — это ты!» <...>

Вернейший знак влюбленности в том, что человек предпочитает несчастье вместе с возлюбленной любому счастью без нее. <...> Когда самим влюбленным ясно, что союз их принесет одни мучения, влюбленность твердо отвечает: «Все лучше разлуки». Если же мы так не ответим, мы не влюблены.

В этом — и величие, и ужас любви. Но рядом с величием и ужасом идет веселая легкость. <...> Когда у влюбленных все так плохо, что, глядя на них, плачешь — в нищете, в больнице, на тюремном свидании, — веселье их поражает нас и трогает. <...> Если у влюбленных нет ребенка, над которым можно подшучивать, они вечно подшучивают друг над другом.

Влюбленность не ищет своего, не ищет земного счастья, выводит за пределы самости. <...>

И все же она — не Любовь. Во всем своем величии и самоотречении она может привести и ко злу. <...>

Ее полное самоотречение — модель, заготовка любви, которой мы должны любить Бога и человека. <...> Конечно, это не значит, что всякий обязан влюбиться. Некоторые должны пожертвовать влюбленностью (но не презирать ее). Другие вправе ее использовать как горючее для брака. В самом браке ею одной не обойдешься, да и выживет она лишь в том случае, если мы будем непрестанно очищать и оберегать ее.

Если же мы поклонимся ей безусловно, она станет бесом. А она как раз и требует безусловного подчинения и поклонения. Она по-ангельски не слышит зова самости, по-бесовски не слышит ни Бога, ни ближнего. <...> Влюбленность требует культа по самой своей природе. <...>

Богословы часто опасались, что этот вид любви приведет к идолослужению; кажется, они имели в виду, что влюбленные обоготворят друг друга. Но бояться надо не этого. В браке это вообще исключено: прекрасная простота и домашняя деловитость супружеской жизни обращают такой культ в явную нелепость. Мешает ему

и привязанность, в которую неизбежно облечется влюбленность мужа и жены. <...> Настоящая опасность не в этом, а в том, что влюбленные начнут поклоняться влюбленности. <...>

Это оправдывает все, что бы они ни сделали. Я имею в виду не только и не столько грехи против целомудрия, сколько несправедливость и жестокость к «внешним». Влюбленные могут сказать: «Ради любви я обижаю родителей — оставляю детей — обманываю друга — отказываю ближнему». Все это оправдано законом любви. Влюбленные даже гордятся. Что дороже совести? А они принесли ее на алтарь своего бога.

Тем временем бог этот мрачно шутит. Влюбленность — самый непрочный вид любви. Мир полнится сетованиями на ее быстротечность, но влюбленные об этом не помнят. <...>

Это не расстроит союза двух хороших и умных людей. Опасно оно — смертельно опасно — для тех, кто поклонился влюбленности. Такие люди вознадеялись на нее, как на Бога, сочли, что простое чувство обеспечит их навечно всем необходимым. Когда надежда эта рухнет, они винят любовь или друг друга. Себя они винить могут, а влюбленность винить не за что. <...> Мы сами должны стараться, чтобы каждодневная жизнь уподобилась райскому видению, мелькнувшему перед нами. Настоящие христиане знают, что это скромное с виду дело требует смирения, милосердия и Божьей благодати, то есть христианской жизни.

Как и все виды естественной любви, влюбленность своими силами устоять не может; но она так сокрушительна, сладостна, страшна и возвышенна, что падение ее поистине ужасно. Хорошо, если она разобьется. Но она может выжить и безжалостно связать двух мучителей, которые будут брать, не давая, ревновать, подозревать, досадовать, бороться за власть и свободу, услаждаться скандалами. Прочитайте «Анну Каренину» и не думайте, что «такое» бывает только у русских.

<О милосердии>

Войдя в человеческое сердце, Господь преображает не только любовь-дар, но и любовь-нужду. <...> Конечно, бывает иное. Господь является иногда, чтобы потребовать отказа от любви. <...> Если мы влюбились в чужую жену, мы должны жертвовать влюбленностью. Все это очень трудно, но вполне понятно. Непонятней другое: что естественную любовь, разрешенную Богом, все равно надо преобразить.

В таких случаях мы не заменяем ее милосердием, не выбрасываем серебра, чтобы набрать золота, а сплавляем золото с серебром. Привязанность, дружба или влюбленность останутся собою и станут одновременно милосердием.

Как это делается, многие знают. Любые проявления любви (кроме греховных, конечно) могут стать в добрую минуту и проявлением радостной, открытой, благодарной любви-нужды или бескорыстной, ненавязчивой, осторожной любви-дара.

Игра, еда, шутка, выпивка, беседа ни о чем, прогулка — все может быть формой, в которой мы прощаем или принимаем прощение, утешаем или получаем утешение, не ищем своего.

Я сказал: в добрую минуту. Но минуты проходят. Полное и надежное преображение естественной любви — такой тяжкий труд, что, наверное, ни один падший человек не выполнил его. Однако без этого труда ничего у нас не выйдет. <...>

В труде этом нам помогают сами наши трудности. У нас всегда хватает поводов подбавить милосердия в любовь. Когда мы не ослеплены себялюбием, трения и провалы, неизбежные в естественной любви, показывают нам, что без милосердия не обойдешься. <...>

Милосердие же войдет в естественную любовь лишь тогда, когда природное в ней умрет, сразу или постепенно. Ничего не поделаешь, без смерти тут не обойтись. В моей любви к жене или другу вечно лишь преобразующее ее начало. Только оно воскресит все остальное.

Богословы иногда задавались вопросом: узнаем ли мы друг друга в вечности и сохранятся ли там наши земные связи? Мне кажется, это зависит от того, какой стала или хотя бы становилась наша любовь на земле. Если она была только естественной, нам и делать нечего будет с этим человеком. Все, что не вечно, устарело еще до рождения. <...>

Мечта о том, что цель наша — рай земной любви, заведомо неверна. Мы созданы для Бога. Те, кого мы любим в этой жизни, потому и пробудили в нас любовь, что мы увидели в них отблеск Его красоты, доброты и мудрости. <...> Все, что было истинного в наших земных связях, принадлежало Ему больше, чем нам, а нам — лишь в той мере, в какой принадлежало Ему. На небе нам не захочется и не понадобится покидать тех, кого мы любим. Мы обретем их всех в Нем и, любя Его, полюбим их больше, чем теперь.

IV

Владимир Набоков. Дар

Как часто восхищаются «Адой» и «Лолитой» и как часто меня ругают за то, что я читать их не могу. Невыносимый призрак чего-то вроде легкости, или чистоты, или красоты, который можно усмотреть в «Лолите», вызывает хотя бы острую жалость. В «Аде» Набоков замахнулся на большее, на какое-то запредельное единство, но, честное слово, вышла *simia Dei*.

Так ловил он призрак в старости; а в молодости знал и не призрак. Мало кто с такой правдивой свободой изобразил полуутопию, в которую искренне верили молодые люди двадцатых годов — не все, конечно, а «чистенькие», но все-таки очень человеческие, не просто снобы или самые сытые из «потерянного

поколения». Хотят они пока что брака, не «романа», и утопизм их только в том, что они еще не знают, во что это обойдется. Собственно говоря, им знакомы, кроме влюбленности, очень привлекательная, какая-то милая свобода и несомненная дружба. Меня они трогают неизменно, может быть — потому, что я знала такие пары. Так начинали и мои родители. Когда утопия рушится (скажем, у Берберовой с Ходасевичем), подмывает вспомнить и сказать суровые евангельские слова. Странно другое: иногда она не рушилась.

Чтобы представить такую пару, вот — последняя сцена романа, Годунов-Чердынцев с Зиной.

Она вприпрыжку сбежала по ступеням — сумка теперь свисала с пальцев, и от последнего солнечного луча бронзовый блеск пробежал у нее в зрачках, когда она подлетела к Федору Константиновичу. Они поцеловались так, словно она только что приехала издалека, после долгой разлуки.

«А теперь поедим ужинать, — сказала она, беря его под руку. — Ты, наверное, безумно голоден».

Он кивнул. Чем это объяснить? Откуда это странное смущение — вместо ликующей, говорливой свободы, которую я так, так предвкушал? Я словно отвык от нее или не могу с ней, прежней, примениться к этой свободе. <...>

Туман какой-то грусти обволок Зину — ее щеки, прищуренные глаза, дужку на шее, косточку, — и этому как-то способствовал бледный дым ее папирсы. <...>

Вдруг, в откровенно ночном небе, очень высоко...

«Смотри, — сказал он. — Какая прелесть!»

По темному бархату медленно скользила брошка с тремя рубинами, — так высоко, что даже грома мотора не было слышно.

Она улыбнулась, приоткрыв губы, глядя вверх.

«Сегодня?» — спросил он, тоже глядя вверх.

Теперь только он вступил в строй чувств, который он себе сулил, <...> теперь казалось непонятным, почему в любой из этих четырехсот пятидесяти пяти дней они просто не съехали со щеголевской квартиры, чтобы поселиться вдвоем; но вместе с тем он подразумевал, что эта внешняя помеха была только предлогом, только показным приемом судьбы, наспех поставившей первую попавшуюся под руку загородку. <...>

Теперь <...> он окончательно нашел в мысли о методах судьбы то, что служило нитью, тайной душой, шахматной идеей для едва еще задуманного «романа». <...> Об этом-то он и заговорил сейчас, так заговорил, словно это было только лучшее, естественнейшее выражение счастья. <...>

«Это все чудно, — сказала Зина. — Это мне все страшно нравится. Я думаю, ты будешь таким писателем, какого еще не было, и Россия будет прямо изнывать по тебе, — когда слишком поздно спохватится... Но любишь ли ты меня?»

«То, что говорю, и есть в некотором роде объяснение в любви», — ответил Федор Константинович.

«Мне мало „некоторого рода“. Знаешь, временами я, вероятно, буду дико несчастна с тобой. Но в общем-то мне все равно, иду на это».

Она улыбнулась, широко раскрыв глаза и подняв брови, а потом слегка откинулась на своем стуле и стала пудрить подбородок и нос. <...>

«Надо заплатить, — сказала Зина. — Кликни его».

После этого у них осталось одиннадцать пфеннигов, считая почерневшую монетку, которую она на днях подобрала с панели: приносит счастье. Когда они пошли по улице, он почувствовал быструю дрожь вдоль спины и — опять стеснение чувств, но уже в другом, томном, преломлении. До дому было минут двадцать тихой ходьбы, и сосало под ложечкой от воздуха, от мрака, от медового запаха цветущих лип. <...> Зина, напрягая ноздри, говорила: «Ах... понюхай», — и опять преснел мрак, и опять наливался медом. Неужели сегодня, неужели сейчас? Груз и угроза счастья. <...> И все это мы когда-нибудь вспомним, — и липы, и тень на стене, и чьего-то пуделя, стучащего неподстриженными когтями по плитам ночи. И звезду, звезду. А вот площадь и темная кирка с желтыми часами. А вот, на углу — дом.

V

Луиза М. Олкотт. Маленькие женщины, ставшие взрослыми²

Летом, когда мне исполнилось шесть, я, кажется, читала эту книжку в первый раз. Может быть, я прочитала ее зимой, а все дальнейшее случилось через год, в семь. Тут я колеблюсь, зато помню точно, что глава «Под зонтиком» стала для меня образом на всю жизнь — не могу уточнить, любви вообще или брака.

Сейчас я хотела привести ее целиком, но (это бывает не всегда) книга оказалась совсем не той, что в детстве. Может, отчасти дело — в переводе, но он неплохой, а текст — никак не райский! Поэтому расскажу то, что усвоила в шесть или семь лет.

Вторая из сестер Марч, строптивая Джо, тоскует. Она пишет на чердаке рассказы и стихи. Две сестры замужем, одна — умерла. Предыдущий год Джо провела в Нью-Йорке, но нашла там снобов и суету. Молодые люди в пансионе оказались по меньшей мере скептиками и достаточно глупыми. Не боясь быть смешным, им ответил немецкий профессор, верящий в Бога, добро, красоту, истину. Кроме того, он очень добрый. Они с Джо подружились, но и всё; ей и в голову ничего не приходит.

---

² Название в «Золотой библиотеке». В нынешнем переводе — «Маленькие женщины замужем». Это хорошо, но то — с детства привычно. По-английски книга называется *Little Women, Good Wives*.

Итак, она тоскует, и вдруг он приезжает в гости. Собственно говоря, впечаталась в мои детские мозги одна сцена: прогулка под дождем. Казалось бы, что особенного? Но нет; он — нелепый и мудрый, она — не смеет надеяться. Он покупает горшочек с цветами; как сказано, идут они оба под зонтиком. Профессор, чью фамилию в «Золотой библиотеке» передавали, кажется, «Бэр», в новом переводе «Баэр», а вообще изобразить трудно, разве что «Бээр», действительно напоминает очень кроткого медведя. Он так и не решается ничего сказать, но Джо заплакала, и когда оказалось, что это из-за его отъезда, переходит к возвышеннейшим речам, даже предлагая ей перейти на дикое для английского языка *thou* (в переводе этого не передашь, на «ты» получится не возвышенно, а фамильярно).

Есть в книге еще одна глава, вроде эпилога. Год они ждут, потом женятся, потом заводят замечательную школу, описанную в остальных книгах. В третьей по счету, «Маленькие мужчины», есть уютнейшие сцены с индейками, каштанами и тому подобным. Но меня в шесть или в семь лет пленило больше всего смиренное объяснение под дождем неуклюжего и немолодого человека с некогда строптивой девушкой. Особенно связалось это с заросшими травой улицами, которые были тогда в Ольгине. Теперь, через очень много лет, я увидела их в Троицком-на-Истре.

VI

Дороти Л. Сэйерс. Престолы и господства

Дороти Сэйерс очень хотела рассказать о счастливом браке. Она его не знала. Сперва ее несколько лет пытался эмансипировать третьеразрядный сноб. Ее письма к нему так беззащитны, а его действия — так неприятны, что в Америке, увидев на полке его книгу, я рассердилась, словно встретила его самого. Здесь Дороти устояла, но завела какой-то жалкий роман с «обычным человеком», который то ли оказался женатым, то ли просто так ее бросил. Она уехала к родственнице и в совершенной тайне дождалась там родов. Джон Антони далеко не сразу узнал, что он — не сын своих воспитателей, родители не узнали никогда (ради них все это и делалось), а друзья — после ее смерти.

Через несколько лет она вышла замуж за еще не очень явного неудачника, державшегося как «настоящий мужчина». К жене он относился свысока, Антони в дом не взял (хотя и усыновил), а по мере того как Дороти становилась знаменитой, больше и больше принижал ее.

Терпела она, как могла, во всяком случае — старалась все сгладить. Зато в своих романах вела героев к оптимальному браку. Сперва Гэрриэт Вейн из разных соображений отвергает лорда Питера; потом, лет через пять, принимает. Их союзу — уже не дружбе, а любви — посвящены три романа и один рассказ:

в «Ежегодном ужине» она соглашается, в «Медовом месяце» они буквально после свадьбы вынуждены расследовать дело, в «Престолах и господствах», кроме детектива, ставится (и, видимо, решается) вопрос об оптимальном браке.

Престолы и господства — это ангельские чины. Эпиграф из Мильтона напоминает известную истину: чем что-то выше, тем искажение его хуже. Сэйерс без ухищрений ставит рядом два брака: по страстной влюбленности (вспомним Льюиса) и четы Уимзи, где муж и жена очень дружат и к тому же обуздывают чувство собственности, если оно у них было. Естественно, плохая пара гибнет, а «наша» — нет. Мы с Катей Доброхотовой-Майковой перевели роман года четыре назад, но он все не выходит.

Это жаль, он хороший, главы самой Сэйерс — даже очень (она его не окончила, и в девяностых роман дописала Джин П. Уолш). Еще в «Ежегодном ужине», незадолго до согласия, Гэрриэт начинает сонет об оксфордском покое, бросает, а Питер его дописывает, уже о любви. Приведу его, он мне очень нравится:

<Гэрриэт>

Мы дома, мы ушли от суеты,
Мы отдыхаем от земных забот,
Здесь жизнь неторопливая течет
И дремлют безмятежные цветы,
Дыша покоем. Здесь узнаешь ты,
Как замирает мира хоровод
И для души усталой настает
Пора всеутишающей мечты.

<Питер>

Так воззови, любовь, чтоб мы могли
Расторгнуть узы сладостного сна,
Порабощающего слабый дух
Слепому притяжению земли,
Упрашивай, упорствуй, умоли,
Сломи сопротивляющийся слух.

Так у них и выходит, «шалом» и очень сильная влюбленность. Повторяю, роман хороший, но чего-то там не хватает, даже в главах Дороти. Может быть, в этой влюбленности больше огня, чем света; может быть, в покое и понимании — мало той детской глупости, которая превращает в идиллию романы Вудхауза. Да, лорд и леди Уимзи — слишком взрослые. Дороти старалась быть такой, и очень смешно. Ее подруга и ученица Барбара Рейнолдс несколько удивилась, когда на кафедру вышла толстая, немного растрепанная женщина в парчовом платье и длинных серьгах. Когда

очень упорно терпишь, страшновато открыть свою нелепость. Наверное, поэтому едва ли не упражнение о браке, модель, образец, оставляет ощущение недоделанности. А все-таки роман хороший, главным образом — во второстепенном: дядюшка, горничная, любовная история дворецкого, особенно — то, как Гэрриэт устраивает для них с невестой домик в своем небольшом саду. Надеюсь, книга все-таки выйдет.

Отступление **Тимур Кибиров. Послание Ленке**

Леночка, будем мещанами! Я понимаю, что трудно,
что невозможно практически это. Но надо стараться.
Не поддаваться давай... Канарейкам свернувши головки,
здесь развитой романтизм воцарился, быть может, навеки.
Соколы здесь, буревестники все, в лучшем случае — чайки.
Будем с тобой голубками с виньетки. Средь клекота злого
будем с тобой ворковать, средь голодного волчьего воя
будем мурлыкать котятками в теплом лукошке.
Не эпатаж это — просто желание выжить,
и сохранить, и спасти... Здесь, где каждая вшивая шавка
хрипло поет под Высоцкого: «Ноги и челюсти быстры,
мчимся на выстрел!» И, Господи, вот уже мчатся на выстрел,
сами стреляют и режут... А мы будем квасить капусту,
будем варенье варить из крыжовника в тазике медном,
вкусную пенку снимая, назойливых ос отгоняя,
пот утирая блаженный, и банки закручивать будем,
и заставлять антресоли, чтоб вечером зимним, крещенским
долго чаи распивать под уютное ходиков пенье,
под завыванье за окнами блоковской вьюги.

Только б хватило нам сил удержаться на этом плацдарме,
на пятачке этом крохотном твердом средь хлябей дурацких,
среди стихии бушующей, среди девятого вала
канализации гордой, мятежной, прорвавшей препоны
и колобродящей семьдесят лет на великом просторе,
нагло взметая зловонные брызги в брезгливое небо,
злобно куражась... О, не для того даже, не для того лишь
чтобы спастись, а хотя б для того, чтобы, в зеркало глядя,
не испугались мы, не ужаснулись, Ленуля.

Здесь, где царит романтизм развитой, и реальный, и зрелый,
здесь, где штамповщик любой, пэтэушник, шофер, и нефтяник,
и инженер, и инструктор ГУНО, и научный сотрудник —
каждый буквально — позировать Врубелю может, ведь каждый
здесь клеветой искушал Провиденье, фигнею, мечтою
каждый прекрасное звал, презирал вдохновенье, не верил
здесь ни один ни любви, ни свободе, и с гордой усмешкой
каждый глядел, и хоть кол ты теши им — никто не хотел здесь
благословить ну хоть что-нибудь в бедной природе.
Эх, поглядеть бы тем высоколобым и прекраснотушным,
тем, презиравшим филистеров, буршам мятежным,
полюбоваться на Карлов Мооров в любой подворотне!
Вот вам в наколках Корсар, вот вам Каин фиксатый и Манфред,
вот, полюбуйтесь, Мельмот пробирается нагло к прилавку,
вот вам Алеко поддатый, супругу свою матерящий!

<...>

Врет Александр Александрыч, не может быть злоба святою.

<...>

*Впрочем, Бог даст, образуется все. Ведь не много и надо
тем, кто умеет глядеть, кто очнулся и понял навеки,
как драгоценно все, как все ничтожно, и хрупко, и нежно,
кто понимает сквозь слезы, что весь этот мир несуразный
бережно надо хранить, как игрушку, как елочный шарик,
кто осознал метафизику влажной уборки. <...>*

Слева:
Н. Трауберг.
Ленинград, 1935

Справа:
Иллюстрация из книги Л. Олкотт «Маленькие женщины, ставшие взрослыми».
Издание товарищества М. Вольфъ

его, нѣжно прошептала: «теперь не пустыя» и поцѣловала своего Фридриха. Къ счастью, свидѣ-

— Теперь не пустыя,—и она поцѣловала своего Фридриха...

телями этого были только воробьи, сидѣвшіе на заборѣ, да и произошло это подъ зонтикомъ.

VII

Торнтон Уайлдер. День восьмой

Кибилов слышал по радио, что Татьяна поступила очень плохо; и надо объяснять это в школе. Я тоже слышала, что вина у нее — еще и медицинская, непременно заболит язвой или чем-нибудь женским. Что бы ни думать по этому поводу, мы не знаем, каким был ее муж (в романе, не в опере). А вот про одну такую женщину — знаем, из книги «День восьмой».

В самом начале может тронуть фраза, что на торжествах по поводу нового (двадцатого) века «поцеловались Джон Эшли и Юстэйсия Лансинг, которые друг друга любили, первым и последним в их жизни мимолетным поцелуем». Оба они — в браке, семьи дружат и часто видятся. В отличие от Онегина, Эшли о своей любви не догадывается. У него счастливый брак, очень хорошие дети, а дом — просто гофмановский или диккенсовский. Судите сами: «Когда в 1885 году Эшли увидел дом в первый раз, у него глаза стали круглыми от изумления. <...> Ему чудилось, будто он видел это раньше — может быть, во сне. Внизу дом с трех сторон охватывала веранда; другая веранда, на втором этаже, приходилась над парадным крыльцом, а на самом верху была круглая башенка, где когда-то стоял телескоп. Из холла поднималась широкая полукруглая лестница, огибая колонну, увенчанную хрустальным шаром»³, — и так далее, в том же духе.

Эшли и Лансинги ходят друг к другу в гости, ужинают, поют, читают вслух. Юстэйсия (она — из Вест-Индии) рассказывает карибские сказки. Потом приходит беда: Лансинга застрелили, Эшли в этом обвинили, уже везли в тюрьму, но он бежал. На самом деле убил не он, но сейчас мы говорим не об этом.

Итак, Эшли не знает о своей любви к Юстэйсии. Как сказал бы Льюис, это чистейшая «оценка»; он любит ее живостью, умом и той красотой, которую Фома Аквинский называл «сиянием истины». А вот Юстэйсия — знает. Замуж она вышла, пленившись светловолосым и голубоглазым человеком, в Вест-Индии таких не было⁴. Оказался он истинным рылом, заносчивым, завистливым, глупым, а главное — жестоким. Эшли для нее куда больше, чем Онегин для Татьяны — она совершенно взрослая и очень верующая женщина. Она его и любит, никогда и ничем этого не выражая.

³ Перевод Е. Калашниковой.

⁴ Вот как думала она о браке до замужества: «Она собрала милый образ по кусочкам — из наставлений священника, из немногих женских романов, <...> из церковных фресок. <...> Есть натуры, которым свойственно создавать идеал так же неуклонно и упорно, как *Bombyx mori* выделяет шелковое волокно».

Перед несчастным случаем, ночью, раскапризничавшийся Лансинг вдруг обвиняет ее в измене. Много раз, читая эту сцену, я отчеркивала ее на полях. Но приведем ее позже; сейчас выпишу еще, каким бывает вот такой, крестный брак, независимо от того, в ком ты видишь «сияние истины». Итак:

Юстэйсия высоко несла свой факел лицемерия — если называть это так. На людях <...> она играла роль преданной и гордящейся своим мужем жены. <...> Беате Эшли не доставало воображения, чтобы проникнуть в печальную тайну приятельницы (Джон Эшли понимал все, но молчал).

Любовь Юстэйсии Лансинг к Эшли не проявилась *ни в чем*. Уайлдер пишет про Юстэйсию и ее старшую дочь Фелиситэ: «они твердо верили, что молитвы, любовь и терпение принесут желанную ясность. <...> Удивительное сопутствовало им обоим всю жизнь».

Однажды она поехала в город с сыном и оказалась в одной гостинице с Эшли. Сын не спал, боялся завтрашней операции на миндалинах. Юстэйсия послала за Джоном, и они, единственный раз в жизни, виделись без своих супругов. Джон поговорил с Джорджем (разговор — замечательный, очень советую прочитать), а «Юстэйсия проводила Эшли до двери. С трудом овладела своим дыханием, чтобы выговорить слово-два благодарности. Потом села у окна и просидела около часу молча, почти не шевелясь, точно слушая ритм движения того корабля, что несет в пространстве ее и ее близких». Так победила она зависть (даже не ревность) к Беате.

Перед самой бедой Лансинг изводил ее всю ночь. Он вдруг стал подозревать, что она кого-то любит (вернее, «с кем-то путается», у него — такие категории). Перебрав знакомых, он говорит: «Наконец-то я понял!» — «Что ты понял?» — «Кто этот мужчина». — «Какой мужчина, милый?» — «С которым ты встречалась в Форт-Барри. Это Джек Эшли!» «С минуту она изумленно на него смотрела. Потом разразилась смехом — отрывистым, горьким смехом. Нет, пощады ей не будет ни в чем».

Он долго ее мучает. «Вы с Джеком много лет меня обманывали... Что это ты теперь собираешься делать?» — «Собираюсь лечь на диван и читать. А ты продолжай, Брек. Я только заткну уши ватой. Мне противно слушать гадости. <...>

Она неторопливо заткнула уши ватой, зажгла над диваном газ, легла и открыла книгу.

Почти в ту же минуту она поняла, что не может так поступать. Это слишком жестоко. Единую плоть разделить нельзя. И к тому же ведь это месть. Она обернулась к нему. Он все еще злобно смотрел на нее налитыми кровью глазами. У него был вид побитой собаки».

Наконец он выгоняет ее из комнаты. «Через холл она прошла в ванную, намочила руки и лоб холодной водой. Шепотом повторяя: „Все кончено, теперь я отдохну“, она опустилась на пол и прижалась лбом к линолеуму. *Dieu! Dieu! Nous sommes de pauvres creatures. Aide-nous!*»⁵

Потом он ее зовет, снова изводит и только под самое утро «встал с постели, прошел по комнате и тихо коснулся ее плеча. Она обернулась и посмотрела на него. Он опустился на колени и прижался лбом к ее руке. <...> Сердце ее громко стучало. Она укрыла Брекенриджа и поцеловала в лоб. <...> „Спасибо, Стэйси“, — сказал он в первый раз за все время».

Днем к ним приходят Джон с Беатой, а кто-то убивает Лансинга. Это — не Эшли, а Джордж, сын Лансинга, ненавидящий отца, особенно — за обращение с матерью.

Эшли и Юстэйсия больше не увиделись. Но однажды, высоко в Андах, когда он проснулся ночью, «в комнату вошла Юстэйсия Лансинг. На ней было платье в лиловых и красных разводах, похожих на греческие цветы и плоды в густой зелени листьев. <...> В тысячный раз он убедился, что у нее разные глаза: один сине-зеленый, другой темно-карий. <...>

Джон Эшли давно положил себе за правило поменьше задумываться об Юстэйсии. <...> Но на больших высотах с человеком происходят странные вещи.

— Стэйси! — воскликнул он и захохотал так, что в боку закололо.

Она говорит: «Дети хотят забраться повыше». Он удивляется: «Какие дети?!» — «Наши, Хуанито. Наши». — «Чьи-чьи?» — «Наши с тобой». — <...> «Как же так? Я ведь только однажды тебя поцеловал, и то Брек стоял рядом». — «Неужели? — отозвалась она. — Неужели?»

И вышла в закрытую дверь».

Почти через десять лет его сын Роджер женится на Фелиситэ. У них есть дети, во всяком случае — странный Джонни, больше всего любящий «бабушку Лансинг».

VIII

Гилберт Кийт Честертон. Перелетный кабак

Помню, Владимир Сергеевич Муравьев часто восхищался историей Арагорна и Арвен в толкиновской саге. Я понимала его, он мечтал о чем-то подобном с ранней юности, но успокоился, обрел «шалом» совсем иначе. Меня Арагорн и Арвен трогали не больше, чем герои бретонского цикла или «Королевы фей», и намного меньше, чем история Талиесина из «Артуриады» Чарльза Уильямса.

---

⁵ Боже! Боже! Мы — несчастные создания. Помогите нам! (франц.)

Образ романтической любви я увидела еще студенткой, у Честертона, и он меня настолько пленил, что теперь, прабабушкой, я собираюсь вам его передать. В самом центре его — обычный честертоновский недосмотр: мы не знаем и не узнаем, почему Джоан и Патрик живут в разлуке. Как бы то ни было, она бродит по берегу, думая о нем; потом идет к его другу и обиняками о нем спрашивает. Выясняется, что он вот-вот вернется; но встречи это не сулит (почему — неизвестно). В Англии тем временем запретили продавать спиртные напитки; разрешено это только там, где есть вывеска. Патрик легко вырывает вывеску своего друга-кабатчика и бродит по стране, ставя ее в самых неожиданных местах.

Одно время они с Пэмпом и собакой Квудлом обитают в запущенном саду при замке их главного противника, лорда Айвивуда. Однажды Квудл заманил Патрика на какую-то лестницу и провел через анфиладу странных восточных комнат⁶. Леди Джоан тем временем, устав от диспута о свинине, выходит в соседнюю комнату.

Бросившись на оттоманку, она посмотрела на волшебную башню. <...> Вдруг она засмеялась и приподнялась на локте. Нелепая, знакомая собака бежала к ней, сопя, и Джоан привстала ей навстречу. <...>

Он [Патрик] был готов к чему угодно <...>. И все же он удивился тому, что увидел; и убедился, что спит, ибо именно этим кончались его сны.

То, что он увидел, прекрасно подходило к восточной комнате. На кроваво-красных и золотистых подушках лежала прекраснейшая женщина, чья кожа была смуглая, как у женщин Аравии. Именно такой могла быть принцесса из восточной сказки. Но сердце его замерло не потому, что она подходила к комнате, а потому, что она к ней не подходила. Ноги его остановились, потому что он слишком хорошо ее знал.

Собака подбежала к софе, и царица ей обрадовалась, приподняв ее за передние лапы. Потом подняла взор — и окаменела.

— Бисмилла, — приветливо сказал восточный путник. — Да не станет твоя тень короче... или длиннее, не помню. Повелитель правоверных шлет к тебе своего ничтожнейшего раба, чтобы отдать собаку. Пятнадцать крупнейших алмазов собрать не успели, и у собаки нет ошейника. Всех виновных засекут драконьими хвостами. Прекрасная дама так испуганно смотрела на него, что он заговорил по-человечески.

— В общем, — сказал он, — вот собака. Я хотел бы, Джоан, чтобы это не было сном.

— Это не сон, — сказала дама, обретя дар речи, — и я не знаю, к худу ли или к добру.

---

⁶ Роман с поразительной точностью предвещает не только увлечение Востоком, но и засыле ислама.

— Так кто же вы, — спросил сновидец, — если не сон и не видение? Что это за комнаты, если не сон и не кошмар?

— Это новое крыло Айвивудова дома, — сказала леди Джоан. — Он выбрал восточный стиль. Сейчас он вон там, рядом. Он рассуждает о вегетарианстве.

— О вегетарианстве! — вскричал Дэлрой с неуместным удивлением. — Этот стол не такой уж вегетарианский. <...>

— Ему приходится быть терпимым! — воскликнула Джоан, сдерживая нетерпение. — Он не требует, чтобы все сразу стали вегетарианцами.

— Они и не стали, — спокойно сказал Дэлрой, подходя к столу. — Я вижу, ваши аскеты выпили немало шампанского. Вы не поверите, Джоан, но я целый месяц не трогал того, что у вас зовут алкоголем.

С этими словами он налил шампанского в большой бокал и залпом его выпил.

Леди Джоан Брет встала, вся дрожа.

— Это нехорошо, Пат! — вскричала она. — Ах, не притворяйтесь, вы понимаете, что я не против питья! Но вы в чужом доме, незваный, хозяин не знает ничего...

— Не знает, так узнает, — спокойно сказал великан. — Я помню точно, сколько стоит полбутылки этого вина. <...>

— Ничего не понимаю, — сказала Джоан. — О чем вы говорите? Как вы сюда попали? Как я вас выведу отсюда? Кажется, вам до сих пор неясно, что вы у Айвивуда в доме.

— Он переменил название, — сообщил Патрик и повел даму к тому месту, где он вошел.

Следуя его указаниям, леди Джоан высунулась из окна, украшенного снаружи сверкающей клеткой пурпурной птицы. Внизу, под самым окном, у входа на лестницу, стояла деревянная вывеска так прочно и невозмутимо, словно ее водрузили несколько веков назад.

— Снова мы на «Старом корабле», — сказал капитан. — Можно вам предложить чего-нибудь легонького?

Гостеприимное движение его руки было уж очень наглым, и лицо леди Джоан выразило не то, что она хотела.

— Ура! — в восторге закричал Патрик. — Вы снова улыбнулись, дорогая!

Словно в вихре, он прижал ее к себе и исчез из сказочной башни, а она осталась стоять, подняв руку к растрепавшимся темным волосам.

[Леди Джоан, скучая, даже тоскуя, бродит по авангардистской выставке.]

Джоан стояла в первом зале. Из бокового окна она увидела немыслимые вещи, которые хотела увидеть. Она увидела ало-синий флаг, стоящий в клумбе спокойно, словно тропический цветок. Пока она шла от окна к двери, он исчез, напоминая ей, что это — всего лишь сон. <...>

Вся мудрость ее, весь скепсис, весь стоицизм, все благородство удержали ее на месте. <...> Собака по имени Квудл прыгнула на сиденье, обернулась и залаяла от радости. И, хотя леди Джоан вынесла все остальное, тут она заплакала.

[Перед тем как сразиться с восточным войском, стоящим у Айвивудова замка, Патрик снова приходит к Джоан.]

— Я привел вам собаку, — сказал мистер Дэлрой, поднимая Квудла на задние лапы. — Его несли в ящике с надписью «Взрывчатое». Прекрасное название.

Он поклонился леди Энид и взял руку Джоан. Но говорил он о собаках.

— Те, кто возвращает собак, — сказал он, — всегда подозрительны. <...> Некоторые полагают, что им нужна награда. В этом обвинении есть правда.

Голос его внезапно изменился. <...> Он поцеловал Джоан руку и серьезно сказал:

— Я знаю хотя бы, что вы будете молиться о моей душе.

— Лучше вы молитесь о моей, если она у меня есть, — сказала Джоан. — Но почему именно теперь?

— Вот почему, — сказал Патрик. — Вы услышите, а может, и увидите из башни то, чего не было в Англии с тех пор, как пал бедный Монмаут. <...> Прибавлю лишь одно, и вы это знаете. Я жил, любя вас, и умру, любя вас. Я объехал много стран и только в вашем сердце заблудился, сбился с пути. Собаку я оставляю, чтобы она вас стерегла. — И он исчез на старой сломанной лестнице.

[Самый конец, после победы Патрика.]

Когда Патрик и Джоан бродили по миру, который снова стал и теплым, и прохладным, каким бывает для немногих там, где отвагу зовут безумием, а любовь — предрассудком; когда Патрик и Джоан бродили, и каждое дерево было им другом, открывающим объятия мужчине, а каждый склон — шлейфом, покорно влекущимся за женщиной, они взобрались однажды к белому домику, где жил теперь сверхчеловек⁷. <...>

— Он совершенно счастлив, — сказала Энид Уимпол, которая за ним ухаживала.

Смуглое лицо леди Джоан просияло, и она не удержалась от слов:

— И мы так счастливы!

— Да, — сказала Энид, — но его счастье не кончится. — И заплакала.

— Я понимаю, — сказала Джоан и тоже заплакала. Но плакала она от жалости; а тот, кто умеет жалеть, ничего не боится.

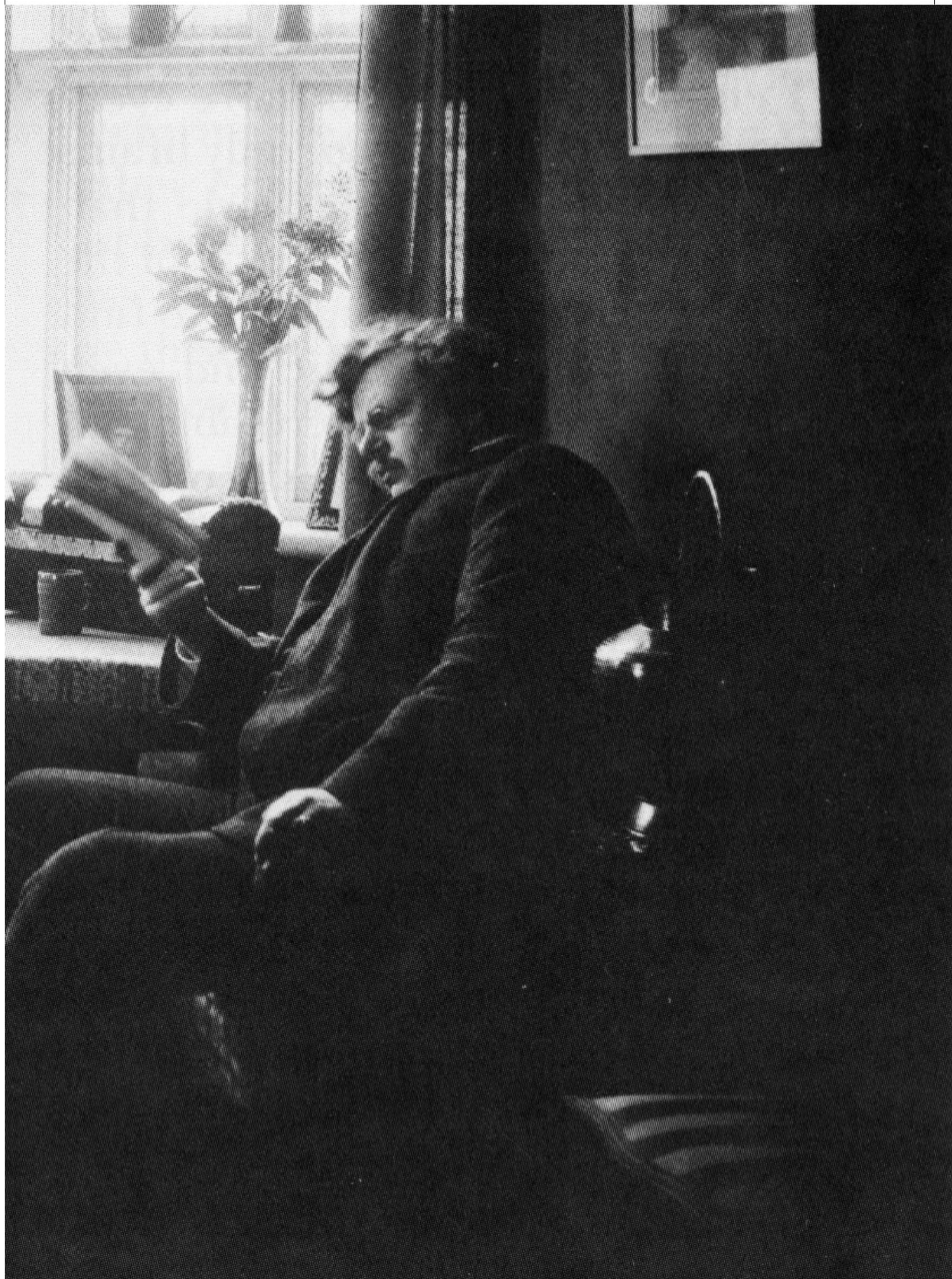
⁷ Лорд Айвивуд — *Примеч. пер.*

Г. К. Честертон с женой Фрэнсис.
Лондон, 1910-е

IX

Антон Павлович Чехов. Дама с собачкой

Года два назад, на Андреевских чтениях Библейско-богословского института, я слышала доклад о «Даме с собачкой». Докладчик показывал, что повесть об адюльтере ничего хорошего дать не может. Возможно, он и доказывал, что это имел в виду сам Чехов — не в социальном смысле (был бы развод, все бы уладилось), а в глубинном, бытийственном.

Конечно, это приятно и полезно на фоне того культа «великой любви», который создали апологеты булгаковского «Мастера». И связишки, и всякие *revolution* были всегда. Но в шестидесятые годы, когда «Мастера» открыли, и в двадцатые-тридцатые, которые его породили, очень ценился так называемый роман. Без него жить не могли не только дамы, переложившие заботы на домработниц, но и замотанные обитательницы коммуналок. Конечно, это было протестом против накопившейся семейной фальши; было и очередным открытием: «Делай, что хочешь». Кто мог, это романтизировал, мужчины — реже, «дамы» — намного чаще. Почти никто не принимал в расчет побочных продуктов — вранья (правда, был вариант и без него) и, что страшнее, мерзкого, как людоедство, сожительства с несколькими людьми сразу. По сравнению с этим Анна Каренина, которая просто не может этого делать, резонно кажется образцом чистоты. Татьяна — дело другое; но о таком, евангельском выборе мы говорили в связи с Уайлдером.

Нетрудно представить, что Гуров не только врет жене, но и привычно предаёт с ней Анну Сергеевну. Его очень реальная тупость вначале этому соответствует; знаем мы и то, как скособочена «личная жизнь» Чехова. Но в том-то и суть, что несколько фраз это перечеркивают. Если рассказ — не о том, как Гуров обрел душу, он вообще ни о чем. Если я ошибаюсь, в нашей книге он лишний. Но нет, проверка — все та же. Вот что чувствует Гуров:

Он снял шубу внизу, поднялся наверх и тихо постучал в дверь. Анна Сергеевна, одетая в его любимое серое платье, <...> поджидала его со вчерашнего вечера; она была бледна, глядела на него и не улыбалась, и едва он вошел, как она уже припала к его груди. <...>

Она не могла говорить, так как плакала. Отвернулась от него и прижала платок к глазам. <...>

Для него было очевидно, что эта их любовь кончится еще не скоро, неизвестно когда, <...> И только теперь, когда у него голова стала седой, он полюбил, как следует, по-настоящему — первый раз в жизни.

Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья. <...> Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали всё в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих.

Нет, не могу возмущаться — а сколько народу возмущалось! В те же шестидесятые были и другие моды; скажем, некоторые мои друзья искренне не понимали, как можно общаться с женатыми вторым браком. К счастью, Промысел шутит хорошо, и главари этого направления жен бросили, причем один ушел к женщине, особенно суровой к падшим.

Чтобы утешиться, припомним Честертона, которому посчастливилось найти такую самую любовь — с жалостью, нежностью, миром — в двадцать два года. В двадцать шесть он женился, после свадьбы уехал с женой на неделю и написал стихи, которыми мы и завершим эту книжку.

Меж свадебным непоправимым днем
И бесконечным будущим любви
За шесть коротких суток создал Бог
Для нас с тобой неповторимый мир.

Да, за одну неполную неделю
Он создал заново луну и звезды,
Цветы и травы, бабочек и птиц,
И множество причудливых зверей.

Над ними ты паришь, моя жена,
Владычица, подруга, королева.
Быть может, мы узнаем боль и стыд,
Но одиночество ушло навек.

Ушло уныние, ушло безделье,
Ушли безверие и безнадежность.
На свете есть и скорбь, и суета,
Но мы едины и исцелены.

03.07.1901

Наталья Леонидовна Трауберг

Петровский парк

Составитель: Мария Чепайтите

Дизайнер: Арина Журавлева

Выпускающий редактор: Петр Лезников

Корректоры: Алексей Белозеров, Валентина Кизило

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,86. Тираж 1500 экз. Заказ № 4404

ООО «Книжные мастерские»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

ООО «Мастерская „Сеанс“»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

+7 (812) 237-08-42

info@seance.ru

<http://seance.ru>

Отпечатано в ЗАО «Типография „Моби Дик“»

191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 44

+7 (812) 572-21-21

info@mobyprint.ru

<http://mobyprint.ru>

Наталья Трауберг

ИАКОВ НА ЛУКИШКАХ

Трауберг Н. Л.

Домашние тетради. Тетрадь пятая: Иаков на Лукишках. — СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — 52 с. — ил.

ISBN 978-5-905586-05-7 (Книжные мастерские)

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© 2013 Трауберг Н. Л. (наследники)
© 2013 000 «Книжные мастерские»
© 2013 000 «Мастерская „Сеанс“»

Наталья Трауберг

ИАКОВ НА ЛУКИШКАХ

«Ёлочка»

СЕАНС

Н. Трауберг.
Ленинград, 1931

Над холмами Литвы
Что-то вроде мольбы за весь мир...
И. Б.

Письмо Пранасу

Дорогой Франек,

иногда я пишу, что обязана жизнью Вудхаузу: снимая комнату у Ходасевич, *Jasque* услышал хохот, выглянул и увидел, что два молодых человека в стиле ФЭКС читают чуть ли не друг другу книжки, только что привезенные хозяйкой из Англии. Тогда, даже обоснованней, можно сказать, что Вам обязаны все той же жизнью Томас, Мария, Матвей, Елизавета, Полина, Петр, Йокубас, Сибиле-Мария и юный Лука(с). Конечно, человек, существо вечное, важнее всего, но страна — это Вам не кот начхал. Не знаю, подарил ли Вудхауз ФЭКСам Англию — скорее, нет, они ее и так любили, но Вы уж точно подарили Литву, и не кому-нибудь, а созданию, которое просто билось к той поре о решетку основной части Союза¹.

Соответственно, понять книжечку, где вроде бы мало что сходится, можно только в том случае, если автор объяснит хотя бы состав или, если хотите, «темы». Они — такие:

- 1) попытка воспеть Литву, место спасения;
- 2) сообщения о чем-то, вроде духовной (простите) жизни;
- 3) отрывки из Тагуэлла, который напоминает, что (опять же простите!) Божья сила совершается не в блеске и треске, а в нашей неправдоподобной слабости, то есть немощи и несовершенстве;

- 4) Тагуэлла я впервые прочитала летом 1983 года. Тем самым, перекидывается мостик к:

1. безоговорочной невыносимости Советов и
2. безграничной милости Бога, останавливающего их ради котов, цветов, детей, еды и возможности дышать; особенно отметим вещие слова монсиньора Сладкявичюса;

- 5) перевод Тагуэлла и записи о детстве непонятно какими силами делались в исключительно мерзкое время, составляя микроскопическую часть того, чем добрый Бог его перевешивал. Помните часть побольше, молитвы Иоанна Павла? То-то и оно.

*Sancte Francisce, ora pro nobis peccatoribus et pro Lithuania Rossiaque!*²

Ваша Натали, 2008-09-08

¹ О которой, естественно, тоже надо молиться и тогда, и сейчас, и всегда. Чтобы легче увидеть ее ангелов, прочитаем введение к «Медному всаднику», снимая возможный триумфализм стихами к няне.

² «Св. Франциск, молись за нас, грешников, и за Литву с Россией!» (лат.)

I Иаков на Лукишках

Собственный дом появился у меня поздно. До замужества я жила у мамы, а потом мы снимали, где только могли — в Крыму (даже не у моря), в Литве, в Москве. Летом 1961-го, когда Тому было два, Марии — полгода, отец семьи стал писать хроники с эпиграфом «Если у тебя нет крова, имя тебе корова». Тогда мы снимали мансарду (сálки) под Вильнюсом и хотели там остаться, но холод нас выжил. Наконец, в декабре 1962-го, после еще одного, уже приморского Крыма, Пранас предложил нам жить у него, пока он учится в Москве на сценарных курсах.

Сам он недавно получил эту квартиру — расселили особняк его сановного отчима, и мебели почти не было. Перевезли нашу, стал настоящий дом. Но сперва скажу про место — очень хорошее, не в старом и не в новом духе. Старый — это старый, средневековый. Новых несколько. Самый поздний из них, а теперь — и самый большой, это пятиэтажки и тому подобное. У вокзала располагается Науяместис, «Новый город», темно-серый, с прямыми углами, вроде Риги и некоторых районов Питера. Кроме всего этого есть неназванный кусочек между проспектом и рекой, сравнительно современный, ровный и светлый. Параллельно проспекту и реке идут всего две улицы, Рябиновая и Каштановая, а их пересекают довольно короткие. У самой реки серое здание в виде буквы П с очень большим, по-советски захламленным двором (теперь он чистый). Если его пересечь и выйти в круглую арку, перед вами будет храм, а за ним — площадь.

Храм, где тогда была больница, почему-то посвящен и Сердцу Иисусову, и апостолу Иакову. С площадью дело обстояло хуже, она называлась «Ленина». Ее досоветское название — Лукишки — звучит хорошо и напоминает о хороших словах: *Lukas* — Лука, *kiškis* — заяц, *lukesčiai* — ожидания, но бывшее название пригорода стало именем городской тюрьмы.

Однако Божья любовь и апостол не ленились. Если не заметить статуи В. И., площадь — это просто розарий. Когда за нашей подругой стал ухаживать эстонец, беседовавший с ней сперва более или менее по-французски, он посмотрел на розы и сказал: «Их есть плохая калитэ». Но он ошибся или кокетничал. Да, за кустами неважно ухаживали, но розы были красивые, как в «Алисе».

Прямо на храм и на розы выходило наше окно. Перед ним стоял стол, за которым я работаю 63 года (тогда — немного больше шестнадцати). Там я переводила Честертона, в частности — «Франциска». Тогда и случилось то, о чем я хочу рассказать.

В те годы мы много читали Белля, и само собой разумелось, что кто-кто, а мы не принимаем причастия буйвола. Обычно имелось в виду то или иное противление Советам, но я учитывала и агнца, считая, что «у нас» (включая меня) — код

евангельский, а «у них» — мирской. Тем самым «к ним» попадали и не советские создания — скажем, властные дамы или бойкие бабы. Словом, «мы» («я») были, бесспорно, лучше «их». Нет, я ходила в церковь, отлавливала грехи и слабости, не надувалась (надеюсь) от самоправедности, скорее наоборот. Но помню, как-то, в ванной, я подумала, что, *nel mezzo del cammin di nostra vita*, я — не в лесу, а в одном шаге от праведности. Так и шло, пока кое-что не случилось.

Кажется, весной, стараясь кончить работу к Пасхе, я правила «Франциска» и перечитывала очень знакомый, уже написанный мною по-русски кусочек про то, что надо пройти сквозь землю — вниз, вниз, — и вынырнешь уже другим. Сажу за столом и чувствую (вижу? слышу?) что-то вроде: «Господи, как ты меня терпишь? И как меня терпят люди?»

Времени это не заняло. Внешне ничто не изменилось — агнец как был, так и остался лучше буйвола. Позже я поняла миновавшую опасность, ведь я могла ужаснуться *иначе*. Вот она, картина Рембрандта. Дальше писать нельзя. Это все равно что — или хуже, чем описывать объяснение в любви. Собственно, это оно и есть, только намного реальней. Похоже и тем, что тоже удивляешься, а не, упаси Господь, принимаешь как должное. Передать удивление и благодарность мне не по силам.

Дальше шла жизнь, было много грехов и глупостей, но *это* я уже знала. Через много лет, когда нам разрешили говорить, я снова и снова пытаюсь рассказать об «эффекте блудного сына» и об опасностях: 1) старший брат (то есть — не ужаснуться), 2) самолюбивое отчаяние (то есть — не обрадоваться).

Прибавлю одно предположение из серии «уловки Промысла». Тогда я была очень счастлива. Если бы я так ужаснулась раньше, когда ощущала себя недобитым зайцем, я бы, наверное, озверела, или свихнулась, или спилась — вариантов много.

Льюис считал, что «мегафон Божий» — страдание; Честертон предпочитал радость. По-видимому, возможны любые варианты — и очерстветь от «положительных эмоций», и озвереть от отрицательных, и очнуться от тех или других. Здесь подстерегли, пока я перестану дрожать, а то я спутала бы те слова с привычной забитостью или, не дай Бог, с «заниженной самооценкой». Правда, тогда на ней еще не свихнулись или до нас это не дошло.

P. S. Alleluia! Пишу, словно теперь-то я вполне ничего, и вдруг влипла в такую стыдную чушь, куда там свинарнику. Но и этого мало: почти тут же открыла слова Терезы о благодарности за несовершенство³.

Здесь и дальше между статейками идут отрывки из о. Саймона Тагуэлла, а почему — см. в «Письме» и в «Перемычке».

---

³ См. стр. 23.

О. Саймон Тагуэлл
Пути несовершенства. Из главы «Отцы-пустынники»

Отцы-пустынники боятся отвлеченности, воображаемой духовности, никак не связанной с жизнью. «Если увидишь юношу, восходящего на небо по своей воле, схвати его за ногу и стяни вниз». Нехорошо идти на небо, потому что тебе так вздумалось. Если нет прочной основы — полного реализма, любые духовные взлеты обернутся пустым мечтанием.

Молодой монах пошел к авве Пафнутию, потому что ему как-то не сиделось в пустыне — он думал, что ничего не добился. Авва Пафнутий сказал: «Сиди в келье, молись по одному разу утром, вечером и ночью. Когда хочешь есть — ешь, когда хочешь пить — пей, хочешь спать — спи. И оставайся в пустыне». Монах не успокоился. Нетрудно представить, как он говорил себе: «Разве это жизнь для пылкого христианина?» Он пошел к авве Иоанну, который подтвердил совет Пафнутия, только прибавил: «Не молись, просто сиди в келье». Наконец монах пошел к авве Арсению, который сказал ему делать то, что советуют первые отцы. <...>

Иногда кажется, что пустынники скорее избегают той ответственности, которую налагает братская любовь; на самом же деле, они просто поняли, что спеша кого-то облагодетельствовать, скорее навредишь, чем поможешь. Авва Матой говорит: «Когда я был молод, я решил творить добро. Теперь, когда я стар, я вижу, что не сделал ни одного доброго дела». Авва Пимен, в том же самом духе, советует другому монаху поселиться там, где он «не повредит ближнему».

Это совсем не значит, что пустынники просто вычеркнули милосердие. Сам св. Антоний учил, что жизнь и смерть зависят от ближних: приобретем брата — приобретем Бога, обидим брата — обидим Христа. Но такую любовь лучше всего проявлять очень просто и прямо, а не в суете опеки. Этикет пустыни требовал накормить любого гостя и поесть вместе с ним, это ставилось выше поста. Кассиан рассказывает, как он еще с одним монахом пришел к старцу, и тот предложил им поесть. Они и так много съели (видимо, у других братьев), а старец сказал, что сам уже ел шесть раз, с каждым гостем.

Самым важным проявлением любви считалось то, чтобы никто не вмешивался в чужие дела, а главное — не делал замечаний. Даже если он видит, что можно сделать лучше, нельзя этого говорить, пока не спросят. Мало того: если ты видишь, что кто-то грешит, смирись перед Богом и молчи. Однажды авва Исаак пришел в одно место, где обитало несколько братьев, и осудил — молча, в сердце — одного из них. Когда он вернулся к себе, дверь преградил ангел, который сказал: «Господь послал меня спросить, что Ему делать с братом, которого ты осудил». <...>

Должен он терпеть и чужую слабость. Однажды заспорили о том, что нужно делать, если кто-нибудь уснет в церкви. Авва Пимен сказал: «Положить его голову себе на колени».

Такая мягкость, на взгляд пустынников, причинит гораздо меньше вреда, чем агрессивная помощь. Египетская традиция не велит учить друг друга. Если кто-то попросит объяснить тот или иной стих из Писания, лучше ответить: «Я и сам не понимаю». Если кто-то скажет то, с чем ты не согласен, не спорь, а скажи: «Тебе виднее». Если кто-то захочет стать твоим учеником, не назидай его, а будь ему примером. Захочет — последует. <...>

Монаху запрещалось вмешиваться в чьи-то дела, но вменялось терпеть, если пристают к нему. Вот поразительный пример из аввы Исаяи. Кто-то принес рыбу авве Гору и авве Афре. Афра стал ее резать, когда Гор его позвал. Он оставил нож в рыбе и вышел. Сысой спросил, где научился он такому послушанию. «От Гора», — ответил Афра, и в доказательство сварил рыбу плохо, она вся рассыпалась. Он понес ее Гору и спросил: «Хорошая рыба, отец?» Гор ответил: «Очень хорошая». Другой кусок он сварил хорошо, отнес и сказал: «Прости, отец, я ее испортил», а Гор отозвался: «Да, испортил немного».

Таких историй сколько угодно, суть — все та же: пусть каждый делает, как хочет, не трогай его. Полную готовность подчиниться считали лучшим путем к святости.

Поверхностный читатель может подумать, что монахи, прежде всего, соревновались в аскетической суровости и вели фантастические битвы с бесами, но это не так. Суровость к себе, что бы ни значила она у первых аскетов, не считалась путем к «сверхчеловеку» и не была идеалом. Она очень твердо подчинялась более важным ценностям — смирению и милосердию. Так, Илларион говорит, что монахом он не ел мяса, а Епифаний — что монахом он никого не оставил обиженным на ночь и сам, завершая день, не был обижен ни на кого. Илларион признает, что это намного выше.

Точно так же и битва с бесами. Драматические экзорцизмы, как и всякое чудо-творство, считали поводом к тщеславию. Св. Антоний мог предвидеть будущее, но не хотел об этом говорить. Мало того, он учил не пленяться тем, кто воскрешает мертвых, но не может обуздать собственного гнева.

Как-то к авве Пимену пришел знатный чужеземец. Пимен молчал. Гость вышел и спросил ученика, в чем дело. Тот спросил Пимена, и Пимен ответил: «Он говорит о делах небесных, а я — человек земной». Гость сказал: «Авва, что мне делать? Меня борют страсти», и Пимен признал: «Теперь ты говоришь хорошо».

Значит, вот в чем наше дело. Высшее само о себе позаботится; мы должны справиться с беспорядком в наших душах. Там встречаем мы бесов и побороть их сможем, если встретим лицом к лицу, честно разбираясь в наших мыслях и помыслах.

Египетские монахи недолюбливали «мистику», резонно отвергая наивную страсть к сверхъестественному. Целью их было свести нас на землю, а не возвести на небо. «Если у тебя есть сердце, — говорит авва Памва, — ты спасешься». Это — самое главное. Неважно, много ли ты делаешь; важно, чтобы ты был человеком. Спасение предназначено реальным людям, а не вымышленным святым.

Н. Трауберг, сын Томас и В. Чепайтис.
Вильнюс, 1961

II О домашних книгах

1

Что-то творится с чтением. Объяснений много, от «перекормили менторством» (нас) до «душу потеряли» (не мы, конечно). Насчет души надо еще подумать. Помню, в девяностых мы жевали это на радио, но не разжевали, отчасти — из-за моей слабости, отчасти — из-за партийности слушателей, резко разделившихся на апологетов былой, даже недавней духовности, и ее обличителей. Я грустно вспоминала то нянечку, бабушку, Проппа, Шишмарева, Блеймана, то, скажем, другую бабушку, удивлявшуюся, что «Онегин» — какой-то неправильный, в опере иначе; а уж тем более — беспримесных люмпенов. Много интересного можно вспомнить, но и сейчас я не удержалась бы «на осторожном царском пути», о котором говорит Льюис. Людей, для которых остаться вдвоем с книгой — то же, что войти в свою комнату, ту самую, о которой говорит Христос, — всегда мало. Мне скажут, что теперь меньше; очень может быть. Однако веду я к тому, что что-то случилось и с книгами.

Казалось бы, хорошо, когда, читая, ты отдохнешь или развлечешься, даже очень хорошо. Честертон часто прав: наверное, на свете немало людей, а не только поэтов и снобов. Несчастливого *hombre masa*⁴ он не заметил или не принял в расчет; но это — другая тема. Главное, женщины плачут над Улицкой или хотя бы над Устиновой, как плакали над чем-нибудь раньше. Бабушку Милю, кстати, очень трогал оперный «Онегин», сам сюжет. Конечно, кто-то читает, не шевеля при этом ни сердцем, ни разумом. И это бывало, но реже, не все умели читать.

Однако я все не про то. Правда или неправда, что противных книг слишком много? Может быть, это абберрация, а скорее — нет. Обсуждать причины сейчас не буду; я их и не знаю. Поделюсь только соображениями, как-то связанными с этим.

Одно из самых главных белых пятен — мысль об опасности творчества. Сколько меня ругали при малейшем намеке на нее! Не знаю, как гений и злодейство, а занятие искусством и помешательство на себе связаны тесно. Вот, звонит *N. N.*, рвет и мечет, хочет писать «открытое письмо». Почему же? Потому что в книгу его переводов, так сказать — «авторскую», настоящий автор, иностранный, вставил еще два стиха, переведенных кем-то другим. И это — перевод, смиренное дело! Что же кричали бы поэт или художник? И, заметьте, их бы все пожалели. Самый духовный, религиозный и т. п. человек походя осудит чью-то

---

⁴ Пользуясь случаем, замечу, что термин Ортеги значит не «человек — масса», а «человек массы», «массовый человек». Именно так переводится этот испанский оборот.

слабость, глупый поступок, плохой вкус, но глубоко и почтительно примет эгоизм в самых его склочных формах, особенно когда речь идет о творческих людях (конечно, если он с ними не в ссоре).

Может быть, это так пропитывает текст, что с него уже что-то капает? Но ведь такие опасности есть давно; Ренессанс, романтизм, модернизм их хорошо подпитали. Неужели теперь и здесь мы сорвались еще ступенькой ниже, вроде того, как раньше проходить без очереди было стыдно, а сейчас — совсем наоборот?

Множа эти вопросы, я не могу на них ответить, особенно в духе «или — или». Поэтому перейду к тому, что мне сравнительно ясно: надо издавать что-то вроде самиздата, такие домашние книги.

Прямая польза от них — та, что намного уменьшается сосредоточенность на себе (в пределе — психоз). Отпадает жадное ожидание похвал, плохо прикрытое хвастовство, многое отпадает. Конечно, петухом или павлином можно быть и в очень узком кругу, но его опасную избранность перевешивают его свойства, связанные с самым лучшим, что есть в пенатах, семье, доме — точнее, в их идеальных образах, которые чаще, чем думают, воплощаются на земле.

Марк из «Мерзейшей мощи» Льюиса жил только тем, что стремился в избранный круг. Естественно, это привело и к глупостям, и к подлостям, и к бедам. Когда он буквально дошел до ручки, его посадили стеречь бродягу, которого приняли за Мерлина. И вот что случилось:

«От бродяги плохо пахло, он жрал, как зверь, но непрерывная пирушка, похожая на детский праздник, перенесла Марка в то царство, где жили мы все, пока не пришло время приличий. <...> Лишь много лет спустя Марк понял, что здесь, где не осталось места тщеславию, надежды было не больше, чем на кухне у людоёда, он вошел в самый тайный и самый замкнутый круг».

Может, принять этот тест? Домашняя книга должна вводить не в клуб и не на бал, а в норку. Только надо помнить, что есть искажение и в другую сторону, столь знакомое по моде на контркультуру. Норка — одно, грязный подвал — совсем другое.

2

Самое время напомнить, что я непременно перегибаю. Долгий опыт «Софии» (радио) учит меня, что это вводит многих в соблазн. Тот же опыт показывает, что объяснения — тщетны, но все-таки, хоть для одного человека... Словом, попробую.

Почему я перегибаю, более или менее понятно. Скажем, здесь — потому, что очень уж забыли про опасности творчества.

Спросят меня и о том, что же делать, если *надо* сказать что-то многим. Вообще-то, это самый соблазн и есть, особенно — в мистическом соусе; но,

действительно, иногда — надо. Сказанное и написанное дойдет, никуда не денется; но неудобно даже предлагать такое доверие. А так — я же не начальник. Это, в самом крайнем случае, довольно бесплодные напоминания.

Наконец, есть интернет, где все слипается в странную массу, и судьба ее — в руках случая или Промысла. Сказать — скажешь, а особого «Я! Я! Я!», хоть тресни, не утвердишь. Может быть, стоит как-нибудь поговорить и об этом.

О. Саймон Тагуэлл **Пути несовершенства. Из главы «Франциск Ассизский»**

Мало кого из святых так успешно исказили мифы, столько о нем напридумывали, столько толковали и гадали. Когда-то в нем видели «второго Христа» и «ангела шестой печати», теперь он — борец за свободу, если не просто реформатор, и «дитя полей» вроде хиппи.

Если мы хотим понять и узнать настоящего Франциска, надо обращаться лишь к самым ранним, самым надежным источникам, к которым, как ни жаль, нельзя отнести прославленные *Fioretti*, позднюю и тенденциозную компиляцию. Конечно, самые верные тексты — то, что писал Франциск. Сюда не входит известная «Молитва», которая откуда-то взялась в нашем веке (мы не знаем, была ли она раньше), а с именем Франциска связана с 1936 года, видимо — по недоразумению. <...>

Франциск не сомневался, что евангельская жизнь возможна только вместе с Церковью. Он требовал не свободы от церковных установлений, а евангельской свободы внутри Церкви. Отрицая обычные способы, которыми почти все мы размываем простое учение Христа, он верил, что жить по Евангелию — можно. <...>

Сутью, самым сердцем Евангелия Франциск считал отказ от «своего». <...> Позже подчеркивали материальную бедность, что с легкостью вырождается в бедность условную, формальную; а вот для Франциска главным был отказ от «своего», от собственных прихотей. Он объясняет это в своих «Советах»: «Кто же отвергает все имяние? Тот, кто отдается послушанию и воле старшего».

Образец, как бы модель бедности, дает наш Господь, посылая апостолов на проповедь. С точки зрения Франциска, самое важное — то, что они никак и ничем не защищены от превратностей и злобы этого мира. Бедность и бесправие нераздельны, каждое надо «выполнять» до упора, сколько можешь; Франциск хочет, чтобы братья поистине были «меньшими», никогда ничего не «контролировали», жили по воле Промысла. <...>

Даже то, что считают препойой на пути к Богу, может стать «милостью», — скажем, грешники учат нас терпеть и любить. «Любите их, какие они есть, и не старайтесь, чтобы они стали хорошими христианами». Можно сказать, в сущности, что Франциск никогда ничего и никого не «реформировал».

Монашеская традиция приняла как данность, что истинному развитию духовной жизни способствует защищенность от суеты и соблазнов; а францисканцы словно бы хвастались, что монастырь их — целый мир. Ведь им правит Промысел Божий, значит, что бы ни случилось, это послал, подарил нам Бог.

Именно поэтому Франциск так любил природу. Мы не поймем этой прославленной любви, если увидим только милые, приятные ее стороны. Нетрудно восхищаться тем, как святой приручает волка или заводит дружбу с цикадой, умилиться и даже позабавиться тем, как он выкупает ягненка, которого оставили среди козлов. Но суть — в ином: он пытался выразить полную незащищенность от всех созданий. Франциск просил учеников подчиняться не только любым людям, но и любым зверям. Мало того — когда у него загорелась одежда, он сказал братьям: «Не обижайте брата Огня» и все-таки разрешил тушить его, когда приказал старший. В другой раз загорелась крыша, и он просто ушел, прихватив старую шкуру, а потом сокрушался, что забрал хоть что-то у того же «брата».

Именно это полное смирение перед неодушевленными вещами придает францисканской бедности особый оттенок. Поначалу она значила, что братьям, как Христу, негде приклонить голову. Постепенно завелись какие-то жилища, но Франциск настаивал, что братья ими не владеют. Любимую Порциункулу практически отдали бенедиктинцы, но он упорно платил за нее корзину рыбы в год. Правило говорит, что любой может выгнать их откуда угодно, а пока они где-то живут, привечать надо всех, особенно — воров. <...>

Часто считают, что их нищенство было школой смирения, но они и работали, когда могли. Если работы нет или им не заплатят, тогда они просили, «как все бедные люди». Кроме того, они не могли выполнять работ, которые давали им какую-то власть. Чем бы они ни занимались: проповедью, молитвой, ремеслом, — они оставались *minores*, меньшими. Франциск считал первородный грех непослушанием, своеволием. Обращаясь, ты отдаешь свою волю Богу и тем, кого Он пошлет. <...>

Однако полное послушание — не самоцель, ключ ко всему — подражание Спасителю. Христос пришел, чтобы служить, а не чтобы править. Он отдал Себя на милость врагам, подчинился самой смерти. Бедность драгоценна, потому что Христос был беден. Поначалу Госпожа Бедность — именно Его невеста, а Франциск служит ей, как Ему. Защищаться от каких бы то ни было стрел ему не велела не столько вверенность Промыслу, сколько беззащитность Христа. <...>

Да, он настаивал на радости — и настолько, что мучаясь, уходил, чтобы не вводить братьев в соблазн. Но радость, которую он проповедовал, очень далека от простого веселья «детей природы». Она сверхъестественна и дается тем, кто умеет обрести полную отдадность Господу. Франциск подставляет себя не «воздуху и веселью», но обидам и отверженности, как Христос.

Р. Янулайтис, Т. Чепайтис, М. Чепайтите, Н. Трауберг, М. Янулайтис.
Титувенай, 1972

III Алисин сад

Островский писал в «Грозе», что Литва на нас с неба упала. Очень может быть. Но сперва расскажу, как я это заметила.

Весной 1946-го, на лекции, в актовом зале, я сидела, глядя куда-то, потому что видела очень реальную картинку. Незадолго до этого мы занимались VI веком и дошли до той поры, когда Венанций Фортунат благоговейно посещал св. Радегунду. Она уже как-то освободилась от своего Меровинга и жила в красивом доме, сзади которого была роща, а спереди — что-то вроде заросшей травой улицы, вроде тогдашнего Ольгина или нынешнего Троицкого-на-Истре. Фортунат принес корзиночку каштанов и стихи об этом. Мне почему-то примерещилось, что были и лесные фиалки. Года два тому назад, то есть — через полвека, я перевела эти стихи, и фиалок там нет. Есть «милая мать и сестра», сочетание уюта и святости, и какая-то *universalia* Европы, не южной и не северной. Картинка держалась прочно и без малейших моих усилий связывалась с Литвой.

Конечно, я знала, что Литва — не советская. Из разума у меня была тогда только память, жила я чувствами, чудесами и картинками, и, если бы представился случай туда поехать, сработали бы, наверное, мои главные чувства: страх перед советским и страх перед мамой. Победил бы, я думаю, второй. Наши дамы, относившиеся к советскому не лучше меня, но не снизу, а сверху, преспокойно ездили на Рижское взморье и приглашали в Питер эстонских портних. Но никто поехать не предложил (точнее, что-то такое сказала в 1954-м Леночка Васильева, но тут же забыла).

Поехала я через двенадцать лет после той картинке, в 1958 году. Если бы не это, я, несомненно, окончательно бы сошла с ума в самом скором времени.

Мой будущий, а с конца июля — и настоящий муж, словно кот маркиза Карабаса, предъявил мне все свои владения, от галереек с бельем около Анны и Заречья до самых разных лесов, среди которых (в Сувалкии) был похожий и на тот, меровингский. Потом — наверное, в марте 1960-го — обнаружили и лесные фиалки. А в 1963-м мы поселились рядом с холмами, где они растут.

Легко сказать «поселились» — жилья у нас долго не было (см. первый очерк). До переезда к Пранасу я часто сравнивала себя с Алисой, которая лежит у решетки сада и заглядывает туда.

Попав, наконец, в Вильнюс, я узнала там пенаты, но это далеко не все. Может быть, остальное сводится к двум пунктам: во-первых, никто не приставал — ни со злыми нотациями, ни с демьяновой ухой; во-вторых, я нашла «зеленые холмы томизма».

Вообще-то, я, как и предвидел о. Шпиллер, нашла католичество. Сейчас мало кто поверит, что он, ничуть не экуменист, не либерал и, главное, не какой-нибудь особенно евангельский, настойчиво советовал мне «практиковать» с католиками — и потому, что, в отличие от нас, там была живая церковная жизнь, и потому, что мне нужен «Аристотэль». Не могу и не буду передавать, как впитывала я эти достижения «богоданного разума», и многое другое. Был год Терезы и Иоанна Креста (1965), был год Августина, чего только не было. В середине шестидесятых появился отец Станислав. Нельзя сказать, что истерические даватки и туповатые гладкие ксендзы не вызывали тех печальных чувств, которыми полно Евангелие, но — увы, единственный раз в жизни — я от них не страдала. Помогало и то, что во время Мессы именно служат, а не передают свечи или делают замечания. В середине шестидесятых мы с Катилюсами и другими друзьями собирались на Бельмонте, где Томас Венцлова снял комнату, и рассказывали друг другу историю Западной Церкви. Дома, сперва — в 1965-м (КГБ), потом — примерно с 1968-го, бывало и плоховато, но уезжать я никуда и ни за что не собиралась.

Однажды зимой я остановилась на улице Сёду у окна на первом этаже, таком низком, как будто дом — без фундамента. Странно, но я не помню, какой это был год. Окно было почти забито ватой, испещренной ангелами и фантиками. Кроме всего прочего, оно воскрешало и нашу с нянечкой жизнь на Большой Пушкинской. И вдруг, в точку времени, я поняла, что Алиса попала, собственно, не столько в сплошной цветущий куст, сколько во владения слащавых и стервозных дам, вроде герцогини с королевой, абсурдного суда, маячащей рядом казни.

Самое странное, что у меня не «открылись глаза», случилось совсем другое. Я еще не знала мифа о Логрисе, но Литва разделилась на два параллельных, одновременных *ordo*. Здесь, на земле, понимала я в той же точке, нельзя закрыться в детской или в саду. Но — и это главное! — они есть, ты в них живешь так же реально, как в той жизни, из которой хотела сбежать.

Уже в семидесятых я захватила к патеру работу, новеллы Кортасара. Такую словесность я не люблю, это был заказ, и дело шло туго. Однако отец Станислав с налета опознал притчу в рассказе «Другое небо», где герой иногда внезапно попадал в Париж 1870–1880-х годов и был там счастлив, хотя какое счастье от абсента, гризеток и (да, да) гильотины? Патер разахался: «О, я скажу, так и мы! Вот — этот мир, вот — Царство!..» Заметим, что Додд остался бы им доволен: он брал из притчи только суть, а не случайные реалии.

Словом, Литва навсегда разделилась, не разделяясь, на два града. Чтобы не удивляться, прочитайте в «Мощи» беседу о Британии и Логрисе, а сами припомните «Люблю тебя, Петра творенье» и, скажем, кухню в коммуналке. Да что там, это неважно — две *civitas* есть в любой стране. В Англии я слабо ощущаю

герцогиню с королевой, а значит, как бы я ее ни любила, вижу не без Алисиных ошибок. Без них, в Божьей правде, у меня две страны — Россия и Литва. Никогда не перестану удивляться (точнее — благодарить), что она упала на меня с неба.

О. Саймон Тагуэлл
Пути несовершенства. Из главы «Жан-Пьер де Коссад»

Настал век «закона и порядка». Благодетель, как и все прочее, причесали и подчистили, разбили на четко отделенные друг от друга «этапы», каждому из которых соответствовали свои духовные упражнения. Опытные духовники (хотя бы в замысле) руководили теми, кто искал «духовной жизни». Естественное и сверхъестественное загнали в отдельные резервации, и территорию «духовной молитвы» стерегли как нельзя строже. В своем учении Церковь прочно заняла бастион полного правоверия, не решаясь оттуда выглянуть; так и «духовность» люди видели вроде росписи упражнений — благочестивого чтения, почитания Святых Даров, безмолвной молитвы по определенным правилам, скрупулезного испытания совести и т. п. Отойти хоть на шаг боялись, это все «мечтания». Позже (хотя это было спорно и в XVIII веке) лагерь расширили, впусив в него «мистиков», но лишь на том условии, что они не свернут с проторенных тропок. Конечно, многим это нравилось, даже питало их; но всякого, кому не хватало простоты и свободы, немедленно подозревали в мечтаниях и гордыне; если же он ухитрялся вырваться, он попадал в когти «мистических богословов», которые хотели знать точно, на какой он духовной ступени и готов ли двигаться к «высшим» формам молитвы.

Может быть, это и карикатура, но именно такие трудности мучили людей, для которых писал Жан-Пьер де Коссад, да и его самого. <...>

Когда Коссаду напоминали, как опасно уходить от упорядоченной рутины благочестия, он отвечал, что еще опасней от нее не отходить. «Поверьте, — пишет он, — у вас и так слишком много занятий. Нужно другое — становиться все проще изнутри». Слишком многие считают, что они духовно развиваются, «громоздя молитву на молитву, медитацию на медитацию, чтение на чтение» вместо того, чтобы «учиться у простых душ великой тайне: хоть немного побыть перед Господом в мире и тишине». Обычная практика ведет к постоянному чувству недоделанности. Хуже того: она побуждает полагаться на себя, а не на милость Божью, другими словами — родит в нас гордыню и себялюбие. «К делам благочестия можно так же корыстно привязаться, как к мирским, суетным благам, и эта „благочестивая глупость“ — все то же себялюбие, пусть и „духовное“. Скрытое, может быть — неосознанное тщеславие совершенно противоречит воле Божьей. <...> Желание убедиться, что все у нас „в порядке“, проистекает из эгоизма; нам хочется

красоваться перед духовным зеркалом. <...> Нам кажется, что мы продвигаемся по Божьему пути, тогда как на самом деле мы слишком заняты собой, слишком много над собой трясемся».

Пытаясь понять, насколько мы «погрузились в мистическую смерть», мы только теряем время, ответа не будет, а если будет — добра не принесет. Важно ли, какая у нас молитва, раз уж мы молимся? Коссаду совсем не интересны всякие этапы и ступени; главное — просто и целостно ввериться Богу. Это он называет «сердечной молитвой», и она так проста, что незачем гадать, призван ли ты к ней. Она не самая «восторгающая», но самая смиряющая. Если мы поймем, что вообще не умеем молиться, будет лучше всего.

Люди, стремящиеся к «восторжению», понять не могут, как буднична и проста жизнь истинного послушания Богу. Каждое слово в ней — *Fiat*⁵, всегда *Fiat*, и естественно, что образцом такой жизни Коссад берет Марию, особенно подчеркивая обычность Ее, простоту. <...>

Чем отслеживать, тем более — подталкивать свой прогресс и свое совершенствование, препоручим их Господу, пусть Он все делает, как хочет. «Мне надо столько совершенства и столько внутренней жизни, сколько Богу угодно дать мне, и тогда, когда Он их даст». А то мы хотим «угодить себе, не Ему», по своей прихоти.

Мы слишком серьезно принимаем наши идеи совершенства (Коссад называет их «ужасными»). Поначалу может показаться, что он противник разума, но дело в том, что он пылко отвергает рациональную набожность, все эти попытки исчислить, запланировать свой и чей-нибудь путь к совершенству. <...> Коссад совсем не против упорядоченности, но, напоминая он, у Отцов Церкви — что там, у Пречистой Девы, — «методов» не было; говорит он и о том, что бурное сокрушение о своих грехах — не что иное, как гордыня. Нельзя судить о духовных реалиях по нашим ощущениям и чувствам. Показная, напряженная набожность для Коссада — мирское дело. <...>

Отсюда следует, что «совсем нетрудно достичь большой святости простыми христианскими способами». Бога найдешь везде, без всяких усилий. Он всегда здесь для тех, кто ищет Его всем сердцем, хотя и не всегда дает им это понять. «Отдать себя Промыслу... совсем не так трудно и героично, как вы думаете».

В определенном смысле делать не надо ничего — просто будь холстом, на котором Господь рисует. Но это — не пассивность; это пассивность и активность вместе. Мы «пассивно активны» или «активно пассивны». Мы должны открывать, что нам делать в каждый данный миг. «Думайте только о настоящем, облекитесь в одну лишь Божью волю, предоставив все остальное Его провидению и милости». И еще: «Всегда действуйте во святой простоте, доброй вере и правоте сердца, не оглядываясь назад или по сторонам, но глядя прямо на нынешнее мгновение». <...>

---

⁵ Да будет (мне по слову твоему) (лат.)

«Думая о том, что может случиться (чтобы, как они говорят, не искушать Бога), сколько времени тратят люди, гадая и предугадывая, громоздя мысль на мысль, замысел на замысел! Они изводят себя мнимыми бедами, тревогами, предосторожностями, которые совершенно бесполезны — когда время придет, многое изменится, да и мы сами. Очень часто, в конце концов, делают совсем не то, что задумали <...> Так будем же думать только о том, как прожить этот миг по Божьей воле, предоставив прошлое Его милости, а будущее — Его Промыслу».

Заметьте, что Коссад подчеркнуто отрицает какие-то «озарения» — волю Божью надо узнавать в простых делах нашей жизни, а помогут нам разум и здравый смысл. Иногда нам ничего не остается делать — так и не надо. Бог оставляет нас в полной пустоте; тогда удовольствуемся ею. Жизнь, даже внутренняя жизнь, принадлежит не нам, но Богу.

IV

Через тридцать лет

1

Наверное, многим кажется, что особенно старым и добрым был 1978 год. Сами понимаете, бесплатно то, бесплатно это, нравственность и тот особый уют, который напоминает болото, а не мехового зверя. Такие звери, особенно — из Льюиса, утешали Аверинцева, который совсем не мог дышать. Надо сказать, что спасительные жабры были не только у тех, кого позже назвали совками. Самые героические люди нередко вполне дышали, а человек библейский, отец Александр, вообще жил, хотя не использовал ни стоицизма, ни героической взвинченности. А вот Аверинцев, Света Долгополова, будущий отец Георгий, Томас Венцлова — не могли. Напрашивается предположение, которое мы часто повторяли с Георгием — он сам, Аверинцев, Томас (как и я) были очень малодушны. Однако Светлана — крутая казачка. В общем, это скорее *mystère*, чем *problème*.

Летом 1978 года я собиралась в больницу. Для сторонников Гесиода сообщу: за операцию договорились платить; сестры и няни питались эфиром и не помогали даже за деньги; мест не хватало, поскольку под видом чего-то серьезного делали платные аборт; клозет был такой, что мы мечтали о высоких сапогах. Перед самым моим уходом Аверинцев несколько часов рассказывал по телефону «Мерзейшую мощь». Естественно, мы дали обет сделать ее для самиздата, и с ближним прицелом — мое выздоровление, и с дальним — «хоть немного сдвинуть глыбу зла»⁶.

---

⁶ Эссе «Великан» Честертонa. Цитирую по памяти.

Приступить к выполнению все не удавалось. Я долго приходила в себя (привеза из больницы даже вшей), мои дети сновали между Москвой и Литвой, замаячил — а потом и родился — внук, то есть Мотя. Словом, начать работу я смогла только осенью 1979-го, когда мы переехали в Литву.

2

За те десять лет, что я там не жила, Литва стала хуже, многому научилась — не только нераскаянному воровству и сварливой бестактности, но и совсем удивительным вещам. Приведу один пример, где она превзошла Москву. Осенью 1983-го из-за Андропова, корейского самолета и т. п. я сошла с ума и поехала за экзорцизмом к монсиньору Сладкявичюсу. Экзорцизмы он счел ненужными, реакцию — адекватной и утешил тем, что «это» — уже в последних конвульсиях. С католической деловитостью он посоветовал физически страдать (все те же интенции) и, чтоб мне лопнуть, я через три дня заболела лютым панкреатитом. Для промыслительных сближений замечу, что Томас Венцлова как раз тогда прислал Пранасу вырезку из газеты: «Панкреатит — болезнь пьяниц». Правда, я еще не знала, что со мной.

Ностальгирующим сообщу: за неделю мы двенадцать раз вызывали скорую, она делала укол и уезжала. Однажды ей пришло в голову, раз уж диагноз не поставить, повезти меня в больницу. Там меня потащили на рентген, ничего не нашли и от-пус-ти-ли. Ревя от боли, я доползла до такси. Наконец, одна тетя удивилась: чего же мы хотим, если не даем на лапу? Мы дали; в больнице меня едва откачали; опознать панкреатит может кошка (опоясывающая боль).

Но это — завершение новеллы, осень 1983-го, а сюжет укладывается в отрезок между осенью 1979-го и Пасхой 1983-го. Перейду к нему.

Сперва работа шла споро, потом — стала барахлить. И заказы мешали (я ведь как-то зарабатывала), и что-то не получалось с текстом. Надо сказать, метафора сменилась: воздух здесь был, а вот встать было некуда, словно исчезла земля. Как писал тот же Льюис, «приходилось лететь»⁷. Поскольку мы не эльфы и не магии, полет уравнивался радостями очага, точнее — кухни. У нас поселился тайный доминиканский священник, в миру — милиционер⁸. К нему часто приезжал его собрат из Питера (физик), и мы служили по воскресеньям у недобитых доминиканок, а утром, перед работой, наш Доминик звал на Мессу меня и кота. Тогда и появились фразы «Кеша на высоко́щи» и «Кто кот велий, яко кот наш?»⁹.

⁷ Эссе «Человек или кролик».

⁸ Не пугайтесь, он был инженер и занимался этими сигналами, когда угоняют машину.

⁹ Опять — не пугайтесь. В века веры это бы никого не шокировало. Кстати, разве сейчас — не век веры?

Доминиканец — не доминиканец, если он пренебрегает жареной курицей. Когда отец Евгений приезжал, он мчался на маленький рынок, где тогда уже был гриль, и приносил не меньше трех кур. Называлось это *curarium*. Позже, в конце 1986-го, когда в темную Москву возвращались сидевшие, мы с о. Евгением обещали никогда не идеализировать наши пиры. Если кому-то покажется, что *такую*, чисто честертоновскую радость над бездной можно пожелать потомкам, глубже будут, — ради Бога, не желайте!

3

В самом мерзком году, 1980-м, перевела я довольно много; кроме всего прочего, и *labor* заменяет землю. Потом пошли перерывы — например, в мае 1981-го я, тоже по интенции (Папа), стала переводить «Человека, который был Четвергом». Но главное не это: сюжет «Мерзейшей мощи» и наша жизнь все больше сближались. Описать это лучше всего двумя отрывками из книги. Первый: после очень банальных и очень мерзких искушений Марк Стэддок впервые замечает, что есть «нормальная жизнь. <...> К ней имели отношение и Джейн, и яичница, и мыло, и солнечный свет, и галки, кричавшие в Кьюр Харди. <...> Он выбирал и выбрал нормальное. Если научная точка зрения уводит от этого, черт с ней. Теперь ему было все равно, убьют его или нет».

Нам это все равно не было, хотя мы не однажды предлагали Богу, если надо, свою жизнь. Убить может и молния, и кагэбэшник, а на него я не соглашалась. Ведь соприкосновение с ним — это не очередь, даже не учреждение, а нечто предельно мерзкое, *hideous*. Пишу про себя и еще двоих-троих. Глеб Якунин, Алик Вольпин, Наталья Горбаневская, многие испытывали что-то другое. Но и они, люди героические, и мы твердо знали и ощущали: советская жизнь не просто трудная или скудная, это есть всегда в падшем мире, а кощунственная, как в романе Льюиса. Собственно, Сладкявичюс и сказал мне, что рухнет «все это», а не воцарится рай и легкая жизнь или даже демократия. С 15 октября 1983 года, дня Терезы Авильской, я напоминаю об этом себе и другим.

Итак, героями мы не были. Можно сказать, что мы, как миллионы других людей, неотступно молились. Но об этом не очень прилично говорить. Лучше снова обратимся к Льюису.

Макфи удивленно спрашивает Джейн: «Можно ли победить могучих врагов, поливая грядки и балуя медведя?» Спрашивает он и других обитателей Святой Анны: «Что мы здесь делали? Кормили свиней и разводили неплохие овощи?»

«Вы делали то, что от вас хотели, — сказал Рэнсом. — Вы повиновались и ждали. Я где-то читал, что алтарь воздвигают в одном месте, чтобы огонь с небес сошел в другом».

Мерзкий институт ГНИИЛИ разнесли в щепы животные из вивария. Один молодой доминиканец облизывался от радости — вот она, победа правды! Сцена жестокая; звери — без греха, но боль и страх людей вполне реальны. Мы сидели на кухне и спорили. Я уклонялась в ту сторону, о которой пишет Андерсен: один священник любил поговорить про ад (как обычно, с особым наслаждением праведника), но тут его покойная жена попросила его показать, кого именно надо туда отправить. Они пересмотрели много сомнительных субъектов, в том числе — швейцара, отгоняющего от барских дверей свою голодную мать, но даже в нем священник увидел только жалкого павлина. Напомнила я и о том, как другой, настоящий священник, выслушав рассказ о какой-то склоке, посоветовал одно: «Всех жалеть», и о том, как Христос сказал с креста: «Не ведают, что творят». Да, Льюис постарался, четырех людей без души он изобразил (ИО, Фрост, Феверстон, Фея), но остальные — такие жалкие, с такими знакомыми страстями! Доминиканец сурово указал мне на уклонение от царского пути и назвал Льюисом Толстой.

Кем-кем, а непротивленцем Льюис не был. Он честно признал, что — вне христианства — ему ближе всего дуализм. Физическая победа над злом обольщала его, как подростка. Что звери на банкете! — половина «Переландры» отведена мерзейшей драке благородного Рэнсома. Когда сказка про Нарнию появилась в кино, одна женщина, дай ей Бог здоровья, написала, что Аслан с чисто христианским милосердием отгрызает головы. Словом, если выражаться соответствующим слогом, Льюис часто и со вкусом онтологизирует зло.

Однако только Честертон в «Великане» передал с таким реализмом самый дух странной просьбы предоставить место Богу или ответа сыновьям Зеведеевым. В тех двух отрывках и во всем сюжете он показывает, как зло разделяется в себе, и кроткие наследуют землю.

Может быть, поэтому «Мощь» я люблю, не изменяя. Сколько я его переводила, а послушаешь, как им набивают голову, не трогая сердца, как легко его принимают, как помогает это служить двум господам, — и скажешь лишнее, действительно лишнее: достоинств у Льюиса больше. То заметишь эту самую кровожадность, то менторскую ноту — словом, я изменяю ему, но «Мощи» это не касается. Прибавлю из вредности, что этот роман как-то обходят, плохо помнят, мало читают. А ведь, кроме прочего, в нем очень много «смеха и смирения», в которых Честертон видел «секрет жизни».

4

К Пасхе 1983 года перевод как-то сам собой закончился. Отец Доминик принес из милиции три больших рулона бумаги, и Мария стала печатать. К рождению Елизаветы (29 июня) все было готово. Примерно в это время Иоанн Павел посвятил Россию сердцу Божьей Матери.

О. Саймон Тагуэлл
Пути несовершенства. Из главы «Тереза из Лизье»

Многие спорят о том, очень ли сильно духовная жизнь Терезы отличалась от религиозности ее семьи и других монахинь, но одно ясно: мать Агнесса сообщает, что она терпеть не могла благочестивых пошлостей (*elle detestait les petites devotions de bonne femme*). Насчет монахинь, с которыми она жила, у Терезы иллюзий не было; Селине она писала, что это — «занятое сборище старых дев». Умирая, она сетовала, что никто ее не понимает.

Раньше, в 1895 году, Леони, самая близкая к черной овце из всего семейства Мартэн, страдала угрызениями совести, и Тереза писала ей: «Честное слово, Бог гораздо добрее, чем ты думаешь». Судя по всему, французские католики тех лет легко приписывали Богу то раздражение, которое вызывали в них порочность и неверие современников. Бог получался такой, какого можно чтить лишь из страха, ублаговывая всякими подвигами. Многие кармелитки спали и видели, как бы предложить себя «в жертву» Божьей справедливости. Тереза явственно думала иначе. Она вообще считала, что бояться Бога — страшная ошибка. Это Бог нас боится. Он беззащитен перед нами, отдал Себя на милость, дожидаясь и прося у нас любви. <...>

Ей уже не была нужна уверенность в своей добродетели — она догадалась, что Ему это не так уж важно, Он все равно нас любит, просто «метод» у Него разный. «Представим, что врач опекает двух детей. Одному он убирает с пути помехи, чтобы он не упал. Другого, который уже упал, поднимает и лечит». Образы врача и отца помогают ей.

Но и этого мало — в конце жизни Тереза рада своему несовершенству. Послушницей она была предельно требовательной к себе. Противоречий здесь нет. Чтобы это понять, взглянем снова на то благочестие и ту нравственность, которые она отвергала. В детстве ею руководила Полина, потом Мари. Именно Мари говорила ей о «нетленных богатствах, которые легко собирать день ото дня». Тереза рассказывала Полине (не точно такими словами, та бы их не поняла), что от этой мелочной, уверенной и корыстной набожности осталось странное ощущение. Ей совсем не казалось, что она «собирает духовные сокровища» (позже, в стихах, она прямо пишет: «Я слабость воплощенная, увы! Ты знаешь, у меня достоинств нет»), но создавался другой, гораздо более серьезный, принцип «верности в самом малом».

Именно эта скрупулезная верность преобразилась у нее в скрупулезнейшую деликатность, без которой нечего и думать о братской любви. Тереза оставила тончайшие замечания о мелочах человеческих отношений, и многочисленные свидетельства говорят нам, что она умела как никто справляться с мелкими обидами, причиняемыми ей общиной. Однако она подчеркивает, что это не «подвиги»,

а «мелочи». Дело в том, что она не боялась разгневать Бога — в отличие от монахинь, ее сразу убедило учение Алексиса Пру о том, что наши промахи и слабости Его не сердят. Более того: они не мешают святости. Тереза догадалась, что святость в том и состоит, чтобы терпеть свое несовершенство. Итак, она боится не разгневать Бога, а огорчить людей. Тут нет места нравственному нарциссизму, свойственному иногда религиозным людям. <...>

Тереза совсем не хочет сказать, что безразлично, хороший ты или плохой. Дело в другом: опасно ставить на свою добродетель. Считая себя «правильными» или, наоборот, считая «неправильными» и падая духом, мы серьезно ошибаемся. Вот если мы знаем, что слабы (в какой бы мере ни защищала нас благодать от плодов нашей слабости), мы вверимся Господу. <...>

Матери Марии Гонзаг она писала: «Теперь все время изобретают, скажем — незачем лезть по лестнице, у богатых есть лифт, он лучше. Так и я найду лифт, чтобы подняться к Христу, потому что я слишком мала, чтобы идти по лестнице совершенства». <...>

По-видимому, Тереза часто спала во время общих молитв и вины за собой не чувствовала, а говорила не без лукавства, что это образ всей ее духовности. Во второй из своих автобиографических рукописей, написанной для Мари, она сравнивает себя с птичкой, которую все отвлекает, но она не «плачет» или «умирает от стыда», а «самонадеянно» доверяется своему любимому Солнцу, набираясь сил, ибо оно светит на правых и неправедных. «Что бы с ней стало, — восклицает она, — если бы она была большой и сильной? Она бы не посмела к тебе приблизиться, а потом заснуть».

Тереза не смиренничает; она прекрасно знает, что делает. В стихах о святой Цецилии она пишет о любви, «которая, забывая себя, спит в сердце Божьем, как ребенок». Когда мы спим, любовь не прерывается. Мы нарушаем этикет благочестия, но не заповедь любви.

Кроме того, мы подражаем Христу и соработничаем с Ним. Тереза очень любила рассказ о том, как Он заснул во время бури. Ее любовь к слабости — не хныканье перед Богом («Защити меня, бедную»), но отзвук Его слабости, Его сна. Она подражает в слабости Христу: «Дорогой мой, по Твоему примеру я умаляю себя, унижаю. Чтобы Ты меня любил, я хочу быть маленькой; забывая себя, я привлеку Тебя». Особенно дорога ей беззащитность Христа-Младенца. Она назвала себя Терезой Младенца Иисуса, но и «Лица Христова», имея в виду Его сокровенный Лик. С поразительным чутьем поняла она, что в Искуплении проявилась не сила Божья, а Его беззащитность перед любовью к нам. <...>

Но самое главное случилось на Пасху 1896 года. До тех пор Тереза много радовалась: небо было так близко, что «сомневаться нечего, даже верить и надеяться уже не нужно». Человека без веры она и представить не могла. «Я думала, что они

говорят не то, что думают». Однако на Пасху предпоследнего года жизни Бог даровал ей особую благодать: она перестала радоваться вере. «Он попустил моей душе облечься густой тьмой, так что мысль о небе, моя радость, стала бедой и битвой». С тех пор и до смерти Тереза жила в духовной тьме, держась за слабо светящуюся ниточку.

Удивительней всего, что она не считает это *noche oscura*¹⁰, как посчитал бы любой, кто знаком со св. Иоанном Креста. Для нее это — отождествление с неверующими и грешниками. Теперь она просит Бога говорить «от их имени, от имени братьев: „Помилуй нас, Господи, бедных и грешных“». И дальше: «Я сказала Ему, что рада отказаться от неба на земле, только бы он пустил на небо бедных атеистов».

Героические души, предлагающие себя в жертву Божьей Справедливости, полагают, что они отделены от грешников, оскорбляющих эту справедливость, а вот Тереза отождествляет себя со своими «грешными братьями». <...> Искушение неверием — подлинное. Здесь нет «сострадательного снисхождения»: Тереза точно знает, что с ними, она — точно там же. Потому она и может за них заступаться. <...>

Есть свидетельства, что она не так уж хорошо молилась по уставу (молитву она называла *oraison*), легко отвлекалась и даже спала. «Озарения» бывали не тогда, а во время обычных, будничных дел. Судя по всему, лучше всего удавалось ей *divina lectura*; а вот розарий был сущим мучением. Но в 1896 году появилась настоящая молитва — не *oraison*, а *prière*. Несомненно, ей открылся первоначальный, главный смысл молитвы как мольбы, крика о помощи, который создание обращает к Создателю именно по своей беспомощности. Этикет *oraison* затемнял природу *prière*, это было какое-то упражнение, ведущее к разумной достаточности, тогда как на самом деле молитва — знак недостатка, иначе незачем молиться? Молиться учатся не на вершине, а у подножья горы. «Малые сии» способны к *prière*, но не к *oraison*. За скорбной трапезой грешников научилась она пылкой молитве, ведь больше им не оставалось ничего.

Причисляя Терезу к лику святых, Пий XI говорил, что она особенно важна для нашего времени, потому что выполняла свое призвание, «не уходя от обычных дел». Это совсем не значит, что в ней канонизирована безвредная бытовая набожность. Она — святая «обычных дел» именно потому, что явила полную любовь к Богу в обстоятельствах, в которых живет столько людей, — в грехе и неверии. Тереза дерзает выразить то, что она выразить не смеет, да и не может. Она славит Господа, хотя «богохульство звучит в самом моем сердце», все за них, за богохульных. В отличие от стольких праведников, она не обижает нас откуда-то сверху, не «снисходит» — она просто любит Бога, как кто-нибудь из нас, показывая тем самым, что именно от грешных, сомневающихся, неверных ожидает Он любви.

---

¹⁰ темная ночь (исп.)

Н. Трауберг в три года.
Ленинград, 1931

Перемычка

Отцы Доминик и Евгений крестили Елизавету. За стенами Сент-Энн начиналась осень 1983-го, с корейским самолетом и многим другим. Ровно половину ее я была сумасшедшей. Помню, мне дали амитриптилин, но стало только хуже — «псих окаменевший». Вторую половину и часть зимы я тяжело болела и, несомненно, не работала. Когда же и как я перевела беседы о Тагуэлла и написала заметки о самом начале жизни? Не знаю и не понимаю; но вот они, то есть заметки. Тех бесед сейчас нет (у меня) и, чтобы не лишать вас Тагуэлла, я даю главы из книги, которую он писал именно тогда, точно в том году.

Мои записки сохранились чудом, я их вроде даже выбросила. Слова «Банка света» были написаны маминой рукой на маленьких сшитых листках моих исключительно ранних полустихов. По ее словам, я назвала так лампочку. Тогда я любила электричество честертоновской любовью, то есть благодарно удивлялась. Но это — уже в записках. Ставлю их как статью, под номером V, однако можно видеть в них приложение.

И все же самое важное — не это. Появилась книжка Павла Санаева; довольно давно вышла книжка Светланы Шенбрунн. И там, и там описано с исключительной достоверностью, как нелепую девочку и просто *хорошего* мальчика ежесекундно изводили — то придирами, то заботой — их старшие родственницы. Заметьте, случай — не тот, когда дети и родители просто в сваре. И мальчик (больше), и девочка (меньше) тихие; они, особенно — он, очень хотят сделать как лучше. Оба об этом написали; видимо, иначе не могли изжить боль, поверьте — невыносимую, одну из самых трудных.

Могла бы и я, но — не могу. До замужества я разгоняла народ своими жалобами на маму, но написать — и подумать не могла. Я рада за Светлану Шенбрунн и за Павла Санаева. Видимо, их боль была сильнее моей, поскольку не сработала простая проверка: когда исчезает *ситуация*, исчезает и счет. Поэтому так глупо говорить: «А ты ее прости!» Дело не в прощении, но в безвыходности, а с ней, конечно, — и в боли, это ведь очень тяжело.

Слава Богу, и Деве Марии, и Ее Матери Анне, в детстве (моем) мама была как фея. Позже с ней, как и с мамой С. Ш., и с бабушкой П. С., что-то случилось — это ведь все делается не от хорошей жизни, а от особого страдания, близкого к безумию. «Банка света» — маленькая дань тому раю, каким были мое детство и моя молодая мама по прозвищу *Jacque*.

V Банка света

Тайное предисловие

Мне казалось, что каждый может описать свое детство. Однако я этого не делала по нескольким причинам. Во-первых, это — слишком большая радость для земной жизни; во-вторых, очень близко психоз пишущих: «А вы читали у меня ...?» и т. п. Главные причины были эти, и я не писала, пока не произошло маленькое бытовое чудо.

Мы сидим с тобой, Матвей, на полу, у моей тахты, почти в дверях, я что-то тебе пела, и ты вдруг заснул. Было это, скажу для научности, в конце мая¹¹. Так вот, ты заснул, ткнувшись в тахту своим коальим носом, а сам при этом был наполовину у меня на руках, хотя человек ты тяжелый и трехлетний. Тогда я помолилась о том, чтобы увидеть тебя изнутри, а не только снаружи.

Мне уже второй раз правят вполне точный перевод из Честертона: «Все хорошее больше изнутри, чем снаружи». Правила Лорие в «Диккенсе», правит Алевтина Н. в эссе. Им кажется, что фраза эта по-русски невозможна, и я сдаюсь, и выходит не помню что, не «просторней» и не, прости их Господи, «емче»! Но что-то другое, можешь посмотреть в «Человеке с золотым ключом». Однако для меня эта фраза нормальна и понятна. Вот ты, или сестра твоя Лиза. Возьмем извне. Вы оба очень красивы — но почему? Щеки у нее, коалий нос и синие глаза у тебя? Да и глаза, когда в них нет простодушного и хитрого выражения — стекляшки. Гораздо важнее не красота ваша, а — если брать извне — незнание зла. Но как оно непрочное! Ведь только зазевайся с вами, вы — морды и гады. Мало кто совсем без зазора соединил слова из Евангелия и сцену из Августина. Как всякий евангельский парадокс, на бумаге это не решается, решается в живом человеке. Вы — люди; и вот (умудрился все-таки сказать тот же Честертон) мы должны воспитывать вас, хотя вы лучше нас. Лучше; но как надо крутиться, чтобы очень быстро не стали еще хуже самих нас, взрослых! Какой у вас зверский, то есть человеческий эгоизм! О Господи, даже представить нельзя, как ужасен невоспитанный ребенок! Нет, представить можно, они есть, больше того, они и раньше были, вот и Долли увидела, хотя уж ее дети могли быть и обработанными. И Пушкин пишет, что его Маша что-то такое нехорошее делает.

---

¹¹ Пожалуйста, вот и ответ: записки писала летом, когда еще не совсем свихнулась. Но Тагуэлла делала осенью — *Примеч. 2008 г.*

Но, несмотря на это, если эгоизм не занял вплотную весь ваш небольшой *compositum*, внутри у вас — точнее, изнутри — самое близкое к раю, что только бывает на земле. Слава Богу, я довольно хорошо помнила свой детский рай, точнее — вспоминала (тут посмотри «Человека с золотым ключом!»), потому что это всегда неожиданно и не совсем доступно памяти. Мне казалось, что описать будет легко, но только после ответа на молитву у тахты я увидела, что писать почти невозможно. Две другие причины показались мне пустыми; вот это — причина, тут покрутишься. Но теперь я вижу сразу и тебя трехлетнего изнутри, и себя.

Какие же перед нами встают проблемы?

1) Детский рай, который мерцал, как в стихах, пока я не увидела тебя изнутри, похож на «мистический опыт» — все же рай. Его принципиально нельзя описать; это все равно что расплющивать полушария на квадрате. Останется загадка, и увидеть ее изнутри сможет только тот, кто вот так же помолится.

2) Проблема прекрасного вранья. Если ты уже так велик, что пьешь кофе, ты знаешь, как, выпив кофе, можно вдруг умилиться выдумке вместо правды. Не буду философствовать; но вот — статья о твоём двоюродном прадедушке Илье. О милостивый, как не разнится она на *Dichtung* и *Wahrheit*! То есть — разнится, но стыдно разнимать. Вынесем за скобки вещи совсем аляповатые — скажем, Илюша был женат не раз (всего — четыре с половиной раза), а тут описан сентиментальный брак с балериной и нет ни слова про то, как скоро они разошлись. Но разве так все было? Разве дедушка, твой прапрадед, был журналистом, а не мелким дельцом? А ведь немножко был и журналистом. Бог знает что! Можно говорить тебе поправку к каждой фразе — но как приятна легенда вообще, легенда про Траубергов в частности! Умен ли ты уже, Матюха, и потянешь ли небывалый, только Божьему миру свойственный зазор между манежными криками деда (Л. З.), грязью, унижениями, которых и Достоевский не описал, — и фотографиями из голландской газеты, где сказано «человек-легенда»? Знаешь ли ты сам, как можно молиться тридцать лет впустую, и понять, что молился кощунственно, а потом увидеть, что все вышло по молитве? Если знаешь, рада за тебя. Такой и будет легенда про твоего прадеда, уже не Илью, а Леонида Захаровича, и потому ни *Dichtung*, ни *Wahrheit* в отдельности здесь не получатся.

3) Писать надо для тебя и Лизы, но неизбежно прочитает и кто-то еще¹², может быть — раньше вас. Давай попросим, чтобы это никак не повлияло на мои к вам записки.

---

¹² Зря человек располагает. Никто, слава Богу, не читал, хотя тебе уже 17, Лизе скоро 14, есть еще Полина, Петр, Иаков. (Примеч. 2008 г.: значит, писала я это в 1997-м, и Сибиле еще не было.)

Н. Трауберг с внуком Матвеем и котом Кешей.
Вильнюс, 1981

Первое письмо

Ряря в скипидаре. — Оранжевый шар. — Носы. — Два типа дам. — Портниха. Тимка и чулки. — Комнаты. — Торгсин и кооператив. — Мандарины. — Буквы Я. — Одуванчики. — Заячье. — Лялька.

Когда я была такой, как ты, Елизавета, я жила у Захара Давыдовича и Эмилии Соломоновны на Коломенской, но ничего об этом не помню. А вот когда как ты, Матьё, — немножко помню, и даже немало, потому что в 1932 году мы переехали на Введенскую, и значит, все, что связано с домом на Воскресенском, — до четырех лет.

Там были очень важные вещи. Был шкаф, который я весь изрисовала какими-то существами в профиль. Особенно любила я картинку «Ряря в скипидаре». Она много значила. Я размышляла про имена и про типы бытия. Поскольку была прозрачно-зеленая Ляля, должна была быть и тускло-пунцовая Ряря¹³. Скипидаром мазали меня во время простуды, и я это очень любила, так что подарила ей. Нарисовать такой важный вид действия, как «мазать», я не могла, и скипидар просто лился на нее, примерно так. Но я понимала, что льется он до поры до времени, потому что позже я узнаю тайну, как изображается «мазать», и тем самым пойму колдовство этого действия — не лечебное колдовство, это меня не трогало, а, прости, онтологическое или, если хочешь, механическое. Это совпадало.

Важными были и цвета. Рисовала я карандашами, и цвета их были светлые, но это я не очень замечала. Важнее были идеи цветов, особенно оранжевого. Мандарин был тусклее его и светлее, но круглый, и получалось то, что нужно, — оранжевое и круглое. Таким же было солнце на картинках (в небе я разглядела его позже, лет в пять, и оно показалось мне дыркой, как дырочки в печной дверце). Оранжевые мячи были у негритят на моем ситцевом платье. Ярких красок — ясно-ярких, сплошных, но не густых — тогда было немного, больше на зарубежных предметах, которые и сами входили в тот же раздел чистого, гладкого, круглого и радостного. Но значили только они — не предметы, а цвета.

Сейчас, друзья мои Мтф и Лиза, сделаю отступление — прочитала важную вещь про носы. Честертон справедливо сказал, что ваши носы дают нам представление о том юморе, который ждет нас в раю. Теперь читаю про них в статье: «Интересно, что у маленьких детей, которые плачут часто, слезно-носовые каналы еще не функционируют, и потому слезы скатываются по щекам. Но природа не злоумышляет против детей — в младенческом возрасте, когда психика еще не сложилась, травмировать мозг по счастью не так легко, как во взрослом

---

¹³ Была и Риря, но она мне меньше нравилась. А Рёри не было, хотя многих звали тогда Лёлями, больше, чем Ленами.

состоянии» («Знание — сила». 1983. № 8). Сколько тут полезного! И одна из незамечаемых тайн — у взрослых слезы текут больше из носу, чем по щекам (в кино, значит, — условность); и напоминание, о ваших носах; и — еще раз о том, что «слеза ребенка» не так страшна, как у Достоевского. (Последняя тема ни конца, ни решения не обретает — думая о «воспитании детей», я *никак* не пойму, что же есть третье *на земле*, кроме попустительства и ломки, т. е. — насилия. Но не вы же мне ответите, когда бы вы это ни читали!)

Вернемся к началу тридцатых годов. Собственно, я видела хвостик двадцатых, и все мои стойкие представления о них — оттуда. Мама и тетя стриглись шапочкой, натягивали колпачки до бровей, носили свитера с треугольным вырезом и узконосые туфли на пуговке. Бабушка Миля предьявляла мне все то из двадцатых годов, что мама и Оля считали безвкусным, т. е. как бы и несуществующим, поскольку это взяли из прежнего, XIX века: камеи, янтарь, бронзовые статуэтки, фортепиано и, скажем, кружева¹⁴. Сюда же относились глубокие глазницы. Немых фильмов я не видела, разве что фото, но их не очень любила; однако глазницы эти входили в ряд бабушки Мили, где были еще и фетровые боты, очень приятные сзади, как кошачья нога.

Были и двадцатые годы портних. Сюда входили: гребенка сзади, часто — и уложенная нетолстая коса; черные грубоватые юбки подлиннее, чем у мамы с Олей, но не широкие и не шелковые, как у еврейских толстых дам; заскорузлые пальцы без маникюра. Кстати о маникюре, он был очень важен для меня. Одним из самых прелестных, хотя и вполне земных предметов, была замшевая длинная штука для полирования ногтей; камень, которым их полировали, я помнила хуже. Маникюрша Полина Александровна входила в число портних. Я их очень любила, они принадлежали к царству хорошего и Божеского. П. А. помнила княгинь, которым тоже делала маникюр лет за пятнадцать до этого. Ей было лет сорок, наверное, как и всем портнихам. Звали их Полинами и Ксениями.

Нянечкин мир появился позже. Тогда она была сама по себе и, с одной стороны, от меня не отделялась, а с другой, как сказали бы в Литве, не имела себе равных.

В той квартире, низко у пола, были еще две очень важные вещи: кот Тимка на коммунальной кухне и гладкие дамские ноги в фильдеперсовых и фильдекосовых чулках под столом. Ноги я гладила потихоньку, а на Тимку клала носовой платок и целовала его, иначе не разрешала мама.

Недалеко от нас была пожарная каланча, связанная с миром портних. С ними же были связаны такие отчества, как Степановна, и некоторые имена — например, Маруся. Даму, если она Мария, звали Мура или Муся. Машей, мне кажется,

---

¹⁴ Т. н. *belle époque*.

тогда не звали никого, а Маней — мою другую бабушку, которая в Ленинграде не жила и в категории не входила. Сестра ее была Нюра, что уж точно полагалось портнихам, но я, по-видимому, не помнила ее, узнала позже.

Комната была, вероятно, деленная — два окна у мамы с папой, одно у нас; двери очень высокие, двустворчатые. Наверное, они и правда были высокие, а не только для меня — все же бывшие барские квартиры. К нашим соседям приходил Введенский, женатый на их родственнице. Позже я нашла у него тот воздух конца 1920-х — начала 1930-х годов, который стоял в квартире на Воскресенском. Керосинки и примусы я не запомнила, но помню слово «грец» — так нянечка называла керосинку. Кажется, мы только грецами и пользовались, примусного шума в квартире не было.

Что мы ели? Наверное, пшенную кашу — были карточки и одно из «трудных времен», но еще и икру, и ветчину, связанные с торгсином. А может, с кооперативом? Наверяд ли. Их приносили каким-то манером из торгсина, а керосин, пшено, подушечки, соевые конфеты — из кооператива. Кроме того, был рынок, а там капуста и ягоды. Из фруктов я помню только мандарины, очень значительные в моем мире: они были и оранжевые, и маленькие, и круглые. Апельсинов то ли не было, то ли они не имели значения, как большие. А когда мама привезла или прислала (?) веточку карликовых мандаринов из Сухуми, это был венец творения — точно то, что надо. Однако про мандарины я писала раньше.

С маленьким, круглым и желтовато-розовым (уже не совсем оранжевым) была связана тогда, связана и сейчас буква Я. Не знаю, была ли она такой на кубике — вряд ли я до четырех лет читала по кубикам, хотя в четыре я читала, в пять — хорошо, так что все может быть. Но связывалась она больше со словом «Япония». У нас были картинки с японками в кимоно, очень для меня важные; среди прочего, там лежала хурма, которую нянечка называла «японская вишня», но был и пирог, уже не желто-розовый, а желтый с какаовым, кажется — с вырезанным куском. Категория «круглого коричневого пирога» чрезвычайно меня занимала. Он был и отдельно, низенький, но не плоский, как подставка из под деревянного аиста. Я очень любила и его, и эту подставку.

Буква Я обрабатывалась в связи с маленьким, круглым и — чаще — желто-розовым так: 1) нянечкин отец был Яков, а жил он на луне, она мне объяснила; 2) у соседей были родственники Яша и Миля, которые жили не на луне, а в Китае, похожем на Японию; 3) нянечка читала скороговорку: «Жили-были Як, Як-Цидрак, Як-Цидрак-Цидрак-Цидрони и Ципка-Дрипка-Лампапони». Получалось что-то вроде набора тайных знаков о маленьком и круглом.

Знаки эти обозначали мир, который только поверхностно совпадал с тем, в который я тогда недавно попала. Я знала его, но уже не очень точно, скорее чувствовала, и для разговоров о нем орудовала только знаками. Нянечка,

несомненно, знала все, а другие — как кто, но это не очень меня трогало. Жила я до шести лет очень хорошо и потому не знаю, капризничала ли. Мама говорит, что нет; может быть, и так — не орали же и твой, Мтф, папа, и твоя, Элизабет, мама. Когда мне было полгода, моя мама, тогда еще без прозвища, заклеила мне пластырем пуп и оставила орать воспитания ради. Может, я поэтому не орала; а может — все-таки как-то капризничала? Знаю я только, что я много радовалась и еще не была дикой, а была, скорей, прыгучей и приветливой. Наверное, это значит «надоедливой» — например, в поезде я читала всем стихи: «В этой маленькой корзинке есть помада и духи, ленты, кружево, ботинки, что угодно для души». Такая назойливая приветливость — *by-product* тщеславия, конечно; но так ли это в два — четыре года? Не знаю.

В четыре года заметили, что я смотрю невесть куда, но я этого не помню, а старшие (не нянечка) сперва ахали «Царевна Настасья», потом стали махать рукой у меня перед глазами.

Должно быть, в лето, когда мне было три, а мама очень болела, я гуляла в Таврическом саду с нянечкой и в Летнем — с бабушкой Милей. Там много значили желтые одуванчики в траве. Когда Честертон пишет о праве смотреть на одуванчик, я понимаю, что он *знает*. Он вообще один из немногих (в прозе — не единственный ли?), который знает именно тот мир, который знала и не забыла я. А вы какой знаете, такой же?

Важным было и заячье. Французская книжка с картинками — самая красивая из всех книжек за всю мою жизнь — содержала несколько важных знаков: 1) зайца с поднятым ухом; 2) очень большую луну; 3) девочку в европейском чепце дивного густо-пунцового цвета, который мы с няней называли сиремовым. Заячий же цвет значил необычайно много, и Франциск с Честертоном это знают.

У меня была собачка Лялька, она же заяц, из козлиной шкурки. Может быть, она есть и сейчас, когда ты читаешь¹⁵, когда я пишу, — есть и живет очень ободранная у твоей, Лизетта, мамы. Подкладка у нее бордовая в белую крапинку; теперь шкурки почти нет, и это видно. Любила я ее так, как после этого Кешу, который сейчас простер хвост перед страницей.

Значит, надо кончать это письмо. Все, что я помню кроме этого, связано, скорее, с годами на Введенской, не говоря о Пушкинской.

Бабушка Татя

---

¹⁵ Есть. Еще ее звали Епишей. — *Примеч. 2006 г.*

Н. Трауберг с зайцем Лялькой.
Ленинград, 1932

Второе письмо

Введенская. — Стрижки. — Куренная. — Киплинг и тюльпан. — Садик и «Великан». — Бойкие и тихие. — Кукольная мастерская и сбор яблок. — Сестрорецк.

Про Введенскую я почему-то помню мало. Жили мы там примерно с середины (?) 1932-го до лета 1934-го, два года. И возраст очень важный, четыре — шесть, а мало помню, как будто я чувствовала, что жизнь там временная. Я не полюбила и не запомнила скверик на Большом, где мы гуляли. Лучше всего я знала даже не нашу комнату почему-то, а взрослую. Туда приходили молодые дамы, уже немножко другие, челки у них были не сплошные, а набор. Мало того: появились не прилегающие, а расширяющиеся стрижки, и я стала делить по этому признаку всех женщин. У Оли была прилегающая, у мамы — расширяющаяся. Я помню одну из дам лучше, чем прочих; собственно, нянечка нечасто пускала или водила меня во взрослую комнату, которая называлась «куренная». Там действительно курили все, кроме папы. На большой тахте сидели молодые дамы в еще коротких юбках — я все нацеливалась на чулки и хорошо запомнила, когда была какая длина. С той дамой, которую я запомнила лучше других, связаны сказки Киплинга. Папа показывал картинки к ним и читал их. Тогда я слушала сказки и смотрела картинки как знаки тайн, и эти хорошо подходили. Тайны были двух видов: «как у них, тут» и «как было у нас, там». Учили меня этому навряд ли. Должно быть, лет до четырех-пяти это делается само собой.

Теперь я буду больше обращаться к тебе, Лизетта, по двум причинам. Во-первых, я еще не видела четырех- и пятилетнего Матюху. Во-вторых, тут я яснее помню, что чувствует именно девочка, и девочка тихая. По-видимому, тихой я стала именно на Введенской, хотя и не такой, как позже, с шести лет.

Зимы на Введенской я помню совсем плохо. Может быть, дело в том, что это был полуподвал, и, несмотря на тахту и какие-то огромные тюльпаны у взрослых, я ничего не считала там красивым. Удивительно, что я не любила и садик, хотя жила все еще очень хорошо. Даже не знаю, где именно он был, но знаю, что оттуда я видела кино «Великан», которого боялась. Это было первое, чего я явственно боялась, и позже я узнала его на изображениях урбанистических красот и урбанистических ужасов. Там, в глубине, был город двадцатых годов; а у нас все было близко, под ногами и под рукой — снег, или травка, или песок, и жили мы приятно.

Наверное, мы жили бы еще лучше (или хуже?), если бы не деление мира на бойких и тихих, которое я тогда узнала. Нянечка называла бойкими тех, кто называется «от мира сего», или — теперь — пробивным. Не так давно я прочитала, что в каждом человеке есть три начала — детское, взрослое и родительское.

По-видимому, это было что-то вроде «взрослого» — бойкие чувствовали себя как дома во взрослом мире. Тем временем он уже не состоял для меня из гладких дамских ног, бабушкиных камней и прочих радостных предметов. Я еще не знала, что люди злятся друг на друга, но здесь были трамваи — на Петроградской я видела их чаще, около прежнего дома они не ходили, и беспризорники, и одно животное, которое я до сих пор не могу назвать, и черно-красные рекламы кино. Взрослые этого не боялись; но я и не ждала от них особой связности, я удивлялась детям, дети были бойкие. Признаки — такие: они могли дразнить, то есть хотеть, чтобы ты испугалась или расстроилась, — это меня очень удивляло; они играли в игры вроде «золотые ворота» или «классики», лихо покрикивая друг на друга. Наверное, главным в бойких было то, что они не считали священной чужую волю. Я так долго живу, Элизабет, и почти вернулась на свои следы, но этой загадки не разгадала.

Поскольку дети были бойкие, я играла одна и помню себя в двух видах: 1) я сижу на корточках и что-то делаю в песке или в траве и 2) я стою лицом к старушкам, которые сидят на скамейке. Старушки говорили вещи непонятные и несколько суровые (не мне, о ком-то еще), но бойкими не были. Носили они плюшевые жакеты и завязывались платком. Как ни странно, я совсем не огорчалась, что играю одна, и никто меня не обижал. Вспоминаю я тот мир — самый мир — как приветливый. Вот и разбирайся!

На Петроградской было окно (позже оказалось, что оно — на Большом), где чинили кукол. Честертон пишет где-то, что дети любят витрины. Да, я их очень любила, особенно три: 1) эту, с куклами; 2) на площади Льва Толстого, где стояли красные шары голландского сыра; 3) в городе (кажется, на Невском), где была сценка во французском духе — крестьяне в штанах до колен и подоткнутых юбках собирали яблоки, причем лезли на дерево по лесенке. Просто не понимаю, как в 1932–1934 годах это могло быть.

И все же, хотя рай зимних времен существовал в том куске жизни, лучше всего я помню лето 1933 года. Мы жили в Сестрорецке, в доме отдыха Инснаба, что значит «Иностранное снабжение» (снабжение для иностранцев?). Если бы надо было написать стихи об этом лете, я посвятила бы по четверостишию таким вещам:

- 1) резеде, запах которой так и остался для меня дверцей в рай;
- 2) сосновым иголкам на теплой земле;
- 3) маленьким шарикам мороженого и листикам бисквита в металлической чашке;
- 4) сороконожкам, которые были и в книге про них, и на листьях, и на белых стенах;
- 5) важным открытиями:

а) что лето — это самый рай и есть; оно тоже осталось на всю жизнь, а зимой, когда мы вернулись, я уже умела его возвращать и узнавать, глядя на картинку из каких-то времен года, где была трава с полевыми цветами;

б) что книги — учебники нравственности; это сводилось к словам «стыд и срам» в «Мойдодыре». Нянечка говорила «страм»; на картинке какие-то человечки показывали пальцем; я прекрасно знала, что это говорит Бог, и надо быть хорошей; с мытьем, о котором книжка написана, я это не связывала, оно получалось само собой — точнее, я не знала, как оно получается, рядом всегда была нянечка.

В то лето я уже могла заметить, что живу в тридцатые годы и именно в этой стране, а не во Франции с лестничками и не в Японии с пирогом и мандаринами. Были пионеры, в том числе мальчик Буся. Была большая и бойкая девочка по фамилии Самойлович (с тех пор я помню, что девять лет — это очень много), и ее не то дед, не то дядя, про которого взрослые что-то говорили, связанное с Северным полюсом. Был инженер из Бостона, с его дочкой Мицци я играла. Их я помню лучше всего, но гораздо хуже, чем наши многочасовые сидения с нянечкой в лесу или в траве.

Господи, что делалось со мной в детстве! Когда-то почти все «чистенькие дети» росли так, но их было хотя бы помногу в каждом доме. Когда твоей маме стало года четыре, я молилась и просила, чтобы она не была таким сиднем, и она не была. Твой папа, Матюха, отчасти был, но по склонности — он все-таки бегал с детьми или хотя бы со своей сестрой. Можно ли выправить то, что было со мной? Как употребить во благо? Только ли это плохо? Почему попущено? Ничего не знаю!

На этом кончу письмо, потому что следующее лето придется описывать отдельно. Наверное, важнее его нет ничего в моей жизни.

Твоя Бабушка Т.

Третье письмо

(только Елизавете)

Происшествия. — Фабричные гудки и Ботанический сад. — Дом в Ольгине. — Розовый куст. — Христос с детьми. — Наши книжки. — Улицы. — Грех. — Вереск и папиросы.

На следующее лето мы поехали снова в Сестрорецк, но почему-то поселились не в доме, а в маленьком домике. Наверное, дед с кем-то сговорился (тогда я этого не понимала, да и потом не поняла). Сколько мы там жили, не знаю, и ничего не помню, кроме одного: к нам ворвался мужчина в галифе и страшно на нас накричал.

Сцена эта так много значит для всей моей жизни, что описать ее и даже сносно увидеть я не могу. Мы ушли — мне кажется, что сразу, но этого быть не может — и уехали в город. Там я должна была жить, пока не снимут дачу, а это

было нелегко еще и потому, что родители получили трехкомнатную квартиру на Большой Пушкарской и собирались делать там ремонт. Наверное, мы жили июнь-июль или какое-то другое время с нянечкой на Введенской, а мама с папой — уже там.

Мы туда ходили, но квартиру я не заметила, поняла только, что во дворе сложены поленницами дрова, есть врытый в землю ледник и лежат какие-то пилы. Больше мы ходили в Ботанический сад, причем не с нянечкой почему-то, а с Ириной Тернавцевой (сделаю комментарий, туда и смотри)¹⁶ и Катей. Мы брали с собой завтрак. Как я плохо это помню! Наверное, потому, что дни и ночи напролет я плакала в то время и просила, чтобы не гудели фабричные гудки. Я знала, что гудки связаны с тем мужчиной — не извне, а изнутри, потому что еще не кончился мир моих, неназываемых кусков бытия. Туда же отчасти относились и пилы, и рельсы, и картинка, где кому-то оперировали колено.

Мне легко вспомнить, что квартиры этой еще нет, я ее только жду и запоминаю всякие вещи впрок, например — что дерево, доходящее до наших окон, называется тополь, а живем мы на четвертом этаже. Казалось бы, жизнь началась с той квартиры, все главное было там — а представить, что ее еще нет, совсем нетрудно, и это иногда снится мне.

Наконец сняли дачу в Ольгине, у хозяйки Антонины Карловны. Наверное, мы жили там вторую половину лета и сентябрь — я помню, что на Преображение мы уже давно там, а на мамины именины, о которых напишу позже, еще не уехали. Своих именин не помню; но мы всегда праздновали их вдвоем и очень тихо. Дом казался мне большим, там была веранда. Может быть, я мало сидела дома; может быть, стояла хорошая погода, и мы, что в Ленинграде редко, все время были в саду. Но если бы я писала стихи про эти месяцы, я посвящала бы четверостишия вот чему:

1) **Розовому кусту.** Если бы ты представила себе, какой куст! Розы — толстые, большие, розовые, а в середине зеркальный шар, необычайно круглый. Ах, Лиза! Потом всю жизнь я нахожу его у Андерсена, у Честертона, и думаю найти на небе. Тогда я знала, что это — образ неба. Как и когда, не пойму, но я уже закрепила некоторые знания. Я понимала, что когдаходишь в Церковь, видишь золото другого мира, который соединяла с тем, что надо быть хорошей. Я знала, что про Бога, ходившего по Земле, рассказывается в Евангелии, и часто смотрела на картинку к нему. Я все время без слов и какими-то подобиями слов благодарила. А куст тут был важнее всего.

---

¹⁶ Не сделаю, пишу здесь: дочь В. А. Тернавцева, устроителя религиозно-философских чтений. Тогда он сидел или уже умер. — *Примеч. 2008 г.*

2) **Гамаку**, около которого жили крохотные лягушки. Как это могло быть? Неужели повесили гамак в таком сыром месте? Не знаю, но лягушки жили и даже для меня были маленькими.

3) **Кустам ягод** у изгороди, куда мы уходили. Я узнала слово «голубика». Неужели она растет и на кустах?

4) Множеству **книжек**, о которых скажу потом.

5) Темно-серому пуховому **шарфу**, который одновременно был Гадким Утенком. Тут скажу — сама не знаю, как написать, так это важно — что начало этой сказки всегда, на всю жизнь, стало для меня описанием этого времени: «хорошо летом на даче», улитки, зеленый свет в лопухах.

Кроме того, большую роль играли огород и свинья, которых я — как частичка — увидела снова у Честертона и не могу спокойно перечитывать кусок из «Нелепого наряда» и «О комнатных свиньях», хотя давно перевела их.

Я часто думаю, когда я успела перейти от Ряря в скипидаре и оранжевых шаров в такой ортодоксальный христианский мир. Зимой, вообще на Введенской, его видимо не было. В Сестрорецке было скорее что-то протестантское — сосны, море и грозное «стыд и страх». Наверное, крик дядьки в галифе, как ребром ладони, перерубил что-то, потом я ушла во тьму с гудками, потом — вот так воскресла. Снова угадал Честертон: важные вещи делаются не постепенно, а сразу. К августу или концу июля уже было собрано все:

1) райский куст и совершенный шар в нем, но как бы и не в нем (зеркало);

2) зеленый свет и маленькие обитатели тварного мира (улитки, лягушки), явственно славящие Бога;

3) Христос с детьми, в синем и алом, а с Ним — и Евангелие, и тот XIX век, который с этой поры надолго стал самым реальным для меня: диккенсовская чувствительность, высокий либерализм, правдоподобное искусство, еще непонятная, как бы тайная скорбь и точный образ связи с Богом. Какие-нибудь психологи сказали бы, что я просто не смогла забыть картинку, где Христос одной рукой тебя обнимает, другую держит у тебя на голове, может — гладит, может — благословляет. Что ж, они правы. Картинка эта могла дать и странное искривление, которое если прошло, то поздно, лет за сорок: даже в самые глухонемые и бесноватые свои времена я не сомневалась в спасении. Наверное, это нехорошо. Такое примерно чувство: ну неужели Он меня отпустит, Он же очень этого не хочет! И так же долго я считала, что с моей стороны нужно только одно — не искать «своего»; а понимала я это несколько сдвинуто — обожествлять любую волю, кроме своей, «со всеми считаться». Лет до 45-ти я не видела, что тут не сойдутся концы. Господи, теперь я столько знаю об этом, но ведь и сейчас есть слепое пятно, только другое! Пойму ли я к смерти, что к чему?

Ты скажешь, Элизабет, что всё без меня понимали. Если ~ в 2000-е годы будет так, как в моей юности, важнее открыть милость и непротивление. Ты не поймешь, как не поняла бы я в пятидесятых, почему концы не сходятся, раз должны сойтись. Если вы, как вот сейчас, сами откроете необходимость строгости и заметите цепкость первородного греха, ты снисходительно (?) улыбнешься. Ан нет, друг мой Элизабет, не так это просто — в жизни, на шаре, а не на плоскости.

Книжки, которые тучей появились у нас, лили воду на мельницу XIX века. Не сухого и приторного, породившего почти всю «дособорность», а андерсеновского и диккенсовского. Что Андерсен и строг, и очень печален, мы почти не чувствовали. Печаль его входила в ту, тайную, и не больше. Диккенса мы еще не читали, и набор наш состоял из «Переписки двух куколок» (о, если бы ее хоть увидеть!), «Сониных проказ», «Примерных девочек», «Доброго маленького чертенка» и — главное — «Леди Джен». Культ «Маленькой принцессы» и серии «Маленьких женщин» начался в городе. «Фаунтлерой», кажется, уже был. «Мурзилка» («Лесные человечки») был и раньше, а здесь составлял наше комическое чтение. Если к моим письмам не приложить этих книжек, ты ничего не поймешь про те годы, и я верю и надеюсь, что они у тебя есть.

Тогда посмотри на две вещи: круг, в котором сидят девочки (или девочка и мальчик) на обложке «Золотой библиотеки», и вечерние сельские пейзажи в начале и в конце глав. Я и картинки люблю только те, которые на них похожи.

Улицы в Ольгине тогда были заросшие травой, а уходили они в поле, за которым был лес. Переводя Честертона, я тысячи раз узнаю их и небо над ними, и не устаю надеяться, что узнают читающие.

Зла в Ольгине не было. Гудки не гудели, только «Мюнхгаузен» намекал на какие-то безобразия, но мы его не стали читать, хотя позаимствовали одно выражение: «Ни минуты не медля». Оно нам очень понравилось, особенно потому, что мы считали «медль» (родительный падеж — «медля») загадочным существом, и значило все это вместе «ни капельки», но во времени¹⁷. Итак, зла не было, и мой страшный грех возник прямо от бесов. Я не узнаю на земле, что же это было такое.

Я бросила в нянечку маленькую скамейку. Слава Богу, не добросила. Было это так: я стояла на террасе, нянечка — около ступенек. Мне трудно даже всматриваться в это, хотя вижу я много — и грядки за углом домика, и куст впереди, и гамак впереди и налево, у изгороди, но смотреть не хочу. Не знаю я и того, что было сразу после этого. Я помню долгую историю плачей, объятий и покаяний, но вряд ли они начались немедленно. А впрочем, не знаю. Зато я знаю,

---

¹⁷ Соответственно, предполагалось «ни медля».

что к 30 сентября написала маме письмо — видимо, слух уже дошел до города (как?): «МАМА ПРАСТИ НИ СКАЖИ ЕТА ПАПИ!» Если оно сохранилось, приложу к письмам.

Кроме того, мы готовили маме хитрый подарок. Чтобы понять слово «вечность», «вечное сейчас», я могу перейти в те часы (?), в то остановившееся состояние, когда мы делали букетики из вереска, клали в них папиросы и писали бумажку: «Это последние». Мама бросила курить через двадцать с небольшим лет. Писать дальше не могу — наверное, так в вечность и переходят, как будто ударились о прозрачную стену.

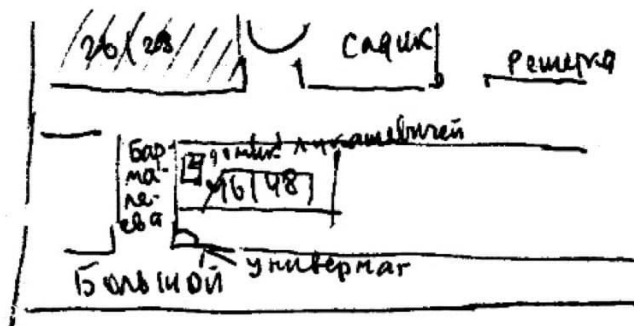
Бабушка Т.

Четвертое письмо

Дом 46/48. — Дом 26/28. — Улица и садик. — Время и лавки. — Двор. — Дюшес и барбарис.

Когда мне удастся дойти до самого рая, там окажется многое, что было на Пушкинской, но как бы в разгаданном виде. Помню, рожая твоего папу, Матвей, я узнала и боль, и какие-то другие ощущения, без особого смысла бывавшие раньше. Так и тут. Только, все-таки, на Пушкинской смысл был.

Чтобы успокоиться, опишу дом, улицу и квартиру. Дом оказался очень странный: внизу полукруглый вход, белые колонны, высокие окна; у лестницы — ниши, в одной какая-то богиня, которую мы с нянечкой называли почтительно «богинья». Это бывший особняк, а на нем — надстройка, третий, четвертый и пятый этаж. Наша квартира на четвертом, номер ее — 24, а наш телефон В-4-24-99, никогда не забуду. Верхние этажи в духе дешевого Корбюзье — широкие окна (у меня — поперек себя шире, у мамы — среднее, у папы — два окна, балконов нет), дощатые полы, довольно низкие потолки. Так сошлись в этом доме те два духа, которые и были главными в моем детстве.

Напротив была улица, которая вела прямо к нашим воротам; собственно, это были две улицы, а посередине — Матвеевский (да, да!) садик. Всю жизнь я узнаю их, чаще всего — у Честертона; но удивительно не это, а то, что я сознательно узнавала будущую и вообще существующую здесь жизнь. Дом 26/28 о двенадцати дворах был образом красоты, а если уже — замка. К садику выходил очень большой, мощеный двор с фонтаном; на доме были башни. Его серовато-розовые кирпичики остались навсегда не только лучше всех европейских архитектур — может, и не лучше, — а как бы «ну, Бог с ними, могу и не видеть, я видела дом 26/28».

Матвеевский садик остался реалией садика, и я никогда не устану славить садик, как могу, — вечером, у стола, переводя англичан, которые так хорошо их знали.

Время остановилось на полтора года, даже меньше, хотя по сторонам оно двигалось, и летом 1936-го мы с мамой шли через садик, посмотрев в кино физкультурный парад, а осенью 1934-го я и догадаться о таком не могла бы, стоял XIX век, и видели мы негра со светильником в универмаге, фарфоровых кукол в комиссионном на Большом, церковь у Тучкова моста. Когда недавно, в 55 лет, я читала записки Бенуа, вернулся именно этот рай, больше всего — на тех страницах, где он пишет, как они с мамой ходили по лавкам в восьмидесятих годах того века. Я читала «Фаунтлероя» и «Леди Джен», а тамошние лавки (см. картинки!) и друзья детей, лавочники, были гораздо реальней, ближе к реалии, чем магазины 1934–1936 годов. Да я и не ходила в них, кроме универмага, где мы с мамой были чуть не на второй день. Наверное, тогда же мы пошли в комиссионный и купили леди Джен, которая дожила до июля 1973 года, а если Ася ее все-таки склеит, перейдет к тебе, Лизетт.

Дальше, по другую сторону улицы и если пройти от Кировского, по направлению к Тучкову (но близко, по левую руку садика — я отсчитываю с его точки зрения) была решетка и деревья за ней. Ее я узнала тогда в «Леди Джен», где обнищавшая леди смотрит на освещенные окна, а позже — в речи Вейна («Наполеон из Ноттинг-хилла»).

Самое прекрасное и таинственное место было за садиком, сзади. Но сперва скажу, что из садика были видны немаловажные дома. Если идти от нас, то слева, после великолепного, как в Испании, двора 26/28, были образцы Америки конца XIX — начала XX века. Пойдите, посмотрите, что там такое. В этом доме жили Черкасовы, вообще он был сановный, но почему-то он казался мне миллионерским, и даже с садами на крыше, хотя я знала, что их нет. Кажется, в нем жил и Борисов, что способствовало игрушке, которую я сделала из «Мусоргского» в 1951 году. Но об этом поговорим позже.

За самым этим домом располагалась фабрика «Комсомолка»; ворота с вывеской; здания я не помню — может, его и не было видно. Есть миф, что первое слово, которое я прочитала, — эта вывеска, но вряд ли, в шесть лет я уже умела читать.

Был и другой садик, на Кировском. Папа отвел нас туда чуть ли не раньше, чем мы пошли сами в ближний, Матвеевский. Там я гуляла то ли позже, то ли реже, и он стал образом именно того, что увидел гадкий утенок в конце повествования: озеро, сирень, дети на берегу. Тоже рай, но менее умирительный, чем у нас в садике, более дворцовый.

Однако за нашим Матвеевским садиком были таинственные места¹⁸. Кажется, можно было пройти на Ситный рынок — тоже красота немалая, и лестница, как в древнем храме, — но и вообще кто-то там обитал особенный. Я непрерывно придумывала сказки про этих людей и фей. Бог даст, пойдем туда и посмотрим.

Когда мы приехали, сразу, папа дал нам денег на конфеты с лотка, и мы купили «Дюшес» и «Барбарис». О Господи, если бы можно было передать такие вещи! Но, слава Богу, у вас обоих есть свои.

Бабушка Т.

Р. S. Ах, забыла о дворе! Во-первых, у нас были настоящие ворота, с замком и перекладинами. Значит, был и забор, но я его не помню. К нашему подъезду шли плиты. Слева от них был домик, где жил управдом (или был ЖАКТ, все равно), а поближе ко входу — столик под сиренью и, рядом с ним, какой-то похожий на мшистую горку ледник. Наверное, никто уже не пользовался им; я его очень чтила.

За столиком, когда погода позволяла, сидели Митрохины, он сам и жена его Алиса. Жили они в особняковой части, и я бывала у них. Постараюсь в приложении сказать о Митрохине.

Направо от ворот стоял домик, где жили старушки Лукашевич. Позже я бывала у них (то есть скоро стала бывать) и смотрела замечательные книжки конца прошлого века, с временами года, охотничьей осенью, замками, детьми и т. п. Когда в 1971 году я прочитала, что в нашем дворе был первый русский костел отца Дейбнера, я решила, что там он и был. Как иначе? Теперь обоих деревянных домиков нет. Вместо них по всему двору стоят игрушечные слоны и карусели. Вот как все на свете правильно.

Бабушка Т.

---

¹⁸ Их я узнала в 1998 году, гуляя по Пимлико (Лондон) — *Примеч. 2007 г.*

Пятое письмо

Папина комната. — Мамина комната. — Наша комната. — Угол в коридоре. — Книжники, фарисеи и прекрасные алоэ. — Вежливые слова. — Слова вообще. — Куклы. — О тихих.

Папина комната была первой, прямо из передней. В каждую был вход из коридора, мамина — средняя — оказывалась еще и проходной, получалось вроде анфилады. Итак, папина шла первой, и в ней было два окна. У правого стоял письменный стол с тумбочками и красивейшим зеленым сукном. Когдаходишь, справа — тахта, но за ней, по стенам — полки, и как раз над тахтой оказывался Диккенс, старое издание, серое, с профилем в кружочке. Там, где стены видны, они были фисташковые. Слева стоял круглый стол, рядом — кресла, а сзади — диван, который сейчас у Жаки. В переднем левом углу был телефон, у самой двери к маме.

Мамина комната, лимонная, получилась самой красивой. У окна стоял овальный красноедеревный столик (вы оба знаете его), а по сторонам — те креслица, от которых сейчас остались ножки и сиденья (см. у Жаки). Слева был коротенький, как говорила нянечка — кубовастенский рояль. Сзади, закрывая дверь в коридор — тахта, а справа¹⁹, у задней стены, — кафельная печка углом, с ангелочком. Ах, как это было красиво! У папы тоже стояла печка, в таком же углу, но без головки. Кроме того, Жака купила маленькую хрустальную люстру *la* тиара, очень маленькую. Сейчас обнаружилось, что не только я, но и какие-то важные знаменитости (Жака многозначительно обещает сказать, кто) считали эту комнату самой красивой на свете.

Не то что наша. Она заведомо красивой не была и не собиралась. У нас было широкое, в три створки, окно. Рядом с дверью к маме стоял шкаф с занавесочками, перед окном — стол, по той стене, где дверь в коридор, — моя кровать, железная белая, а по глухой стене — такая же нянечкина. Между ними, в углу, была кафельная печка, но не срезанная, как у мамы и папы, а параллелепипедом, и квадратики очень четко выделялись на ней. Стены у нас были голубые, потолок — бледно-бледно-розовый. Ламп не помню, но какие-то были, иначе я не поняла бы уюта нашей комнаты — грех сказать, при верхнем свете я вижу что-то вроде больничной палаты. Были у нас и полки с книжками. А вдоль коридора сплошь шли полки; стояли они и в передней.

В доме важную роль играли плахты. До сих пор я не могу на них спокойно смотреть. Что только ими не покрывали! Попробую найти кусочек и дать в приложениях.

---

¹⁹ Если стоять спиной к окну.

Наша комната, собственно, выходила не в коридор, а в маленький коридорчик, откуда шли двери в кухню, ванную и уборную. Кухню я почему-то помню очень плохо; все, связанное с ней, — капуста, метла, корзинки — я видела и в других местах. Ванную помню лучше; там меня пленяла колонка, деревянная, а не газовая. А лучше всего я помню угол, где коридор сменялся коридорчиком.

Там, среди полок, стоял шкафчик, и это было очень таинственно и правильно. Иногда на этом шкафике лежали яблоки, и назывались они крымские. В шкафике хранилось вино; пробегая там, я стала его по капле отпивать. Когда нянечка об этом узнала, она охала. Родители же радостно рассказывали знакомым.

О Господи, что было бы со мной, если бы не нянечка!

К папе ходили неаккуратного вида юноши, очень черные. Они приносили книги, и нянечка называла их вполне серьезно «книжники и фарисеи». Это мне нравилось; они были не просто таинственные, а еще и Божеские какие-то. Примерно в то же время — наверное, в первую зиму на Пушкарской — мы нашли в переводе «Витязя в тигровой шкуре» (я раскрашивала там картинки) очень поучительное четверостишие и стали его петь. Часто, сидя рядом, я — на скамеечке, мы благочестиво выводили:

Как прекрасное алоэ
В золотых садах Евфрата,
Восседала на престоле
Та, чьи брови из агата.
Как рубин, уста горели,
Лик был светел, как кристалл (криста-ал).
Ни один мудрец афинский
Красоты такой не знал.

Меня смущали только рубины — я знала, что они подходят какому-то другому типу женщин. Зато кристалл все ставил на места. Афинский мудрец и впрямь не знал такой красоты, куда ему, но мы об этом не думали; я просто не понимала, что такое «афинский», а нянечка, по-видимому, принимала это за «афонский».

На нашем шкафике (у стены, смежной с маминной комнатой) лежал большой шар из серебряной фольги. Его скатывал папа из всех конфетных оберток. Значит, тогда были и шоколадные конфеты; но я их не помню. Помню плитки шоколада, и как нянечка, если мне такую дарили, сейчас же посылала меня угощать взрослых. Если они отказывались, она их увещевала, и брали.

Вообще же отношения мои со взрослыми, кроме нянечки, были глупые. После крика тем летом я из эгоцентрично-всеприветливой стала застенчивой. Но это бы еще ничего, а мне стало очень трудно говорить ритуальные слова,

даже прощаться и здороваться. Я ощущала в них неправду — вот, люди говорят по ритуалу, а на самом деле чувствуют что-то другое. Так было довольно долго, потом я сдалась, но с огорчением думаю, как нехорош был этот перекося. Теперь-то мы знаем, во что превращается лишенное фальши создание, которое еще мог беспрепятственно воспевать Сэлинджер в пятидесятых годах. Но сколько я прожила, этого не зная! А душа портилась. Не оправдываясь, а объясняя, скажу только, что и для Сэлинджера, и для Белля, и для Жака Тати, и для меня реальным было зло только авторитарного человека, набравшего тогда силу. Столько страданий и столько открытий пущено на противостояние ему, а что получилось? Хиппарь-потребитель? Когда ты будешь это читать, худо-бедно наберет силу какой-то еще характер, который сейчас раскармливают для противостояния холден-колфидовскому²⁰, давно утратившему и фаунтлеройство, и ранимость. Честное слово, как бизоны ходят, а ведь вроде и нервные! Но кто мог это предсказать?

Наверное, напишу об этом еще, а сейчас расскажу вам о нянечкиных действиях со словами. Говорила она правильно, хотя «у колодца» (подпись под картинкой) понимала как «в колодце» и несколько удивлялась. Были у нее свои выражения: «Несло собака!» (смысл неясен, что-то вроде удивленного междометия); «Без него кот не оженился, кошка замуж не вышла» (поговорка о суетливых людях, которые всюду лезут). Но самое интересное бывало с песнями. Особенно нравилась ей привезенная Эйзенштейном из Мексики и кем-то странно переведенная песня «Тегуан-тепек». Она с удовольствием и часто ее пела как «Туман-чепец». Сильно радовали нас странные строчки: «Я бы и сам, свернувшись в кольцо, цокнул копытом, // Только б увидеть твое лицо, Сьерра-Чикита». Припев «Ай-я-я-й, розы измяты...» пели как «розы из мяты», и сами удивлялись загадочности таких роз. Любили мы книжку «Маленькая принцесса», а там была старая мышь (он) по имени Мельхиседек. Это имя нянечка знала и так, однако производила его от «меляки и сидяки». Получалось очень загадочно и мудро, так что я не удивилась, встретив потом уже сама в Писании таинственного Мельхиседека.

Вместе, хотя и под моим руководством, давали мы имена многочисленным куклам. Главной, без соперниц, была Лялька, позже прозванная Епишей. Про нее говорили: «Дай мне Ляльку у кровать, я ее буду целовать». Сразу по переезде на Пушкинскую купили мы с мамой леди Джен, которую няня называла Ледичка. Немного позже купили уже не белокурую, а темно-рыжую, тоже фарфоровую куклу и называли Шюнэ, поскольку именно так Люция Робертовна, немецкая учительница, произносила слово «красивая». Попозже появились две огромные фарфоровые куклы — Руфь и Изабелла. С ними играть было трудно, и они сидели в креслицах.

---

²⁰ См. у Сэлинджера.

Теперь я перейду к самому важному — наверное, так, если и сейчас, на шестом десятке, я не могу от этого избавиться. Люди для нянечки делились двояко: на бойких и тихих, и на важных и тихих. О бойких я писала во втором письме, но хочу прибавить, что именно такое деление нашла я в псалмах, особенно в 36-м. Там умелые и шустрые, и хорошо усвоившие игру мира сего. Он (псалмопевец) им завидовал, но потом понял, что их удач как бы и нет, до того нет, что Бог только смеется. Удачи эти и радости — как дым («исчезнут, в дыме исчезнут»); зато другие люди, игры не знающие, наследуют землю, у них накапливается что-то прочное, и Бог их держит за руку. Передать не могу, насколько непрерываемым было для нас это «тихие побеждают». Потому я и боялась бойких — ведь все же сейчас, сию минуту, они могут и сделать тебе гадость по правилам их игры, — и не питала к ним ненависти. Куда там, мы с нянечкой их жалели.

Но тихие выступали и в другой дихотомии (если вы, М. и Е., еще не знаете, что это, спросите). Итак, еще было деление на тихих и важных. Важные, как потом выяснилось из псалмов, надмевались, а из Евангелия — получали награду свою, смеялись ныне и т. п. Ближе всего можно описать этот сплав гордыни и фальши примерно так: они были довольны собой и не знали сомнений, потому что выполняли четко очерченный свод правил — кто дамских, кто церковных (не «христианских», а именно обрядоверческих), кто комсомольских каких-нибудь, хотя этих я тогда еще не знала. Поскольку удовлетворенность от выполненного набора заведомо неверна, получалась фальшь. С той поры гордыня и фальшь для меня неразделимы. Внешние их признаки — апломб, хвалят себя, ставят себя в пример, голос или злой, или сладкий. Это не все, но главное. Может быть, я боялась их еще больше, чем бойких. Правда, они и злее. Бойкий совсем не обязательно отвергает «не такого», он бывает даже благодушным; а важный — обязательно. В псалмах о них тоже немало сказано. Собственно, и в псалмах, и в Евангелии ясно названы и бойкий, и важный. Посмотри, кому «горе вам» — они и окажутся.

Загвоздка в том, что тихих очень мало. Нянечка знала это, и жизнь была для нее испытанием, хотя ее ни бойкие, ни важные не обижали. Помню, она сказала, что больше всего на свете любит ночь, когда спит, и я очень удивилась. Вот смотри, куда уж блаженнее старость, чем у нее²¹, а ведь она была «плачущая»! Наверное, и нельзя иначе, плачущие блаженны, а «опошленный стоицизм», как пишет Конгар, просто не относится к делу.

Может быть, этого ты сейчас не поймешь, так что остановлюсь.

Бабушка Т.

---

²¹ О ее стопроцентно мученической смерти сейчас не говорю; наверное, ты и знать о ней не должна лет до 25–27.

Из «Банки света» (ок. 1931–1932 гг.)

По дорогам очень трудно
На повозках проезжать,
А по морю, по водичке,
По водичке речевой
Можно лодкам проезжать.

Извозчики теперь
Наделали дорог, дорог, дорог,
Чтобы не задавливать
Людей, людей, людей.

Вот трамвай
Электрический идет,
Там дуга,
Очень крепко, очень крепко.

Электричество смешное
Без висюльков, без виськов,
Вот оно какое,
Электричество.

Alleluia

*Regina pacis, dona nobis pacem*²²

---

²² Владычице мира, даруй нам мир (лат.)

нуды и дни
Наташи Траубер
№ 3.

12/IV. (рассматривая карты): "король, валет, дама.. Кидэлэ, что это дама?"
"Ну, дама, которая замуреем, с детками".
"А если бы не замуреем, так это барышня-да?"
"Да".
"Я хочу быть дамой. Я много вежу. Кидэлэ, а если бы ты кого-нибудь полюбила, ты бы вышла замуж?"
"То ты, Наташенька, я уже стара.."
Науза.
"Кидэлэ, а почему ты не вышла замуж, когда была молодой?"
Наташа невольно смеется. А-ли качается. Рёв.
Нана прибегает на помощь, всё сабвето.

13/IV. Извинев утром перед мамой и строго спросил: "То ты пишешь?" "Суетарити". "Ну, хорошо, все, что ты пишешь, читай мне, все, все".

14/IV. (милые остроты): "Нана, хочу динь! .... Почему я сказала динь, когда надо динь-динь ~~или диньку~~.. Кидэлэ, и палки тоже".
"Ну, сделай, Наташенька, и палки, и диньку..." "Мы хотим, чтобы я выпустила диньку.. Как же я могу, ведь он на Покресен-ском, далеко, я не могу его выпустить".

14/IV. Я позвонил вечером и просил маму "поцеловать Наташку". Наташа высунула и серьезно сказала: "Нехорошо, что мама говорит Наташка. Почему он не сказал - Наташину или Наташечку?"
Я на утро прине извинения.

Наталья Леонидовна Трауберг

Иаков на Лукишках

Составитель: Мария Чепайтите

Дизайнер: Арина Журавлева

Выпускающий редактор: Петр Лезников

Корректоры: Алексей Белозеров, Валентина Кизило

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,86. Тираж 1500 экз. Заказ № 4404

ООО «Книжные мастерские»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

ООО «Мастерская „Сеанс“»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

+7 (812) 237-08-42

info@seance.ru

<http://seance.ru>

Отпечатано в ЗАО «Типография „Моби Дик“»

191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 44

+7 (812) 572-21-21

info@mobyprint.ru

<http://mobyprint.ru>

Наталья Трауберг

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Трауберг Н. Л.

Домашние тетради. Тетрадь шестая: Елизаветинский переулок. — СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — 40 с. — ил.

ISBN 978-5-905586-05-7 (Книжные мастерские)

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© 2013 Трауберг Н. Л. (наследники)
© 2013 000 «Книжные мастерские»
© 2013 000 «Мастерская „Сеанс“»

Наталья Трауберг

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

«Ёлочка»

СЕАНС

Н. Трауберг с кошкой Муркой.
Москва, 2007

I КНИГИ И КАРТИНЫ

1. «Сама жизнь»

Отец Джон О'Коннор, прототип отца Брауна, принес Честертону его роман «Шар и крест». Видимо, он не удивился, что друг не подарил ему книгу; во всяком случае, купил ее сам и попросил сделать надпись. Честертон написал стишок, где искренне ругал свое творение («Я эту книгу не люблю, // И не храню, и не хвалю» и т. д.). Среди прочего там есть строка: «Пытался я ее читать».

Читать свои книжки нужно хотя бы для того, чтобы выправить опечатки — теперь их много, и это неизбежно, потому что нет возможности держать стайки младших редакторов. Справляюсь с искушением описать этих хорошеньких шустрых девушек, непохожих на блистательных «старших» (я говорю о больших, главных издательствах, вроде «Художественной литературы»). Какими бы они ни были, дело они делали, а если что оставалось, вклеивали «список опечаток». Теперь опечатки кишат, и хочется их поправить хотя бы тогда, когда они меняют смысл.

Словом, я стала читать «Саму жизнь», составила список опечаток, упустила очень значимые — скажем, «лютеральный» (!) вместо «либеральный», — но главный вывод был не этот.

Григорий Дашевский написал, что я устраняю из книги себя. Я очень благодарна ему — да, я пыталась устранить, но это не совсем удалось. Когда читаешь подряд, возникает, хоть ты тресни, образ такой страдальцы, которую все обижали. Конечно, страдала я много, но не в том суть. *I wonder*, как передать невыносимость, кошунственность режима, не выставив себя чистой жертвой? Хорошо, режим — ужасный; но это — одно, а лезущий отовсюду образ автора — другое. Меня отвергали не только потому, что я — белая не то овца, не то ворона. Надо учесть, что я невыносима — и потому, что «ах, иная», и по многим другим причинам. Можно сказать, что на микродистанциях невыносимы все; отсюда — и подвиг семейной жизни, и эти самые «враги человеку», и даже «пророк в своем отечестве». Сказать это можно, но мало. Каким бы ни был кто-то другой, о себе знаешь изнутри то, что позволяет искренне произнести: «Из них же первый есмь аз».

Перейдя в область аксиом, я должна остановиться. Размазывать свои грехи — совсем не то, что нужно. Конечно, чем-то белым ты читателю уже не покажешься, но «дикое слово» не уменьшится, наоборот. Поэтому дальше писать не буду, иначе получится порочный круг или просто чушь какая-то.

Запомню главное: лучше писать о книгах, кошках, многих вещах, совершенно избегая себя. Может это получиться? Не знаю.

Хилэр Беллок

Чужой, бессмысленный ученый
Посмел напасть на Честертона;
Никем на свете не любимый,
Ужасный и невыносимый,
Холодный, мерзкий и вонючий,
Презренный, мрачный, словно туча,
Плохой, бесчестный, просто бес,
Когда-то изгнанный с небес.
Как вынести его, о Боже!
Я больше не могу, но все же,
Хоть он и важен, и учен,
Гораздо лучше Честертон^{1, 2}.

2. Иоанн Павел II о СМИ

Может ли христианин ставить фильмы и пользоваться так называемыми СМИ? Молчаливо предполагается, что может, как и всякий другой человек. Самые строгие проповедники, осуждающие и отвергающие всю современную культуру, спокойно пользуются всем, что предоставляет современная техника. Только что мой компьютер предоставил два примера — интервью американского католика, считающего, что нынешняя вседозволенность хуже большевизма, и письмо православного монаха, который посылает мне список своих суровейших статей, размещенных в интернете. Я почитаю обоих этих людей, и здесь говорю только одно: проблемы вроде бы нет. Однако она есть.

Тем, кто знаком с азами филологии, нетрудно понять, в чем дело. Текст зависит от контекста, а контекст СМИ, даже в самой тихой их форме, безоговорочно мирской. Слово это, если кто забыл, относится к слишком привычному набору ценностей, прямо противоположных хотя бы заповедям блаженства. Чтобы не обременять читателя тем, что для одних — трюизм, а для других — дикость, попрошу представить себе обычный конфликт здравомыслящих родных с тем членом семьи, который «до Христа дочитался». (Надеюсь, уже прошло время, когда тут имели в виду любого маргинала, а не Феодосия Печерского или Франциска Ассизского.)

---

¹ Перемычками здесь будут стихи о Честертоне и Честертоне. Со статьями они никак не связаны.

² Пер. Т. Чепайтиса.

Если читатель это представил, он не удивится тому, что спор о занятии искусством, а уж тем более — о пользовании СМИ, совершенно жив. И кончается он почти всегда так же, как пьеса Алексея Константиновича Толстого о св. Иоанне Дамаскине: да, можно, но сперва пойми и отвергни все опасности. Словом, тот путь зерна, без которого нет христианства.

Чтобы читатель встряхнулся, приведу по-католически спокойные суждения современного богослова, отца Саймона Тагуэлла: «Важные и законные соображения <...> отходят на задний план; проповедник должен быть готов и к тому, чтобы рисковать своей духовной выгодой. Кроме того, он смывает всю грязь, которой запачкается в деятельной жизни. <...> Принимаем как данное, что опасности есть, но лекарство от них — в самой проповеди»³.

Это одна из стереоскопических истин, столь характерных для Евангелия. Проецируя их на плоскость, мы получим неполную истину, то есть ересь. Здесь возможны две: 1) упоение творчеством, свойственное Новому времени и многократно усилившееся с появлением романтиков, 2) полный запрет на участие в какой бы то ни было жизни мира (хорошо еще, если только для себя).

Иоанн Павел II воплощал эту стереоскопичность лучше, чем кто бы то ни было. Как бы ни понимать роль «слуги слуг Божьих», навряд ли случайно именно он так полно представляет этот евангельский парадокс, что одни видят в нем образец массовой культуры, а другие — аскета и молитвенника. «Необходимые пояснения» разрослись, и все же прибавлю еще одно. Многих удивит простота и ясность, присущая католическим обращениям к слушателю или читателю. Специальные труды бывают разными; папские послания суховаты, понятны и нередко оставляют не очень приятное чувство — кажется, что перед тобой прописные, букварные истины. Отчасти так оно и есть: католичество намеренно напоминает разумную правду безумному миру. Но и это — стереоскопично. Как правило, разумная правда ничуть не противоречит другому безумию, евангельскому. Энциклики и *motu proprio* защищают совсем не то, чего хочет «сей мир». Потому и считают ретроgrадами и самого Иоанна Павла II, и его нынешнего преемника. Наконец — самое главное. В 1993 году появилась энциклика *Veritatis splendor* («Сияние истины»), где Папа напоминал, что на свете (и «на земле», и «выше») есть истина и добро. После бесовской пародии на них, насаждаемой тоталитарными режимами, принять это не очень легко. Представляя энциклику, проповедники часто ссылались на слова Честертона: «Добро — это добро, даже если никто ему не служит. Зло — это зло, даже если все злы». Казалось бы, общее место. Но в конкретных, житейских ситуациях мы, противясь насильственному добру, оправдываем даже не кого угодно, а что угодно. Отдаленный намек на менторство резонно отталкивает нас.

---

³ Fr. Tagwell S., OP. *The Ways of Imperfection*. 1984

Если мы не поймем, что хуже всего — искажение самого лучшего, читать рассуждения Папы о СМИ просто не стоит. От осточертевших благоглупостей их отличает не правота, а то, что у них есть золотой запас, и то, что они по-евангельски бессильны. После средневековых попыток заполучить мирской меч и долгого поругания, неизбежно за этим следовавшего, римский первосвященник обрел духовную значимость только для тех, кто ее принял. Видимо, началось это со Льва XIII (1878–1903), усилилось — при Иоанне XXIII (1958–1963) и достигло неслыханной, но никак не «социальной» силы при Иоанне Павле II. Тем же, кто еще не может выйти за пределы несерьезности, успешно разрушающей и фанатизм, и нравственную четкость, лучше не читать папских посланий. В лучшем случае они удивят, в худшем — навсегда отвратят от «церковных мракобесов».

Морис Бэринг
[письмо из Москвы в марте 1907 года]

Дорогой Гилберт!
А можно, мы опустим «Честертон»?
Принц, можно Вас по имени назвать?
Иначе получается совсем
Торжественно и сухо. Я на днях
Приеду в Лондон, а теперь скажу:
«Давайте выпьем пива и вина»
(Таких, как Вы, в Европе больше нет).
Какую идиотскую статью
Ваш драгоценный Шоу написал!
(А солнце освещает мокрый снег.)
Он написал дурацкую статью,
Но это ладно, Бог ему судья
(Сияет снег, последний зимний снег).

3. О «Коде да Винчи»

Почему всем так хочется найти Иисусу жену? Если хотя бы на время отказаться от странных сенсаций и почитать Новый завет, мы, даст Бог, удивимся его немислимому реализму, а кроме того, заметим, что у Христа невеста есть, и очень трудная. Слишком похоже Евангелие на жизнь, чтобы поверять его условностями и случайностями науки.

Конечно, Иисуса просто пожалели. Как же так: нет личной жизни? Того, о чем Он просил, наглухо не слышат, а здесь вот посочувствовали. Действительно, человеку нехорошо быть одному. Но к нашим временам эта простая истина осложнилась и культом влюбленности, и культом пола (ухитрившегося за последние десятилетия еще и лишить свой предмет сакральности), и чем угодно.

Магдалину тоже выбирают не зря. При желании можно вывести, что она не из тихих женщин. И те, кто не видит разницы между полами, и те, кто видит ее на манер Камиллы Палья (брак — борьба, а не взаимное спасение, а правильная женщина — вроде ведьмы), знать не хотят, что именно в христианском мире одно из двух главных дел незаметно делают героини «Аленького цветочка». Другая половина — подвиг Георгия — остается мужчинам.

Правда, в определенном смысле нет ни мужского пола, ни женского. Простая домашняя уборка — самый простой способ борьбы с хтоническим хаосом, то есть именно подвиг Георгия. Есть и Пигмалионы, превращающие стерв или хотя бы кукол в дочерей Марии. Вспомнив, какова невеста Христа, мы отнесем Его, скорее, к ним. Главное одно: все это подвиг, а не дармовщина.

Заменим слово, опозоренное советским режимом, скажем — тяжелая работа, или еще как-нибудь. В любом случае, этого сейчас не любят. Зато очень любят даровую мистику. Любят и жалость к себе, и чувство причастности к элите. А все это есть в удалых бестселлерах, наконец открывших глаза темным христианам.

Однако стоит ли осуждать, даже судить третьестепенную словесность? Почти то же самое есть и в первостепенной. Когда весной 1985 года, среди новых надежд и старых страхов, я читала «Имя розы», подаренное мне итальянской подругой, я приняла его всерьез. Тогда я еще не знала правил новой игры. Детектив и апология смеха не испугают поклонников Честертона, и я гадала и ахала, вникая в богословские споры XIV века. Через несколько лет дали мне «Маятник Фуко», я сникла — не потому что слишком чиста для такой мистики, а потому, что слишком слаба. Мне объяснили, что Эко темных сил не любит. Очень может быть, если в них верит. Оговорю: я уважаю его верность свободе и неприятие любого «насильственного добра», но сейчас — речь не об этом.

Замечания эти — просто мнения, а не какие-нибудь запреты. На плоскости, по закону, книги вроде «Кода да Винчи» или «Маятника Фуко» имеют полное право на издание. Не нравится — можно не читать, а если читал — поспорить.

Оливер Херфорд
[этими стихами епископ Чикагский
приветствовал Честертона в Америке в 1930 году]

Когда обычный человек
Увидит, что заходит солнце
В седые воды океана,
Он скажет: «Наступил закат».
Но мистер Гилберт Честертон
Не так-то прост. Поникнув долу,
Земли коснувшись волосами,
А там — и вскинув ноги ввысь,
Певец рожденья и надежды,
Бард благодарности, глашатай
Чудес немыслимого мира,
Он вскрикнет: «Как хорош восход!»

4. После Египта

14 февраля 1995 года исполнялось 20 лет с кончины Вудхауза. «Иностранная литература» решила это отметить, и я написала довольно длинную статью, где особенно хвалила сэра Пзлема за то, что он не проповедует. Григорий Шалвович Чхартишвили, тогда возглавлявший отдел критики, резонно заметил, что моя статья — именно проповедь. Устыдившись, я ее забрала, но все-таки поместила в трехтомник как послесловие.

Среди прочего в статье говорилось о том, что мы — в пустыне, с Моисеем. Естественно, при всех перепелах там больше неудобств, чем в Египте. Подразумевалось, что окупается это свободой. Прошло десять лет, сходство с Египтом усилилось, но если вспомнить его как следует, все-таки увидишь, что мы — в той же пустыне или, скорее, в тех положениях, которые описаны в Книге Судей. Загляните туда и увидите, что они исключительно неприятны; и все же это не Египет.

Не превращая притчу в аллегория, где каждое слово что-то «означает», перейду к сути дела. На мой взгляд, заключается она в том, что за пределами Египта неизбежно возникает словесность, не претендующая на менторство. Что поделаешь, навязанное добро очень нестойко. Мало того, оно порождает отвращение к какой бы то ни было «системе ценностей». Уточним: у одних — порождает, у других — нет, и эти другие рискуют только тем, что их сочтут дураками. Плата небольшая, а для христиан — непременная.

Я искренне прошу прощения за слово «христиан». Религиозный новояз так мерзок, что надо бы обойтись без таких переосмысленных терминов⁴, но это не всегда возможно. Надеюсь на одно: эту статью примут скорее как чушь, а не как назидание. Прибавлю, что пишу о себе (я, я, я) только потому, что описываю быль, в которой участвовала.

Появлению словесности, которая давно расцвела в любимой Англии, я очень обрадовалась. Непрестанно отсылая к стихам Кибирова об «Аде с Лолитой», я стала об этом писать. Надеюсь, читатель помнит, что романам Набокова (которого, заметим, я люблю, хотя — другие книги) Тимур Юрьевич предпочитает «Муми-троллей». Сравнить с ними Вудхауза сам Бог велит, Честертон — еще туда-сюда, но я сравнила «Пелагию и белого бульдога».

Тут и привалил материал для другой притчи. Меня принялись укорять за следующие грехи:

высоколобость, побуждающую любить игру ума;
отсутствие вкуса, побуждающее любить ширпотреб;
пагубный либерализм, побуждающий терпеть кошунство;
пагубный консерватизм, побуждающий терпеть (или хвалить) апологию самодержавия и православия.

По-видимому, значило это, что я пыталась выразить некую стереоскопическую истину. Для томиста, скажем, хорошо, если его бьют с двух сторон. Однако эту тему, даст Бог, разберем в другой раз. Сейчас мне важны две вещи; к ним и перейду.

Первая относится не столько к Акунину, сколько к нынешней критике. Вне Египта, на свободе, расцветает многое, в том числе — беспощадность. Конечно, в Египте ее больше, но выражается она на бытовом уровне (очередь, транспорт, коммуналка). Что до критики, та подобна циркулярам. Конечно, они жестоки, но не личностны: приказали — написал. А вот на свободе, повторим, уставшие от унижения люди со вкусом бьют друг друга. Тут ничего не поделаешь. Вообще-то поделаешь, но только словом, слезами и молитвой, все прочее заведет в тупик.

Чтобы в этом не участвовать, можно писать лишь о том, что удастся увидеть «глазами любви». Тоже слащаво получилось, но сказал это Честертон, идиот, а не ментор («глаза любви, которые еще зорче глаз ненависти»). Получится примерно как с человеком: не видишь в нем райского образа или хотя бы беззащитного ребенка — отойди, не суди. Словесность — не человек, но за ней стоит автор. Если он жив, мы его обижаем. Запрещать и даже осуждать такую критику нельзя, но думать так, надеюсь, можно, хотя за это и ругают. Я не настолько смиренна и не настолько горда, чтобы совсем не огорчаться, но дело не в том — любая злоба плоха сама по себе.

---

⁴ К счастью, обычно все-таки называют себя по конфессиям или прибавляют ее, как уточнение («православные христиане»).

Другая «вещь» относится уже непосредственно к Акунину и Фандорину. Попробую ее описать, хотя это нелегко. Точнее, легко, но прочитывают что-то иное. Опять ничего не поделаешь.

Книги о Фандорине можно воспринимать как хочешь, в прямом смысле этих слов. Если ты устал от истин в последней инстанции, ты отдохнешь, как с английским детективом. Если тебе все-таки нужны нравственные истины — пожалуй-ста, их немало, как в том же детективе «золотой поры». Нужен рыцарь вроде Атоса с легкой примесью д'Артаньяна — вот он, можете влюбиться, как я, лет одиннадцати, влюбилась именно в Атоса. Нужна тебе марионетка — легко воспринять Эраста Петровича и так. Мало того, легко переменить идеологические знаки. Читая всерьез, сокрушаешься, что такие люди отсортировывались — вот бы кому спасти Россию! Но ничего, в фильме «Статский советник» это исправлено, что удаляет от «самой жизни», но приближает к истине то ли мифа, то ли кукольного театра. Хочешь играть в бисер или, посмиренней, в бирюльки — возможностей очень много. Знаешь по опыту, как пронизано все мелкими чудесами, — и автор это знает; а о том, всерьез это или не всерьез, запрещают судить предложенные правила.

Отойдем немного в сторону. Кем бы ни был персонаж Акунина — нравственным образцом или марионеткой, у него есть неотъемлемое свойство: он — человек чести. Конечно, он умен, как мудрец из сказки, но верность кодексу отличает и простодушного Берти Вустера. Не зря один из романов о нем называется *The Code of Woosters*, а в переводе «Честь Вустеров». *The Code of Mulliners* переводится тоже «Честь...». Суть в них одна — истинный джентльмен ни за что на свете не сделает низости. Подсказывает это ему не столько совесть, сколько светский стыд.

В английских книгах таких сыщиков много: лорд Питер Уимзи у Дороти Сэйерс, Алейн у Найо Марш, Грант у Джозефины Тэй, совсем уж загадочный аристократ у Марджери Аллингем, а у современной нам Элизабет Джордж — скромный граф, называющий себя просто Томасом Линли. Правда, каждый из них чем-то отмечен — скажем, лорд Питер охотно дурачится, собирает инкунабулы и долго завоевывает любовь Гэрриет Вейн. А у Шерлока Холмса честь не подчеркнута — его джентльменство само собой разумеется. Даже Эркуль Пуаро, бельгиец, нарушает кодекс хотя бы хвастовством. Что ни говори, Фандорин намного ближе к англичанину, чем к тем, кого Шарль Моррас называл *les blancs du midi*⁵. Бельгия — не такой уж юг, но мы воспринимаем Пуаро, скорее, как француза. Англичанин обязан быть сдержанней.

На фоне другой этической системы особенности Фандорина выделяются четче. Лучше всего ее представляет отец Браун, образец неуклюжего смирения. Интересно, ушел бы он в конце «Статского советника» или потерпел и остался?

---

⁵ Белые люди Юга (имеется в виду юг Европы).

Мы помним, как св. Сергей просил Дмитрия Донского поступиться гордостью и благословил его только тогда, когда тот счел это невозможным. В православной традиции это хорошо, во всяком случае — лучше агрессивного мифа о том же событии; в католической — достаточно спорно. Сюжеты брауновских рассказов не позволяют решить, что сделал бы кроткий патер в ситуации, похожей на конец «Статского советника». Вроде бы уйти — и достойнее, и смиреннее; но уход папы Целестина V скорее осудили, во всяком случае — Данте. Напрашивается пример нашего несчастного царя, но это завело бы в неразрешимые споры. Мне (в отличие от режиссера или сценариста) нравится, что Эраст Петрович не смог участвовать в делах тьмы.

Снова скажу, автор романов уважает нашу приватность и не навязывает нам своих решений, но — серьезно или несерьезно — он все же создает «инвариант» Фандориных, от Корнелия до Эрастика. Они — люди чести, то есть именно те, кого с таким трудом создавали времена Романовых и так быстро утратили мы. Если все-таки разрешить себе проповедь, лучшей темы и не придумаешь. Помню, как в 1994 году, который Иоанн Павел II назвал «годом семьи», молодой польский монах Анджей Белят делал доклад о деградации мужчин при советской власти. Прежде всего у них исчезали ответственность и честь. Что ж, понадеемся на индукцию. От любимого героя нетрудно заразиться.

Итак, мне доставляет большую радость то, что Чхартишвили и Акунин с удовольствием пишут книгу за книгой. «Красного петуха» я не вместила — что же, дело мое. Недавно очень набожная женщина хвалила именно его, а я из вежливости сделала вид, что книги не читала. Фандорин-внук нравится мне меньше деда, не столько он сам, сколько изображение «наших дней». Мне посчастливилось не видеть ни богачей, ни уголовников; наверное, есть и этот слой, если о нем все говорят. Нравится меньше, но каждую новую книгу я читаю лежа или за едой, как любимых англичанок вроде Агаты Кристи. Конечно, Б. Акунин не так прям и простодушен, но не это главное, и времена другие. Главное же, на мой взгляд, то, что все они пишут не в Египте.

Легко сказать «не в Египте», разница глубже. Любой скажет, что Агата жила в мире четких ценностей, а Б. Акунин и даже Г. Ш. Чхартишвили — в мире постмодерна. Представив себе, как рассердятся его (постмодерна) сторонники и противники, я оторопела, но тут же почти услышала ответ. Он так нелеп и прост, что по меньшей мере предписывает оставить критику, если эта заметка к ней относится. Ничего не могу поделать, снова выхожу в область проповеди, но, надеюсь, не менторства. Отличие — в том, что от проповеди можно отмахнуться.

Итак, говоря о книгах, тем более — живого автора, я исхожу из презумпции невиновности. Несчастный постмодернизм отличается от всего прочего не столько игрой, сколько аномией, а то и нигилизмом. Конечно, все это можно

увидеть и там, где его нет. Недавно одна приятельница, о которой я написала в заметках о бытовых чудесах, обиделась, усмотрев в самом тоне что-то опереточное. Надеюсь, другие читатели поняли, что я, устав от менторства не меньше записных постмодернистов, просто пыталась убрать пафос.

Вот я и предполагаю, что Григорий Шалвович, которого я неоднократно видела и хорошо помню, — не подросток, шарахающийся от того, что покажется ему назиданием, а умный и взрослый человек. Во всяком случае, общение с ним в упомянутом журнале, хотя и служебное, подсказывает такую точку зрения. Тогда нетрудно ответить на удивленные вопросы, которые посыпались не только отсюда, но даже из Йейла и Вашингтона, от литовского и русского друзей. Оказалось, что презумпция помешала мне многое увидеть — например, издевательство над Николаем II. Видит Бог, я с детства его люблю. Родилась я ровно через десять лет после его ужасной гибели, и воспитывала меня верующая бабушка, не забывшая очень рано рассказать и о ней, и о жизни всей семьи в Царском Селе, в Тобольске, в Екатеринбурге. Читая «Коронацию», я подумала, как хорошо изображен конец того века, как занята игра с именем и отчеством «Изабелла Фелициановна» (для работавших в «Иностранке» в ней три, а не два уровня) и тому подобное, включая чисто детективный интерес. Огорчала меня только та мальчишеская кровожадность, которую Честертон считал признаком здоровой души, если выражается она в игре, на бумаге. Я не феминистка и думаю, что это верно только для мужчин.

Так я и читала, примеров — сотни. Книги, в которых и я вижу только жестокость и непотребство, я читать не могу. Тем самым эта странная статья — свидетельство не критика, даже не филолога, а читательницы, очень страдающей и от анонии, которая на практическом уровне была всегда, и от менторства или пафоса. Это бывает нередко — скажем, у Честертона, которого принимают то за лютого триумфалиста вроде Беллока, то за чистого эксцентрика вроде молодого Эйзенштейна. Снова печально оговариваю: Эйзенштейна я знала и могу заверить, что он любил Честертона именно за игру ради игры, остраненность и т. п. Ведь даже здесь, у нас, существовали художники, писатели, режиссеры, которые по части нигилизма не уступят нынешним. Помню, как я рассказывала об их любви к Честертону, а мой собеседник, могучий и старый католик, возглавляющий американский *Chesterton Institute*, сурово напоминал мне, как пагубны такие люди и воззрения; и я его понимала, хотя их, лично их, с их лицами, словами, слабостями, не могла бы вынести в пространство суда.

О Господи, трудно на минном поле! Но я не критик, и заметку об Акуни-не пишу потому, что мне это предложили. Пока я ее писала, я окончательно поняла, что критиком не стану. Наверное, и это — не женское дело. Оставим мужчинам гнев и суд, а себе — приятие и милость. Пройдет время, уйдет

культ забавы, а искусную беллетристику будут благодарно читать люди разного возраста и пола, находя в ней то, что им нужно. Если же это что-то другое, читать ее не будут.

Просмотрела эту заметку и вижу, что милости в ней не больше, а меньше, чем надо бы. Защищая беллетристику, я походя обидела всех, кому она противна, как, если верить Довлатову, обидел целый город Коржавин. Но тут совсем ничего не поделаешь — призывы к пощаде непривычны, а потому задевают. Объяснить придется другое: я легкомысленно написала, что Бориса Акунина можно читать как угодно. Кто-нибудь выведет из этих слов, что он — чистый Протей, хамелеон, и «взглядов» не имеет. Вот вам и пресловутая аномия.

Но имела я в виду не это. Вспомню еще одну притчу (не аллегория!). Давно, в семидесятых годах, Аверинцев говорил, что средневековые росписи или скульптуры сообщали каждому то, что он может вместить. Равнодушие к истине там быть не могло. Скорее, это — деликатность, которую нетрудно усмотреть во многих действиях Промысла. Снижу пафос, прибавлю *mutatis mutandis*, чтобы читатель не решил, что беллетристика — на том же уровне, что росписи и скульптуры. Вообще-то, и они с поразительной легкостью превращаются в китч, и жестокость в них бывает, однако речь не об этом. Удивительно — или не удивительно, — что эту способность может порождать не «новое Средневековье» в романтическом, или манихейском, или беспощадном смысле, а наша странная свобода⁶. Сколько ее пугались, сколько ругали ничуть не советские люди, а Ромуальд Траугутт, участник польского восстания 1863 года, думал иначе. Его спросили, почему он, такой академически-тихий, полез в политическую борьбу, и он ответил: «Видите ли, Бог хочет, чтобы человек был хорошим. При свободе это легче». Прибавим, что в Бога он верил и о нашей греховности знал.

Уолтер де ла Мэр

Рыцарь Святого Духа, он песню поет,
Праведен и правдив на своем пути,
Мельницы зла не дают опустить копье,
Милость и мир — в отчаянье прийти.

---

⁶ Лет через восемь прибавляю: да, все-таки свобода, мы не прижаты утюгом, как цыпленок. Есть слой просто жизни, и ширина его зависит от нас. Текст Траугутта тут годится — если вас не убедили, что побеждают и т. п. только воры, гады и тоже т. п.

5. Опять о пятой заповеди

Часто и заслуженно хвалят две книги — «Розы и хризантемы» Светланы Шенбрунн и «Похороните меня за плинтусом» Павла Санаева. Однако я не видела, чтобы их связывали, хотя смысл у них — один и тот же: девочку или мальчика изводят мать или бабушка.

Написано все так, что ясно — это не очередная проповедь педократии или детской анархии. Нет, иерархия — есть, дети готовы слушать и слушаться, но это невыполнимо: что они ни сделают, все плохо. До чего же точно! Вот она, суть действительно трудных отношений со старшим. Чаще всего такой — один, а другие боятся лезть. Отводят глаза и тихо советуют: «Да плюнь», «Терпи» или «Ты же ее знаешь».

Тут очень важно, что обида, а главное — сильная боль длится столько, сколько неразрешимая коллизия. Улыбка, другой тон, похвала сразу все меняют и приносят истинное счастье. Если это подсечено, то есть ребенок уже не любит родителя и не ждет от него ни пощады, ни правды, дело печальней — не потому, что это грех (ты попробуй вытерпи), а потому, что это очень искорежит душу.

Проблему «можно ли об этом писать» никогда и никто не ставит. Вот от жалоб в жизни — отмахиваются, а то и сурово осуждают. А текст — это текст, все можно. Кроме того, это, видимо, и неизбежно, слишком больно. Во всяком случае, Шенбрунн и Санаев — явно хорошие люди и пишут не о мести. Такие книги есть, но речь не о них.

Авторов немыслимо жалко, но жалко и мучительниц. Как-то ясно, что они — еще несчастней детей и совершенно не ведают, что творят. Точнее, они (особенно — бабушка у Санаева) уверены, что творят добро. Как это точно, и какой верный симптом тяжелейшей болезни, не только душевной, но и духовной!

Казалось бы, их невольная жертва тоже будет психом, но вот, не всегда. И Светлана Шенбрунн, и Павел Санаев несомненно здоровы. Это почти чудо, но бывает.

Р. С. Только что прочитала в «Континенте» очень хвалебный отзыв о Санаеве, где и проблемы нет — мальчика мучает садистка. Можно читать и так, но нужно ли?

Это не главное, но с какой легкостью отождествят с этой бабушкой своих мам, бабушек, тетей, которые посмели хоть молча, хоть плача страдать от детского хамства, оно ведь тоже бывает.

Анонимная эпитафия

Достоин восхищенья и царского венца,
Любви, хвалы, прощенья, драгоценного кольца
Тот, кто в столетие чудес, принесших столько худа,
Поветриям наперерез посмел поверить в чудо.

По Честертону-другу горюют все друзья,
от Честертон-рыцаря осталась тень копья,
Честертон-газетчик перестал писать,
Честертон-писатель жив, пока читать
Еще не разучились мы. Мечтатель Честертон
Оставил нам свои мечты, свой заповедный сон,
И без регалий дорогих, достоин и смущен,
Идет в сообщество святых ребенок Честертон.

6. Опять о мемуарах

Прочитала «Русскую литературу сегодня» Сергея Чуприна; стало понятней, что теперь со словесностью. Есть там и о мемуарах. Чуприн приводит слова Василевского: «Мемуарист всегда — положительный персонаж, и сие от него не зависит».

Ну, это еще как сказать. Конечно, я имею в виду не расписывание своих низостей и слабостей, все равно подразумевается, что такой человек лучше каких-то других. Вспомним не Лимонова, а Августина. Не Руссо, конечно, не Абельяра, просто помешанного на теме, которую так прекрасно определил Кибиров⁷, даже не Толстого, а именно Августина или менее известного Патрика, он попроще, такой «человек Петра». А как пишут о себе, между делом, апостолы, особенно Матфей (или говорят, если Марку рассказывал тот же Петр)!

Не буду тянуть; нынешний критик обходит одно: покаяние. Его и в жизни мало. Может быть, он крутится среди верующих, да и сам не без того, а они большей частью со всем (даже трогательным) простодушием видят в себе положительных персонажей. Трогательным-то трогательным, но ведь именно это без перерыва обличает Христос, об этом плачут и святые. Вот и крутись, хотя по другую сторону, впритык — особая, острейшая мизантропия, точнее мизо-святошество, очень опасная, как все, что стимулирует злобу.

Совсем иное дело — то, на чем стоит «вторая, равная ей» заповедь, — призыв любить ближнего, как себя. При любом покаянии ты (пока не сошел с ума) себя не покинешь, перетерпишь, в каком-то смысле — простишь, никуда не деться. Ничего общего с нарциссизмом это не имеет и к мемуарам почти не относится. Ну разве что написать: «Я — такой гад, что вообще замолчу»; но это уже выпендрей, а блудному сыну — не до того, у него все слишком просто и важно. И потом, блудный сын знает главное: гад он или не гад, а отец его очень любит.

---

⁷ «Ты ..., и ты ..., а я виконт де Бражелон».

Н. Трауберг с сотрудниками института ВИЯК.
Клязьма, март 1953

II ВМЕСТО МЕМУАРОВ

1. Пять лет

Когда-то я прочитала у Соловьева-отца, что «последние пять лет» николаевского царствования были совсем невыносимыми. В 1948–1953 годах — даже не надеясь, в 1980–1985 — уже надеясь, но робко, мы об этом вспоминали. У этих лет, все три раза, есть общие черты — какой-то странный покой, который позже, в ностальгии, может представляться уютным. То ли все сидят по домам, то ли напряженно радуются чему-нибудь очень простому, но действительно возникает ощущение извращенной, непереносимой идиллии. Я очень хорошо помню, как это было. Когда помнит кто-то еще, мы спешим оговорить: «Не дай Господь никому такого покоя».

Вторые пять лет были четче — в самом конце 1979-го мы с дочерью уехали в Вильнюс, летом 1984-го вернулись в Москву. 1984–1985 «учебный год» оказался очень тяжелым, уже без намека на идиллию, но сейчас постараюсь вспомнить литовские годы. Что до первого пятилетия, год я преподавала, потом меня выгнали, а с осени 1951-го мама снова и снова отсылала меня из Питера в Москву, где было полегче и предполагалась работа, пусть и почасовая. Получается, что в чистом виде удушливый покой относится только к 1949–1951 годам.

Ну хорошо; попробую о нем рассказать. Льюис пишет в «Расторжении брака», что прошлое оказывается либо раем, либо адом. Это он перегнул, но когда знаешь конец, можно увидеть, как много это прошлое дало. Однако тут нужна важнейшая оговорка: так смотреть можно только на себя; ни к другому, ни к стране или там миру такие рассуждения неприменимы. Иначе получится популярное в церковной среде явление, которое Сергей Сергеевич Аверинцев сравнивал с речами Порфирия Головлева.

Как и тяжелые болезни, эти годы подкидывали меня вверх. В первый заезд я снова стала ходить в церковь, но лучше таких вещей не рассказывать. Все второе пятилетие прошло среди тайных священников и христианского самиздата. С одним из этих священников мы вспоминаем его приезды в Вильнюс, когда он покупал на рынке жареных кур, и это называлось *curarium*; но напоминаем друг другу и мучительное слушание «Солидарности» или Би-Би-Си, и Польшу, и Афганистан, и ту ночь, когда он понес в литовский монастырь (тоже тайный) всякие книги, а мы с другим священником до четырех часов утра сидели на кухне, его ждали. Чудом оказалось, что он заснул, а проснувшись, понял, что мы совсем изведемся к утру, и пошел через пустой город. Можно вспомнить и то, как у тайных доминиканок, чьи адреса названы в романе «Даниэль Штайн», во время службы раздавался звонок, никто не вставал с колен, а потом на площадке никого не оказывалось. Да что там, многим есть что вспомнить и кощунственно — забыть.

Справка затянулась, пора перейти к обдумыванию. Первая зима в ретроспективе может показаться идиллической — точнее, начало и отчасти весна 1951 года. После 1 января я поехала в Москву, жила у Гариных а это само по себе можно назвать помощью. В Питере жизни не было, в Москве — была. Студенты читали стихи, которые и мы читали друг другу в 1945–1949-м, но у нас кого посадили, кого уволили, оставшиеся обвисли и (или) спивались, а здешние — почти нет. Они рассказывали, как сидят «Эмка» или «Алик»⁸, но сами были живы, в отличие, скажем, от меня. Помню, Фрида Вигдорова летом 1949-го стала рассказывать, что виделась с адвокатом, чтобы помочь жене Ильи Сермана (ему дали 25 лет без права переписки, так что речь о помощи не шла). Я жутко зарыдала. В Питере забыли про адвокатов. Один из них, Александр Александрович Кроленко, рассказывал, что очень хочет защищать молодых физиков, обвиненных в «глумлении над советской наукой» (делали они что-то в духе «физики шутят»), но и сам знал, что это — чистейшая утопия.

А так — кто пил, кто делал абажуры (мы с мамой), кто работал в маленьких городах. Но и это — не размышления, хотя все-таки справка. Чем, кроме бед, отличалось это пятилетие от предыдущего? Дальше будет очень субъективно, у других — иначе, но я тогда открывала три новых для меня явления. Начало 1951 года было связано с Георгием Петровичем Свиридовым, он ходил к нам и помогал. Кажется, именно он напомнил мне, что совсем не обязательно любить Пруста или Хемингуэя. При всем их различии, оба входили в неперменный набор (все же — не Бабаевский!), и я их усердно читала, но полюбила за те же годы Вудхауза и Честертона. Наверное, я стыдилась признаться в своих вкусах старшим друзьям, хотя им вскоре стало не до Пруста, они сидели или ждали посадки. Свиридов отрекался от духа тех лет ничуть не меньше, чем они, но любил Лескова — именно любил, верил ему, а не считал его каким-нибудь «мастером». Наверное, он ходил в церковь, но мы об этом не говорили. Стихи Волошина, которые я тогда открыла, скажем — *Demetrius Imperator*, он прекрасно знал. Кроме того, он пел, просто пел «Хованщину». Все это удивляло западника папу, радовало бабушку (мамину маму) и очень помогало мне.

Однако рядом было то искажение такого духа, которое латиняне называли бы *per excessum* или *per abusum*. После смерти Михоэlsa, сразу, откуда-то вырвался антисемитизм. Приписывали его и Свиридову, но вот же моему отцу он помогал. Наверное, тут нужно объяснить. Выгнанный с «Ленфильма» космополит стал писать тексты для других, в том числе — какую-то оперетту в стиле своих «Максимов», с маевками и прочим. Мнимый автор, а может — просто соавтор с приличной фамилией обратился к нему для того, чтобы отец попросил Шостаковича

---

⁸ Мандель (будущий Коржавин) и Есенин-Вольпин.

написать музыку. Как жил Шостакович, стоит напомнить; наверное, это нормальной и нравственной даже борьбы. Он буквально не мог дышать. И вот, приехав в Питер, он оставил папе записку с отказом, умоляя понять его. Папа чуть не умер и не простил, а Дмитрий Дмитриевич прислал вместо себя Свиридова. Несчастливая оперетта шла и давала какие-то деньги.

Итак, антисемитизм. До этого чуть ли не я одна хоть как-то выделяла еврейство, поскольку верила в Бога и читала Библию. Там написано, что народ особый, даны ему предупреждения и обещания — и я их усвоила. А так, среди интеллигентов, что бы это слово ни значило, никто об этом не думал. Нет, кто-то думал, наверное, но вряд ли говорил.

Однако где-то все копилось и расцвело в кратчайший срок. Следующей зимой я заметила, что бухгалтеры или зубные врачи, а главное — их жены, живут в коммуналках какой-то особенной, можно сказать — священной жизнью. Читая у Мандельштама об утвари и уюте, я представляла уже не Грецию, а комнаты с оранжевым абажуром, ширмами, пианино. Например, мы ходили к сестре одного из глумившихся физиков, учительнице музыки. Ее соседи были к ней повышенно добры, но (что было новым) явно считали их с братом иностранцами. Среди уцелевших интеллигентов отсылка к злодеяниям комиссаров не использовалась. Те, кто думал о них, напоминали себе, что довели народ — он и зверствовал. Что это зверства, сомнений не было. К тому же многие каялись и за свой народ. Библейскую сторону дела, кажется, почти никто не помнил.

Третьим было «английское». Между разрисовыванием абажуров я одну за другой читала поздневикторианские и эдвардианские книги — не классику, и не Харди или Хаксли, а женские романы, приключенческие повести, детективы, журнал *Strand*. Когда через полвека я приехала в Англию, мне казалось, что я уже жила в ней. Спасали меня не только ее уют, и не только ее свобода, но и их сочетание, которое там неслиянно и нераздельно. Открылось оно мне именно зимой 1950–1951 года.

Пять лет подряд мне снилось, что возвращаются Руня с Илюшей, ждут в какой-то английской гостинице, а я туда бегу. Следующее «последнее пятилетие» (1980–1985) мне снилось, что приехали из-за границы Глазовы, Шрагины, Томас Венцлова, и я бегу уже к ним. Теперь мне снятся те, кто не в этом мире, и я вывожу, что новых пятилетий не будет.

Г. К. Честертон

Я осьминога полюбил
В младенческие годы,
Мне мил суровый крокодил,

Стервятник бесконечно мил,
Да что там, я всегда ценил
Превратности природы.

2. Вечер духовной поэзии

Какой это был год? Применим логику. До июня 1988-го никаких духовных поэзий разрешить не могли. После августа 1991-го многое изменилось, а примерно с середины 1992-го уже была еда. Значит, вероятнее всего, зима 1989-го или 1990–1991-й — а эти годы почти забыты. Что же было в них? Полная помойка на улицах, толпы на тротуаре Пушкинской площади, лекции о. Александра в Доме медика, страх и надежды, морская капуста в магазинах и немецкая помощь. Перечисляю для того, чтобы люди все это вспомнили и меньше гневил Богa.

Как только духовное разрешили, начались всякие вечера. Собирались в читальнях и библиотеках. Помню, были лекции в Черемушках, были и около метро «Университет». Вечер, о котором я сейчас расскажу, проходил в библиотеке Некрасова, у Палашовского рынка.

Позвали меня суровые неофиты. Кажется, именно они в другой раз предлагали мне вступить в Христианско-демократическую партию, а еще когда-то — «определиться». Я было подумала, что надо отвергнуть католиков — но нет, иудеев. Как это сделать, осталось неясным — Ветхий Завет не отвергнешь, отца тоже не заменишь, а Деву Марию и апостолов обижать вообще не стоит. Однако эти вопросы и доводы совершенно не тронули моего собеседника. Примерно тогда же Иоанн, митрополит Ленинградский и Ладожский, предал анафеме за ересь жидовствующих человек тридцать, в том числе — несколько совершенно русских священников, а заодно и меня. Прибавлю, на владыку Иоанна я не обиделась, среди моих православных знакомых были похожие люди, искренне верившие в Бога, мало того — добрые. Моя догадка подтвердилась: о. Евгений Гейнрихс, тогда — ректор Св. Екатерины, сказал, что владыка «хоть в Бога верит». Но эту тему мы, возможно, разоведем в других заметках.

Итак, меня пригласили на вечер духовной поэзии. Мой сын испугался. При всей своей мягкости, он просил: «Мать, не ходи!» и спрашивал: «Ты что, совсем опупела?» Но я пошла по темным и грязным улицам на Пушкинскую площадь, в тупичок, где стоит библиотека.

Сразу у входа на меня закричали. Женщина, работавшая там, не могла и не хотела поверить, что меня пригласили, однако в лучшем советском духе ругала меня, не давая уйти. Продолжалось это минут двадцать и прервалось только потому, что появился один из неофитов.

Он благочестиво, но пылко приветствовал меня. Женщина тут же отступила. Я пошла в зал, где уже сидел президиум. Стояли стенды, на одном из них я увидела фотографию Юлия Даниэля, растрогалась и стала читать что-то про него. Народ собирался, хотя и туго.

Потом со мной что-то случилось, совершенно не помню, почему. Может быть, меня пригласили сесть поближе или просто обратились со сцены как к своей; не помню. Зато могу ручаться, что сама с удивлением услышала свою речь. Была она примерно такой: «Ничего у вас к собакам (*sic*) не выйдет. Какая духовная поэзия, если здесь точно то же самое, что при советской власти? Это же главное в ней, орать и выгонять». Конечно, говорила я немного дольше и гораздо сбивчивей.

Я ушла; честное слово — тихо, никак не «хлопнув дверью». Дома отдышалась. А через несколько дней пришло письмо. Сейчас я не могу его найти, наверное, выбросила, но суть такая: «Как Вы можете осуждать эту несчастную женщину? Да Вы понимаете, как ей живется? Вот она гордыня, вот снобизм, не любите простых людей. И вообще, православные только рады, что на них кричат». Дальше шла подпись не молодого неофита, а известного поэта, который сидел в президиуме, но верующим вроде бы не был, хотя кто его знает.

Я опять же сбивчиво ответила, что даже если крик полезен мне, он вреден ей, а главное — что я вообще говорила не о ней, а о «них». Слава Богу, несчастная женщина духовной поэзией не занималась. Он, конечно, больше не писал и, наверное, не согласился. Церковные люди, и те не очень часто понимают, почему Христос, запрещая убийство, приравнивает к нему уничижающую злобу.

Г. К. Честертон

Как хорошо медузой быть!
Она летать не может,
Она не может даже плыть,
Причем ее чужая прыть
Нимало не тревожит.
Да, хорошо медузой быть,
О треволнениях забыть,
Об искушеньях — тоже.

3. Серпун

А это, как писала Тэффи, «уже совсем другое „пень“, французское». То есть слово французское, но с литовской подачи и в русском произношении. Примерно в 1989 году Кястас Янулайтис пытался учить моих внушек французскому языку. Он сообщил, что «змея» называется *serpent*, а младшая, Поля, тщетно пытаюсь воспроизвести носовое «а», говорила «серпун». В те самые дни около Дома кино собралась большая очередь — люди хотели что-то сделать, чтобы Сахаров смог принять участие в выборах. Стоим, переговариваемся; я рассказываю про серпуна. Саша Раскина мгновенно прибавляет: «...и молотун». Так это слово и связано навсегда с пустыми магазинами и большими надеждами.

Скажу сразу для ясности: и тогда, и в августе 1991-го я надеялась только на крах советской власти. Христианин — не утопист, и знает, как слабы и глупы мы все, а потому не утешает себя иллюзиями и утопиями. Власть треснула — и спасибо, это вымоленное чудо. Какие же картинки сохранились от того странного времени?

Звонят в дверь, и два немца вносят огромный ящик. Мы ели это все чуть ли не полгода. Были там какие-то наборы, включающие кофе и финики, был шоколад, были консервы и еще не известные у нас устрицы в коробочках. По красоте и радости сравнить эти дары можно с яичным порошком и тушенкой 1943–1945 годов.

Томас Венцлова сообщает, что он приедет на день рождения Сахарова. Наверное, это была уже конференция, 21 мая 1990 года, но — точнее не помню. Обливаясь слезами, я еду в Шереметьево. Нахожу все, что надо, жду, появляется Томас и удивляется. Действительно, я узнавала про самолет из Америки, а он летел из Италии, но что-то их задержало, и получилось правильно. Вечером мы идем в гости, заходим в гастроном на углу Смоленской, и Томас цепенеет, увидев только морскую капусту. Правда, водка была. Именно с ним мы благодарим за неожиданные чудеса. Еще «оттуда» он писал мне: «...крепостная Россия выходит с короткой приструнки // на пустырь...» Ну и слава Богу. Что будет на пустыре, уже зависит отчасти от ангелов, отчасти — от нас.

Примерно за год до этого, в июне 1989-го, я ждала автобуса в Матвеевке, у самого леса. Только что по телевизору показывали, как обижают Сахарова на Верховном Совете. Стою и читаю про себя строки Волошина о Владимирской иконе: «Страшная история России // Вся прошла перед Твоим лицом». Страх и надежда непрерывно сменялись. Побеждала надежда. Пишу сейчас, пишу, а объяснить не могу, мало кто слушает: если бы в пятидесятых, шестидесятых, семидесятых, первой половине восьмидесятых нам привиделось будущее, мы бы отдали за него что угодно, кроме души. К счастью, я пишу, а не говорю, и не слышу тем самым, как мне напоминают о бедных и о безнравственности.

Бедные были (вообще-то, похуже), а в той среде, которую я близко видела, царили точно такие же нравы. Правда, не все принимали их — как и теперь.

P. S. Стало еще попротивнее — но и не лезь туда, где это делается, а держи руки, как Моисей.

Г. К. Честертон

Чай заварен, туман, и газ горит.
Я бы хотел, чтобы за моим столом
Мирно шутили умные друзья.
Но двое — в Оксфорде, двое — где-то еще,
Один — в Шотландии. Как бы я хотел,
Чтобы они пришли! Заварен чай.

4. Фра Анжелико

Летом 1990 года о. Александр Хмельницкий служил Мессу в моей, а точнее — родительской квартире. Так повелось с той поры, как мой папа после очередного инфаркта стал почти постоянно жить в доме для старых киношников, по тем временам — непристойно сытом. Но это — другая тема, а сейчас я рассказываю, как летом 1990 года, примерно — в августе, после Мессы, мы пошли пить чай на кухню. Есть было почти нечего. Зато был альбом Фра Анжелико, а в нем — картина, на которой Петр и Павел, толстые, словно пчелы, летают над доминиканскими монахами, оделяя их едой. Кто-то из нас сказал, что нам бы так. И в тот же самый час, даже миг, позвонил американец.

Он спросил меня, согласна ли я переводить для их миссии и можно ли прийти тут же, сразу. Наверное, я ответила «да» хотя бы на второй вопрос. Принес он большую коробку шоколадных конфет, коробочку устриц, еще что-то. Так началась наша с ним работа и дружба, отягченная с недавней поры большой и позорной бедой, которую вместили бы только жизнь и Библия. Но и это — другой сюжет.

Вскоре он поехал познакомиться с о. Александром Менем. Я сперва тоже собралась, а потом почему-то не смогла. И Александр, начисто лишенный самолюбия, никогда не обижавшийся, очень меня (да и всех) щадивший, сказал: «Что ж это она! Теперь приедет на мои похороны». Напомню, шел август 1990 года.

Однако вернемся на кухню, где к сушкам прибавились устрицы, и не только они. Не всем католикам понравилось, что приехал какой-то *evangelical*.

И действительно, где у них святые, мало того — где Месса? Странная память о том дне: детское чудо — и конфессиональная надутость, к счастью — не у всех. Американец, кажется, ее не заметил.

Г. К. Честертон
[надпись на романе «Шар и крест»]

Я эту книгу не люблю,
И не храню, и не хвалю.
Не надо было покупать.
Пытался я ее читать.
И что же? Смысла никакого,
Язык — слабее остального,
Да и расположение глав
Невольно возмущает нрав.
А мысли, а сюжет? О Боже!
На что же это все похоже?
На сновидение, на бред?
Я не сумею дать ответ.

5. Осень 1996-го

Той осенью я поехала в Америку. Неподалеку от Чикаго есть колледж Уитон, который называют протестантской Сорбонной. Там учился Билли Грэм, но мне было важно другое: журнал *Seven* и архивы семи христианских писателей — Макдональда, Уильямса, Честертона, Толкина, Барфилда, Дороти Сэйерс и Льюиса. Материалов больше, чем в Англии, и все они собраны вместе.

Люди, пригласившие меня, заказали билет через русскую контору, и та все перепутала. Прилетаю — никого нет. Сажусь на скамейку и сижу часа три. Наконец, подходит истинный лорд и спрашивает, в чем дело. Я объясняю. Он страдает и, созвонившись с колледжем, помещает меня до утра в крохотную гостиницу.

Лет за восемь до этого нас с Григорием Кружковым пригласили к ирландскому послу. Я у послов не бывала и очень обрадовалась, представив себе какой-то золушкин бал. Когда я призналась Грише, что это очень люблю, он вскричал: «Кто же не любит!» Собственно, и без бала хорошо — чисто, красиво, вежливо, вкусно — по сравнению с грубостью и грязью. Теперь их намного меньше, а любовь к их отсутствию беспрерывно обличают, предположив без доказательств, что она несовместима с какой-то глубиной или (о Господи!) духовностью.

Оставшись одна в номере, я радовалась, словно оказалась в Эдемском саду, где мне посчастливилось жить лет до семи. Опять, как у посла, — удобно, вежливо, красиво. Что-то поблескивает, что-то сияет, цвета чистые и яркие. Горничная предложила найти телевизионный фильм, и нашла, и он оказался хорошим. Герои его, в частности — Ванесса Редгрейв, радовали красотой; была и нравственность. Мне почему-то принесли корзиночку райских, то есть румяных, яблок и спросили, буду я завтракать в номере или пойду в кафе. Утром я пошла и не прогадала. Стоит ли говорить, что все до единого обращались со мной, как с любимой кузиной? Не стоит; а вот о том, что не пришлось каждую минуту оправдываться, все-таки скажу, очень уж в нас это въелось. Теперь причин гораздо меньше, но один Бог знает, когда я перестану дрожать в конторах и магазинах.

Вернувшись через две недели домой, я пошла на занятия в Библейский институт. Тогда он располагался на Крутицком подворье. Поджидая студентов, я смотрела на деревянный домик и последние цветы в садике. Все было маленькое, как в той гостинице, но серое и неприметное. Точно так провела я детство, «заграничное» у родителей, «православное» — у нянечки с бабушкой.

Теперь только и слушаешь тех, кто ненавидит одно или другое. Это очень печально, потому что все хорошее и в том и в другом прекрасно совмещается. Пушкин или Честертон переносят нас в мир, который радовал бы и ангела-нянечку, и молодых эксцентриков. Я не сравниваю дар Пушкина и Честертон, важно другое, и я пытаюсь о нем рассказать. Помню, мы с Сергеем Сергеевичем шли пешком из Иностранной библиотеки, после круглого стола, где Джеймс Биллингтон говорил о двух культурах послепетровской России. Оказалось, что мы оба думали об одном и том же: наверное, их было две; быть может, так и осталось; но главное — не это, а простые грехи и добродетели. Добрая тетка и добрая дама — одно, злая — совершенно другое. На радостях мы называли это «законом Биллингтона», невольно вовлекая в наши игры почтенного человека. К счастью, он об этом не знал, а может — и согласился бы.

Тогда получается просто, как в том же детстве: хороший «Запад» — хороший, плохой — плохой. Описывать, какими могут стать и блеск, и неприметность, я не буду, разве что назову два-три свойства: за моей гостиницей маячит что-то вроде самодовольства, за деревянным домиком — что-то вроде ханжества. Однако плохи именно они, а не домик и не гостиница; кстати, и очень похожи. Что же хоть в какой-то мере предохраняет от упомянутых свойств?

Честертон где-то написал: «Маленькое красиво». В начале 1970-х годов Шумахер позаимствовал это для книжки, как говорят — положившей начало постиндустриальной эре: *Small Is Beautiful*. Точнее сказать: прекрасно именно маленькое. Тогда сразу отвалится наглая роскошь, от которой, даже ее не видя, мы так быстро сумели устать. Отвалится и очень знакомая интонация, которая

раньше отличала учительниц и общественниц, а теперь — церковных женщин. Если ненадолго разрешить себе употребление слов, дискредитированных именно этими женщинами, станет видно, что речь идет о смирении.

Тогда вообще будет легко. Прибавим печаль, включив в нее забытый оттенок ненавязчивой заботы, и чистоту сердца, свойственную детству и старости, если ребенок и старик не помешаны на себе, и почтение к чужой свободе, и — главное — жалость, высший вид любви. На этом оборву, все-таки пафос еще и сейчас — опасней легкости. Или нет? Неужели спасительная несерьезность полностью превратилась в развязность и цинизм? Но ведь высокопарная фальшь никуда не делась. Вот, пожалуйста, «лад» и «свобода» существуют рядом, но в худшем, искаженном виде — а хорошо бы, чтоб в лучшем.

Помню, с людьми семидесятых — с Муравьевым, Янулайтисом, Аверинцевым — мы любили такое соображение: если соединить цвета истины, милости, мира⁹, получится белое. Если взять не реалии цвета, а обычные краски, получится грязно-бурое. Поистине, этот цвет, а не огненный, связан с адом, а белый — с детским раем.

Тем самым белое связано со счастьем еще больше, чем яркое. Мы привыкли к тому, что о счастье не говорится в Писании, и охотно об этом напоминаем. Хорошо, возьмем радость; ребенок и не различит их. Остается стать ребенком, которому еще не известны плоскостные, корыстные значения этих слов. А если им станешь, сам собой разрешится спор между мотелем и домиком.

Что ж это я, пишу-пишу, словно не зная странностей «постмодернизма»! Знаю, и удивляюсь им, но забываю. Именно в этом смысле я упорно сопротивлялась моему молодому другу, который читал мне вслух книжки, подвесившие его в невыносимой пустоте. Спорить и просто рассуждать я могу только в привычных, детских терминах, даже если узнала их в университете или в католической Литве. Соответственно, эти подобию размышлений и воспоминаний можно воспринять только в том случае, если ты станешь если не ребенком, то обычным второкурсником. Слава Богу, мой друг, дошедший до полного отчаяния, выбрался в мир, где радуются еде и цветам, а потом — умер совершенно блаженной смертью. Это уже притча, предел. Можно и жить, до каких-то пор — в здешнем мире, где и Пушкин, и Честертон увидели много хорошего.

---

⁹Писала я или нет, что истина-свобода была для нас почему-то ясно-желтой, милость (любовь) — алой, мир (лад, порядок) — синим? Очень поучительны комбинации. Скажем, Аверинцев видел во сне, что ангел говорит: «Ты зеленый, ты слишком зеленый».

Г. К. Честертон
[назидание собачке]

Нельзя, нельзя, нельзя!
Вот эти грозные слова
Удерживают моря вал,
Не то бы залила вода
Леса, уголья и поля.
Нельзя, мой друг, нельзя.

6. Как М и N спасли демократию

Недалеко от нашего храма, точнее — почти рядом, есть очень хорошее издательство, «Балтрус»¹⁰. Оно маленькое, расположено едва ли не в мансарде, но издает прекрасные книги, скажем — биографию Томаса Венцловы. (Само название намекает на то, что оно связывает Россию с Литвой.) Меня эта книга трогает потому, что в ней говорится о малоизвестных годах: конец 1950-х — начало 1960-х, и о людях, которые очень старались жить не по-советски. Кстати, Томас делил их на успенскистов, истинистов и василистов. У. — от братьев Успенских, погружившихся в науку, похожую на игру. И. — понятно кто, алчут и жаждут правды. В. — от Саши Васильева, который нырнул в питье и торговлю картинами.

Недавно мне дали отредактировать перевод английской книги о пассивном сопротивлении. Тут поневоле обрадуешься. И репрессивные режимы осуждаются (что теперь бывает все реже), и насилие не проповедуется. Поистине, восславил свободу и призывал милость. Как редко такое сочетание!

Начинаю править и вижу, что русский текст просто нельзя понять. Много мне пришлось редактировать, но такого глухого канцелярита я еще не встречала. В детективном рассказе можно было бы предположить, что переводчик осознанно скрывает, как противиться диктатурам и даже чему-то, отдаленно на них похожему. В жизни причина иная, очень простая, и прочно связанная с этими режимами. Смотрите, как похожи советский дух и канцелярит!¹¹ Но плоды отнюдь не невинны.

Редактор увидел текст и почти сразу перестал вносить правку, признав свое поражение. Он попросил мою дочь это сделать — и почерк она мой понимает, и я рядом, и ей что-то заплатят, все равно он бы нанял кого-нибудь. Что ж, текст готов, книжку можно будет читать. По-видимому, ангелы тоже не любят насилия и неправды.

---

¹⁰ Теперь оно не там, и не «Балтрус», а то ли *Novizdat*, то ли еще как-то. Хорошо бы запомнить хотя бы потому, что в нем работает мой внук, — но трудно, они часто меняют название.

¹¹ Если хотите посмотреть правку, см. журнал «Истина и жизнь» (2007. № 7–8).

В. Трауберг, Н. Трауберг, сын Томас.
Москва, 1990

III ПРОПИСИ И ПРИТЧИ

1. Шерамур

Наверное, многие помнят, как у Лескова в «Шерамуре» няня наставляет на ум светских и злоязычных людей. Злословят они об этом самом Шерамуре, человеке ленивом, хитроватом и по-вудхаузовски милым. Она напоминает им, что они тем самым оскорбляют очень хорошего ангела, поскольку у таких дурацких людей ангелы особенно могучи.

После этой присказки напомним уже я, как мамы или бабушки расписывают таланты и успехи своих потомков. Что говорить, талант — вещь неплохая, успех — посомнительней. Как бы то ни было, я, наперекор таким рассказам, опишу судьбу человека, отличающегося от Шерамура словесной даровитостью, а может — и чем еще, но не это важно. Главное их сходство — могучий ангел; и вот что он делает.

Наш герой, собственно, переводчик. Я неоднократно рассуждала о том, как смиренно по замыслу это ремесло; но и в нем есть опасности. Если кто нацелен на мирской успех, пусть даже не сам, а стараниями родителей или дедов, он прекрасно может перемножить на ячество любую профессию. Мне казалось, что вышеуказанный герой хотя бы слишком ленив для этого, да и умен, но мирские искушения — это вам не кот начхал, особенно потому, что на практике, в жизни, почти все служат этому господину, простодушно не замечая всяких евангельских дикостей.

Строгости ради, сообщаю сами случаи, без комментариев (порядок — произвольный, не помню точно, что было раньше, что позже).

Н. М. переводит половину книги Жана Ванье. Получает гонорар, а позже — с удивлением видит, что обозначен только другой переводчик, делавший вторую половину.

Н. Н. переводит переписку Томаса Венцловы с Милошем (о Вильнюсе) и, еще не сдав работу, узнает, что она сделана в Литве.

Н. М. переводит трактат Льюиса, но, переведя так с треть, узнает, что издатель давно договорился с другим переводчиком¹².

Н. Н. переводит вместо меня (я совершенно закрутилась) рассказы англоязычного индийца. Сдаем; я прошу, чтобы написали его фамилию, книжка уходит в типографию, а вокруг бушует перестройка. Через должное количество месяцев издательства уже нет, в отличие от книжки, она где-то есть, ее куда-то передали. Редактор исчез с концами; а мы, дураки, забыли фамилию индийца.

---

¹² Если, прочитав пункты 1–3, кто-то спросит себя или меня, почему *Н. Н.* «не боролся», я посоветую открыть Писание или подумать, только всерьез.

Н. Н., снова выручая меня, переводит для американской миссии книжку «Духовные биографии великих композиторов». Сдает, получает мзду, книжку запускают в компьютер. Бегут годы, и я интересуюсь, почему ее не издают. Спихватившись, лезут во все компьютеры, но книга бесследно исчезла.

Н. Н. — нет, больше не буду, еще примеров пять в том же духе. Теперь каждый может подумать о мощи и мудрости ангела. Можно и спросить, что с *Н. Н.* Да ничего, просто он живет совершенно не так, как мечтали некоторые из его вполне обычных предков, искренне не ведавших в свое время, что творят. Слава Богу, очень долгое время они хотя бы резко противились странным советам Спасителя. Боюсь, что их взгляды свойственны и многим церковным людям.

Р. С. Написала, прочитали. Большей частью приняли за мемуары, меньшей — за постмодернистские экзерсисы. Вызова культу успеха не заметил никто. Ну ладно, сама знаю про сеятеля. Но возникло сомнение: что же я так строга, прямо ибсеновский Брандт. Правда, в отличие от него, у меня нет ни малейшей власти, да и тон то ли смущенный, то ли несерьезный, но все-таки... Однако я не поддаюсь; слишком велик перекося в другую сторону. К обычному, мирскому культу преуспевания прибавились советские беды. Людям казалось, что, поднявшись ступеньки на две, легче выжить. Диссертации защищали, чтобы не вылететь с работы, как поступают в институт, чтобы не загреметь в армию. Инстинкт силен, хотя сейчас неуспешность грозит не смертью или тюрьмой, а бедностью, и то не всегда.

Когда в дело вмешивается искусство, все несколько иначе. Здесь тщеславие подстерегает, как лев на площадях. Врагу не пожелаешь стези, на которой, если ты не Пушкин или Моцарт, все время смотрят: кто меня обогнал? Кто похвалил? Поскольку ку такие слова — почти полный ультразвук, я не боюсь оказаться слишком строгой.

Возражение: «Хорошо тебе, матушка, говорить — сама, небось, книжки выпускаешь!», отвожу сразу. Лет до шестидесяти я, как бобер или шахтер, трудилась над переводами. Потом, «в обществе», возникла новая потребность в «этаком», и я выпускаю книжки (скорее — статьи). Вудхауз резонно говорит, что жизнь начинается после шестидесяти, но все-таки это — прочее, тихое время живота. Может быть, его тихость гасит упомянутые опасности.

Г. К. Честертон

Моя госпожа надела серый наряд,
И я наконец увидел, чем хороши
Зимний короткий день и мягкий дым,
Мох, паутина, пасмурные небеса.

Моя госпожа надела зеленый наряд,
И я впервые заметил красу лесов,
Листьев, ветвей, травы, изумрудных вод
И золотисто-зеленых легких птиц.

Моя госпожа надела алый наряд,
И я узрел лепестки бессмертных роз,
Краски на угасающих небесах,
Искры недогоревшего огня.

Моя госпожа надела синий наряд,
И я наконец догадался, почему,
Когда Великий Портной шил для земли
Легкий чехол, Он выбрал этот цвет.

Под сикоморой, хмурый, как сова
Сидел всепрезирающий мудрец
И говорил брезгливо: «Этот мир —
Мыльный пузырь, больше ничего».

«Может, он и пузырь, мой старый хрыч, —
С нежной учтивостью я отвечал ему, —
Может, пузырь. Но я увидел на нем
Райскую радугу богоданных цветов».

2. Шалом

Мы возвращались из Испании, с конференции. Народ был разный. Сразу вынесу за скобки таких трезвых и умных людей, как Борис Дубин. Сейчас придется сказать о стайке ученых женщин, которые (обычно — поодиночке) признавались, что, в сущности, всегда верили в Бога, а главное, жили по-христиански. Что они имели в виду, неясно; одни когда-то были вполне советскими, даже опасными, другие — полудиссидентскими во вполне мирском духе.

Самолет прилетал в Москву ночью. Все мы знали, что, скажем, в пять часов за нами приедет автобус. Стоим, разбираем вещи, то-се. Вдруг начинается какая-то общая дрожь. Где автобус? Собственно, до его прихода — минимум полчаса, чего же колбаситься? Но нет, все дамы дрожат, некоторые — негодуют.

Когда он вовремя пришел и все расселись, одна из дам спросила меня с классической дамской интонацией, почему это церковным людям все безразлично. Церковной была только я, а безразличием она сочла то, что я не дрожала. Вы подумайте, такой минимум совершенно обоснованного спокойствия и то чем-то оскорбляет.

Я не уверена, что точно такая же сцена невозможна среди «церковных». Как мы рвемся вперед — даже к кресту, даже к причастию! Католические священники любят проводить беседы о снedaющей заботе, типичнейшей черте мирской жизни. Иногда говорят и у нас, в самых лучших случаях — не отвлеченно (что-то такое мистическое), а очень наглядно. Но толку мало; наша главная беда в том и состоит, что мы спокойно служим двум господам. Представляете, что было бы, если мы попали бы в сообщество людей, которые выражают странные евангельские просьбы не условной слащавостью, а как-то иначе?

Смотрите, Антонием просто клянутся, а он очень много говорил об этой «без-заботности». Начинается с очень малого, не дергаться, а дойти можно и до того драгоценного покоя, который особо выделяют и ценят иудеи. Перескочить ничего нельзя, держать себя надо в самом малом. Другое дело, что можно притвориться, особенно — перед собой («Я — человек спокойный»), но в чем это выразится, кроме самодовольства и придирок к тем, кому действительно плохо? Вместо шалома мы получим классическое фарисейство, а его и так хватает.

Стоит прибавить, что, как и другие духовные вещи, шалом очень похож на телесное, а не на «психическое» переживание. Мистики это знают, но очень уж скособочено наше представление о мистике, лучше на нее не ссылаться. Чтобы немного прояснить, в чем тут сбой, советуем прочитать эссе Честертонa «Тайна тайновидцев», оно есть в интернете.

Что же до «малого», хорошо бы передвинуть такой рычаг: считается, что надо звонить, давить, хлопотать, напоминать и т. п. Как же иначе? А вот так. Честное слово, очень мало изменится. Попробуем хоть раз подождать, и увидим, насколько это легче. Речь идет не о лени, а о минимальнейшем терпении. Когда-то «форсировать» считалось неприличным. Времена эти давно прошли, наоборот, учат «активности». Попробуем ее сдержать, хуже не будет.

Г. К. Честертон

Меж свадебным непоправимым днем
И бесконечным будущим любви
За шесть коротких суток создал Бог
Для нас с тобой неповторимый мир.

Да, за одну неполную неделю
Он создал заново луну и звезды,
Цветы и травы, бабочек и птиц,
И множество причудливых зверей.

Над ними ты паришь, моя жена,
Владычица, подруга, королева.
Быть может, мы узнаем боль и стыд,
Но одиночество ушло навек.

Ушло уныние, ушло безделье,
Ушли безверие и безнадежность.
На свете есть и скорбь, и суета,
Но мы едины и исцелены.

3. Вежливость королей

Подруга сказала мне, что английский священник пишет о том, как владыка Антоний опоздал на встречу с ним, а может — просто не пришел. За точность не ручаюсь, но для притчи — достаточно. Священник признается без смущения, что оставил Антонию записку, рекомендуя ему научиться аккуратности.

Действительно, это вещь хорошая. Теперь мы еще лучше знаем, как она нужна, поскольку наши внуки и правнуки, обретая личную свободу, часто не считаются с такими условностями. Защищать безответственность я не собираюсь; хочу поговорить о другом.

Когда скончался отец Георгий, мне позвонили с какого-то сайта, и я, отойдя от шока, сбивчиво говорила о том, как его буквальной образом разрывали на части. Не совсем соображая, я назвала имя барышни, которая легла на каменный пол, чтобы привлечь его внимание. Теперь сокрушаюсь, я ведь ее обидела. Однако что было, то было — и ложились на пол, и обвиняли его во многом, поскольку он не мог выйти за пределы времени и пространства. Помню, в те же дни, по телефону, я об этом сказала, а собеседница воскликнула: «Ну, я его не мучила, он меня любил!» Именно, любил — и ее, и многих. Бог тоже любит нас, но прежде всего — нисходящей, милующей любовью. Можно рассуждать, как Фома, о дружбе с Богом, в сущности — радости равных, но это скорее в пакибытии. Что же до любви восходящей, Бог видит Свой замысел, но восхищается ли им — не знаю. Скорее плачет, как отец блудного сына, видя, что мы с этим замыслом наделали.

Словом, крестное, жертвенное общение целиком относится к «порядку благодати». В «порядке естества» оно немедленно привело бы к гибели. Даже с помощью Божьей это очень трудно, и каждый справляется по-разному. Отец Александр Мень, истинный *champion* такого общения, стонал в своей комнатке, но проколов не имел. Владыку Антония в последний раз я видела, когда небольшая толпа женщин укоряла его по-русски и по-английски; а в первый раз, за шестнадцать лет до этого, сама спросила, как в такой ситуации быть, и он ответил: «Молитесь, а то нетрудно потерять и себя, и Бога»¹³.

Что же, эти упреки, сами по себе справедливые, — еще одно упражнение. На пути Христа пощады нет; а нам, в отличие от Него, упражнения нужны «до самой смерти». Нам — нужны, но мы не имеем прав упрекать других. Вот еще пример евангельской неравномерности; к себе — одно, к другим — другое; к себе — суровость, к другим — милость, эта самая *caritas*. Строгость ко всем — еще ничего, хотя Евангелие здесь ни при чем; милость ко всем, включая себя — приятнее, но тоже не Евангелие. Обычно мы идем дальше и, по закону этого мира, суровы к другим, добры — к себе. При чем же тут короли? При том, что они заведомо выше всех, а христианин — ниже.

P. S. Опыт учит, что охотней всего это примут творческие личности. Как же, они витают и летают в том *ordo*, где смешно и думать об условностях общежития. Но они ошибутся; речь идет о Царстве, где правит Бог, а не о стране эльфов.

Г. К. Честертон

Ты знаешь, я люблю тебя.
Скажи, куда же мне уйти
От нестерпимой нежности,
Пронзившей некогда меня?
Я чересчур люблю тебя.

Ты знаешь, я боюсь тебя.
Не угашает тяжесть лет
Твоих очей бессмертный свет,
Пронзивших некогда меня.
Прикрой их. Я боюсь тебя.

---

¹³ Спрашивала и получила ответ через Светлану Долгополову.

4. Рипичип

Смелый мыш у Льюиса — все-таки не человек; наверное, он безгрешен. Мы же можем стать Рипичипами на одном условии — если бываем мокрой мышью, а главное, знаем об этом. Собственно говоря, это — то же самое, что «сила Божья в немощи свершается». Казалось бы, ясно; наша сила ей мешает. Но, во-первых, немногие смеют это признать, а второе — есть исключения.

Может быть, исключение одно — отец Александр Мень. Представить невозможно, что он бывал мокрой мышью. Трудно увидеть так и владыку Антония, и отца Владимира; может быть, они не мыши, а что-то вроде мокрых львов и, соответственно, превращаются в Аслана? А скорее, мы просто плохо видим.

Вот кто мыш из мышей, это наш идальго. Отец Георгий был другим, словно и в мокром виде подскакивал, махая шпагой. Томас и Зверинцев — мыши в непромокаемых мешках, конечно, с дырочками.

Есть и особый подвид, который в Рипичипы не входит. Одни мокнут в неопишимо противной луже (если это «творцы», они или их друзья создают из этого культ). Другие пытаются стряхнуть мышиный облик, иногда о нем зная, иногда — нет. Может быть, и те и другие — просто существа, не ведающие, что они — мыши. Относятся они обычно к так называемым муравьедам, и на себя не оглядываются, занимаясь исправлением (или чаще наказанием) ближних.

Ну, что же, еще одна пропись о смирении, или блудном сыне, или трезвом взгляде на себя. Зачем я пишу ее, не знаю. Вчера зашла девушка неофитского вида. «Ах, вы *N. N.*? — спросила она. — Слышала вас по „Софии“. Вы говорили, что надо стремиться к успеху». — «???!» Ответ мой хорошо иллюстрировал бы «Шерамур», если бы загадочные уши встречались почаще. А жаль, ведь она сама — мыш из мышей, это видно сразу, но сколько ей всякого перелопатить, пока откроется проход не к «успеху», а к Рипичипу.

Прибавлю, что всегда Рипичипом не бывают. Только занесся — шмякаешься в воду. Верно и обратное: если знаешь, что мыш, ты будешь ею не постоянно. Вспомним строчку: «...за это бывает вознаграждение».

Г. К. Честертон

Ты появилась в светлом новом платье
Зеленовато-яблочного цвета,
Который, как и все цвета, идет
К каштановым и мягким волосам.

А я у Бога тихо попросил,
Чтоб Он, владыка времени, тебя
Позволил мне увидеть на земле
В серебряной короне седины,

В обличье немощи, в плаще бессилья
И в маскарадной маске увяданий,
Которую вот так же озарит
Сияние твоих бессмертных глаз.

5. Белое пятно

Много лет назад, больше сорока, я (наверное, впервые) читала Розанова и просто подскочила от «радости узнавания» из-за слов о Скалозубе: он неприятен тем, что «доволен в себе».

Трудно передать, как важно это свойство, и еще труднее его ощутить, если ты в себе доволен.

Все Евангелие насквозь Христос описывает его то так, то сак. Он вводит слово «лицемеры», которое Аверинцев не без оснований заменил на «лицедеи», он называет удивительно узнаваемые черты, особенно характерные для людей религиозных, — и ничего, словно этого нет. Помню, неопиты семидесятых солидно сообщали, что фарисеи были лучшими из всех. Тогда не совсем ясно, чего так волновался Христос, да и они не молчали, — но в том ли дело? Их надо было защитить, неосознанно защищая себя.

И вот, видишь верующих людей. Хорошо, если не у всех эта самая «сладкая клерикальная улыбка», чувство избранности, словно он (она) все время охорашивается. В отличие от тех, ветхозаветных, эти знают, что молитва фарисея не одобрена, и крутятся, кто как может. Однако суть все та же — упоение собой, уверенность в своей правоте. Это они говорят, что твои беды — дар Божий, и не выносят малейшего неудобства («возлагают бремена неудобноносные, а сами и пальцем...»). Христос сказал о каждой грани этого религиозного типа так, что лучше не скажешь, но все Его точнейшие метафоры и притчи, вся потрясающая 23 глава у Матфея — как будто их нет. Хвастовство и самодовольство, двойной счет, весь набор.

Считается неприличным это замечать. Конечно, прежде всего скажут: «Не судите», хотя это вообще о другом, не о самом человеке с его слабостью и нуждой в любви, а об особом способе эту слабость закрыть от себя и от других. С теми, кому этот способ причиняет боль, как-то опасно. Спасибо, если по отношению к ним не разыгрывается сюжет Евангелия. Нет, в отличие от Христа, они никак не

безгрешны, это ясно, но они на это и не претендуют, ощущая себя кем-то вроде блудного сына. И сколько раз за две тысячи лет повторялись сетования Христа! Но если ты сам не чувствуешь того, что так мучало Его, по этим повторениям скользнешь взглядом и пустишься обсуждать какие-то мелочи, которых иногда вообще нет в Евангелии. Столько всего наговорили и написали, а белое пятно остается белым пятном.

Фрэнсис Честертон
[акrostих, посвященный Дороти Коллинз]

Давней порой по городу мы шли,
Ошеломленно дивясь его красе,
Розы бросали к смиренным ногам святых.
Около Девы Марии, Самой святой,
Ты мне сказала: «Она смотрит на нас»,
И не ошиблась, Она смотрела на нас.

Колокола вызванивали «Анжелюс»,
Облако скрыло сияние куполов,
Легкая тень пригасила краски дворца.
Лики Пречистой Девы и святых
Истаивали светом иных миров,
Но материнского взгляда кротких глаз
Забыть не сможем вовеки ни ты, ни я.

6. Наша беда

Более или менее известно, что верующих людей не любят. Прежде чем соглашаться или удивляться, попробуем увидеть, что здесь подразумеваются два почти противоположных явления.

1) Человек, живущий как-то странно, естественно воспринимается как чужело. В лучшем случае за него просто боятся; или его стыдятся (и то, и это — обычно в семье); наконец, он задевает самую важную струну: это что же, он — хороший, а я — я! — плохой? Именно это имеется в виду, когда Христос говорит про меч. Этот меч — не в руке христианина, а в руке тех, к кому он послан без всяких мечей, как овца. Отсюда и крайне реалистичный стих «Я пришел разделить...». Так и бывает; если не видели в жизни, вспомните святых Феодосия, Франциска, Фому, Екатерину. Заметьте, не Варвару!

Дело в том, что родители названных святых были церковными людьми. Их именно и раздражало, что их идиоты навывдумывали всяких глупостей. Тут мы и перейдем ко второму явлению.

2) Совершенно другой вид нелюбви — к этим самым родителям. Легко ли видеть людей, живущих точно, как ты, и еще поджимающих губы: «Я — верующий!»? Нет, нелегко. Другое дело, что отрезать таких людей нельзя по условиям задачи, тем христианство и удивительно. Они тем и неправы, что совершенно упускают эту странность нашей веры и многие другие. А вот страдать от фарисейства — никто не запрещал. Уж на что Христос их бранит, но Он попросил простить их. Действительно, по-видимому, они не ведают, что творят. Ну, нет этих загадочных ушей и нет! Как будто нас сносит к тому виду веры, который непрестанно обличает Спаситель. Почему — есть разные ответы. Может быть, Его советы и впрямь «накладны», как говорил один священник. Но это — уже другая загадка или хотя бы тема.

Моя госпожа кадела зеленый каряд
И я впервые заметил красу лесов,
Листьев, трав, изумрудных вод
ветвей,
И золотистых зеленых легких птиц.

Моя госпожа кадела алый каряд,
И я узрел лепестки бессмертных роз,
Краски на угасающих небесах,
Искры перегоревшего огня.

Моя госпожа кадела синий каряд,
И я наконец догадалась, почему,
Когда Великий Пирткой шил для земли
Легкий зехол, он выбрал этот цвет.

Под сисомораи, хмурый, как адва
Сидел всепрезирающий мчарен
И говорил презрительно: "Этот мир -
Мыльный пузырь, больше ничего".

"Может, он и пузырь, мой старый хрыз, -
с кешкой угрилозью я ответил ему, -
может, пузырь. Но я увидел на нем
райскую радугу божьих цветов".

Наталья Леонидовна Трауберг

Елизаветинский переулок

Составитель: Мария Чепайтите

Дизайнер: Арина Журавлева

Выпускающий редактор: Петр Лезников

Корректоры: Алексей Белозеров, Валентина Кизило

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,86. Тираж 1500 экз. Заказ № 4404

ООО «Книжные мастерские»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

ООО «Мастерская „Сеанс“»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

+7 (812) 237-08-42

info@seance.ru

<http://seance.ru>

Отпечатано в ЗАО «Типография „Моби Дик“»

191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 44

+7 (812) 572-21-21

info@mobyprint.ru

<http://mobyprint.ru>

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

«Ёлочка»

СЕАНС №1С

кой был узор?

ГНОМ: К сожалению, пока не могу вам сказать. Кое-что дают цвета. Подумайте и о числах.

МЫ: Числа? Хм, хм... 20-е было, помнится. Какое-то число неинтересное, не то что...

ГНОМ: Все бы вам интересное! Мало вам, какой упупа великолепный! Каких тут еще разгадок? Кстати, упупа любит делящиеся на 5 числа.

МЫ: Я, Упупа, уже немного позабыл это ваше во кое, а потом вот тяпайся и вытаскивай то за мягенький хвостик цвета, то за числа такие выгнутые, или там еще вечернее небо в конце улиц.

ГНОМ: Будьте счастливы в своей берлоге!

20
воскресенье

Страница из семейного самиздата
В. Чепайтиса и Н. Трауберг

«ДОМАШНИЕ ТЕТРАДИ» НАТАЛЬИ ТРАУБЕРГ

Мария Чепайтите

Издательство «Ёлочка»

Наталья Леонидовна Трауберг много лет была известна только как переводчик с нескольких языков — как писатель она прославилась в последние годы жизни, когда начала публиковать свои мемуарные заметки, размышления и статьи. Из них она успела составить и выпустить только два сборника: «Невидимая кошка»¹ и «Сама жизнь»².

Немногие знали, что Наталья Леонидовна писала прозу и стихи в молодости, разве что узкий круг друзей и знакомых. В 1958 году она вышла замуж за переводчика Виргилиуса Чепайтиса, который был одержим идеей домашнего издательства, о чем вспоминает литовский поэт Томас Венцлова: «Чепайтис вообще писал тогда абсурдные пьесы, очень смешные. <...> В связи с этими его литературными подвигами организовалось домашнее издательство на русском языке у Наташи Трауберг и Чепайтиса на дому, которое называлось „Ёлочка“»³.

На самом деле только некоторые книжки этого семейного издательства были помечены маркой «Ёлочки». Друзья семьи вспоминают, что в 1959–1961 годах под этой маркой вышли переводы Борхеса и Честертона (перевод Н. Трауберг), пьеса Ионеско «Урок» (перевод Н. Трауберг, рисунки В. Чепайтиса), сборник стихов Т. Венцловы по-литовски и его же статья по-русски, книжка о йоге с рисунками В. Чепайтиса и еще несколько книжек. Остальные книги семейного издательства Чепайтисов выходили без марки или с маркой «ЧЕПГИЗ»⁴, и выпущено их было с 1958 по 1969 год около шестидесяти книжек, напечатанных под копирку в четырех экземплярах. Все они раздаривались близким друзьям, которые иногда давали их перепечатать, тогда семейные сочинения расходились шире, обсуждались в московских и вильнюсских кругах. Именно из-за пристрастия мужа печатать дома книжки Наталья Леонидовна и решила издать для узкого круга друзей

¹ Трауберг Н. Невидимая кошка. СПб.: Летний сад, 2006. — 304 с.

² Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. — 440 с.

³ Интервью Т. Венцловы 1983 года не опубликовано, выдержки печатаются с разрешения Т. Венцловы.

⁴ Чепайтис В. Некоторые проблемы славяно-балтийских связей в конце X–XI в. в свете новых находок в подвале здания общежития студентов литературного института имени горького союза советских писателей летом 1957 года и осуждение попыток неправильной оценки данных данных раскопок. Сдано в набор 23.IX.1958 г. Уч-издат. л. 1,58 + вкл. Издан. № 0003. Тираж 4 (четыре) экз. ЧЕПГИЗ. Типография им. И. Дроздова.

несколько своих сочинений. Быть может, она вообще не написала бы их, если бы не постоянный стук печатной машинки дома. Все ее книжки были раздарены, и, когда Наталья Леонидовна в 1969 году вернулась из Вильнюса в Москву, у нее не осталось ни одной. Но она спокойно приняла то, что все, написанное ею, утрачено, поскольку ни тогда, ни потом к своему творчеству серьезно не относилась.

Больше ничего, кроме предисловий, послесловий, словарных статей и биографий, до 1990-х годов Наталья Леонидовна не писала. Для самиздата она переводила любимых авторов: Честертона, Льюиса, Тагуэлла, книги которых нельзя было опубликовать в советских издательствах.

В последние годы жизни Натальи Леонидовны несколько книжек 1960-х годов, сохраненных друзьями, вернулись в семью. Она попросила свою дочь Марию перепечатать их, чтоб дать друзьям почитать. Так в 2008 году было возрождено домашнее издательство, вновь названное «Ёлочкой». Наталья Леонидовна уже тяжело болела, и издательство стало ее последним увлечением. Она тут же придумала вторую книжку, потом третью, четвертую... Поскольку в названии первого сборника было имя внука Матвея, последующие книжки получили названия, в которых упоминались другие потомки Натальи Леонидовны — Петр, Иаков, Лука, Елизавета. В возрожденном издательстве вышло одиннадцать книжек: мемуары, сборники переводов, произведения близких друзей. «Ёлочка» опять распространялась только среди своих, в ней была та независимость и скромность, которую всегда приветствовала Наталья Леонидовна. В «Иакове на Лукишках» она пишет: «Надо издавать что-то вроде самиздата, такие домашние книги. Прямая польза от них — та, что намного уменьшается сосредоточенность на себе <...> перевешивают свойства, связанные с самым лучшим, что есть в пенатах, семье, доме».

Комментарии к комментариям

В «Домашних тетрадах» Натальи Трауберг мы публикуем шесть ее книжек, которые были изданы в разные годы в самиздате.

Первые три из них написаны в 1960-х годах и изданы совместно с мужем, Виргилиусом Чепайтисом. Это стихотворный «Венок сонетов»⁵, посвященный рождению детей, повесть «Записки Панды»⁶, где описывается Москва конца 1950-х годов, и квазинаучный трактат *Summa Anthropologiae*⁷, в котором даются

⁵ Трауберг Н. Венок сонетов. Красная Пахра, 1961. — 19 с.

⁶ Трауберг Н. Записки Панды. М., 1961. — 50 с.

⁷ Трауберг Н. *Summa Anthropologiae*, или Матвеевский садик (*Hortulus Matthaei*). Вильнюс, 1968. — 35 с.

примеры деления людей на разные типы. Все эти три книжки были переизданы в 2008 году, причем сама Наталья Леонидовна снабдила сборник «Матвеевский садик»⁸, в который они вошли, своими комментариями.

Вторые три книжки собраны Натальей Леонидовной в 2008 году из статей и воспоминаний, эссе и заметок, не вошедших в прославившую ее книгу «Сама жизнь», и изданы вместе с дочерью Марией. Некоторые из этих текстов были опубликованы, некоторые написаны автором специально для домашнего издательства «Ёлочка». В сборниках тексты перемежаются отрывками из любимых авторов Натальи Леонидовны — о. Саймона Тагуэлла, Г. К. Честертона, Тимура Кибирова, П. Г. Вудхауза и других. Такую форму придумала сама автор, называя это «составлением букетов», — ей нравилось, как рядом стоящие тексты перекликаются и выделяют лучшее друг в друге. Книжка «Петровский парк»⁹ — это рассуждения о любви и браке, «Иаков на Лукишках»¹⁰ — рассказ о детстве Натальи Леонидовны в форме писем внукам, «Елизаветинский переулочек»¹¹ — статьи о прочитанных книгах, христианстве, кино, поездках и многом другом.

Читая эти шесть маленьких книжек Натальи Трауберг, читатель наверняка потребует комментариев. Как и во всех своих книгах, Наталья Леонидовна упоминает мельком невероятное количество имен, событий и фактов. Сама она не раз говорила, что ее сочинения — «густой суп, иногда протертый», разобраться в котором может только близкий человек, да и то заинтересованный. Но снова и снова в разговорах, очерках и статьях упоминала то, что, по ее мнению, знает каждый, — то есть то, что знала сама, а ее огромная и разносторонняя эрудиция удивляла всех. При этом собеседники и читатели становились поклонниками ее таланта не потому, что понимали, о ком или о чем она говорит и пишет, а, скорее, из-за неповторимой интонации, красоты слога, открытости и искренности Натальи Леонидовны.

Несколько человек, к которым комментаторы обращались за справками, в один голос заметили, что Наталья Леонидовна «всегда писала одну книгу», то есть если она какой-то сюжет из своей жизни подробно рассказала кому-либо, то в следующий раз она опиралась на уже рассказанное (увы, чаще всего неизвестное слушателю). Наверное, именно поэтому многие из читателей после выхода книги «Сама жизнь» спрашивали, нельзя ли написать к ней комментарии. На что Наталья Леонидовна резонно замечала, что тогда надо будет выпустить вторую книгу, потолще, и даже начинала писать их, и каждый раз сама запутывалась, не в силах разобраться, чего же еще может не знать потенциальный читатель. В этом издании мы попытались исполнить этот замысел, раз уж это всего лишь шесть

⁸ Трауберг Н. Матвеевский садик. М.: Ёлочка, 2008. — 144 с.

⁹ Трауберг Н. Петровский парк. М.: Ёлочка, 2008. — 57 с.

¹⁰ Трауберг Н. Иаков на Лукишках. М.: Ёлочка, 2008. — 82 с.

¹¹ Трауберг Н. Елизаветинский переулочек. М.: Ёлочка, 2008. — 68 с.

небольших книжек. Приступив к работе, мы сразу поняли, что это трудней, чем писать комментарии к «Самой жизни», — ведь эти шесть книжек были выпущены автором в самиздате, то есть предназначались для еще более узкого круга, чем, например, круг читателей «Невидимой кошки» (тираж 2000 экз.) и «Самой жизни» (тираж 10 000 экз.).

Поэтому нами были задуманы комментарии, которые не только объясняли бы непонятные широкому читателю места из сочинений Натальи Леонидовны, но и погружали его в мир ее знакомств, предпочтений и увлечений. Сама Наталья Леонидовна очень любила писать и читать комментарии и примечания, признавала их как отдельные жанры, и часто играла в «21» — кто назовет больше знакомых, или цитат, или фактов биографии на случайном развороте именного указателя. Поэтому, надеясь, что Наталья Леонидовна не одинока в своих пристрастиях, в конце мы даем именную указатель.

Комментарии к каждой книжке предваряют тексты, специально написанные для этого издания сыном Натальи Леонидовны Томасом Чепайтисом и ее близкими друзьями: Софьей Леонидовной Прокофьевой, Томасом Венцловой, Людмилой Евгеньевной Улицкой, Пранасом Моркусом и Николаем Всеволодовичем Котрелевым. Эти тексты познакомят читателя с теми, кто любил и ценил Наталью Леонидовну, а она отвечала им взаимностью.

Составляя комментарии к первым трем книжкам, мы хотели как можно шире показать те круги, в которых могли читать самиздатские произведения Натальи Трауберг в 1960-х годах, поэтому в них упоминается множество персоналий, не упомянутых в самих сочинениях. По возможности даны цитаты из высказываний самой Натальи Трауберг, где она уточняет контекст, или из воспоминаний о ней. Поскольку сама Наталья Леонидовна в 2008 году написала «необходимые пояснения» к своим сочинениям 1960-х годов, но, опять же, для круга своих близких друзей, нам пришлось написать и комментарии к ее пояснениям.

Комментарий к трем последним книжкам вроде бы более прост, поскольку многое объясняется в примечаниях к первым трем книгам. Но именно в «Иакове на Лукишках» Наталья Леонидовна публикует свои воспоминания о детстве, написанные в форме писем к внукам, поэтому в комментариях появляется мир ее родителей — отца, кинорежиссера Леонида Захаровича Трауберга, и матери — Веры Николаевны, воспитанной той же няней, что и Наталья Леонидовна. В комментариях к книжке «Петровский парк» мы пытаемся дополнить картину отношений Натальи Леонидовны с ее любимыми авторами, а к книжке «Елизаветинский переулок» — показать ее рабочую и общественную жизнь 1980-х–2000-х годов.

Мы попытались проиллюстрировать отношение Натальи Леонидовны ко множеству людей, авторов, персонажей книг, исторических событий и духовных явлений ее эпохи, пользуясь ее публикациями, публикациями о ней,

расшифровками ее выступлений и материалами из семейного архива. По нашему замыслу эти комментарии из цитат подбирались так, чтобы их можно было читать отдельно, как еще одну книжку. Мы намеренно не уточняли, кто все эти люди, которых мы показываем в свете отношений с Натальей Леонидовной, и надеемся, что читатель, заинтересовавшись, сам сможет найти их биографии. Прочитав саму Н. Т., написавшую в одном предисловии: «Очень трудно составлять *personalia*: скажем, Эйзенштейна знают все, кому придет в голову читать эту книжку; ну, а Гуковского или Фрейденберг?»¹², понадеемся, что читатель слышал обо всех троих, вспомним, что Наталья Леонидовна всех троих лично знала, и попробуем не пропустить никого, чтобы дать полную картину «мира Натальи Трауберг». Иногда покажется странным, что комментируется одно или другое имя, событие, явление, — предупреждаем, что это выбор комментаторов, старавшихся показать, что было важно для самой Натальи Леонидовны.

Перед тем как перейти к комментариям, мы предлагаем читателю оду, написанную близким другом Натальи Леонидовны, Владимиром Андреевичем Успенским. Эта прекрасная, но загадочная «Ода на совместное с Натальей Леонидовной Трауберг посещение известной лекции в Политехническом музее 11 января 1962 года» сопровождается не менее загадочными затекстовыми примечаниями, написанными тогда же, в 1962 году, и новым комментарием к «Оде...» и затекстовыми примечаниями, которые написаны Владимиром Андреевичем специально для этого издания.

Благодарим за помощь в работе над этой книгой Любовь Юрьевну Аркус, Алексея Сергеевича Белозерова, Томаса Венцлову, Ирину Анатольевну Гусеву, Екатерину Михайловну Доброхотову-Майкову, Арину Алексеевну Журавлеву, Наталью Юрьевну Ковалеву, Галину Петровну Корнилову, Николая Всеволодовича Котрелева, Петра Алексеевича Лезникова, Пранаса Моркуса, Григория Моисеевича Натапова, Александру Питчер, Анну Константиновну Поливанову, Софью Леонидовну Прокофьеву, Ирину Александровну Спицыну, Юрия Михайловича Табака, Владимира Андреевича Успенского, Томаса Чепайтиса, Татьяну Фоминичну Чудотворцеву, Далию Эпштейн. Особо благодарим за неоценимый вклад Светлану Михайловну Панич и Бориса Владимировича Дубина.

В оформлении издания использованы фотографии, любезно предоставленные Е. Ю. Агафоновым, В. И. Кейданом, Г. П. Корниловой, семьей Котрелевых, М. А. Кузьменко, Т. Л. Миловидовой, П. Моркусом, семьей Муравьевых, М. М. Поливановой, М. Н. Томашевской, В. А. Успенским, архивом ПСТГУ.

---

¹² Трауберг Н. Честертон в России. URL: <http://www.chesterton.ru/about-gkc/0013.html>

Я сублимировал, хоть знал я,
Что бесполезно, что вообще
Мне тронуть одой Вас, Наталья,
Питаться было бы вотще:

Зане мои писанья втуне,
Они совсем не нужны Вам,
Сменившей на Марьяну Бруни
Мой неустанный фамилам.

Хоть жизнь и может быть дискретна,
Но истина — увы! — конкретна.

(Сочинена II—I5 января 1962 г.)

Примечания.

1. На тему "Жизнь и мышление как особые формы существования материи".
2. Как заметил еще Б. Н. Бугаев "Рвутся струны страстных арф".
3. Ср. "Бурбон... И — рой матрон "могёрых"" у Б. Н. Бугаева.
4. К составленному Н. Трауберг списку Ани В. Успенским были добавлены Анна Бoleyи, Анита Экберг и — ошибочно — Жанна д'Арк.
5. "Аа" в "Гаазе" — всего лишь транслитерация продолжительного (но односложного) звука "а"; ср. в эстонском: "Сааремаа".
6. О них см. у Б. Н. Бугаева ("О, эти розовые феи!.. О, эти, голубые!.. Инь: — красножилотие лакеи играют всером афин").
7. Н. Л. Трауберг по этому поводу записала: "Приятно смотреть на старинные, красивые лица лингвисток. Сидят, важно кивают в такт лекции. В них — густой привкус 60-х (тех) годов. Одни — как тогдашние красавицы — лица тёмные, строгие, по канонам тех лет, "но функции курсисток" (В. Усп-кио)". То, что в оде не используется напрашивавшаяся рифма "лингвистки—курсистки" показывает, что автор не гонится за рифмой ради рифмы, но стремится выразить определенное содержание. О количестве информации, заключённом в рифмах, см. ниже, в 55-х—56-х строках оды.

ОДА, ЗАТЕКСТОВЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИЙ К НИМ

Владимир Успенский

Предупреждение. Ода перепечатана 3 января 1985 года в Комаровке (на машинке «Олимпия») по настоянию Владимира Михайловича Тихомирова, потребовавшего от автора выполнения обещания. При перепечатке обнаружилось, что большинство ассоциаций и аллюзий, связанных почти с каждой строкой оды и примечаний к ней, безвозвратно утеряны (даже для автора), и только машина времени, которая бы перенесла читателя на без года четверть века назад, могла бы их восстановить. Впрочем, и в те легендарные времена смысл, по-видимому, был полностью внятен только автору и адресату (Н. Л. Трауберг), так что упомянутая машина должна была бы ещё втиснуть читателя в шкуру в душу названных лиц.

Ода на совместное с Натальей Леонидовной Трауберг посещение известной лекции^I в Политехническом музее 11 января 1962 года

Наша жизнь подобна арфе,
Две струны у арфы той^{II}:
На одной играет счастье,
Любовь играет на другой.
Из Мишеля Поливанова

Предавшая единый жребий
И стебли лебединых лир.
Из Бенедикта Лившица

Подобная двуструнной арфе, —
Материя! — ты жизнь и мысль!
...Введенская Никита в шарфе,
Надетом вместо коромысл.

Толпа. И — «Лишних нет билетов?»^{III},
И много Анн^{IV}, и много морд,
И восседает в эполетах
Полковник Гаазе^V-Раппопорт;

И Татя Т., и гномы, феи,
И вся Москва, и круг наш весь
(Красножилетые лакеи^{VI},
Вас только не хватает здесь).

Ягломы делятся на сцене;
Курсистки с видом светских дам^{VII}
(Моих татических прозрений
Я вам, о дамы, не отдам).

Но гаснет свет. Кобольд^{VIII} колдует
(В нём есть татизм! в нём есть татизм!),
Из мглы космической^{IX} он дует,
Вдувает в нас рационализм.

Уничтожая грани между,
Уничижая род людской,
Отняв надежду у невежды
На обладание душой,

Приводит он к душевным травмам...
Вопрос: а как же быть с душой? —
Вопрос татически оправдан^X;
Но это ведь вопрос большой.

И потому, уйдя от споров,
В ладонях грея тихий культ^{XI},
Мы слушаем, как Колмогоров
Упоминает Инфизкульт^{XII},

Как защищает Полетайва,
Который (не без эполет^{XIII})
В портфеле носит том Цветайвой
— Так тайно носят амулет,

Так тайно носят крест нательный
(Хотя ношение креста,
Есть акт, как учат нас, бесцельный,
Его, зная, носят неспроста),

Так тайно ходят на крестины,
Так тайно курят, бьют детей,
Так тайно хитрые машины
Таят сознание от людей^{xiv};

Так тайны мира скрыты в моли,
Почуявшей другую моль:
Телепатическое поле
Они соткут^{xv} усилием воли;

Так можно говорить быстрее,
Чем поспевают мысль и смысл...
— Так становился мир острее^{xvi},
Разложенный в цепочку числ;

Так логарифмы, алгоритмы
Слетали в зал с листов таблиц
И увеличивали рифмы
Число двоичных единиц^{xvii};

Так в циркуляцию информации
Укладывалось бытие —
И визионера дивинации^{xviii},
И облигации рантье;

Так начинал, как зуб, ломаться
Наш добрый пиквиковский мир;
Так совершалась сублимация
И, совершившись, шла в эфир.

Я сублимировал, хоть знал я,
Что бесполезно, что вообще
Мне тронуть одой Вас, Наталья,
Пытаться было бы вотще:

Зане мои писанья втуне,
Они совсем не нужны Вам,
Сменившей на Марьяну Бруни
Мой неустанный фимиам.

Хоть жизнь и может быть дискретна,
Но истина — увь! — конкретна.

(Сочинена 11–15 января 1962 года.)

- ^I На тему «Жизнь и мышление как особые формы существования материи».
- ^{II} Как заметил ещё Б. Н. Бугаев, «рвутся струны страстных арф».
- ^{III} Ср. у Б. Н. Бугаева: «Бурбон... И — рой матрон „мегёрых“».
- ^{IV} К составленному Н. Трауберг списку Анн В. Успенским были добавлены Анна Болейн, Анита Экберг и — ошибочно — Жанна д'Арк.
- ^V «Аа» в «Гаазе» — всего лишь транслитерация продолжительного (но односложного) звука «а»; ср. в эстонском: «Сааремаа».
- ^{VI} О них см. у Б. Н. Бугаева: «О, эти розовые феи!.. О, эти, голубые!.. Ишь: — красножилетные лакеи играют веером афиш».
- ^{VII} Н. Л. Трауберг по этому поводу записала: «Приятно смотреть на старинные, красивые лица лингвисток. Сидят, важно кивают в такт лекции. В них — густой привкус 60-х (тех) годов. Они — как тогдашние красавицы — лица тёмные, строгие, по канонам тех лет, „но функции курсисток“ (В. Усп-кис)». То, что в оде не используется напрашивающаяся рифма «лингвистики — курсистки», показывает, что автор не гонится за рифмой ради рифмы, но стремится выразить определённое содержание. О количестве информации, заключённом в рифмах, см. ниже, в 55–56 строках оды.
- ^{VIII} На самом деле не кобóльд, а кобóльд^{XIX}, но это, во-первых, не важно, а, во-вторых, означает, что в Политехническом музее был именно кобóльд, а не кобóльд^{XX}.
- ^{IX} О космической мгле см. опять же у Б. Н. Бугаева («Над мглой космической он пел, развив власы и выгнув выю, что парадоксами Максвелл уничтожает энтропию». Упоминание энтропии делается в свете последних изысканий особенно актуальным).
- ^X Ср. у Б. Н. Бугаева: «Вопрос гностически не труден».
- ^{XI} Ср. у Б. Н. Бугаева: «Приподымая громкий культ».
- ^{XII} В связи с А. Кондратовым.
- ^{XIII} Я знал его ещё майором; 6 апреля 1961 года — день, на который делается ссылка, — он был уже полковником (хотя и произведённым позже, нежели М. Г. Гаазе-Раппопорт); сейчас он штатский.
- ^{XIV} Какая страшная и вместе с тем правдоподобная мысль! Фраза «бьют детей» усиливает мрачную напряжённость. Впрочем, «тайно... таят» явно неудачно^{XXI}.
- ^{XV} Поле, конечно, можно ткать, как паутину, — особенно поле, возникающее при наложении и взаимодействии (переплетении) двух полей (как, возможно, в случае двух молей). Тут нужно различить основу и уток (надо бы тем самым проиерархировать поля, разделив их на доминантные и рецессивные, как гены^{XXII}),

и такие сотканые (*sic!*) поля различаются не только цветом^{xxiii}, но и системой переплетения (взаимодействием между основой и утком^{xxiv}). Так возникает геометрия полей, в отличие от их хроматографии. Сферы с ручками (см. «Жизнеописание Томаса-Тристрамаса») имеют к этому непосредственное отношение.

^{xvi} Ср. у Б. Н. Бугаева: «Мир — рвался в опытах Кюри».

^{xvii} Ср. у Н. С. Гумилёва: «И ласкали плечи дамам, улыбаясь и играя».

^{xviii} См. об этом у Б. Л. Пастернака.

^{xix} Отсюда «кóбальт».

^{xx} Цитирую по «Энциклопедическому словарю» издания Брокгауза и Ефрона (отнюдь не по «Новому энциклопедическому словарю» издания Акционерного общества «Издательское дело бывшее Брокгауз — Ефрон»): «К. называются собственно лишь духи домашнего очага, прибол. соответствующие русским домовым; иногда это же название применяется к горным духам. К. приписывается подшучивание над людьми, они постоянно возятся и шумят».

^{xxi} Ср. «случился случай раз, случившийся случайно».

^{xxii} А тут уже всплывают хромосомы, и лекция И. Е. Тамма, и ДНК.

^{xxiii} Интересно, кстати, какого цвета поле моли^{xxv}.

^{xxiv} «Ткацкими переплетениями называются различные способы соединения нитей основы с нитями утка...» (Н. Ф. Бавструк «Курс ткацких переплетений», Изд-во «Искусство», М., 1951; стр. 3).

^{xxv} Не нафталинового ли?

(Закончены составлением 18 января 1962 года.)

На последней странице машинописной копии, послужившей оригиналом для данной перепечатки, в правом нижнем углу рукописная дата «22/I 1962».

Комментарий к «Оде» и к затекстовым примечаниям к ней

Наталью Леонидовну Трауберг многие — в том числе и я, да и она сама — называли Натали. «Божественная Натали» — так, в глаза и за глаза, называл Наталью Леонидовну Томас Венцлова. Соглашаясь с эпитетом «божественная», я всё же почти никогда с этим эпитетом её не называл, а довольно быстро стал называть детским именем *Татя*¹. В устном и письменном общении со мною она тоже называла себя Татей.

---

¹ Здесь и в дальнейшем курсивом выделяются слова и имена, встречающиеся в «Оде», а также в примечаниях к ней и в преамбуле к сделанной в 1985 году её перепечатке, которые прямо или косвенно комментируются в настоящем «Комментарии». — *Примеч. авт.*

Познакомился же я с божественной Натали на знаменитой защите Вячеславом Всеволодовичем (Жомой) Ива́новым кандидатской диссертации о хеттской клинописи, состоявшейся 24 мая 1955 года на Учёном совете Филологического факультета Московского университета по адресу Моховая, 11². Красивая молодая женщина с тонкими манерами робко жалась к стене. Мы обменялись несколькими репликами.

Через какое-то время, длительность коего мне затруднительно сейчас оценить, это мимолётное знакомство было закреплено совместным пребыванием в гостях у общих друзей — Кати Малаховской и Коли Томашевского. Они сравнительно недавно перебрались из Ленинграда в Москву и, не имея постоянного жилья, снимали в то время дачу в Серебряном бору. Когда мы со Светланой³ туда приехали, оказалось, что там уже находится ещё одна гостья, а именно — Наташа Трауберг (тогда ещё не Натали и тем более не Татя). Всего за столом сидело пять человек, Наташа была моей соседкой справа. Тут произошло событие, оставившее след в памяти присутствовавших и значительно продвинувшее моё сближение с Наташей. В ходе застолья Катя вдруг сказала мне: «Да вы посмотрите, какие у неё жёлтые штанишки» — и, перегнувшись через меня, задрала Наташину серую юбку. Штанишки действительно были жёлты и достойны внимания. Ведь советская лёгкая промышленность производила в то время женское бельё настолько уродливое, что, по слухам, какой-то обласканный здесь визитёр вывез к себе во Францию коллекцию такого белья и устроил там выставку. Основным видом нижнего в обоих смыслах женского белья были панталоны с резинкой под коленкой. Наташины штанишки отличались а) необычным цветом; б) изяществом вязки трикотажа; в) правильной геометрической формой: плотно и равномерно обтягивая бедро, недлинная штанина, казалось, не сужалась книзу и не расширялась кверху (каковы сужение и расширение были характерны для аналогичных советских изделий). Столь подробное описание, делаемое сейчас, через без малого шестьдесят лет, показывает, что Катин расчёт на моё

---

² Защита имела большой резонанс, поскольку диссертация была признана Учёным советом достойной докторской степени. По процедурным правилам того времени в таких случаях Совет должен был испрашивать у Высшей аттестационной комиссии (ВАК) разрешения поставить на защиту на другом заседании ту же диссертацию как докторскую. Разрешение было получено, и в том же 1955 году состоялась повторная, уже докторская защита. На ней Учёный совет присудил Иванову учёную степень доктора филологических наук, а более точно — ходатайствовал перед ВАКом о присуждении таковой. После чего диссертацию мурыжили в ВАКе несколько лет, в течение коих не выдавали Иванову ни докторского, ни кандидатского диплома. В конце концов диссертацию в ВАКе благополучно потеряли, а Иванову выдали в утешение диплом кандидата филологических наук (доктором он стал много позже, защитив другую диссертацию).

³ Это моя жена (1930–1980). Катя (Екатерина Брониславовна) и Коля (Николай Борисович), собственно, первоначально были её друзьями, а потом уже стали и моими.

шоковое впечатление оказался верным. Но главное было в другом, в вызвавшей мои уважение и восхищение реакции Наташи. Наташа оставалась невозмутимой. Она не пыталась одёрнуть юбку и вообще не изменила позы, а как ни в чём не бывало продолжила светскую беседу.

С того момента наши отношения стали достаточно близкими и совершенно доверительными. Помню, я повёл её в гости к моему другу Мише Поливанову⁴. По дороге она сказала, что хочет пи-пи.

Мы зашли в неосвещённый двор, и я отвёл её в укромный уголок. Сам же, удалившись в другой угол двора, где мною были обнаружены сложенные листы железа, стал на них с шумом мочиться — дабы создать максимальный звук и тем самым отвлечь от писающей Натали эвентуальных свидетелей (каковых, впрочем, не оказалось). До самого последнего времени я гордился рыцарственностью своего поведения. С печалью узнал я на днях, что сама Наталья Леонидовна моё шумное мочеиспускание истолковала как желание её испытать, проверить реакцию. Такое мнение она в своё время высказала в своих устных воспоминаниях, надиктованных ею на магнитофон Юрию Михайловичу Табаку⁵. Впрочем, в тех же воспоминаниях она, дав понять, что испытание выдержала (поскольку, как она сообщила собеседнику, не реагировала никак), прибавила: «и мы уже не разлучались»; эта прибавка несколько уменьшила мою печаль.

Мария, старшая из двух младших сестёр Миши, после смерти своих и Мишиных родителей употребляла выражение «Миша Поливанов раз». На мой вопрос, что это значит, последовало такое разъяснение: «Когда пересчитывают интеллигентных людей Москвы, то начинают так: „Миша Поливанов — раз“».

Автор этих строк очень не любит слово «интеллигентный». Однако избежать его в этом «Комментарии» совсем было бы затруднительно. Приходится смириться с этим малоприятным словом. Смирившись же, скажу, что в конце 1950-х и начале 1960-х годов я взял за обыкновение брать с собою Татю-Натали на различные «интеллигентные» мероприятия. (Это если сказать грубо. А если сказать куртуазно, Натали оказывала мне честь, соглашаясь сопутствовать мне.) Визит к Поливанову был одним из первых в череде таких мероприятий.

---

⁴ Михаил Константинович Поливанов (1930–1992). С ним я был знаком с довоенных ещё времён. За глаза его нередко называли *Мишелем*, под каковым именем он и упоминается в «Оде» в качестве автора одного из эпиграфов.

⁵ Магнитофонная запись была сделана около 2005 года. Однако при сделанной через пять лет попытке её расшифровать звук оказался весьма невнятным. Так, Андрей Белый превратился при расшифровке в загадочную «Анну Бельмиш», а фраза «Фармацевт седая, в буклях» — в «Фармацевт сидает в будках». Тем не менее отдельные фрагменты удалось восстановить достаточно удовлетворительно.

В памяти сохранились ещё пять совместных посещений: лекции Тамма о молекулярной генетике, трёх лекций Колмогорова⁶ по теории стиха, лекции Колмогорова в Политехническом музее.

Однако прежде всего надо упомянуть о появлениях Наташи Трауберг на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании», проводившемся на Филологическом факультете Московского университета. Этот семинар учредили Иванов и я⁷. Его первое занятие состоялось 24 сентября 1956 года.

Столь длинное и довольно неуклюжее название семинара, сохранившееся до сих пор, было вынуждено обстоятельствами того времени. Дело в том, что в 1956 году сказать прямо «математическая лингвистика» было ещё нельзя, математическая лингвистика была в статусе «так называемой». В числе посетителей семинара была и Наташа Трауберг. Обычно она появлялась так. Примерно через четверть часа после начала в аудиторию входил какой-нибудь незнакомец, приносивший мне от неё записку с мольбой о помощи. Я выходил на лестницу, спускался с третьего этажа и на лестничной площадке между первым и вторым этажами заставлял рыдающую Натали. Там находился пост вахтёра, и вахтёр её не пускал. Теоретически проход на Филологический факультет предполагал предъявление служебного удостоверения, студенческого билета или пропуска, однако в действительности эти документы редко с кого требовали. Натали задерживали едва ли не всегда. При взгляде на неё, в чёрных перчатках выше локтя, трудно было предположить, что она идёт в МГУ с дурными намерениями, однако остановить такую даму и вызвать у неё истерику — это было удовольствие, которое вахтёр не мог упустить. Первый раз она пришла в длинных перчатках без моего влияния, но в дальнейшем я просил её приходить в них всегда, просил с целью поддержать возвышенно-светский уровень семинара. *Курсистки с видом светских дам*, сказано в «Оде». Хотя это сказано не про Натали, а про других слушательниц лекции Колмогорова (и про них же слова самой Натали в затекстовом примечании VII), но всё же, всё же...

---

⁶ Андрей Николаевич Колмогоров (25 (12) апреля 1903 года — 20 октября 1987 года) — великий учёный России — наряду с Ломоносовым, Менделеевым и, может быть, Александром Леонидовичем (не путать с Николаем Прокопьевичем, академиком АН СССР) Чижевским. (Больше великих учёных в России не было: скажем, Лобачевский и Павлов были, соответственно, великим геометром и великим физиологом и, конечно, относились к разряду учёных, но великими учёными я бы их не назвал — так же как поэта и великого баснописца Крылова не назвал бы великим поэтом.)

⁷ В Университете в это время мы оба были ассистентами (он — Филологического, я — Механико-математического факультета) и тем самым слишком «маленькими», чтобы самостоятельно открыть новый семинар, да ещё на столь вызывающую (по тем временам!) тему. Поэтому в качестве «прикрытия» мы пригласили профессора Филологического факультета Петра Саввича Кузнецова — замечательного лингвиста и замечательного человека, друга детства Колмогорова.

О лекции Тамма, упоминаемой в примечании XXII к «Оде», мало что помню. Она проходила во второй половине 1950-х годов в одной из больших, амфитеатром, аудиторий старого здания Университета на Моховой. Кажется, на ней присутствовал генетик Н. П. Дубинин. Поражала она тем, что «подпольные» слова «ген», «хромосома», «ДНК» открыто звучали с трибуны. Из неопубликованных, но записанных на плёнку магнитофона воспоминаний Натальи Леонидовны: «Очень приятно было, что мы пошли на лекцию Тамма о ДНК, и он потом преподнёс мне стихи. Читали стихи». Упоминаемый в цитате «он» — это не Игорь Евгеньевич Тамм, а я. Что до стихов, то имеется в виду написанная мною в 1957 году «Поэма о ДНК», заканчивающаяся так:

Разевай бесстыжий рот!
Получай дезоксирибо-
Нуклеиновых кислот!⁸

И семинар НПММвЯ, и генетическая лекция Тамма, и «политехническая» лекция Колмогорова происходили во время так называемой хрущёвской оттепели. Атмосфера этого периода была наэлектризована в интеллектуальном и в эмоциональном отношениях. Перечисленные события невозможно правильно оценить без учёта специфики этой атмосферы. Ведь только что ничего было нельзя. Не будем касаться сферы литературы и искусства, в которой запретным было почти всё сколько-нибудь подлинно современное. Ограничимся наукой. Здесь «нельзя» относилось к объявленным идеологически вредными и одновременно лженаучными кибернетике⁹, молекулярной генетике, теории резонанса в химии. Была попытка запретить квантовую механику и теорию относительности с их принципами неопределённости и относительности, более чем подозрительными с точки зрения правящего «диалектического материализма», но, к огорчению советских философов, оказалось, что эти буржуйские теории нужны для создания атомной бомбы. Автор этих строк наблюдал начальные попытки запретить некоторые математические теории, но математика оказалась слишком непонятной и потому устояла. И вдруг умирает диктатор, и кое-что становится можно. Это «можно» поначалу было очень дозированным. Я бы сравнил ситуацию с убийственно душной комнатой, где в стенах в нескольких местах внезапно провертели дырочки и через них снаружи с силой дунули струйки

---

⁸ «Фармацевт» из сноски 5 — из этой поэмы. Полностью поэму можно прочесть в книге 4 «Филология» второго издания моих «Трудов по нематематике» на стр. 52–53.

⁹ Вот, например, заголовок одной из статей в «Литературной газете» от 5 апреля 1952 года: «Кибернетика — „наука“ мракобесов».

свежего воздуха. Те, кто нуждался в таком воздухе¹⁰, устремились к этим струйкам и прильнули к ним. Быть в числе прильнувших сделалось модным.

Первые струйки появились в кибернетике. «Дырочки» были пробиты военными, от инженер-лейтенанта до полковника-инженера, — теми, кто работал над созданием военной техники, отвечающей вызовам времени. По меньшей мере троих из них следует здесь назвать (кстати, все трое посещали те или иные лекции и семинары Колмогорова). Это Анатолий Иванович Китов, Игорь Андреевич *Полетаев* и Модест Георгиевич *Газе-Раппопорт*.

Первый из них разделяет с Алексеем Андреевичем Ляпуновым титул отца советской кибернетики¹¹. Второй — автор знаменитой научно-популярной книги «Сигнал», первой отечественной книги, посвящённой кибернетике. Полетаев был широко образован, говорил на трёх основных европейских языках, читал на итальянском и польском, имел познания в литературе и искусстве. Помню, что вид упоминаемого в «Оде» *тома Цветаевой* в портфеле человека в погонах произвёл на меня в своё время большое впечатление, так как противоречил моему предвзятому — и уже тем самым несправедливому — мнению о сочетаемости погон и высокой поэзии¹². От каких нападков *защищал*, согласно «Оде», Полетаева Колмогоров, уже не помню. Третий, Газе-Раппопорт, автор книги «Автоматы и живые организмы» (1961), был в то время неперенным посетителем и участником всех кибернетических мероприятий.

Надо сказать, что Колмогоров решительно поддержал ростки кибернетики в СССР и лично написал статью «Кибернетика» для дополнительного, 51 тома третьего издания Большой советской энциклопедии (том подписан к печати 28 апреля 1958 года). Кроме того, он сделал несколько резонансных выступлений на эту тему. Так, 6 апреля 1961 года состоялся его доклад «Автоматы и жизнь» на Механико-математическом факультете МГУ, ввиду обилия слушателей перенесённый в университетский Дом культуры. А 5 января 1962 года Центральный дом литераторов пожелал обсудить названный доклад; по-видимому, в представлении литераторов автоматы плохо сочетались с жизнью, поэтому в отпечатанных в типографии «Литературной газеты» приглашениях колмогоровский доклад был назван так: «Автоматика и жизнь». Приведу автоцитату:

---

¹⁰ Оказалось, кстати, что нуждались далеко не все. За время существования в духоте большинство к ней привыкло.

¹¹ Именно Китов был инициатором (и единоличным автором первого, рукописного варианта) знаменитой статьи трёх авторов, опубликованной в «Вопросах философии», после которой запрет на кибернетику был снят: [академик] *Соболев С. Л., Китов А. И., Ляпунов А. А.* Основные черты кибернетики // Вопросы философии. 1955. № 4.

¹² Хорошо помню Евгения Борисовича Пастернака в погонах майора танковых войск. Но тогда меня удивили скорее погоны, нежели литературные интересы.

11 января 1962 года, московский Политехнический музей. Лекция Колмогорова «Жизнь и мышление как особые формы существования материи». У входа — толпа спрашивающих лишний билет. Слушатели не помещаются в зале, и часть из них сидит на сцене. Всё это напоминает известное по описаниям и фотографиям выступление Маяковского в том же зале.

22 апреля 1964 года, актовый зал МГУ на Ленинских горах. Лекция Колмогорова «Кибернетика в изучении жизни и мышления». Полуторатысячный зал переполнен. Огромные двустворчатые двери запираются, и толпа ломится в них снаружи. Для неё устраивается трансляция в фойе. Затаив дыхание, слушатели впитывают слова о возможности инопланетной разумной жизни, реализованной в виде распластавшейся на камнях плесени.

В шестидесятые годы в России кибернетика была существенной частью общекультурного фона. Заметную роль здесь сыграли публичные выступления Колмогорова¹³.

Колмогоровские выступления вызывали ажиотаж. Ажиотаж объяснялся тем, что вот было нельзя и вдруг стало можно.

Однако вступление слишком затянулось. Пора переходить к пословному комментированию, пропуская уже прокомментированное выше.

Напомню, что лекция в Политехническом была 11 января 1962 года. Я начал писать «Оду» в тот же день и 15-го её закончил. 18-го закончил составление примечаний, необходимость в которых понял уже тогда. 22-го напечатал на машинке и отправился снежным вечером из дачного посёлка Переделкино, где я тогда жил у друзей, в пристанционный посёлок, чтобы отправить пять страниц машинописного текста заказным письмом Наталье Леонидовне на её московский адрес. Лет этак через двадцать я прочёл оду *Владимиру Михайловичу Тихомирову*, любимейшему ученику Колмогорова. По его настоянию 3 января 1985 года «Ода» была перепечатана в *Комаровке* на машинке «*Олимпия*». Комаровка — маленькая подмосковная деревня на берегу Клязьмы между станциями Болшево и Тарасовка (поезда в какие-то станции расходились в Мытищах); в Комаровке находилась дача Колмогорова, бывшая для него основным местом обитания (в Москву он приезжал лишь по необходимости). «Олимпия» была той пишущей машинкой, на которой печатал Колмогоров.

Подобная двуструнной арфе... Для целей настоящего издания текст «Оды» был подвергнут сканированию с распознаванием. При этом случились некоторые искажения. Так, в первой строке первой строфы слово «двуструнной»

---

¹³ Успенский В. А. Труды по нематематике. 2-е изд. Кн. 4: Филология. М.: ОГИ; Фонд «Математические этюды», 2012. — Стр. 128.

превратилось в «двустопной». Восстановить истину я попросил Марию Чепайтите. Она выполнила просьбу, но была разочарована. Вот что она написала в ответном письме: «Ого! Потрясающе, а я думала — как красиво и витиевато. Двуструнная — это как у всех». Красивость и витиеватость пришлось принести в жертву ради переключки с эпиграфом из Поливанова.

Введенская Никита [Дмитриевна] — математик, посетительница выставок, кинопросмотров, публичных лекций.

Толпа. И — «*Лишних нет билетов?*»... Ощущение было, что билеты спрашивают чуть ли не от метро. «В Политехнический! В Политехнический! <...> Милиционеры свистят панически. Кому там хнычется?! В Политехнический!» (Андрей Вознесенский).

Татья Т... Следовало бы вставить тире и многоточие: «И — Татьяна Т...», потому что очевидно влияние строки из «Первого свидания» (из какового — большинство цитат в примечаниях к «Оде»): «И — Алексей Сергеич П-овский...». Влияние этой гениальной поэмы сказывается не только здесь, а во всём тексте «Оды». Описание посещения автором «Оды» лекции Колмогорова в московском Политехническом музее эмоционально и ритмически отсылает читателя к сделанному в 3 главе «Первого свидания» описанию посещения автором поэмы симфонического концерта в московском Благородном собрании.

Гномы и феи составляли важную часть того мира, в котором обитала Татьяна.

Ягломы — гомозиготные (однойцовые) близнецы Акива (Кика) и Исаак (Ися) Моисеевичи, математики, посетители выставок, кинопросмотров, публичных лекций. Роберт Адольфович Минлос посвятил свою замечательную поэму «Ягломы всей Москвы» обобщённым Ягломам. Из неё две цитаты. Первая:

Кто бдительно стоит на страже
Изо-пластических искусств? —
Отчёт о каждом вернисаже
Из их всегда услышишь уст.

И вторая, прямо относящаяся к той колмогоровской лекции, которой посвящена «Ода»:

Когда отечественный гений
С Политехнических высот
Поток высоких озарений
В наш слабый ум бесстрашно льёт,
<...>

Пред ним, сражённые, как громом,
В благоговейной тишине
В каком-то странном полусне
Сидят Ягломы за Ягломом!

На лекции Колмогорова в Политехническом музее братьям Ягломам не было места в зале, и они сели прямо на сцену (*Ягломы делятся на сцене*). ...Колмогоров / упоминает *Инфизкульт*... Институт физкультуры Колмогоров упоминал в связи с тем, что его окончил Александр Михайлович Кондратов, одно время сотрудничавший с Колмогоровым в проводимых последним исследованиях стихотворных ритмов и даже ставший колмогоровским соавтором по статье «Ритмика поэмы Маяковского» («Вопросы языкознания». 1962. № 3)¹⁴. Википедия даёт Кондратову такую дефиницию: советский и российский лингвист, биолог, журналист и поэт. Кондратов, которого я немного знал, был ярким и разносторонним человеком. Интернет содержит о нём много заслуживающих внимания сведений. Кондратов вызывал у Колмогорова некоторое раздражение своей излишней расторопностью. На одной из своих публичных лекций в Актовом зале Главного здания МГУ Колмогоров неодобрительно промышчал примерно следующее: «Ну, вот Кондратов, он печатается как-то уж сразу во всех журналах», — и полагал, видимо, что этим он Кондратова сразил. Эффект действительно был сильный, но в точности обратный: в перерыве можно было наблюдать выстроившуюся перед Кондратовым очередь из редакторов тех журналов, в которых он ещё не напечатался. И впрямь, более авторитетной рекламы нельзя было и вообразить!¹⁵

¹⁴ Колмогоров прекратил сотрудничество, когда обнаружил у Кондратова недопустимые, с колмогоровской точки зрения, небрежность, неточность и безответственность в статистических подсчётах. Колмогоров всегда (иногда слишком) доверял собеседнику, и ему в голову не приходило, что представленные ему цифры могут быть недостоверными.

¹⁵ Этот эпизод остро напоминает восхождение Игоря Северянина к его всероссийской славе, увенчавшееся избранием его 27 февраля 1918 года «королём поэтов» в том же самом Политехническом музее. Как известно, Северянин за свой счёт издавал свои стихи небольшими брошюрами и рассылал эти брошюры по редакциям. Там их воспринимали как графоманию и бросали в корзину. Так продолжалось до января 1910 года, когда Иван Федорович Наживин во время своего визита в Ясную Поляну прочёл Толстому стихи из одной из таких брошюр. Услышав «Хабанеру II» («Вонзите штопор в упругость пробки, — / И взоры женщин не будут робки!..»), Толстой был возмущён: «Чем занимаются!.. Это литература? Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки!» На железнодорожной станции Козлова Засека на всякого, вернувшегося из Ясной Поляны, набрасывались журналисты. Наживин рассказал им о реакции Толстого на стихи некоего Северянина. На следующий день это было

В портфеле носит том Цветайвой... Полагаю, что имеется в виду сборник Цветаевой «Избранное», выпущенный в 1961 году издательством «Художественная литература». Это было первым изданием Цветаевой в СССР после 1920-х годов, и оно сразу стало редкостью. Вскоре после выхода сборника в свет Полетаев приоткрыл свой портфель и показал мне том в его полутёмных недрах. Полетаевым двигала двойная гордость — счастливого обладателя и человека приобщённого; книга Цветаевой была знаком приобщённости. Как у всех выходящих в СССР книг, в выходных данных этого издания имелась надлежащая пометка о цензурном разрешении. Тем не менее Цветаева была явно не тем поэтом, которого надлежало читать советскому офицеру. Советскому офицеру полагалось читать стихи в том жанре, в каком писал, до встречи с Мастером, Иван Бездомный. Содержимое портфеля Полетаева не понравилось бы политотделу той воинской части, где он служил, и хозяин портфеля был бы поставлен под негласное наблюдение компетентных органов. Поэтому Полетаев присутствие названного тома в своём портфеле не афишировал (*так тайно носят*). Разумеется, Колмогоров защищал Полетаева не за чтение Цветаевой, а за его высказывания в пользу кибернетики.

Так тайно носят крест нательный... В наши дни, в XXI веке, когда нательный крест многими носится напоказ, а то и вовсе поверх одежды, эта фраза может показаться непонятной. Разъяснение даётся ниже.

...ношение креста, / Есть акт, как учат нас, бесцельный. В 1959 году «Основы научного атеизма» были введены в программы вузов СССР в качестве обязательного курса¹⁶. Разумеется, с точки зрения ортодоксального атеизма ношение креста является бесцельным, в то смысле, что — с указанной точки зрения — оно не может, как и любое религиозное действие, приводить к каким-либо последствиям (разве что, в советское время, к политическим репрессиям в отношении носителя креста)¹⁷.

опубликовано в газетах. Тексты Северянина тут же были затребованы редакциями и немедленно опубликованы. Так началась слава. Северянину было тогда 22 года.

¹⁶ После падения советской власти кафедры научного атеизма были переименованы в кафедры религиоведения, и те же их сотрудники, которые учили, что Бога нет, стали преподавать основы религий.

¹⁷ В среде математиков бытует исторический анекдот, что официальное учение об отсутствии связи между религиозными действиями и реальными событиями помогло в трудной ситуации одному из самых выдающихся отечественных математиков Александру Яковлевичу Хинчину (1894–1959). В 1930-е годы его пригласили прочесть лекцию по теории вероятностей в одну из военных академий. После лекции ему был задан провокационный вопрос: вот, де, товарищ лектор, вы нам тут толковали о независимых событиях, а марксизм-ленинизм учит, что всё в природе диалектически взаимосвязано. Хинчин нашёлся. Вы же не будете отрицать, сказал он, что есть ещё отсталые крестьяне, которые верят в Бога. Вот такие крестьяне организовали

Так тайно ходят на крестины... В советское время не только прямое проявление религиозности (такое, как, скажем, *ношение креста*), но и любая форма солидарности с нею (например, присутствие на крестинах) могло повлечь серьёзные неприятности со стороны властей. Дело в том, что господствующая в СССР идеология была, по существу, религией и потому с нетерпимостью относилась к существованию другой религии на своей «канонической территории»¹⁸.

Так тайны мира скрыты в моли, / Почуявшей другую моль: / Телепатическое поле / Они соткут усилием воль... Лекция Колмогорова содержала такой пассаж. Моль может чувствовать другую моль на большом расстоянии — настолько большим, что объяснить феромонами появление связи между молями делается затруднительным.

...Так становился мир острее, / Разложенный в цепочку числ... Кибернетический подход, развиваемый Колмогоровым, предполагал возможность оцифровки если не всего и вся, то многого.

И увеличивали рифмы / Число двоичных единиц... В целях изучения текстов, в том числе поэтических, с точки зрения теории информации, эти тексты

молебн о дожде. И случилось так, что на следующий день пошёл дождь. Могло такое случиться? Могло. Как вы считаете, дождь был связан с молебном или произошёл независимо?

¹⁸ Религиозный характер господствующей идеологии хорошо иллюстрируется рассказом протоиерея Михаила Ардова из его книги «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни»:

Много лет тому назад в Ярославле произошла забавная история. Некий чудаковатый батюшка пошёл в день выборов отдать свой голос. Он был в облачении и при нём был прислужник в стихаре. Прежде чем получить бюллетень, батюшка окропил урну и всё вокруг святой водой.

Члены избирательной комиссии буквально зашлись от гнева:

— Вы нам тут всё осквернили!

(Реплика, не оставляющая никаких сомнений в том, что выборы в те времена были отнюдь не формальностью, а носили ритуальный, идолослужебный характер.)

Священника этого немедленно вызвали к уполномоченному, и он навсегда был лишён регистрации. Когда я служил в Ярославской епархии, я его видел — места ему так и не дали, и он кормился тем, что нелегально крестил детей в частных домах.

Тому, что «атеистический марксизм» по существу является некоей «псевдорелигией», можно привести великое множество свидетельств. Ну, например, такое. В Московском университете на Механико-математическом факультете преподаватель марксистской философии однажды обратился к своим студентам со следующими словами укоризны: — Вот вы все тут комсомольцы... А вот была недавно Пасха, так каждый из вас наверняка и крашеные яйца ел, и кулича попробовал...

С точки зрения этого «марксиста», потребляя то, что освящено в Церкви, комсомолец «оскверняется».

кодируются в двоичном коде, то есть записываются в виде цепочек нулей и единиц. Различные характеристики текстов, в частности рифмовка, отражаются при таком кодировании в виде свойств указанных цепочек, то есть в конечном счёте в виде расположения нулей и единиц в цепочках. Утверждение, что наличие рифм приводит к увеличению числа единиц, представляет собой поэтическую вольность, допущенную автором «Оды».

...Сменившей на Марьяну Бруни / Мой неустанный фимиам. Я ревновал Натали к её приятельницам¹⁹. В конце 1950-х годов Натали сблизилась с Марьяной Бруни²⁰ и часто о ней говорила.

Хоть жизнь и может быть дискретна... Колмогоров настойчиво отстаивал идею о возможности существования полноценной жизни, с наличием у нее сознания, мышления, эмоций, на дискретной основе.

К примечанию XV. ...«Жизнеописание Томаса Тристрамаса»... Имеется в виду Томас Чепайтис²¹. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена. Вильнюс: Домашнее изд-во В. Чепайтиса и Н. Трауберг, 1960. — 130 с. — Тираж 1 экз.

К примечанию XVIII. «Визьонера дивинация» — сказано в стихотворении «Кремль в бурян конца 1918 года». Помнится, при первом чтении это словосочетание казалось мне привлекательно загадочным и непонятным.

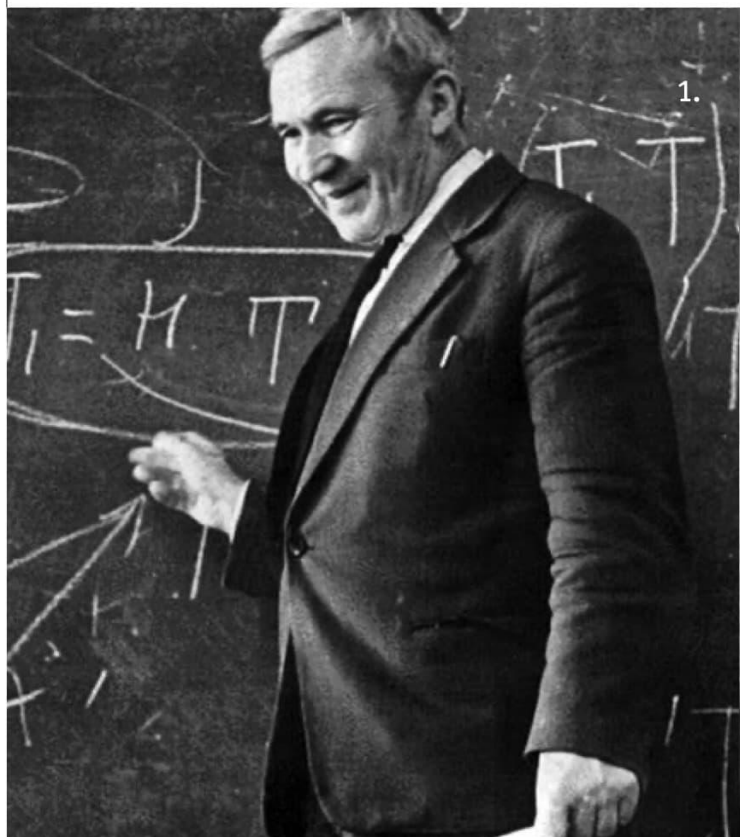
---

¹⁹ Полагаю, что имел на это некоторые основания. Излагаемая ниже ситуация была довольно типичной. Мы со Светланой приглашаем Натали в гости в согласованный с нею день и в согласованное время. Светлана готовится к приёму, накрывает стол. Через час после того, как назначенное время прихода Натали истекло, а она не пришла, я ей звоню (ей не приходит в голову позвонить нам). «Ах, Успенский, — говорит Татя, — ко мне пришла Ангелиночка [имя условное]. Она такая несчастная. Он её бросил. Она рыдает». Во мне всё кипит, хотя, наверное, в том, что Натали нарушает договоренность ради утешения Ангелиночки, она проявляет своё отсутствующее у меня христианство.

²⁰ Внучка Бальмонта Марьяна Бруни родилась 20 марта 1940 года. Она — шестая из семи детей Льва Александровича Бруни и Нины Константиновны Бальмонт. См. о ней статью: Афанасьева Г. «Жизнь без начала и конца: нас всех подстерегает случай...» Потомки Бруни и Бальмонта на литовской земле // Янтарный мост. Международный журнал. 2012. № 2 (6). URL: http://amberbridge.org/userfiles/file/amberjournal/issue6/rus/life_without_start_and_finish.pdf

²¹ Томас Чепайтис — сын Натали, родившийся 5 июня 1959 года. Его отец Виргилиус Чепайтис называл его Тристрамас.

1. А. Колмогоров 2. Р. Минлос и Н. Трауберг, 1974
3. В. Успенский и М. Поливанов. Москва, 1951

Томас Тристрамас ЧЕПАЙТИС

Наталья ЧЕПАЙТЕНЕ

Мария Францишка ЧЕПАЙТИТЕ

Монярым
Декчлован —

Чепарисы

(279. павашение
М.Н.В. -сн. тилие)

18 / IV - 61

В Е Н О К
С О Н В Т О В

ТЕТРАДЬ №1. ВЕНОК СОНЕТОВ

Предисловие к сонетам

Томас Тристрамас Чепайтис

Ну, и что же написать к таким прекрасным сонетам? Пусть лучше они будут без *предисловия*. Они сами ведь как предисловие к нашей с сестрой жизни. Но *научная заметка* тут возможна.

В моей жизни после написания сонетов многое было связано с указанными в них местами и ситуациями. В упомянутой жизни я многое ощущал именно так, как описано в сонетах. Значит ли это, что видение мира и даже судьба надиктовываются нам родителями? А как же изменившийся мир, поколение, новая среда, свободная воля, наконец?

Ведь что греха таить, многие поймут сонеты как *игру*, легко и опрометчиво разгадав, что их все написала наша *Матушка*, в придачу к данным нам ими с *Батюшкой* именам.

Прекрасно помню это качание в уютном комоде и синий воздух соснового бора и тогда, и сейчас. Надеюсь вернуться к этому и после т. наз. смерти. Тут, при жизни, у нас в мире люди чем учнее, тем больше сосредоточены на своих «первых *сознательных* воспоминаниях»; таковое есть и у меня — это крабы на дне ручья в Крыму. Но как плоско оно по сравнению с музыкой, светом и ритмом того покачивания, по терминологии — *бессознательного знания*. Тут ученые, как им свойственно, опять обманули нас. Может быть, сознания в их понимании там и немного, но есть какая-то другая сверхреальная константа. От «уткнулся», «уют», а позже «утраты» назову ее «утсознанием». Тут и уточка, любимый мною зверек.

Совесь (так переводится на русский «сознание») собирает вас, как щепоть, утсознание — проводит пальцем ангела по ладошке ребенка.

Ведь они — матушки наши и батюшки — *ждут* нас. Матушка *вслушивалась* в комод, беседовала (не сама же с собой!), *догадывалась*, кто там, о чем скворчит. Ей было любопытно и нежно. А там были мы — веселые авторы сонетов. Так завязывалась на чувствительном уровне интерактивная беседа в свете последних решений Евросоюза.

И если мир сей успел утомить нас и порой кажется дурным сном, то в мире *чреватом*, мире ожидания, упования и надежды — который можно чувствовать и здесь, он ровно тот же, только мы глядим по-другому — и после разрешения от бремени продолжается эта работа *Natalie'рования*, как маленький свет дома в сосновом бору, который всегда с нами, когда того захотим.

Вот мой скромный вклад в пренатальную психологию. Да осветит он тернистый путь дельцов от невропатологии матери и друга ее — ребенка.

Комментарий к книге Натальи Трауберг «Венок сонетов»

Машинописную книжку «Венок сонетов» сохранил Пранас Моркус и подарил в 2007 году дочери автора, Марии Чепайтите. Повторно книжка издана в 2008 году в домашнем издательстве «Ёлочка», в сборнике «Матвеевский садик» к 80-летию автора. Тираж «Матвеевского садика» 19 экз.

«Венок сонетов» написан для домашнего самиздата летом 1961 года, в Красной Пахре, где Наталья Трауберг (1928–2009) и Виргилиус-Юозас Чепайтис (род. 1937) снимали дачу с двумя маленькими детьми — сыну Томасу было два года, дочери Марии — полгода. Сонеты написаны от имени Натальи Трауберг и ее детей:

«Предродовые сонеты» и «Сонеты Фране» — от имени Томаса Тристрамаса Чепайтиса.

Томаса (род.1959) крестили именем Тристрамас 23 августа 1959 года в католическом храме св. Микалоюса (св. Николая) в Вильнюсе.

«Объясняющие сонеты» — от имени Наталии Чепайтене.

Чепайтене — литовская форма фамилии замужней женщины, жены Чепайтиса. На самом деле Наталья Трауберг не брала фамилию мужа, оставила девичью.

«Историко-биографические сонеты» — от имени Марии Пранцишки Чепайтите.

Марию (род.1961) крестили именем Пранцишка (Франциска) 4 июня 1961 года в католическом храме св. Оны (св. Анны) в Вильнюсе. Чепайтите — литовская форма девичьей фамилии, дочка Чепайтиса.

Для удобства читателей мы переносим в комментарии «необходимые пояснения» Н. Трауберг, написанные в 2008 году для сборника «Матвеевский садик», выделяя их как прямую речь.

Посвящение: «Молодым Венцловам — Чепайтисы» — Н. Т.: «Молодые Венцловы — Томас Венцлова и Марина Кедрова».

Н. Т. познакомилась с Томасом Венцловой (род. 1937) в гостях у Ирины Игнатъевны Муравьевой и Григория Соломоновича Померанца в Зачатьевском переулке в 1958 году и до конца жизни дружила с ним. В 1966 году они вместе поехали в Кяэрику на симпозиум по семиотике (см. *Summa Anthropologiae*), в 1977-м Томас Венцлова эмигрировал в США. В издательстве «Ёлочка», возрожденном в 2008 году, Н. Т. мечтала выпустить сборник писем и открыток, присланных ей Томасом Венцловой в период с 1977 по 1988 год, когда он находился в эмиграции. Этот сборник вышел в «Ёлочке» под названием «Божественная Натали,» в 2010 году, после смерти Н. Т.

Н. Т. о Томасе Венцлове: «Тем же летом [1958] мы познакомились с очень молодым, двадцатилетним Томасом. Вместе с Пранасом Моркусом и Юозасом Тумялисом мы сидели в крохотном кафе, которое местные *highbrow*, из них же

первый — Томас, называли „Стойлом Пегаса“. С тех пор мы почти не расставались до моего возвращения в Москву (1969), но я и потом часто ездила туда, он — сюда. Когда в начале 1977-го Томас уехал (все мы более или менее понимали, что навсегда), наши письма и открытки исчислялись сотнями, пока он не явился против всякой надежды — кажется, на Сахаровский конгресс¹. «Недавно в газете <...> писали, что йельские студенты ввели в язык глагол *to vencrow* — бродить, глядя вверх или вдаль, и тому подобное. Таким он был с юности. Я очень хорошо помню, как, выскочив из „Неринги“ или другого кафе, посреди проспекта <...> он становился на мостовой, вскидывал руку со знаком *victoria* и громко читал стихи. Но гораздо чаще он сидел и разговаривал.

Может быть, он и лорд Эмсворт [персонаж П. Г. Вудхауза], но разум у него совершенно другой, по-томистски ясный, и пишет он не смутную „прозу поэта“, а очень нужные статьи, где с доминиканской точностью говорит о главных ересьях Литвы и Москвы»².

Марина Михайловна Кедрова (род. 1935) — жена Томаса Венцловы (1961–1965), впоследствии Дунаева.

Стр. 2 — Фото: Томас Тристрамас Чепайтис, Наталья Трауберг, Виргилиус-Юозас Чепайтис. Москва, 1960. Квартира на Страстном бульваре, 2.

Стр. 3 — *Тристрамас* — Н. Т.: «Так называл сына В., поскольку, когда ждали Т., читали „Тристрама Шенди“. Когда ждали второго, В. говорил: „А может, назовем его Перегринас?“, поскольку читал „Пегрина Пикля“».

В 1960 году Виргилиус Чепайтис и Н. Т. писали книгу «Томас Чепайтис. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена», которую Виргилиус иллюстрировал собственными рисунками (выполненными в оригинальной технике — рисунок через цветную копирку) и приклеенными фотографиями, вырезками из советских и польских газет и журналов. Т. Венцлова: «Шейди — поскольку девичья фамилия матери Виргилиуса — Шаджите, и *shady* (англ.) — „сомнительный“, „жуликоватый“³». Книга была сохранена В. А. Успенским и возвращена Марии Чепайтите в 2009 году, после смерти Н. Т. Две страницы книги опубликованы в данном издании (см. тетрадь «Записки Панды», стр. 15, 31).

Стр. 4 — *В Серебряном бору...* — Н. Т.: «Н. и В. снимали там в мае 1959 года деревянный домик, только въезжаешь в Серебряный бор, слева. Хозяйка — Зина».

Стр. 4 — *...запретили ночевать на даче...* — врачи запретили Н. Т. жить на даче в связи с осложнениями беременности.

¹ Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. Стр. 371.

² Там же. Стр. 372.

³ Письмо Т. Венцловы М. Чепайтите, 2013.

- Стр. 4 — ...*в коммунальной квартире <...> на большой подмосковной станции <...> в комфортабельной хозяйкиной квартире...* — перечисление жилья, которое снимала Н. Т. до брака и вместе с Виргилиусом Чепайтисом, чтобы не жить с родителями (см. стр. 103 наст. изд.).
- Стр. 4 — *Батюшка ехал в Москву...* — Виргилиус-Юозас Чепайтис (Батюшка) приехал в Москву в 1954 году, поступил в МГУ, был исключен, поскольку заблуждался про учебу, увлекшись московскими знакомствами. После этого работал переводчиком и журналистом в газете «Комьяунио тиеса» («Комсомольская правда») в Вильнюсе, в 1956 году по направлению Союза писателей ЛитССР поступил в московский Литературный институт им. А. М. Горького на переводческое отделение.
- Стр. 4 — ...*уверенный в поддержке гномов...* — «гномами» в семье Н. Т. и В. Чепайтиса назывались логически необъяснимые совпадения, доказывающие существование нематериального мира.
- Стр. 4 — ...*мы вошли в Алисину норку...* — Алиса из повести Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» (см. тетрадь «Иаков на Лукишках», стр. 15–17).
- Стр. 6 — ...*в консультацию...* — Н. Т.: «женская консультация в Бобровом переулке».
- Стр. 6 — ...*длинные лиловые штаны...* — Н. Т.: «женское нижнее белье, панталоны из трикотажа ядовито-сиреневого цвета, давшие термин „лиловые“ тем, кто их носит. „Лиловело“ — говорила Ирина Игнатьевна Муравьева, видя таких дам».
- Н. Т. познакомилась с Ириной Игнатьевной Муравьевой (1920–1959) в 1955 году, когда та была замужем за Елеазаром Моисеевичем Мелетинским, дружила с ней до ее кончины.
- Н. Т. об Ирине Игнатьевне: «Для меня она какое-то солнце. Отчасти она была мне мама, отчасти очень любимая тетя. Простая, веселая, живая, с каким-то истинным аристократизмом. <...> Я была просто в полном упоении от общения с ней. Сперва я приходила на Чаплыгина, на Чистые пруды. И потом мы все расходились на трамваи, на троллейбусы. А затем, когда Ира разошлась с Мелетинским, то приходила на Первый Зачатьевский, к ней и Грише Померанцу»⁴.
- Дома у И. И. Муравьевой Н. Т. подружилась с ее сыновьями — Владимиром Сергеевичем и Леонидом Сергеевичем Муравьевыми и новым для Н. Т. кругом московской интеллигенции (см. стр. 34 наст. изд.).
- Стр. 6 — ... *упупой* — Н. Т.: «*Урира ерорс* — латинское название удода, так В. называл (чтоб было непонятно) Т. в утробе».
- Стр. 7 — ...*разговор о «родителях, причинивших жизнь»*. — Н. Т.: «В период между 13 октября и 31 января 1959 года Н. подслушала разговор своей матери

⁴ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг. 2004–2005. Семейный архив.

Веры Николаевны Трауберг (Жак — домашнее прозвище), и Владимира Андреевича Успенского. Они говорили о том, как „опрометчиво причинять человеку жизнь“. Н. расстроилась».

Вера Николаевна Трауберг (урожд. Ланде-Безверхова, 1901–1998), мать Н. Т., родилась в Одессе в семье русского чиновника. В 1919 году вышла замуж за архитектора А. В. Куровского, посаженным отцом на венчании был И. А. Бунин. Года через два разошлась с мужем и переехала в Петербург. Была танцовщицей, актрисой немого кино; в 1927 году вышла замуж за режиссера Л. З. Трауберга, родила ему единственную дочь — Н. Т. и прожила с ним всю его жизнь. Ставила танцы в картинах мужа и других фильмах, оформляла книги в ленфильмовском издательстве. Во времена процветания мужа радовалась появившейся возможности вести светскую жизнь, во времена борьбы с космополитизмом, когда Трауберг был отстранен от кинопроизводства, делала абажуры на продажу. В 1953 году переехала с семьей в Москву. По свидетельствам современников, отличалась категоричностью, повышенным чувством семейной чести и огромной ответственностью за семью. С дочерью конфликтовала из-за полной несхожести характеров и разных мировоззрений, внуков очень любила. По воспоминаниям родственников, домашнее прозвище *Jacque* (Жак) дала Вере Николаевне сама Н. Т., прочитав книгу Альфонса Доде «Малыш», где младший брат говорит старшему: «Ты настоящая мама, Жак». В конце жизни В. Н. Трауберг жила с дочерью, внучкой и правнуками.

Одна из историй Н. Т. о маме: «Когда мне было двадцать пять лет и мы первую зиму жили в Москве, моя бедная мама решила взяться за дело. Еще в Питере, смущенная тем, что я не могу или не хочу отъесть голову у шоколадного зайца, она срочно вызвала психиатра, и они порешили на том, что я в раннем детстве упала с качелей. Тут пошли беды, скажем — космополитизм, и стало не до того. А в 1953–1954-м, на радостях, в Москве, мама снова за меня принялась.

Каким-то чудом ей удалось зазвать домой Вольфа Мессинга. Узнав, что я много плачу, боюсь советской власти и верю в Бога, не говоря уж о зайцах с головами, он долго сидел и смотрел, а я отчаянно молилась. Потом он сказал примерно так:

— Во-первых, я ничего сделать не могу. Во-вторых, если бы кто и сделал, было бы гораздо хуже. Не бойтесь, все будет хорошо.

И быстро удалился, оставив маму в крайнем удивлении»⁵.

Н. Т. познакомилась с Владимиром Андреевичем Успенским (род. 1930) на защите первой кандидатской диссертации В. В. Иванова (Комы) (см. В. Успенский. Комментарий к «Оде» и затекстовым примечаниям к оной. Стр. 13–14 наст. изд.).

---

⁵ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 25.

Н. Т.: «В 1954 году, в мае, была защита Комина, которую мы почему-то считали просто освобождением крестьян. Если Кома дадут докторскую, то это победа, победившая мир»⁶. О знакомстве с В. А. Успенским: «Я действительно очень подружилась с ним. Это едва ли не самый первый был такой московский детский друг. А я очень стремилась ко всему детскому. Такой уютнейший друг <...> он и до сих пор такой. Я его очень люблю. И рада, что могли вырасти такие несоветские люди... Мы беспрерывно играли, играем и сейчас. Успенский и Татя. Меня вообще-то называли Натали. Но самое детское имя было Татя, Успенский вцепился в него и так меня называл. А я его по фамилии — Успенский»⁷.

Стр. 7 — *Может быть, тут вылезают из сумки...* — В семье любили сравнивать беременность с карманом сумчатых — коалы и кенгуру.

Стр. 7 — *...тяжелые розы и ежевику у маяка...* — Н. Т.: «поездка Н. и В. на Вьянтес Рагас (мыс на Куршском заливе) в августе 1958 года».

...тяжелые розы <...> декабрьский пунш... — ссылка на стихи О. Э. Мандельштама.

Стр. 7 — *жидкий шоколад* — Н. Т.: «сгущенное какао в банках».

Стр. 8 — *роддом им. Крупской* — Н. Т.: «роддом № 6 им. Н. К. Крупской, 2-я Миусская, д. 1/10».

Стр. 8 — *бобрицы* — Н. Т.: «Термин ввел В., обозначает тех, кто по М. Хайдеггеру называются *das Man* и делают то, что положено делать (бобрам положено строить хатку)».

Упомянутые в сочинениях Н. Т. «Венок сонетов» и «Записки Панды» бобры воплощают обывательский, прагматичный, трезвый подход к жизни, противопоставляются идеалистам и мечтателям — друзьям семьи Чепайтисов. Друзья, в свою очередь, стали употреблять этот термин, например Т. Венцлова пишет Н. Т. в 1978 году: «Человек слаб, хотя и бобр по природе»⁸.

Стр. 8 — *иогически* — Н. Т.: «В 1959 году В. выпустил книжку „Личная гигиена йога“ (издательство „Ёлочка“). Там были картинки, например, как йог ползет кишечник в бассейне. Читатели верили, что это правда, даже Г. С. Померанц. Книга заканчивалась такими словами: „Если ближе 9 миль находится человеческое жилье, все предыдущее отменяется“».

Стр. 8 — *...прямой кишки...* — Н. Т.: «сначала в сонете было „толстой кишки“. В. был в ужасе, что Н. не знала, где толстая, а где прямая».

⁶ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

⁷ Там же.

⁸ Венцлова Т. Божественная Натали. М.: Ёлочка. 2010. Стр. 33.

1. В. Трауберг с дочкой. Ленинград, 1939 2. Л. Трауберг с дочкой. Ленинград, 1932
3. На съемках фильма «Юность Максима», Ленинград, 1934

Стр. 10 — ...умные разговоры с Гришей. — Н. Т.: «Григорий Соломонович Померанц».

Н. Т. о первом знакомстве с Г. С. Померанцем (1918–2013): «Люба позвала меня к себе. И я там увидела Гришу Померанца, Зорю Мелетинского, Изю Фильштинского, Илью Шмаина, Кузьму, и, может быть, даже Женю Федорова <...> и вот так вот вся эта банда вошла в мою жизнь»⁹. «Смело предположу, что пели „По тундре...“ и еще что-нибудь в этом духе, их всегда пели с той поры»¹⁰.

У Любови Рафаиловны Кабо (1917–2007) из лагеря вернулся брат, и поэтому у нее собирались бывшие лагерники: посаженные за организацию кружка Анатолий Иванович Бахтырев по прозвищу «Кузьма» (1928–1968), Евгений Борисович Федоров (род. 1929) и Илья Хананович Шмаин (1930–2005). Их арестовали по одному и тому же делу в 1948-м, в 1954 году они вернулись в Москву. Григорий Соломонович Померанц, Исаак Моисеевич Фильштинский (род. 1918) и Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005) до войны закончили ИФЛИ, после войны были посажены по разным статьям, попали в один лагерь на лесозаготовки. Освобождены тоже в 1954 году.

И. И. Муравьева, подруга Н. Т., вышла замуж за Г. С. Померанца в 1956 году. Ее внук, Алексей Владимирович Муравьев (род. 1969) пишет о приезде Н. Т. в Москву: «Бегство от морока, сначала в книги, потом к людям стало для нее поиском истины. И она бежала, переходила от одной формы хронотопа к другой. Московский первый период был прологом, переходом в дальнейшую ипостась, от туманно ощущаемого „зова истины“ к ее опытному принятию. В просоветской столице СССР она умудрилась (сработала интеллигентская корпоративность) найти особый новомосковский дух — открытости, западничества, свободы. Именно в московских кружках 1950–60-х годов сложилась ее особая культурная манера, внутренняя складка. Тогда среди людей, вернувшихся из лагерей и ссылок, таких, как Г. Померанц, И. Муравьева, Г. Лесскис, Е. Мелетинский, Е. Федоров, Кузьма, И. Шмаин, и более молодого поколения, перенимавшего их опыт, у Трауберг появилась твердость и чувство движения „против течения“. В этих кругах именно русская поэзия стала главным кодом: Ахматова, Гумилев и Мандельштам, „самый для меня важный“, были паролем и отзывом»¹¹.

Стр. 10 — ...по маленькой, прибранной берлоге... — Свои многочисленные съемные квартиры Н. Т. и Виргилиус называли «берлогами».

Стр. 10 — внезапная подсказка гномов — Н. Т.: «гномами назывались промыслительные совпадения».

⁹ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

¹⁰ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 273.

¹¹ Муравьев А. Последний хранитель печати // Портал-Credo.Ru. 2009. 3 апр.

Стр. 11 — ...Франциском... — святой Франциск Ассизский.

Н. Т. пересказывала друзьям «Цветочки» — предания XIV века о св. Франциске, когда они еще не были переведены на русский, в 1963 году перевела для самиздата трактат Г. К. Честертона «Франциск Ассизский» (*St. Francis of Assisi*).

Марина Григорьевна Глазова (см. стр. 73–74 наст. изд.), подруга Н. Т., написала в 1981 году стихи «Натали»: «Расскажи мне теперь о Джотто. / И о миллом, добром Франциске. / Давай вместе посмотрим книжки — / как ему отвечают птички, / и возьмем из его ладоней / его тихую радость миру. / Вот уж сколько веков исчезло, / а он все еще утешает! / Велика же сила молитвы! / И цветет Золотое Небо <...>»¹², которые точно передают рассказы Н. Т. о св. Франциске.

Стр. 12 — Фото: Томас Тристрамас Чепайтис, Наталья Трауберг. Вильнюс, 1961. Съемка в день крещения Марии Пранцишки. Фотографа пригласили в гостиницу «Неринга», где снимали номер Л. З. и В. Н. Трауберги.

Стр. 14 — *Свифтический* — в начале 1960-х годов друг Н. Т., В. С. Муравьев, увлекался Дж. Свифтом, писал книгу о нем¹³.

Стр. 14 — ...холинским улицам... — Н. Т.: «Игорь Сергеевич Холин».

По воспоминаниям Николая Всеволодовича Котрелева (род. 1941), он и другие друзья Н. Т. — В. С. и Л. С. Муравьевы, Л. Е. Пинский, А. И. Гинзбург, ездили в конце 1950-х годов по воскресеньям в Лианозово к художнику О. Рабину, где бывали поэты Игорь Сергеевич Холин (1920–1999) и Г. Сапгир.

Н. Т.: «А вот кружок поэтов, который собирался у Пинского (их, кажется, называют лианозовцами), знала гораздо меньше. Мне просто становилось худо от стихов Холина. Конечно, это мой недостаток, и все-таки „барачного реализма“ хватало в самой жизни»¹⁴.

Стр. 14 — ...под честертоновским небом... — Н. Т. читала романы, рассказы и эссе Гилберта Кийта Честертона с юности, поскольку писателя очень любил ее отец. Л. З. Трауберг в 1923 году даже написал предисловие к роману Честертон «Человек, который был Четвергом»¹⁵.

Н. Т.: «Начну с того, что строчки честертоновских стихов впервые услышала дома, в раннем детстве. Мама и папа любили песенку про вегетарианца из „Перелетного кабака“ и даже иногда называли друг друга „Шом“ и „Рери“. Конечно, любили они ее в переводе Николая Чуковского, хотя папа английский знал»¹⁶.

¹² Глазова М. Натали // Глазова М. Разделение океаном. М.: Литературно-художественное агентство «ТОЗА», 1991. Стр. 66–67.

¹³ Муравьев В. Джонатан Свифт. М.: Просвещение, 1968.

¹⁴ Колымагин Б. Всегда ли побеждает побежденный? Интервью с Н. Трауберг (Литературная газета. 2000. 26 апр.) // Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 416.

¹⁵ Маликова М. «Скетч по кошмару Честертон» и культурная ситуация нэпа // НЛЮ. 2006. № 78.

¹⁶ Трауберг Н. Честертон в России. URL: <http://www.gilbertchesterton.ru/tip-ar-aaa-826/>

С восемнадцати лет Н. Т. начала читать книги Г. К. Честертона на английском: «В 1946-м я взяла в Публичке честертоновское „Возвращение Дон Кихота“ и совершенно влюбилась и в эту книгу, и в ее автора. Мне тогда было восемнадцать лет, и я дружила с одним мальчиком, теперь он уважаемый профессор, ученик Ольги Михайловны Фрейденберг. Так вот, мы с ним играли в героев Честертона. Мы договорились, что он — Майкл Херн, а я — Оливия, барышня такая кисейная с любовью к старине. Я обожала Средневековье, собиралась быть медиевисткой, а он занимался античностью и культурой майя. Мы тогда по-настоящему полюбили Честертона, но совершенно не понимали, что он христианский писатель. Его книги помогли мне пережить постановление Жданова. Я помню, как плакала, прочитав газету с текстом постановления, но через день успокоилась, потому что мы снова играли в „Дон Кихота“. В то время атмосфера в Питере была какая-то оксфордско-сорбоннская. Было такое ощущение, что весь кошмар происходит где-то далеко»¹⁷.

Ученик Ольги Михайловны Фрейденберг (1890–1955) — Ростислав Васильевич Кинжалов (1920–2006).

В конце 1950-х годов Н. Т. стала переводить для самиздата эссе: «До тех пор я переводила только для издательств. А тут перевела для „души“ эссе „Кусочек мела“, „Радостный ангел“ и несколько отрывков. С этого дня я взяла за правило переводить 25 эссе в год. И так было до конца шестидесятых годов»¹⁸. Впервые эссе Г. К. Честертона в переводе Н. Т. были опубликованы в журнале «Наука и жизнь»¹⁹.

Александр Николаевич Архангельский (род. 1962) о переводах Н. Т.: «То, что делала тогда Н. Л. Трауберг, не вполне верно называть переводом; скорее уж это переложения в том давнем, пушкинском, смысле. Как „переводчик“ Жуковский в XIX столетии, по существу, „учил говорить“ русскую лирику, так „переводчица“ Н. Л. Трауберг учила говорить племя христианизирующихся интеллигентов. Говорить — и писать. Честертоновской ласково-усмешливой (а иногда и холодно-твердой) интонации было найдено единственно возможное — ясное — русское соответствие, и оно в свою очередь было противопоставлено публицистической возбужденности и стилевой эклектике „полудостоевских“ религиозно-исповедальных сочинений вольных стрелков христианской словесности — от Д. Андреева до Г. Померанца»²⁰.

¹⁷ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 404.

¹⁸ Колымагин Б. Всегда ли побеждает побежденный? Стр. 410.

¹⁹ Наука и жизнь. 1963. № 10.

²⁰ Архангельский А. Огнь бо есть. Словесность и церковность: литературный сопромат // Новый мир. 1994. № 2.

- Стр. 14 — *прюнелевые туфли* — Н. Т.: «матерчатые лодочки с перепонкой».
- Стр. 14 — *...шляпу с резинкой от штанов...* — Н. Т.: «К шляпе, чтоб не спадала, пришивали резинку от трусов, и прятали ее сзади под прической».
- Стр. 14 — *Пить у соседей крепленое вино <...> отвергать молодых и мордатых родственников хозяйки, которых обещали познакомить* — Намек Н. Т. на страдания, которые она испытывала, снимая комнаты у хозяек. По свидетельству Н. В. Котрелева, друзья Н. Т. в начале 1960-х годов пили сухое вино, а не крепленое.
- Стр. 14 — *фаунтлеройская* — Н. Т.: «герой романа Фрэнсис Бёрнетт „Маленький лорд Фаунтлерой“ (1886)».
- Н. Т. с детства любила повести Фрэнсис Бёрнетт «Маленький лорд Фаунтлерой», «Маленькая принцесса» и «Таинственный сад», которые читала еще ее мама (см. тетрадь «Иаков на Лукишках», стр. 42, 44).
- Н. Т.: «„Фаунтлерой“ — идиллия. Разное писали и знали в викторианском веке, но само собой разумелось, что райски-безгрешный человек — законный герой повести, и *happy end* — законный ее венец»²¹.
- В 1990-х годах по предложению Н. Т. в издательстве «Два слона» были переизданы в старых переводах все три повести Ф. Бёрнетт. В конце жизни Н. Т. перевела ее повесть «Дом-вверх-дном»²² (*Racketty-Packetty House*).
- Стр. 15 — *Славиться демократизмом в косметическом институте...* — Косметический институт на улице Горького часто посещала В. Н. Трауберг и периодически посылала туда дочь, недовольная ее внешностью.
- Стр. 15 — *...ходить на лекции по кибернетике...* — на модные в начале 1960-х годов лекции по кибернетике Н. Т. ходила с В. А. Успенским (см. В. Успенский. Комментарий к «Оде» и затекстовым примечаниям к оной. Стр. 18 наст. изд.).
- Стр. 15 — *платья джерси* — Н. Т.: «трикотажные заграничные платья, их покупали у спекулянтов».
- Стр. 15 — *Домкиновские дамы* — Л. З. Трауберг мог получить дефицитные билеты на просмотры в Центральном Доме кино (ул. Воровского, 33, сейчас — Театр Киноактера).
- Стр. 15 — *...мордатыми последователями Хемингуэя...* — Н. Т. не любила книги Эрнеста Хемингуэя, очень модные в начале шестидесятых.
- Н. Т.: «Совсем не обязательно любить Пруста или Хемингуэя. При всем их различии, оба входили в непрменный набор (все же — не Бабаевский!), и я их усердно читала, но полюбила за те же годы Вудхауза и Честертона» (см. тетрадь «Елизаветинский переулок», стр. 18).

²¹ Из послесловия к книге Фрэнсис Бёрнетт «Таинственный сад». (Одесса: Два слона, 1993).

²² Бёрнетт Ф. Дом-вверх-дном. Пер. Н. Трауберг // Семья и школа. 2008. № 12.

Стр. 15 — ...*защищать друзей-голодранцев*... — В отличие от многих друзей (голодранцев), в конце 1950-х — начале 1960-х годов Н. Т. хорошо зарабатывала — во многих театрах СССР шла пьеса Алехандро Касоны «Деревья умирают стоя»²³ в ее переводе.

Стр. 16 — *татический* — Н. Т.: «„Татя“ — самоназвание Н. в детстве, что совпало с псевдонимом французского актера Тати, употреблялось в обоих смыслах».

«Каникулы господина Юло» и «Мой дядюшка» — фильмы режиссера и актера Жака Тати, которые смотрели в те годы. Нелепый и нерасчетливый герой Тати, дядюшка Юло, попадает в глупые переделки в кругу правильных и прагматичных людей — ситуация, знакомая друзьям Н. Т. Поэтому термин «татический» и употреблялся в обоих смыслах, т. е. о людях, похожих и на Н. Т., и на героя фильмов Тати.

Стр. 16 — *Шнупса* — домашнее прозвище сына Н. Т. Томаса.

Стр. 16 — *Франя* — домашнее прозвище дочери Н. Т. Марии.

Стр. 16 — ...*белый овальный сыр* — литовский творожный сыр с тмином.

Стр. 16 — ...*батюшкиной палитры* — Н. Т.: «В. писал картины темперой».

Н. В. Котрелев о первом посещении Л. С. Муравьева: «Там висела фотография. „А это кто?“ — „А это самая красивая женщина в Москве, Наташа Трауберг. Она сейчас уехала со своим мужем Виргилиусом Чепайтисом в Литву. А вот картинки Виргилиуса“. Были мне показаны картинки, которые не очень меня восхитили, *à la* ребенок нарочито, ну и без затей, действительно, живопись как времяпрепровождение, а не как искусство»²⁴.

Стр. 16 — ...*страницы классика*... — Н. Т.: «Бориса Леонидовича Пастернака».

В декабре 1959 года Н. Т. и Томас Венцлова ездили в Переделкино, чтобы встретиться с Б. Л. Пастернаком.

Т. Венцлова: «Шепотом переговаривались — как войти в ворота с надписью „Прохода нет. Злая собака“. Написано было по-детски, почти неразборчиво. Рискнули и вошли, там было много снега и света. В дверях стоял и смотрел на нас седой человек с выразительным лицом, в домашней одежде, наверное, застигнутый в самый момент переодевания. И непохожий на стихи. Наверное, не такой великий: Бог жил в нем только потому, что он видел слишком много, не видя ничего. Честно говоря, не видел он и нас...»²⁵ Т. Венцлова тогда собирался переводить ранние стихи Пастернака, говорил о них с поэтом. Н. Т., слушавшая этот разговор, очень спешила домой кормить маленького сына. Н. Т.: «Перебить их было невозможно.

²³ Касона А. Деревья умирают стоя. Пер. Н. Трауберг. М.;-Л.: Искусство, 1959.

²⁴ Котрелев Н. Воспоминания о братьях Муравьевых // Дар и крест. Памяти Натальи Трауберг: Сб. статей и воспоминаний. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. Стр. 94.

²⁵ Митайте Д. Томас Венцлова. М.: Новое издательство, 2005. Стр. 31.

1. В. Муравьев. Москва, 1950-е 2. А. Муравьев и Н. Трауберг. Переделкино, 2007
3. И. Муравьева и Г. Померанц. Москва, 1950-е

Оба говорили одновременно, очень поэтично и красиво, и я подумала, что они — люди одной породы, просто молодого Пастернака я не знала»²⁶.

Н. Т. была знакома с поэтом раньше, она упоминает в воспоминаниях²⁷, что в 1953 году ее возил в Переделкино к Б. Л. Пастернаку актер Алексей Анатольевич Консовский (1912–1991).

Стр. 16 — *Мокрый букет березовых троицких веток...* — Какие стихи Б. Л. Пастернака имеет в виду Н. Т., неясно. По предположению Т. Венцловы — «Весенний день тридцатого апреля».

Стр. 16 — *Антоколя* — Н. Т.: «*Антакальнис — район в Вильнюсе*».

Стр. 18–19 — Фото: Наталья Трауберг, Мария Пранцишка Чепайтите (на руках), Томас Тристрамас Чепайтис. Вильнюс, 1961. Съемка в день крещения Марии Пранцишки. Фотографа пригласили в гостиницу «Неринга», где снимали номер Л. З. и В. Н. Трауберги.

Стр. 20 — *Вначале был Ленинград...* — Н. Т. родилась и выросла в Ленинграде, откуда в 1953 году переехала в Москву.

Стр. 20 — *ультрамариновая комната* — Н. Т.: «комната Н. в Ленинграде, М. Посадская ул., 4-а».

В дом сотрудников «Ленфильма» на Малой Посадской семья Траубергов переехала с Большой Пушкарской в 1939 году.

В 1998 году на доме по адресу М. Посадская, 4-а установлена мемориальная доска Л. З. Траубергу: «В этом доме с 1939 по 1953 год жил кинорежиссер, народный артист России Леонид Захарович Трауберг» (архитектор В. И. Новосадык).

Стр. 20 — *Карсавин, Новалис* — Лев Платонович Карсавин, Новалис (Фридрих фон Гарденберг).

Н. Т. любила читать Льва Платоновича Карсавина (особенно — «Монашество в средние века»), о котором узнала от своего любимого преподавателя, Матвея Александровича Гуковского (1898–1971).

Н. Т.: «Лето 49-го года было тихое и прохладное. Прошли госэкзамены, я собиралась в Москву, а пока — ходила пешком с Петроградской в Михайловский сад и читала там честертоновского „Диккенса“. Как-то после этого я пошла на Невский и почему-то рассматривала в какой-то витрине фотографии балерин, а вернувшись домой, увидела, что папа с мамой — совсем серые. Оказалось, что посадили братьев Гуковских. Старший, Матвей Александрович, был заместителем Орбели в Эрмитаже и проректором у нас. Занимался он живописью и вообще культурой Возрождения, а нам рассказывал часто о семинаре Гревса, где учился, а может — и работал вместе с Карсавиным, Федоровым, Добиаш-Рож-

²⁶ Митайте Д. Томас Венцлова. Стр. 32.

²⁷ Трауберг Н. *Dies Natalis*. М.: Ёлочка, 2009. Стр. 16.

дественской и легендарной Еленой Чеславовной Скржинской, героиней карсавинских *Noctae Petropolitanae*. Григорий Александрович в лагере умер, М. А. — вернулся. Как сейчас помню: здесь, в Москве, я вышла его встречать в мамином красивом платье цвета персидской сирени. Хожу по тротуару и плаваю от счастья. Это бывало в середине пятидесятых, когда возвращались „оттуда“²⁸.

Стр. 20 — *Бонвиваны-профессора...* — Н. Т.: «Н. училась на романо-германском отделении филфака ЛГУ с 1944 по 1949 год, собиралась стать медиевистом».

Н. Т. всегда говорила и писала в биографических справках, что закончила романо-германское отделение ЛГУ. Когда в 2010 году составлялась книга ее памяти, одна из составителей, Елена Георгиевна Рабинович (род. 1945), сообщила родственникам, что романо-германского отделения в ЛГУ не было, было только романское. Родственники нашли диплом Н. Т., оказалось, что в 1949 году она с отличием закончила Филологический факультет по специальности «романская филология». (Защита дипломной работы на тему «Перевод „Коммунистического Манифеста“ на испанский язык».) Это редкий случай, когда Н. Т. подвела память, подсунув, в связи с последующей жизнью в Москве, название факультета МГУ.

Стр. 20 — *...резиновая логика травли...* — Н. Т.: «Леонид Захарович Трауберг (отец Н.) в начале 1949 года был обвинен в космополитизме. В 1950 году Н. Т. была выгнана за это с работы».

Н. Т. о годах космополитизма: «1950–51-й, папа — космополит. Со студии его уволили, посадки ждем постоянно — ну, что тут говорить! Маме предлагают переписывать ноты, однако обнаруживается, что есть кое-что получше. На Конюшенной (Желябова), в огромной комнате со старинной мебелью, живет Александра Константиновна де Л., а у нее — магазин из „Тысячи и одной ночи“. Мы носим ей абажуры из вощенного ватмана, на которых я до вощения рисую букетики, а другие носят кофты, платья, даже драгоценности. Когда мама решила продать старинное кольцо „корзиночка“, это прошло само собой, а вот за изумрудным кольцом бабушкиной мамы (почему они его сохранили?) пришла от Александры Константиновны генеральская новая жена. Она напевала: „По тем-ным ко-ри-до-рам | _ _ _ | мы весь дом“ (что же там было за слово?) — и радостно приценивалась к недорогим, но старинным предметам, „николаевским“ и „павловским“. Тогда мама их жалела и вообще продала только трельяж, не фанерованный, а сплошь краснодеревный.

Папа быстро продавал книги. Приходили академики и, редко здороваясь, тыкали: мне то, мне это»²⁹.

²⁸ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 65.

²⁹ Трауберг Н. Царство, разделившееся в себе // Истина и жизнь. 2003. № 12.

Отец Н. Т., Леонид Захарович Трауберг (1901–1990), родился в Одессе. После революции перебрался в Петроград, где вместе с Г. М. Козинцевым, Г. К. Крыжицким и С. И. Юткевичем в 1921 году организовал объединение ФЭКС. После постановки ряда успешных фильмов («Чертовое колесо», «Шинель», «С. В. Д.») в 1928 году фэкссы начали работать над «Новым Вавилоном» — фильмом о Парижской коммуне. В том же году родилась Н. Т. Детство Н. Т. прошло под постановки фильмов «Одна» (1931) и прославившей Козинцева и Трауберга «Трилогии о Максиме» (1934–1938). Во время съемок первой части трилогии семье дали квартиру от «Ленфильма». За вторую часть трилогии режиссеры были награждены орденом Трудового Красного Знамени (1939), после чего в семье наступило благосостояние, им дали квартиру еще лучше — в доме на М. Посадской, и стало возможно, например, не отдавать постоянно болеющую Наташу в школу — на дом приходили учителя. Судя по письмам, хранящимся в семейном архиве, Л. З. Трауберг обожал единственную дочь и старался выполнить любые ее прихоти, дочь отвечала взаимностью. По свидетельству современников, Л. З. Трауберг до войны отличался мягкостью характера, одесским жизнелюбием и юмором, помогал многим, но на работе часто был категоричен. Послевоенное постановление ЦК о «безродных космополитах» поставило крест на его режиссерской карьере. Далее он зарабатывал тем, что писал либретто и сценарии под псевдонимами, позже начал писать книги. С взрослой дочерью отношения начали портиться, поскольку Леонид Захарович приходил в ужас от иных ее мыслей и знакомств, Н. Т. же болезненно воспринимала киношное окружение отца, ссорилась с ним. Но, несмотря на это, в 1967 году отец исполнил ее почти неосуществимую в то время мечту — отвез дочь в составе группы кинематографистов в Лондон. В конце жизни Леонид Захарович жил вместе с женой в Доме ветеранов кино в Матвеевском.

Н. Т. о поездке с отцом в Лондон: «Папа предложил мне в очень тяжелый для меня год поехать с ним в Англию вместо мамы. Они в шестидесятых все время куда-то ездили. Я поехала с киношной группой, папе как-то удалось это пробить, доказать, что он не может ехать один. <...> В Лондоне я сразу же побежала в честертоновское издательство, *Sheed & Ward*. Семья Уорд очень известна в кругах английских католиков со времен кардинала Ньюмена, это крупные деятели католического Возрождения. Я встречалась с секретаршей Честертон Дороти Коллинз, она не могла понять, почему я не продлеваю визу и не остаюсь еще немного в Англии. Папу я чуть не погубила, но как-то обошлось. Собственно, в Англии я тогда и не была — от гостиницы украдкой добегала до издательства. Нас не пускали гулять поодиночке. Мне три раза удалось обманом вырваться. По-настоящему я в Англию попала только в 1998 году, в марте»³⁰.

---

³⁰ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 425.

Стр. 20 — *Переезд в Москву...* — Н. Т.: «Л. З. Трауберг с семьей переехал в Москву 12 мая 1953 года (не давали разрешения переехать два года, когда Сталин умер, разрешили)».

Семья Траубергов обменяла ленинградскую квартиру на М. Посадской на квартиру в Москве по адресу Страстной бульвар, 2 (позднее — 2/16). Сейчас этот дом снесен, на его месте строится новый.

Стр. 21 — *...ехал в Москву...* — Н. Т.: «В. приехал в Москву в 1954 году, поступил в МГУ, был исключен, второй раз приехал в 1956 году и поступил в Литературный институт» (см. стр. 30 наст. изд.).

Стр. 21 — *...порошок в оберточке...* — Н. Т.: «вместо таблеток в аптеках продавались порошки в бумажке».

Стр. 21 — *кроткий и темный перс* — Н. Т.: «Тимур Касымович Зульфикаров».

Т. К. Зульфикаров (род. 1936) — сокурсник Виргилиуса по Литературному институту им. А. М. Горького. На отделение художественного перевода в 1956 году набирали две группы — переводчиков с литовского языка и переводчиков с таджикского.

Стр. 21 — *розово-золотистый пуховый литовец* — Н. Т.: «Виргилиус Чепайтис».

Стр. 21 — *героиня будущих мемуаров* — Н. Т.: «Ирина Ивановна Емельянова».

И. И. Емельянова (род. 1938) — сокурсница Виргилиуса по Литературному институту им. А. М. Горького. Училась в группе перевода с таджикского языка.

Стр. 21 — *Темной зимой 57–58 учебного года поле дрожало от напряжения...* — в предчувствии встречи Н. Т. и Виргилиуса.

Стр. 21 — *Франек* — Н. Т.: «Пранас Моркус».

П. Моркус (род. 1938, до 1973 года носил фамилию Яцкявичюс) — друг Н. Т. и Виргилиуса. Учился на филфаке МГУ (1955–1958), выпускал студенческую стенгазету «Во весь голос» вместе с Владимиром Муравьевым, Венедиктом Ерофеевым и Борисом Успенским. Написал в эту газету статью о Пастернаке, решил показать ее поэту и так познакомился с Ириной Емельяновой. И. Емельянова весной 1956 года в Москве познакомила его с Виргилиусом Чепайтисом. В 1962–1964 годах П. Моркус учился на Высших сценарных курсах у Л. З. Трауберга. Н. Т. с Пранасом Моркусом познакомил В. С. Муравьев.

П. Моркус: «Впервые я увидел ее у входа на филологический факультет. Был удивлен, что Муравьев знаком с такими красивыми женщинами»³¹, «...не то что влюбиться, возможно ли было ее не испугаться? Она отбрасывала тень, и там таилась несоизмеримость тому, что ее окружало.

³¹ Томас Чепайтис. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена. Вильнюс: Домашнее изд-во В. Чепайтиса и Н. Трауберг, 1960. Стр. 100.

Ее уязвимость, вполне сопоставимая с детской, проявлялась только вне магической зоны, которую она сразу вокруг себя очертила. Вне оставался целый непостижимый мир, но внутри тикали часы и жизнь определялась буллами и эдиктами»³².

В 2004 году Пранас Моркус в честь прибытия Н. Т. на Честертоновскую конференцию в Вильнюс организовал расклейку по всему городу плакатов с изображением Г. К. Честертона.

Н. Т. о Пранасе Моркусе — см. тетрадь «Иаков на Лукишках».

Стр. 21 — ...на новую квартиру. — Н. Т.: «в январе 1958 года Н. сняла комнату в сталинском доме на улице Горького у директора зала Чайковского».

Пранас Моркус вспоминает, что это была большая солнечная комната в сталинском доме рядом с залом Чайковского.

П. Моркус: «Натали переезжала на другую квартиру, я, Апельсин и Скрузделите помогали таскать вещи. Когда все было расставлено и кровать застелили волосатым покрывалом, мы принялись есть»³³. «Апельсином» П. Моркус называет Г. С. Померанца, «Скрузделите» (*skruzdelytė (lit.)*) — муравьишка) — И. И. Муравьеву.

Стр. 21 — ...муравьевских... — Н. Т.: «Владимир Сергеевич Муравьев».

Н. Т. познакомилась с В. С. Муравьевым (1939–2001) в доме его матери, И. И. Муравьевой.

Н. Т. о Владимире Сергеевиче: «Может быть, он больше всех походил на героев Честертона. В отличие от деликатнейшего Аверинцева и своего тишайшего брата он был воителем, на мой взгляд — даже слишком рьяным. Однако (опять честертоновский сюжет) прожил он почти незаметно, библиотекарем, как Майкл Херн в „Возвращении Дон Кихота“. Ум его и юмор, силу страдания, силу противления я описать не берусь»³⁴, «Таких людей, как Володя, я видела только в книжках; таким представляла себе молодого ювелира Фридриха, идущего в Нюрнберг к бочару Мартину»³⁵, «Мы очень много гуляли. Гуляли, гуляли, говорили, стихи он читал, например: „Ты, меня любивший...“ Цветаевой. И он, как и я, любил Элиота. Так что мы по-английски читали в два голоса, оба были сумасшедшие любители английского»³⁶.

В 1962 году Владимир Сергеевич перевел посвящение в стихах к роману Г. К. Честертона «Человек, который был Четвергом», который переводила для самиздата Н. Т.

³² Моркус П. По ту сторону корчмы на литовской границе // Дар и крест. Стр. 47.

³³ Томас Чепайтис. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена. Стр. 101.

³⁴ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 292.

³⁵ Там же. Стр. 278.

³⁶ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

1. Н. Трауберг, Карловы Вары, 1957 **2.** В.-Ю. Чепайтис как памятник Ленину. Вильнюс, 1957. Фото П. Моркуса **3.** П. Моркус, Вильнюс, 1957. Фото В.-Ю. Чепайтиса

Дружили они до середины 1970-х. Н. Т.: «Году в 1973-м мы шли с Володи́ей Муравьевым по маленькой площади около Божедомки, недалеко от достоевских мест — наверное, относили какую-то работу. Было очень тяжело, и нам захотелось вспомнить, какие же годы можно назвать хорошими. В. М. быстро и твердо сказал: „Пятидесятые“, и я с ним согласилась»³⁷.

Стр. 21 — ...*приезде матушки из Киева*. — Н. Т.: «в начале лета 1958-го Н. ездила в Киев, жила у режиссера И. Земгано, много гуляла, ходила в оперу на знаменитого заграничного тенора».

Игорь Федорович Земгано (Юцевич, 1903–1967) — украинский кинорежиссер, актер, знакомый Л. З. Трауберга.

Стр. 22 — *бархатные тыпы* — Н. Т.: «домашние тапочки, которые пижонки носили как летние туфли».

Стр. 22 — ...*предварительная уличная встреча*... — Н. Т.: «Н. и В. в первый раз увидели друг друга 23 июня 1958 года на улице Горького, на переходе возле ресторана „Армения“. В. был в узких зеленых вельветовых штанах. Вечером того же дня их познакомили у И. И. Муравьевой».

Н. Т.: «Днем, переходя к магазину „Армения“, я заметила очень белокурого молодого человека в вельветовых штанах болотного цвета. Вечером, придя к Муравьевым-Померанцам, я застала его там. Был он литовец, друг Володи. К концу вечера он сказал, что хотел заговорить со мной, но положился на гномов. Кроме того, он читал с польского „Винни-Пуха“»³⁸.

Виргилиус переводил «Винни-Пуха» А. Милна на литовский язык, пользуясь английским оригиналом и переводом на польский (поскольку польский язык знал лучше). Перевод издан в 1958 году³⁹.

Стр. 22 — ...*клиберновское везение*... — Н. Т.: «американский пианист Ван Клиберн победил в 1958 году на конкурсе Чайковского в Москве».

Стр. 22 — *Людовика* — Н. Т.: «Людовик — прозвище Л. З. Трауберга, которое придумал Пранас Моркус. И. Сталина Моркус называл Зудялёнас, К. Прейкшаса — Бригошаздас, А. Венцлову — Вензолáфас».

Казис Прейкшас (1903–1961) — отчим Пранаса Моркуса, Антанас Венцлова (1906–1971) — отец Томаса Венцловы.

Стр. 22 — ...*Матушка поехала бы и так*... — Н. Т.: «Н. первый раз поехала в Литву в июле 1958 года с В. С. Муравьевым и П. Моркусом».

Н. Т.: «Примерно 7 июля мы с Пранасом и Володи́ей поехали в Литву, где он [Виргилиус] нас ждал. Поженились мы с ним 27 июля, как выяснилось —

³⁷ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 276.

³⁸ Трауберг Н. 23/VI-1958 // Истина и жизнь. 2003. № 12.

³⁹ Milnas A. Miké Pūkuotukas. V.: Valstybinės grožinės literatūros leidykla, 1958.

в день Аврелия и Наталии (это другие, кордовские, XI века). Было это в Алигусе, поскольку в Вильнюсе он работал переводчиком в газете»⁴⁰.

Стр. 22 — ....очень хотелось датского лета... — Литва казалась Н. Т. похожей на Данию Г. Х. Андерсена — черепичные крыши, аисты или Англию — зеленые лужайки, старые дома.

Пранас Моркус: «Так — насильно из предвоенного рая вырванная, десятилетним сопротивлением обескровленная, уродуемая страна с часовенками на развилках дорог и крестами, стерегущими неразоренные усадьбы, — Литва привиделась Н. Л. местом, где, как в „Леди Джен“, книге ее детства, зазеленеют английские лужайки в дворике оплетенного плющом дома, и туда скоро поселится старый виленчанин Гилберт Кийт Честертон»⁴¹.

Стр. 22 — ...Саганку... — Н. Т.: «Франсуаза Саган».

Стр. 22 — ...«Мошенников»... — Н. Т.: «фильм Ф. Феллини „Мошенники“ (1955)».

Стр. 22 — ...томизма — Сочинения Фомы Аквинского Н. Т. первый раз прочитала в Литве. В начале 1960-х годов переводила трактат Честертона «Святой Фома Аквинский», позже переводила неотомистов XX века — Ж. Маритена и Э. Жильсона. С начала 1960-х годов, полюбив томизм, Н. Т. стала рассказывать о нем своим друзьям, что превратилось в своеобразные лекции. В деревне Пярвалке на Куршской косе, где отдыхали Чепайтисы с друзьями, ими было придумано королевство Пярвалка, в котором отдыхающие распределили все роли — Короля, лейб-коптаря и др.

Н. Т. была назначена президентом Королевской Академии (*Academiae Regalis Pervalcensis*).

Ю. Глазов (лейб-коптарь) вспоминает о летних лекциях в деревне Пярвалка: «В должности президента нашей Академии Натали бесподобна. Ее главная обязанность — читать нам лекции по средневековой католической философии. Мы собираемся большей частью под окнами нашего домика, усаживаемся на траве в тени, и Натали извлекает из своей сумочки заветную тетрадь, где у нее записаны таким же изящным почерком, как и она сама, важнейшие концепции Фомы Аквинского, Григория Великого, учение о ересь, история католичества в России, основные положения учения Владимира Соловьева»⁴².

Стр. 23 — ...бесконечной логикой ссоры... — Н. Т.: «между Н. и В. Н. Трауберг».

См. стр. 31 наст. изд.

Стр. 23 — ...пушкинского дома... — Н. Т.: «квартира Траубергов в Москве, Страстной бульвар, 2».

⁴⁰ Трауберг Н. 23/VI-1958.

⁴¹ Моркус П. По ту сторону корчмы на литовской границе. Стр. 47.

⁴² Глазов Ю. В краю отцов (Хроника недавнего прошлого). М.: Истина и жизнь, 1998. Стр. 65.

Квартира Траубергов на Страстном выходила окнами на Пушкинскую площадь.

Стр. 23 — ...*началом в рыльном огороде*... — Н. Т.: «лето 1960 года на даче в Заветах Ильича, Н. беременна М.»

Стр. 23 — ...*первой половины пингвинства*... — «Пингвинством» Н. Т. называет беременность.

Стр. 23 — ...*Мадлоши*... — Н. Т.: «Мадлоша — тряпичная кукла Н., которую ей привезла Н. Черкасова из Чехии».

Н. Т. о Мадлоше: «В 1946 году, кажется, Нина Черкасова была в Праге, на съемках александровской „Весны“, и привезла набивную куклу, с единой пяткой, в зеленом суконном колпачке. Назвали ее (или уже звали) Мадлонкой, но мы предпочли вариант „Мадлоша“. У нее было совершенно круглое личико и губки уголками вниз»⁴³.

Стр. 24–25 — Иллюстрация: карта Вильнюса (предположительно 1952–1957 годы) из книги «Томас Чепайтис. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена».

Стр. 26 — Два хокку 1963 года сохранены Пранасом Моркусом и переданы внуку Н. Т., Мотеюсу Чепайтису, в 2007 году. Впервые опубликованы в 2008 году в сборнике «Матвеевский садик».

Стр. 26 — ...*самые ранние гости*. — По воспоминаниям детей, друзей и знакомых, к семье Чепайтисов в Литву приезжало много гостей из Москвы и Ленинграда.

Н. Т.: «Тем летом <1963> мы почему-то пробыли только две недели в райской деревушке Пярвалка. После этого с середины июля повалили московские гости, что побудило сложить очередное хокку о нашей жизни:

Летние туфли развалились,
Два Преображенья, два Успенья,
Гости кишат как угри»⁴⁴.

В Вильнюс и/или летом на Куршскую косу, где отдыхали Чепайтисы, в разные годы (с 1959-го по 1969-й) приезжали: Сергей Дмитриевич Артамонов (род. 1915), Георгий Александрович Балл (1927–2011), Юрий Ефимович Борщевский (1924–1984), Иосиф Александрович Бродский (1940–1996), Наталья Ивановна Бруни (род. 1949), Нина Викторовна Гарская (ок. 1927 — ок. 2007), Григорий Юрьевич Глазов (род. 1963), Юрий Яковлевич Глазов (1929–1998), Яков Юрьевич Глазов (род. 1966), Елена Юрьевна Глазова (род. 1953), Марина Григорьевна Глазова (род. 1938), Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936–2013), Алек-

⁴³ Трауберг Н. Марьино роща. М.: Ёлочка, 2008. Стр. 40.

⁴⁴ Трауберг Н. Лето в Литве // Истина и жизнь. 2004. № 7–8.

сандр Альфредович Горбовский (1930–2003) с женой Оксаной, Екатерина Александровна Горбовская (род. 1964), Нина Михайловна Демурова (род. 1930), Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (род. 1924), Никита Николаевич Заболоцкий (род. 1932), Сергей Иванович Ларин (1925–2002), Тамара Яковлевна Казавчинская (род. 1940), Николай Николаевич Каретников (1930–1994), Наталья Юрьевна Ковалева (род. 1946), Галина Петровна Корнилова (род. 1928), Екатерина Владимировна Корнилова (род. 1957), Сандро Васильевич Кодзасов (род. 1938), Николай Всеволодович Котрелев (род. 1941), Владимир Федорович Кормер (1939–1986), о. Александр Мень (1935–1990) с женой Натальей Федоровной, Леонид Сергеевич Муравьев (1941–1995), Владимир Зиновьевич Паперный (род. 1944), Олег Сергеевич Прокофьев (1928–1998) с сыном Сергеем (род. 1954), Александр Моисеевич Пятигорский (1929–2009), Елена Петровна (Аля) Ребиндер (1935–2005) с сыном, Вера Александровна Решикова (Резчикова, 1902–2002), Юрий Петрович Сенокосов (род. 1938), Андрей Яковлевич Сергеев (1933–1998), Евгений Михайлович Солонович (род. 1933), Юрий Львович Фрейдин (род. 1942), Татьяна Фоминична Чудотворцева (род. 1945), Мария Вениаминовна Юдина (1899–1970) и многие другие.

Из воспоминаний Е. А. Горбовской: «У меня Литвы было очень много. Первая случилась, когда мне было то ли пять, то ли шесть лет. Мои родители поехали туда на машине (!!!) из Москвы. <...> Я не очень понимала, куда и зачем мы едем, мне просто нравилось, что мы куда-то едем, и совершенно не хотелось куда-то приезжать. Но однажды утром я проснулась в городе, который назывался Вильнюс. А потом мы оказались в гостях у папиного литовского приятеля Виргилиуса Чепайтиса, с которым как раз мои родители и спланировали все то, что происходило дальше.

А дальше было совершенно улетное лето с семьей Чепайтисов в заповедной деревне под названием Пярвалка, где наша хозяйка тетя Броня промышляла копчением угрей, ловлей которых промышлял ее сын. <...> Это были копченые угри на завтрак, угревая уха на обед, жареные угри на ужин и котлеты из угрятины, когда становилось уже совсем невозможно этих угрей больше видеть...»⁴⁵

Фото к «Необходимым пояснениям»:

Стр. 28 — Фото (сверху вниз): Тристрам Шенди; *Урира еропс*; И. Муравьева; Вянтес Рагас, маяк — фото из книг и семейного архива.

Стр. 29 — Фото (сверху вниз): В. Трауберг и Том; В. Успенский; Г. Померанц; Гномы (рисунок Н. Трауберг, 1960) — фото из семейного архива, архивов В. А. Успенского и семьи Муравьевых.

---

⁴⁵ Письмо Е. А. Горбовской Т. Чепайтису. 2013.

ЗАПИСКИ ПАНДИ

1007 0, Гостени! Зкалч, стх пар'нигето не и, кетилеь,
роде 40 год. (1961)

ТЕТРАДЬ № 2. ЗАПИСКИ ПАНДЫ

Записки Панды

Софья Прокофьева

Как в моей жизни появилась Наташа Трауберг? Как подарок судьбы? Нет! Как что-то очень любимое, что было со мной всегда, потом было потеряно и нашлось.

Наташины глаза... Под прозрачностью горного ручейка россыпь драгоценных камней, блестящих и сияющих. Потом они стали понемножку терять свой блеск, слишком многое им пришлось увидеть.

Мы встречались обычно где-то посередине между площадью Пушкина и моим домом. А потом долго блуждали по Миусским дворикам и переулкам, которые так любила Наташа. Иногда мы говорили о Панде, мудреце и философе. Тогда я слышала его мягкие шаги, он шел за нами.

Как много удалось описать Панде в своих не таких обширных записках. Здесь нет случайных слов. Надо вдумываться в каждую фразу. Вдумываться, стараться понять и применить к себе, насколько это возможно. Мудрый, робкий, легко смущающийся Панда — и все же знающий «технологии счастья». Знает ли Панда, насколько он совершенен? Нет, он боится кого-то смутить, «ступить не так», «сказать не то».

Но главная цель — это приблизиться к истине, найти маргаритку. Белую, палевую, розовую, очень круглую, щеточкой.

Панда, пройдя сквозь стену воздуха, наконец попадает в свой единственный искомый мир, после всех препятствий чужой жизни.

Я невольно вспоминаю — а в те далекие туманные времена и я, и Наташа этого не читали и не знали — Владимира Набокова «Приглашение на казнь».

Что это — случайное совпадение? Нет, конечно... Но вслушайтесь в финал романа Набокова — и Цинциннат пошел туда, «где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему».

Что такое «Записки Панды»? Немного притча, совсем чуть-чуть сказка, а больше всего — открытая настежь душа Наташи.

И вот Панда попадает в свой мир, в мир своего счастья.

«Потом <...> я узнал, что маргаритка — жемчужина, то есть, в сущности, именно белый, палевый или розовый шарик. Теперь выступило курсивом все, что я знал и узнавал про маргаритки, и, как всегда в любви, это оказалось связным, внезапно разгаданным и главным узором жизни».

Я счастлива, что в течение долгих, долгих лет я была хранителем единственного экземпляра поразительно глубоких «Записок». С фотографией на обложке, приклеенной рукой самой Наташи, а может быть, пушистой лапой Панды.

Комментарий к книге Натальи Трауберг «Записки Панды»

Машинописную книжку «Записки Панды» сохранила Софья Прокофьева и подарила в 2007 году автору. Повторно книжка издана в 2008 году в домашнем издательстве «Ёлочка», в сборнике «Матвеевский садик» к 80-летию юбилею автора. Тираж «Матвеевского садика» 19 экз.

Стр. 2 — Фото: панда Пинь-Пинь в Московском зоопарке. 1957. Страница из журнала.

Стр. 4 — *Алисины сады* — см. тетрадь «Иаков на Лукишках», стр. 15–17.

Стр. 4 — *Леди Джен* — Н. Т.: «героиня одноименной повести Сесилии Джеммисон „Леди Джен, или Голубая цапля“ (1891)».

Н. Т. любила книгу Сесилии Джеммисон «Леди Джен, или Голубая цапля» с детства (см. тетрадь «Иаков на Лукишках», стр. 42, 44).

Н. Т.: «Книги, подобные „Леди Джен“, показывают ребенку мир красивый, как сад, или торт, или елка. Можно считать, что взрослый с такими вкусами — мещанин или дурак; можно считать, что он — Честертон или Диккенс. Очень важно, что светлое, сияющее и яркое связано в этом мире не с большим, а с маленьким, так что, скорее, это не сад, а садик какой-нибудь»¹.

В 1990-х годах по предложению Н. Т. «Леди Джен» была переиздана в старом переводе в издательстве «Два слона»².

Стр. 4 — *...мы, панды...* — Н. Т.: «в 1957 году в Московский зоопарк первый раз привезли панду».

Стр. 4 — *...нутрии...* — Н. Т.: «посещение Н. Каунасского зоопарка с П. Моркусом, В. Чепайтисом, В. Муравьевым в июле 1958 года, когда были придуманы словосочетания типа: „чуткая чайка Чепайтиса“, „нежная нутрия Натали“, „вопиющая выпь Венцловы“, а В. Муравьев начал сочинять повесть и сочинил одну фразу: „В салонах поговаривали о нутрии“».

Н. Т.: «Мы стали выдумывать названия по модели „умная мышь Шеннона“: „умный утконос Успенского“, „почтенный пингвин Пранаса“, „нежная нутрия Натали“, „чуткая чайка Чепайтиса“»³.

Стр. 4 — *миусские бобры* — Н. Т.: «см. пояснения к сонетам».

См. стр. 32 наст. изд.

Стр. 4 — *Тумялис* — Н. Т.: «Юозас Тумялис».

Юозас Тумялис (род. 1938) — друг П. Моркуса, Т. Венцловы и В. Чепайтиса.

¹ Из послесловия к книге Сесилии Джеммисон «Леди Джен» (Одесса: Два слона, 1992) // Трауберг Н. Невидимая кошка. М.: Летний сад, 2006. Стр. 57.

² Джеммисон С. Леди Джен. Одесса: Два слона, 1992.

³ Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. Стр. 288.

Н. Т.: «В дни захвата телевизионной башни и пленения сенаторов мы с Томасом Венцловой писали друг другу, что Литва и должна была стать центром мира. Мы давно знали это, хотя — не важно, не серьезно, не мировоззренчески, а в том отсеке души, где были Ионеско, Честертон и св. Фома Аквинский. Помню, как летом 1963 года мы идем с Юозасом Тумялисом по самому центру Вильнюса и об этом говорим»⁴.

По воспоминаниям П. Моркуса, Ю. Тумялис в конце 1950-х годов переводил для издательства «Ёлочка» «Урок» Ионеско на литовский язык, в то время как Н. Т. — на русский.

Стр. 4 — *юдѳс кавѳс* — Н. Т.: «*juodos kavos* — „черного кофе“ (лит.)»

Стр. 5 — *...они гномичны.* — Н. Т.: «гномы — см. пояснения к сонетам».

См. стр. 30 и 34 наст. изд.

Стр. 5 — *Н. Н. говорила...* — Н. Н. в «Записках Панды» — Наталья Леонидовна, авторская речь — от лица Панды.

Стр. 5 — *...кино* — Н. Т.: «кинотеатр „Центральный“ на Пушкинской площади, напротив дома Страстной бульвар, 2».

Стр. 5 — *...когда она очень болела весной 58-го...* — Н. Т.: «вспышка общего заражения крови у Н., произошедшего 13 апреля вследствие стрептококковой ангины».

Стр. 5 — *...4 апреля, кажется...* — Н. Т.: «4.04.1953 в центральных газетах появилась заметка о том, что т. н. „врачи-убийцы“ не виноваты».

Н. Т.: «Я помню, сижу в учительской — у меня были уроки в институте [ВИЯК], какие-то почасовые. Я сижу с Борей Вайсманом, моим очень близким приятелем. Сжавшись от ужаса, потому что какие-то бабы рядом говорят: „Еще выведут на чистую воду этих евреев, которые всех отравляли“. И вот Боречка, такой скептик, такой добрый, прелестный человек, вдруг начинает тыкать пальцем в потолок. Я с ужасом на него смотрю и вдруг слышу, что играют по радио „Рассвет на Москве-реке“. Он показывает мне пальцем, что сейчас... И точно. Буквально чуть не на следующий день врачей освободили»⁵, «Врачей освободили в субботу (Страстную), а в понедельник, у остановки трамвая, который шел в институт, где мы преподавали, Боря Вайсман тихо кричал: *Vive la liberté!*»⁶.

С Борисом Савельевичем Вайсманом (ум. в нач. 1980-х), переводчиком с французского, Н. Т. работала в Военном институте иностранных языков, позже встречалась в редакции отдела иностранной литературы «Гослитиздата».

⁴ Трауберг Н. Сама жизнь.

⁵ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг. 2004–2005. Семейный архив.

⁶ Трауберг Н. Честертон в России. URL: <http://www.gilbertchesterton.ru/tip-ar-aaa-826/>

- Стр. 5 — ...друга моего Тристама... — Н. Т.: «см. пояснения к сонетам».
См. стр. 28 и 29 наст. изд.
- Стр. 5 — Шульман — Н. Т.: «Борис Эммануилович, врач родильного дома им. Крупской, расположенного в Миуссах».
Фильм «Ваня» (1958) поставили режиссеры Аркадий Исаакович Шульман и Анатолий Алексеевич Дудоров.
- Стр. 5 — ...белобрысого Шнупсу... — Н. Т.: «см. пояснения к сонетам».
См. стр. 38 наст. изд.
- Стр. 5 — ...шнипаса в шляпе... — Н. Т.: «*šnipas* — шпион (лит.), имеется в виду стукач».
- Стр. 5 — В последнем номере «Пшекруя»... — Н. Т.: «*Przekrój* — польский журнал, который читали в Литве».
- Стр. 5 — Купол был бы виден... — Н. Т.: «предположительно, церковь преподобного Пимена Великого, Нововоротниковский пер., 3».
- Стр. 6 — ...просто шел к Женечке... — Н. Т.: «Евгений Семенович Левитин жил в Дегтярном переулке, работал в то время в Пушкинском музее».
Н. Т. познакомилась с Е. С. Левитиным (1930-1998) в Москве.
Н. Т.: «Ровно в то же время [1955] в Москве была Дрезденская галерея. А я через Успенского познакомилась с совершенно дивным человеком — Женей Левитиным. Один из самых умных людей, которых я знала на свете. Скептический и вредный, я очень его любила. А он мне всегда: „Натали, заткнитесь, вы — дура“. Мы очень нежно дружили. <...> И вот Женечка нам оставлял билеты в Дрезденскую галерею. Он работал в Пушкинском музее. <...> Мы с ним еще ходили на семинар по структурной лингвистике. Причем Женечка печально мизантропически ругался последними словами: „Наталя, только такая дура, как вы, может меня сюда таскать“. Но таскала его отнюдь не я, а Володя [Успенский], который с ним и с Поливановым учился в школе»⁷.
- Стр. 6 — ...посмотрел на дом Людмирской... — Н. Т.: «Галина Даниловна Людмирская, с 1960 года жена В. Муравьева. (В 1970-х годах В. Муравьев со второй женой Т. Ф. Муравьевой, урожденной Конновой, снова получил квартиру в этом доме.)».
- Стр. 6 — ...пьеса о Боре Успенском... — Н. Т.: «Борис Андреевич Успенский».
Борис Андреевич Успенский (род. 1937) — младший брат В. А. Успенского, друга Н. Т.
- Стр. 6 — ...через дорогу к Пушкину... — Н. Т.: «памятник А. С. Пушкину на площади».
- Стр. 6 — ...couleurs, а не fleurs... — цвета, а не цветы (фр.).

⁷ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

Стр. 6 — *Успенский-старший* — Н. Т.: «Владимир Андреевич Успенский».

См. стр. 31–32 наст. изд.

Стр. 7 — ...*шли с Колей Томашевским*... — Н. Т.: «Николай Борисович Томашевский».

Н. Т. слышала о Николае Борисовиче Томашевском (1924–1993) с детства: «К 1955 году Колю я знала больше двадцати лет. Правда, общались мы только десять, с осени 1945-го, когда он пришел в Ленинградский университет, а вот с 1934–1935-го я о нем слышала от нашей общей учительницы французского, которую называли Мариос (а звали Мари Жозефовна). Вероятно, ему она хвалила меня или кого-нибудь еще, но мне говорила, что очень хороший мальчик Кука хорошо учится и к тому же любит Наполеона. Она была бонапартистка, я — непротивленец и военных боялась, причем считала, что так и надо по-Божески»⁸. «Николай Борисович был филологом-романистом. Примерно тогда же в университетах возникли странные отделения, испанское и итальянское, отдельно от французского. Мы, приехавшие из Ленинграда, где уже не было для нас работы, кончали романо-германское отделение, и еще спасибо, что я худо-бедно знала немецкий, он — английский. О том, что можно быть итальянистом или испанистом, не зная французского, никто из гордых питерских филологов и не догадывался. К тому времени Николая Борисовича уже признали ученым. Занимался он Италией и Испанией, больше Италией. Еще в университете ему пророчили будущность крупного филолога, именно филолога, а не „литературоведа“, тем более не лингвиста. Сам он, однако, перестал об этом мечтать к 1949 году, когда стало ясно, что жизни нет и, видимо, не будет. Через несколько совершенно чудовищных лет она началась снова — мы это почувствовали, но сил для „чистой науки“ уже не было. Зато появилось какое-то неудержимое культуртрегерство. Мы не только хотели, чтобы тот или иной любимый писатель заговорил по-русски, но и стали чем-то вроде проповедников. Думали мы об этом еще возвышенной, говорили — на том языке, который возвышенность исключал и требовал иронии»⁹.

Стр. 7 — ...*писали пьесу про Ельмслева*... — Н. Т.: «написаны были только две реплики: 1. Входит Боря Успенский и спрашивает „Ельмслева не видали часом?“ 2. Кто-то: „Был тут твой“».

Н. Т. не раз рассказывала, что у истории с пьесой было продолжение — в 1959 году Б. А. Успенского (см. стр. 54 наст. изд.) послали в аспирантуру в Данию, тем самым он оказался рядом с Луи Ельмсловом.

---

⁸ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 256.

⁹ Там же. Стр. 254.

Стр. 7 — ...популярную героиню Гриммов — Белоснежка из сказок братьев Гримм — Якоба и Вильгельма.

Стр. 7 — *Старо-Пименовский, д. 18* — Н. Т.: «в этом доме снимал комнату у С. О. Голдиной Михаил Юрьевич Блейман».

Михаил Юрьевич Блейман (1904–1973) — друг родителей Н. Т., принимавший участие в ее воспитании, поскольку все ее детство сидел у них в гостях.

Н. Т.: «К лету 1944-го я уже знала Ахматову, включая „Поэму без героя“ — с голоса, который, как и Блок, принадлежал доброму и мудрому Михаилу Юрьевичу Блейману, чья жизнь заслуживает отдельного рассказа. Похожий на Фернанделя, нелепый, лет до пятидесяти — холостой, он нянчился со мной не меньше бабушки. Нянечка — и для меня, и для него, и для той же бабушки — была вне конкурса, как ангел.

Еще до возвращения в Питер [из эвакуации в Алма-Ату] Михаил Юрьевич продиктовал мне довольно много Ходасевича и кое-что из Мандельштама. Когда мы вернулись, он написал мне из Москвы, чтобы я пошарила в одном из столов; и там оказались „Ламарк“, „Неужели я увижу завтра...“, еще листочков пять»¹⁰.

Стр. 8 — ...иду посмотреть «Римские каникулы» — Н. Т.: «американский фильм (1953) с Одри Хепберн».

Стр. 8 — ...бедная Н. Н. стоит на берегу мостовой... — Н. Т. всю жизнь боялась переходить улицу.

Стр. 9 — ...представив себе мадлош... — См. стр. 48 наст. изд.

Стр. 10 — *Времена года*. — <...> — Гурзуф. — *Девяностые годы*. — *Немного о ежах*. — О Гурзуфе (как и о ежах) Н. Т. ничего не написала, но, по-видимому, хотела рассказать, как была там летом 1955 года у Н. Б. Томашевского и его жены Е. Б. Малаховской (см. стр. 55 и 65 наст. изд.).

Н. Т.: «К 1955 году Коля был старше меня не на четыре года, а лет на сорок. <...> Август я провела у них в Гурзуфе. Сам он приехал позже, другие кто когда, а все время там жила двоюродная бабушка его жены, Цецилия Львовна, с кошкой Ведьмой. О ней можно с ходу написать сказку. Посудите сами: сестра ее, Ада Львовна, уехала когда надо, осела в Швеции и преподавала музыку, кажется, детям короля. Цилия с кошкой жили под Пермью, называвшейся тогда иначе. Примерно в 54-м Ада нашла и вызвала Цилию через Красный Крест и того же короля, Цилия бросила Пермь, взяла кошку и ждала в Гурзуфе последних разрешений»¹¹.

Стр. 10 — ...думала о баронессе Марии Фредерикс... — Н. Т.: «Мария Дмитриевна Фредерикс, старшая сестра Д. Д. Шостаковича».

¹⁰ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 50–51.

¹¹ Там же. Стр. 258.

1. Е. Левитин, 1950-е 2. Е. Малаховская, 1950-е
3. Пушкинская пл. Москва, 1958. Фото В.-Ю. Чепайтиса

Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975) дружил с Л. З. Траубергом и Г. М. Козинцевым и писал музыку к их фильмам («Новый Вавилон», «Одна», «Трилогия о Максиме»). Его сестра, пианистка Мария Дмитриевна (1903–1973), вышла замуж за барона, советского физика В. К. Фредерикса.

С их сыном Дмитрием Всеволодовичем Фредериксом (1928–2006), ровесником, Н. Т. дружила с раннего детства: «У меня было двое друзей — Катя Малаховская, в дальнейшем жена Коли Томашевского, и Митька Фредерикс, племянник Шостаковича. А больше я вообще никого не знала, и с четвертого класса не училась в школе»¹².

Стр. 10 — ...*Лидку, ныне Пердухину*. — Н. Т.: «Лидия Лебедева, прозванная Пердухиной».

Стр. 11 — ...*я жил в доме с белыми колоннами*... — Н. Т.: «Ленинград, Большая Пушкинская, д. 46/48».

Квартиру на Б. Пушкинской (сейчас Б. Пушкинская, д. 50) Леонид Захарович Трауберг получил в 1934 году.

Н. Т.: «Летом 1934 года режиссеры и другие люди с „Ленфильма“ переехали из коммуналок в очень хороший дом. Вообще-то он был странный — на двухэтажное строение с колоннами у полукруглого входа поставили три этажа в духе двадцатых годов, с низкими потолками и широкими окнами. На первом из этих этажей жили Гарин и Локшина, на втором (четвертом) — мы и Юткевичи, на третьем (пятом) — Арнштамы. Других я почти не помню, кроме немолодого бутафора, который был для меня лучше всех. Вот уж поистине рождественский рай в духе Андерсена или Гофмана! Особенно нравились мне большие яблоки из папье-маше»¹³.

Эраст Павлович Гарин (1902–1980) и Хesia Александровна Локшина (1902–1982) — близкие друзья родителей Н. Т. Сергей Иосифович Юткевич (1904–1985) участвовал в создании объединения ФЭКС, Лео Оскарович Арнштам (1905–1979) был звукооператором фильма «Одна».

Н. Т.: «Это очень был большой перелом для них, потому что они были голодранцы полные. И то, что я помню очень маленькая, до 34-го года, это совершенно другая жизнь, близкая к жизни обзериутов — чижей, ежей и вот такого Питера. Полуголодных богемных людей, вполне асоветских. И вдруг, где-то перед „Максимом“, их купили. Как это было — пусть киноведы скажут. И это произошло на моих глазах. Мне было пять лет, должно было исполниться шесть, лето 34-го года, мы получали квартиру. Из полуподвала

¹² Пешкова М. «Сама жизнь» — не только книга. Интервью с Н. Трауберг // Радио «Эхо Москвы». 2009. 18 янв.

¹³ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 27.

мы переезжали в трехкомнатную квартиру в очень хорошем доме на Большой Пушкарской, это был отстроенный особняк, такой двухэтажный дом с колоннами. Это необычайно был резкий перелом, просто на глазах они менялись, они действительно попали в ловушку. И вот ровно в 34-м году эта захлопнулась штука. А поначалу, года три, до 37-го, ощущалось все просто как счастье — как хорошо!...»¹⁴.

Стр. 12 — ...*доверчивые Фаунтлерои*... — см. стр. 37 наст. изд.

Стр. 12 — ВГБИЛ — Н. Т.: «Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы».

В конце 1950-х — начале 1960-х годов ВГБИЛ находился по адресу: Москва, ул. Разина (ныне Варварка), д. 12.

Стр. 13 — ...*стояли недобрые цызи*. — Н. Т.: «*cizia* — фифа (польск.)».

Стр. 14 — *soiree* — вечеринка (фр.).

Стр. 15 — Иллюстрация из книги «Томас Чепайтис. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена». Текст главы LX (орфография и пунктуация оригинала):

«как Мать и Отец фотографировались в ГлавномУМге.

Вошли в кабинку, несмотря на материнские уловки да отговорки, я не причесана, я нефотогенична, я то я сё, вволокли в кабину, придерживая руки, чтоб волосы не приглаживала да не пыталась причесываться. Я всегда бобрино выхожу. Ну-ну, коли что порвем. Рвать нельзя. Ну, тогда не возьмем, пусть на выставку выставляют.

И вот вам результат:

Совсем как на вияковских карточках, сказала мать. Я как всегда фотогеничен, сказал отец. Ой, какая я смешная, сказала мать. Я тоже ничего, сказал отец.

Но вобщем оба остались довольны, даже говорили, что есть приятность внезапного взгляда»¹⁵.

Стр.16 — Фото: Н. Трауберг. Москва, Страстной бульвар, 1958. На балконе над Пушкинской площадью. Фото В. Чепайтиса.

Стр. 18 — ...*апробированных рассказов про Эйзенштейна*... — родители Н. Т. были близко знакомы с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном (1898–1948).

Н. Т.: «Бог меня поместил в киношную среду, она, как это ни стыдно, мне позволила сохраниться, в коммуналках и очередях я бы издохла. Это не значит, что я это заслужила, просто Бог что-то такое придумал. И не мне ругать этих людей, мне их ужасно жалко. Кроме Эйзенштейна, это были подростки, которые никак не могли повзрослеть. Сперва играли, веселились, а потом

¹⁴ Беседа на радио «Свобода» о фильме «Юность Максима», ведущий С. Юрьенен, год не установлен. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/cicles/cinema/russian/YouthOfMaxim.asp>

¹⁵ Томас Чепайтис. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена. Вильнюс: Домашнее изд-во В. Чепайтиса и Н. Трауберг, 1960. Стр. 83–84.

пришлось за все расплачиваться. Эйзенштейн с самого начала был куда более взрослый. <...> Я видела его в последний раз, когда мне было семнадцать лет. По-видимому, он был исключительно скептический человек, очень несчастливый и очень несоветский»¹⁶.

Стр. 18 — *образованный сценарист* — Н. Т.: «Константин Федорович Исаев».

Н. Т.: «Был такой Константин Федорович Исаев, сценарист. <...> Здоровый такой, некрасивый, настоящий хулиган, прошедший много трагедий и ставший хроникером фронтовым, потом сценаристом. Такой Беня Крик. С женой очаровательной Тамарой»¹⁷.

Константин Федорович Исаев (1907–1977) — сценарист, драматург, знакомый Л. З. Трауберга.

Стр. 19 — *...все так знакомы с Борис Леонидовичем, и «Знаете, Зинаида Николаевна сейчас больна» — «А у Надежды Яковлевны» — «А в прошлый раз Анна Андреевна» <...> Габричевского вчера видели...* — типичные светские разговоры в Москве начала 1960-х годов.

Зинаида Николаевна Нейгауз (урожд. Еремеева, 1897–1966) — жена Пастернака; Надежда Яковлевна (1899–1980) — вдова Мандельштама; Анна Андреевна — Ахматова, Александр Георгиевич Габричевский (1891–1968) — историк искусства.

Н. Т. об университетских годах и несостоявшемся тогда знакомстве с А. А. Ахматовой: «Наши поэты были Ахматова и Мандельштам. Я денно и ночью читала стихи Мандельштама. Причем он мне попадался каждую секунду! <...> И это была большая реальность, чем сам университет. Ну и Ахматову тоже читала, и увидеть хотела. Но известно было, что она не любит, чтобы молодежь приходила. Тем более что, когда я переходила со второго курса на третий, произошли „Звезда“ и „Ленинград“, и она была очень напугана. Мы, конечно, все уже стучали копытом, чтобы пойти, отдать ей жизнь. Но это не удалось, потому что она совершенно запретила тогда ее посещать всем, кроме очень близких людей, например поэтессы Берггольц. Она боялась, что это не только нас подведет, но и ее»¹⁸.

Н. Т. о Н. Я. Мандельштам: «Недавно я перечитывала „Вторую книгу“ Надежды Яковлевны Мандельштам. Лет двадцать пять назад многие ей ужасались, ужасалась и я. Вероятно, ужас мой вызывали две причины: меня заставляло чужое мнение, но это стократно усиливалось тем, что я панически боялась властных женщин. Один из бесчисленных плюсов старости в том,

¹⁶ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 421.

¹⁷ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

¹⁸ Там же.

что я больше их не боюсь; и книга мне понравилась. Какая все-таки радость — чей-то ум, тем более — мудрость! Надежда Яковлевна очень умна и гораздо мудрее, чем я думала»¹⁹.

Стр. 19 — *Леночка Васильева* — Н. Т.: «Елена Ивановна Васильева».

Елена Ивановна Отдельнова-Васильева (ок. 1912 — 1988) — одна из самых близких подруг матери Н. Т., Веры Николаевны, подружались они во время войны в эвакуации в Алма-Ате. Семья Траубергов жила в Алма-Ате в доме сотрудников «Ленфильма» на ул. Кирова, 75.

Н. Т.: «Лена — жена одного из братьев Васильевых. Ну как бы братьев. Георгий Николаевич женился на прелестной совершенно девушке, юристе молодом, которая была моложе наших дам на порядок лет. <...> Я ее нежно любила. Я очень любила красивых женщин. Она была, конечно, не красавица отнюдь, но она была очень хорошенькой. С крутыми золотыми локонами. Голубые глаза, вздернутый носик прелестный»²⁰.

Во времена космополитизма Н. Т. снимала комнату у Е. И. Васильевой (Сретенка, Печатников пер., 13): «Летом того же, 1951 года я поехала искать работу в Москве. Мама почему-то надеялась, что Москва больше верит слезам. На уровне учреждений это было не так, а вот люди были живее, чем у нас. Кто-то где-то слушал, как Пастернак читает свой перевод, кто-то ходил по улицам, читая стихи, и вообще жизнь — была, в отличие от Питера, где зима 1950–1951-го прошла отчасти на небе, но уж никак не на земле.

Жила я не у Гариных, они куда-то уехали. Сперва поселилась у Елены Ивановны Васильевой, в одном из сретенских переулков, потом — у Рошелей, на Полянке»²¹.

В начале 1960-х годов у Е. И. Васильевой снимал комнату и Т. Венцлова: «Жил я тогда в Москве, снимал комнату у замечательной по-своему женщины, ныне уже покойной — Елены Ивановны Васильевой. О ней можно было бы долго и отдельно рассказывать. Она подрабатывала тем, что перепечатывала самиздат — не только самиздат, но, в частности, и самиздат»²².

Н. Т. в Москве чаще всего жила у Гариных (см. стр. 141 наст. изд.) и у дочери кинорежиссера Григория Львовича Рошаля Марианны (род. 1925), с которой дружила.

Стр. 19 — *Один томик — розоватый...* — Н. Т.: «О. Мандельштам, 1928 г. изд.».

Издание: *Мандельштам О.* Стихотворения. М.;-Л.: ГИО, 1928.

¹⁹ Трауберг Н. Невидимая кошка // Независимая газета. 1999. «Кулиса НГ». № 12. 25 июня. Стр. 12.

²⁰ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

²¹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 68.

²² Анна Ахматова. Последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб.: Невский диалект, 2001. Стр. 79.

Н. Т.: «К переходу на второй курс Козинцев подарил мне розоватую книжечку 1928 года»²³, «Я увидела ее у него, и сказала: „Боже мой, Григорий Михайлович, ты что, Мандельштама любишь?“ — „Бери“. А я уже любила. Я уже больше года его читала день и ночь...»²⁴ «[Эта книжка] лежала у меня на столе, пока мы не уехали из Питера»²⁵.

Стр. 19 — *Другой* — *кубически-трехмерный...* — Н. Т.: «А. Ахматова».

Издание: Ахматова А. Стихотворения (1909–1960). М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961.

Стр. 19 — *Третий* — *прохладно-серый...* — Н. Т.: «Б. Пастернак».

Издание: Пастернак Б. Второе рождение. М.: Советский писатель, 1934.

Стр. 21 — *...бедными московскими мироносицами...* — машинистки, перепечатывавшие после работы самиздат для друзей и знакомых.

Стр. 21 — *Коктебель* — Дом творчества Литфонда СССР «Коктебель» в крымском поселке Планерское.

Стр. 21 — *...поливановско-габричевским безукоризненным чаепитиям...* — Н. Т.: «Поливановы: Константин Михайлович, Маргарита Густавовна, Михаил Константинович, Мария Константиновна, Анна Константиновна, жили на ул. Казакова».

М. К. Поливанов дружил с В. А. Успенским (см. стр. 15 наст. изд.), который познакомил его с Н. Т.: «Я увидела Мишу Поливанова, который потряс меня своею красотой. Это был совершенно XIX века красивейший человек»²⁶, «[Он] показался мне воплощением и интеллигента, и джентльмена»²⁷.

Стр. 21 — *...голодные косяки...* — Н. Т.: «*kociak* — фифа (польск.)».

Стр. 21 — *ridicule* — смешной (фр.).

Стр. 22 — *plus-que-parfait* — давнопрошедшее время (фр.).

Стр. 22 — *Померанц* — Н. Т.: «см. пояснения к сонетам».

См. стр. 34 наст. изд.

Стр. 23 — *Наталья С.* — Н. Т.: «Наталья Семеновна, хозяйка снятой в Пахре на зиму дачи».

Наталья Семеновна Вильям-Вильмонт (Наталья Ман, 1908–1984) — переводчик с английского и немецкого языков, знакомая Н. Т.

Стр. 23 — *баптист* — Н. Т.: «истопник в Пахре».

Стр. 23 — *Марья Ивановна* — Н. Т.: «домработница на даче».

Стр. 23 — *белые бидоны* — Н. Т.: «белый прозрачный пластмассовый бидон с красной крышечкой. Такие бидоны тогда появились впервые».

²³ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 51.

²⁴ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

²⁵ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 51.

²⁶ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

²⁷ Трауберг Н. Приятельницы матерей. (Знамя. 2002. № 8) // Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 270.

1. Н. Трауберг с игрушечными собаками. Ленинград, 1957 **2.** Л. и В. Трауберги. Начало 1960-х **3.** В. Чепайтис. Вильнюс, 1958

Стр. 24 — *Батюшка* — Н. Т.: «см. пояснения к сонетам».

Виргилиус Чепайтис, муж Н. Т. (см. стр. 30 и 43 наст. изд.).

Стр. 24 — *М.-Ф.* — Н. Т.: «см. пояснения к сонетам».

Мария-Франциска, дочь Н. Т. (см. стр. 28 наст. изд.).

Стр. 24 — *Повесть шестая. «Книжки».* — Н. Т.: «Давно, в середине пятидесятих годов, я стояла в букинистическом магазине на улице Качалова, чтобы купить „Леди Джен“ вместо моей бывшей, детской, пропавшей в начале сороковых. В той же очереди был человек, который не мог этого вынести. Он обличал и меня, и книгу; получалось, что все беды от тех, кто „такого“ начитался. Где он видел людей, воспитанных на „Леди Джен“, — не знаю; скорее всего, они вымерли раньше, а кто выжил — перевоспитался, как мог. Но он их ненавидел. Если бы их ненавидели меньше, они бы не так основательно исчезли»²⁸.

Стр. 25 — *...среди нарядных рогожек, керамики, Рабина и лаконичной мебели...* — см. стр. 35 наст. изд.

Стр. 25 — *...защищал Жанночку...* — Н. Т.: «Жанна, барышня, которая хотела женить на себе Олега Прокофьева».

Олег Сергеевич Прокофьев (1928–1998) — друг Виргилиуса и Н. Т.

Н. Т.: «Самым большим другом моего мужа, литовца, был Олег Прокофьев. Резмигрант и все прочее, он выгодно отличался скромностью и мягкостью. Поэтому и я подружилась с ним. Когда мы уехали в Литву, он часто приезжал. Точно в то же время — конец 1962-го — он познакомился с молодой англичанкой, изучавшей русский авангард. <...> Они с Олегом решили пожениться, но удалось это сделать только через семь лет. Еще через год Камилла родила дочь, а через два, ожидая второго ребенка, скончалась. <...> Олег уехал <...> с дочерью, вроде бы — похоронить Камиллу в Англии, а на самом деле там остался. Замечу, что еще до свадьбы он стал в Литве католиком и принял имя Иоанн, в честь св. Хуана де ла Круса»²⁹.

В 1967 году будущая жена О. С. Прокофьева, Камилла Грэй (1936–1971), встречалась с Н. Т. в Лондоне (см. стр. 42 наст. изд.).

Стр. 25 — *Ахмадулю* — Белла Ахатовна Ахмадулина (1937–2009).

Стр. 26 — *...по пустой Петровке...* — Н. Т.: «на Петровке, д. 26 жила Нина Викторовна Каретникова».

Нина Викторовна Гарская (ок. 1927 — ок. 2007) — жена Н. Н. Каретникова, друга Виргилиуса (см. стр. 66 наст. изд.).

²⁸ Из послесловия к книге Сесилии Джеемисон «Леди Джен» // Трауберг Н. Невидимая кошка. Стр. 55.

²⁹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 213.

Стр. 26 — ...упала большая книжка. <...> Нас нашел миссионер-католик и понял, что это очень важно. — статья Б. Эйвельманса «По следам неизвестных животных». Рисунки Г. Никольского³⁰.

Стр. 26 — ...роман о совершенно татических... — Н. Т.: «см. пояснения к сонетам». См. стр. 38 наст. изд.

Стр. 27 — ...похожих на Катьку Малаховскую... — Н. Т.: «Екатерина Брониславовна Малаховская, жена Н. Б. Томашевского».

С Е. Б. Малаховской (1926–1988) Н. Т. была знакома с детства (см. стр. 58 наст. изд.), поскольку Катя после расстрела отца и ссылки матери жила у тети Ирины, с мужем которого, Натаном Исаевичем Альтманом (1889–1970), близко дружили родители Н. Т. По воспоминаниям Н. Т., в квартире Траубергов на Б. Пушкарской Н. И. Альтман расписал печки³¹.

Е. Б. Малаховская — внучка Валентина Александровича Тернавцева.

Н. Т.: «Мои родные хорошо знали семью Валентина Александровича Тернавцева. Когда мне было шесть лет и он давно сидел, если уже не умер, Ирина Валентиновна, младшая дочь, показывала мне на Карповке их бывший дом и дуб Иоанна Кронштадтского. Через три года села старшая дочь, Мария Валентиновна, которую называли Мусей».

Стр. 27 — ...направо жила Сусанна... — Н. Т.: «Сусанна Ильинична Раппопорт».

Из воспоминаний Юрия Львовича Фрейдина (род. 1942): «С Верой Николаевной Трауберг я познакомился в доме врачей-психиатров Сусанны Ильиничны Раппопорт и Владимира Исааковича Финкельштейна. Они жили в доме номер 4 на Пушкинской площади, Трауберги жили в соседнем доме (номер 2). <...> На стенах довольно большой, просторной комнаты висели какие-то рисунки и выполненный в яркой примитивистской манере двойной портрет хозяев дома. Написанный Виргилиусом Чепайтисом, мужем Натальи Трауберг, он имел, как я потом узнал, домашнее название «Портрет психов». <...> Они были замечательной парой. Детей у них не было, и в каком-то смысле друзья стали их большой семьей. И даже на фоне дружелюбной открытости шестидесятых их дом выделялся общительностью и гостеприимством»³².

Стр. 28 — Когда Н. Н. было пять лет, она жила в санатории Инснаба... — см. тетрадь «Иаков на Лукишках», стр. 38.

Н. Т.: «Летом 1934 года отец поместил нас с няней в сестрорецкий санаторий „Инснаб“. Собственно, мы жили там и в 1933-м, хотя, что бы ни значило

³⁰ Альманах «Мир приключений», № 6. М.: Детгиз, 1961. Стр. 271.

³¹ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

³² Фрейдин Ю. «Счастливый домик» // Дар и крест. Памяти Натальи Трауберг: Сб. статей и воспоминаний. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. Стр. 124.

это слово, санаторий был для иностранцев. Они существовали: скажем, бостонский инженер с женой и дочерью; были и полярник Самойлович, и академик Щербацкий»³³.

Стр. 28 — ...*Колиной мессе Баха*... — Н. Т.: «Николай Николаевич Каретников».

Н. Т.: «Вот еще одна компания, с ними дружил мой муж. Это было такое интересное содружество — золотая молодежь совершенно другого типа. Даже нельзя ее назвать золотой молодежью, они не делали карьеру, и, в общем, были снобы, богемные люди. Это Никита Кривошеин, Андрей Волконский и Олег Прокофьев, сын Прокофьева, родившиеся за границей, и композитор Коля Каретников. С ними дружили литовцы — Пранас, мой муж, еще кто-то. <...> Значит, они дружили как люди, которые детство провели без советской власти»³⁴.

Николай Николаевич Каретников (1930–1994), Никита Игоревич Кривошеин (род. 1934), Андрей Михайлович Волконский (1933–2008), Олег Сергеевич Прокофьев (см. стр. 64 наст. изд.) — московские друзья Виргилиуса Чепайтиса.

Стр. 29 — ...«не курицы, не грезы, и не удобные допущения, а вещи, признанные авторитетом чувств, которые — от Бога». — Н. Т.: «из книги „Св. Фома Аквинат“ Г. К. Честертона».

Н. Т. отсылает к цитате из трактата Г. К. Честертона «Святой Фома Аквинский»: «В дневном свете общего людям разума он верит, что яйцо — не курица, не сон и не практическое допущение, а вещь, узаконенная властью чувств, которые от Бога»³⁵.

Стр. 30 — Фото: Н. Трауберг. Москва, 1960. Квартира Траубергов, Страстной бульвар, 2.

Стр. 31 — Страница из семейного самиздата В. Чепайтиса и Н. Трауберг.

Текст (орфография и пунктуация оригинала):

«нет не могу и все
вы все можете наташа вот ногу сюда
вот поставила Ну и что
сюда
так
а вот и передохнем
скажите виргилиус А почему тут мусорная яма
чтоб санитарнее
и все сюда лазют

³³ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 39.

³⁴ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

³⁵ Честертон Г. К. Святой Фома Аквинский / пер. Н. Трауберг // Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991. Стр. 331.

только молодые и ловкие
нет тут я больше не пойду
вот за этот кустик наташа
жалко кустик
за кустик!
почему я не одела тяпы ког-
да могла одеть тяпы а не эти с каблуками
а вот и Жизнь
крыши и дым из
трубы идет»

Рисунки В. Чепайтиса. Техника: рисунок через копирку.

Фото к «Необходимым пояснениям»:

Стр. 32 — Фото (сверху вниз): Леди Джен; Юозас Тумялис; *Przekrój*; Нутрия — фото из семейного архива и архива П. Моркуса.

Стр. 33 — Фото (сверху вниз): братья Успенские; Н. Томашевский; О. Хепберн; Б. Пушкарская, д. 46/48, стоит тетя автора О. Ланде — фото из семейного архива и архивов В. А. Успенского и семьи Томашевских.

Стр. 34 — Фото (сверху вниз): О. Мандельштам; А. Ахматова; Б. Пастернак; Е. Малаховская. Фото из архива семьи Томашевских.

Стр. 35 — Карта Генерального Штаба СССР (1968 год).

Idae

Summa Anthropologiae

uu

Matbeebcuti caquu
(Kortulus Matthaei)

ТЕТРАДЬ № 3. SUMMA ANTHROPOLOGIAE, ИЛИ МАТВЕЕВСКИЙ САДИК (HORTULUS MATTHAEI)

Н. Л. Трауберг как семиотик и персонолог: к истокам «Зануд и паскуд»

Томас Венцлова

Дело было в августе 1966 года, то есть в эпоху вполне доисторическую, не только в смысле давности, но и в том смысле, что история, прекратившая течение свое, только-только начинала приходить в чувство и куда-то двигаться. Одним из явных признаков движения были летние школы в Кяэрику. Мы с Натальей Леонидовной (тогда Наташей) Трауберг приехали на вторую из них. Сначала по железной дороге от Вильнюса до Тарту (тогда ходил очень удобный поезд между четырьмя столицами — Минском, Вильнюсом, Ригой и Таллинном), потом, кажется, на такси километров сорок на юг, до крошечного городка Отепя, оттуда еще десять до спортивной базы университета среди лесов и озер. В Отепя мы потом добирались по вечерам, ибо там была корчма (даже создали песню «Вчера я зверски в Отепя напился», героем которой была моя скромная особа).

Место было на отшибе, что способствовало духу как бы Телемского аббатства. Впрочем, порядок был демократичным, но, в сущности, строгим. Просто так, без доклада, приезжать не полагалось, поэтому мы добрую неделю сочиняли в Пярвалке, на литовском взморье, тезисы «К типологии этических систем». Была это, в сущности, апология христианства, в чем Наташа уже тогда преуспевала. Под конец нашего сочинительства на песчаной дорожке появился голубь, поэтому завершающим тезисом стала фраза «Вот голубь идет», но потом мы решили, что это слишком уж прямолинейно. Доклад был прочитан в секции симпозиума по названию «Персонология», где выступали также Борис Успенский и Александр Пятигорский. Они в один голос сказали: «Текст любопытен, но к персонологии никакого отношения не имеет». Куда больший успех снискал доклад Наташи о любимом ею Честертоне. Тут я участвовал только как слушатель.

О Летней школе кто-то сочинил самокритичное четверостишие:

Отовсюду по сударику
Собиралось в город Кяэрику.
Собирались идиотики
Толковать о семиотике.

Я несомненно относился к «идиотикам», потому что о семиотике имел самое туманное представление. Но таковы были далеко не все. В Кяэрику мне повезло увидеть самых крупных — и самых независимых — филологов той поры. Наташа была знакома со многими. Не буду их перечислять — об истории московско-тартуской семиотической школы уже многое сказано и написано. Больше всего меня интересовала, да и сейчас интересует, русская поэзия Серебряного века, потому я с особенным вниманием вслушивался в доклады Татьяны Цивьян об Ахматовой, Вячеслава (в просторечии Комы) Иванова о Цветаевой, Юрия Левина о Пастернаке, Дмитрия Сегала о Мандельштаме. После доклада Исаака Ревзина и Ольги Ревзиной — тогда еще выступавшей как Карпинская — о семиотике пьес Ионеско даже решился вступить в дискуссию, так как Ионеско был нашим с Наташей любимым драматургом: тогда она перевела для самиздата «Урок», а я с приятелем, будущей знаменитостью Камой Гинкасом, даже создавал прожект его постановки. Единственным в своем роде явлением, конечно, был Пятигорский — участники бдений в Кяэрику называли его Шивой и утверждали, что он, как Шива, способен одновременно присутствовать во многих местах. Тогда он вместе с Линнартом Мяллем переводил «Бхагавад-гиту». Мне запомнилась его краткая и резонная фраза: «Все переводят „Гиту“ как хотят; мы переводим „Гиту“ как мы хотим». Кстати говоря, под эгидой семиотики изучались и различные эзотерические системы вплоть до Гурджиева. Один из докладов назывался «Четвертый путь». «Что это такое?» — спросили мы с Наташей, слегка стесняясь своего невежества. На это Юрий Михайлович Лотман, он же Юрмих, ответил: «Ну, первый, второй и третий пути вы знаете. А вот это четвертый».

Главным событием Второй Летней школы был приезд Романа Jakobson с женой и сотрудницей Кристиной Поморской. Легендарный лингвист, приятель Хлебникова и Маяковского, в шестидесятые годы славист номер один земного шара, уже имел доступ в СССР, но не в Тарту — город был закрыт для иностранцев. Он все же приехал из Таллинна, но с негласным сопровождением. Когда Jakobson гулял по тропинкам Кяэрику с Комой Ивановым и Владимиром Топоровым, за их троичей на расстоянии двух десятков метров следовала машина — видимо, имевшая подслушивающее устройство. Я весьма сочувствую чекистам, которым пришлось расшифровывать их беседы, так как Jakobson, Иванов и Топоров говорили в основном о понятии «дхьяна» в санскритской поэтике. Для менее посвященных Jakobson прочел блистательный доклад о «поэзии грамматики» в стихотворении Радищева, написанном по пути в Илимский острог. Вечером у камина Jakobson вместе с Петром Богатыревым, своим давним соратником по Московскому и Пражскому лингвистическим кружкам, рассказывал нам о тех — пожалуй, более счастливых — временах.

Юрий Михайлович прочел несколько докладов, в том числе о категориях «начала» и «конца» в художественном тексте (с эпиграфом из тогда запрещенного или полузапрещенного Бродского «Пришлите мне книгу с хорошим концом...»). Но основная его роль заключалась в другом. По слову Владимира Успенского, он был «настройщик, дирижер и первая скрипка этого оркестра». Он участвовал во всех дискуссиях, причем, невзирая на его отменную — я бы сказал, аристократическую — вежливость, «не понравиться Лотману» было ужасно. В конце Летней школы был устроен некий сабантуй с хороводом, на котором Якобсон поднял тост за Юрия Михайловича, «написавшего лучшую книгу о поэтике за много, много лет», — он даже не уточнил, идет ли речь только о русской, или о мировой научной литературе. Лотман в ответ осушил бокал «за своих учителей». «Как Петр Первый под Полтавой», — сказала мне Наташа Трауберг.

Сразу после Кяэрику вернулись в Вильнюс, куда как раз впервые приехал Бродский, но это, как говорится, другая история.

Комментарий к книге Натальи Трауберг «*Summa Anthropologiae*, или Матвеевский садик (*Hortulus Matthaei*)»

Машинописную книжку «*Summa Anthropologiae*, или Матвеевский садик» сохранил Пранас Моркус и подарил в 2008 году внуку автора, Мотеюсу Чепайтису. Повторно книжка издана в 2008 году в домашнем издательстве «Ёлочка», в сборнике «Матвеевский садик» к 80-летию юбилею автора. Тираж «Матвеевского садика»: 19 экз.

В «Исторической справке» к трактату, написанной в 2008 году, Наталья Леонидовна объясняет, что трактат предположительно создан в 1966 году, после поездки автора с Томасом Венцловой (см. стр. 28 наст. изд.) и Юрием Глазовым (см. стр. 73 наст. изд.) в Кяэрику. Судя по сноскам в трактате и опираясь на воспоминания современников, мы пришли к выводу, что он был окончательно дописан и напечатан в 1968 году.

Н. Т. поехала с Томасом Венцловой и Юрием Глазовым в Кяэрику из деревни Пярвалка на Куршской косе. Подробнее в воспоминаниях Н. Т. (Кяэрику-Кяэрику): «...четко помню сцену <...> бродит Томас Венцлова, собирающийся с Юрой и со мной ехать на симпозиум в Кяэрику. Юра стоит над нами и пламенно доказывает, что семиотики — соль земли. За год до этого солью земли были, кажется, буддисты (не ручаюсь). Мы соглашаемся с ним, но не полностью. Слово за слово, и я плачу, слезы каплют в овсянку. Плачу я зря, Юрина пылкость похожа на агрессивность только с виду. Добрый он настолько, что, неся по деревне с трудом добытые свежие яйца, неожиданно отдает их мне.

Наконец мы едем на симпозиум. Юра везет доклад о чем-то индийском; однако, выйдя к столу и доске, начинает рассказывать о моделях семьи в разные советские периоды, и говорит такое, что после доклада все испуганно молчат. Среди участников — Роман Якобсон, с ним какие-то приставленные лица, народу вообще много, отвечает за все Юрий Михайлович Лотман. В общем, ситуация. Юра сидит за столом, в ярко-белой рубашке, обхватив руками голову. Томас жалобно смотрит на него, я — взываю к небесам, народ чуть не плачет. После этого многие спрашивают нас с Томасом, провокация ли это. Мы утверждаем, что нет, но с переменным успехом. Дня через два ведущий заседание (кажется, пастор Мазинг) сообщает, что у Юры родился сын, а кто-то (кажется, Иллич-Свитыч) трагически погиб. Потрясенные этими событиями, структуралисты отмякают; но Юра больше не говорит, что они — соль земли. Теперь ею оказались католики.

Прибавлю, что Юра уехал в Москву, а мы с Томасом — в Таллинн, где нас и настигло сообщение, что в Вильнюс приехал отдышаться еще не знакомый с нами Бродский. Мы спешим домой»¹.

В других воспоминаниях Н. Т. называет тему доклада: «В годы, когда об Оксфорде глупо было и мечтать (1966), мы с Томасом Венцловой делали доклад в Кяарiku и назвали его, как тогда полагалось, „Моделью мира у Честертона“. По законам тех лет мы выделили сколько-то „дифференциальных признаков“, очень разных, а то и противоположных — для обычного мышления, но не для него: яркость и прозрачность, четкость и уютность, ту же прозрачность — и плотность (это не все)»².

В семейном архиве сохранились открытки Н. Т. родителям, написанные перед поездкой и из Кяарiku.

До поездки: «...Переходим к наукам. Вы спрашиваете, что такое семиотика.

Это штука хитрая — та самая, которая умеет много гитик. Представьте себе, что язык — только одна из знаковых систем, а есть еще масса: сигнализация, гадания, кокетство и что хочешь. Как говорили умные прадеды — язык цветов, язык того и сего.

Мы заложили основы научной персонологии. Тоже хорошая вещь. Хочешь — игра *à la* мои любимые, хочешь — наука и читай доклад. Такие схемки про нравственные постулаты разных этических систем. Потом я эти тезисы вам подарю.

В Тартуском симпозиуме (точнее — Кяарикском, это будет под Тарту, на воде) лучше всего то, что там Успенские (чуть ли не все), и вообще приятные люди. Все умеют играть и делать вид, что это — наука. А остальные верят, теперь все такое очень любят».

¹ Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. Стр. 176.

² Трауберг Н. Капли из ведра. Заметки переводчика // Дружба народов. 2004. № 8.

Из Кязэрику: «Дорогие Деды! Доклад был сегодня и прошел очень хорошо — даже Якобсону (да-да, тому самому*) понравился. Послезавтра я еду домой. <...>

* не тени твоего драматурга, а лингвисту — он тут, приехал».

В «Исторической справке» (см. тетрадь «*Summa anthropologiae*», стр. 35) Н. Т. пишет даты рождения детей, живших с родителями в Пярвалке, намекая читателю, что имена исследователей (Я. Глазов, Е. Корнилова, Т. Чепайтис и др.) — подложные. При чтении комментариев мы просим учитывать то, что все имена исследователей, названия научных школ и пр. придуманы автором, настоящие реалии нарочно смешаны с придуманными. В комментариях же мы просто попытаемся объяснить происхождение многих (но, конечно, не всех), имен и названий.

Стр. 2 — Фото: Н. Трауберг, дочь Мария и сын Томас. Вильнюс, 1964. На лестнице дома в Антакальнисе.

Стр. 4 — Ковалева Н. Ю. — Ковалева Наталья Юрьевна (род. 1946).

Н. Ю. Ковалева вспоминает: «Моя мама и Ира Муравьева были давними подругами. Ира дружила с Натали, с которой мы были как бы посерединке, тоже со своей разницей в возрасте. Казалось бы, естественней Натали общаться с моей мамой, но нам с ней было так интересно друг с другом, тем более и общих друзей поднакопилось — обе дружили и с братьями Муравьевыми, и, позднее, с Юлием Шрейдером. <...> Лет в 18–19 мы с подружкой придумали шутливую теорию о паскудах и занудах, и Натали пришла в восторг, решив внести и свою лепту, облагородив теорию латынью»³.

Стр. 5 — ...на XVIII заседании *Academiae Regalis Pervalcensis*... — см. стр. 47 наст. изд.

Н. Т.: «А вот мы начинаем лекции по истории католичества. Сперва сидим под деревом, потом перебираемся к Глазовым, и они каждый раз меня кормят, повторяя, что пастуха надо кормить»⁴.

Глазовы — Юрий Яковлевич Глазов (1929–1998) и Марина Григорьевна Глазова (урожд. Рафальская, род. 1938), друзья Н. Т., с 1963 года ездили с детьми к Чепайтисам в Литву.

Н. Т.: «Незадолго до отъезда домой, в одну из московских побывок, я познакомилась у Григория Соломоновича Померанца с молодой женщиной, похожей не то на эскимоску, не то на голландку (какой-то северной уютностью). Г. С. уже говорил мне об этой семье — Глазовы, Юра и Марина. Был там и маленький сын Гриша. <...> Сразу выношу за скобки слова „...мне очень понравились“. Повторять их пришлось бы очень часто, и они слабы. Тогда,

³ Письмо Н. Ковалевой М. Чепайтите. 2013.

⁴ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 175.

в те годы, сваривались связи, которые можно сравнить только с близким родством. <...> Летом того же года Глазовы приехали в Литву, но все мы прожили там, в Пярвалке, довольно мало, никак не все лето. Следующий год и мы, и они пропустили (у нас папа ездил в Польшу, у них — не знаю что), и постоянная пярвалкская жизнь началась в 1965-м, когда время явственно изменилось»⁵.

Ю. Я. Глазов: «Познакомились мы с Натали в доме Гриши Померанца, но по-настоящему подружались в Литве, на косе Неринга, куда после рождения Гришеньки начали приезжать каждое лето. <...> Наше летнее пребывание на косе Неринга, среди песчаных, залитых солнцем дюн, вместе с Натали и многими нашими новыми знакомыми и друзьями, наполнило радостью и особым светом нашу жизнь. И если когда-нибудь жизнь и напоминала безмятежную сказку, то это было именно в Пярвалке с ее дивным приморским пейзажем, сосновыми лесами, березовыми рощами, с длинной извилистой дорогой от нашего залива к Балтийскому морю»⁶.

Стр. 5 — *Т. Чепайтис* — в 1968 году сыну Н. Т. Томасу было 9 лет.

Стр. 6 — *...школа Штрома...* — Александрас Штромас (или Александр Штром, 1931–1999) — друг Виргилиуса Чепайтиса и Томаса Венцловы.

Н. Т.: «О вильнюсском гетто я слышала от тех, кто там был. Знала я и спасавших — доктора Баублиса, Стефанию Ладигене. Выжившие дети — Александрас Штромас, Ирена Вейсайте, Дима Копельман — были в буквальном смысле моими *neighbours*: Ирена жила за углом, Штром — какое-то время у нас, у Димы мы снимали комнату. Словом, как и о ленинградской блокаде, я многое слышала, а не читала»⁷.

Стр. 6 — *М.-Ф. Чепайтите* — в 1968 году дочери Н. Т. Марии было 7 лет.

Стр. 6 — *...к типу Тальбот-Толли...* — происхождение имени не выяснено, но поскольку последующие названия типов начинаются с буквы Т, предполагаем, что так и было задумано — каждый тип с буквы Т, феномены и формулы — с буквы Ф, парадоксы — с буквы П.

Стр. 7 — *Кафка (Сэлинджер, Белль)* — писатели, которых читали в кругу Н. Т.

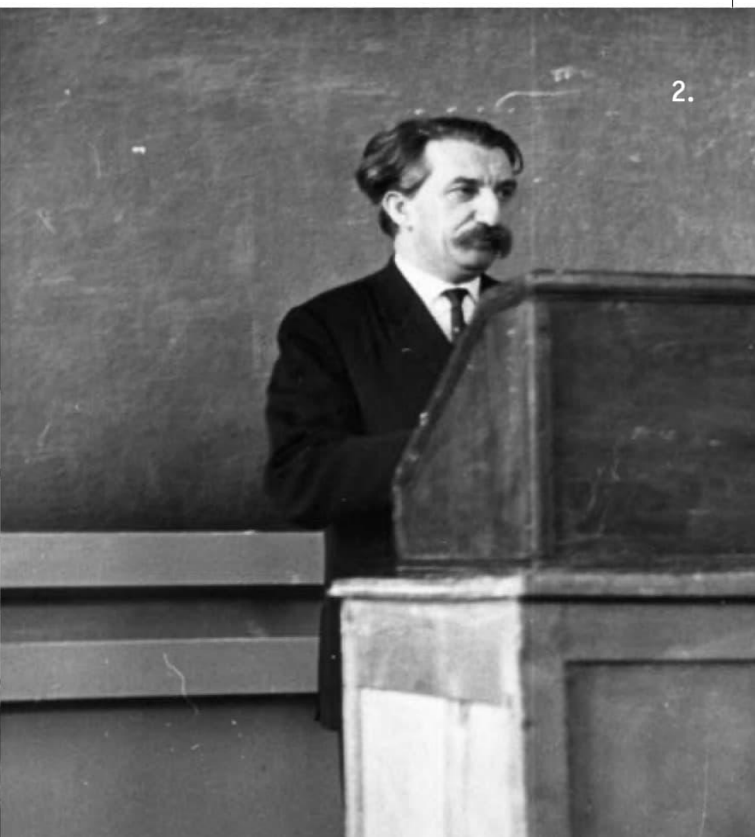
Н. Т. о Франце Кафке: «Как-то отец Станислав причитал: „Я думал, Кафка такой полезный, такой полезный! А его достают по блату и ставят на полку“ (цитирую неточно, он говорил дольше и другими словами). И впрямь мало мы видели людей, для которых из-за Кафки провалился пол пристойной и приличной жизни. Кроме достаемых и ставящих, я встречала два вида его читателей: одни, и без него нерадостные, нажимают на больной зуб,

⁵ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 174.

⁶ Глазов Ю. В краю отцов (Хроника недавнего прошлого). М.: Истина и жизнь, 1998. Стр. 65.

⁷ Трауберг Н. *Dies Natalis*. М.: Ёлочка, 2009. Стр. 17.

**1. Семья Глазовых. Пярвалка, 1967 2. Ю. Лотман. Тарту, 1960-е
3. В. Чепайтис, Е. Солонович. Литва, 1966**

другие не могут его читать. Я, например, „Замок“ не дочитала. И без него знаю, да это и нетрудно — лучше ты оттуда вылез и еще утешь других»⁸.

Н. Т. о Джероме Дэвиде Сэлинджере и Генрихе Белле: «Многие из нас помнят середину пятидесятих годов и то, что было дальше. Один жесточайший режим десять лет как рухнул, другой — только что пошатнулся, и во всем мире заново, как не было, создавали безгрешных изгоев, подобных хорошему ребенку. Клоуны и юродивые Белля, герой Жака Тати, подростки Сэлинджера безотказно радовали нас»⁹.

Н. Т. познакомилась с Генрихом Беллем в 1966 году, когда он приезжал в Москву. В одну из встреч разговаривала с ним о христианстве и Честертоне.

Н. Т.: «Для меня очень много значила встреча с Беллем <...> мы потом писали друг другу. Правда, несколько странно писали, потому что мои ответы не доходили, и получалась масса недоразумений. И встреча с Грэмом Грином, я переводила его рассказ, мы познакомились, я совершенно облизывалась от счастья, но он тут же умер. Я очень любила этих писателей, потому что они живые и чрезвычайно приятные, умные и замечательные»¹⁰.

«Говоря о Честертоне, некоторые исследователи называют его аскетом, т. к. он был „прикован к мысли“. Существует и другое предположение, дополняющее, а не отвергающее это, — может быть, он видел, что в наши дни, как между боями или в лагере, просто не нужны добровольная нищета и добровольное унижение. Именно об этом мне говорил осенью 1966 года Генрих Белль и даже написал статью, к сожалению, не опубликованную»¹¹.

Стр. 7 (сноска) — П. Гайдено — Пиама Павловна Гайдено (род. 1934), сочинение выдуманно Н. Т.

Н. Т.: «Пиама Павловна Гайдено — философ, с которой Н. познакомилась в то время».

Из воспоминаний Светланы Андреевны Долгополовой: «Я увидела Натальи впервые в 1968 году, 1 мая, у отца Александра Меня, куда она приехала вместе с Пиамой Павловной Гайдено и ее мужем Юрием Николаевичем Давыдовым. Она [Н. Т.] была красива, и я подумала: „Неужели такое на свете бывает?“ Это был такой печальный ангел»¹².

⁸ Трауберг Н. *Dies Natalis*. М.: Ёлочка, 2009. Стр. 3.

⁹ Трауберг Н. Сага о свинье. Предисловие к 3-томнику П. Г. Вудхауза (М.: Остожье, 1995) // Трауберг Н. Невидимая кошка. М.: Летний сад, 2006. Стр. 7.

¹⁰ Передача «Советское окно в мир», посвященная журналу «Иностранная литература». Радио «Свобода». 2005. 14 окт.

¹¹ Трауберг Н. Г. К. Честертон и книга о Франциске Ассизском // Вопросы философии. 1989. № 1.

¹² Выступление С. А. Долгополовой на вечере памяти Н. Трауберг 11 мая 2009 г. // Христианос. XVIII. Рига, 2009.

Стр. 7 — *Пустите Кафку или Цветаеву...* — Н. Т. об отношении к стихам Марины Ивановны Цветаевой на первом курсе ЛГУ: «Сперва в 1944 году мы в основном убирали — потому что филфак лежал в руинах. Мы мыли окна, лазили с опасностью для жизни неизвестно куда, разбирали какие-то бумажки, какие-то насыпанные кучи. Это все проходило под стихи, кто какие знал. Причем я очень ценилась, потому что я знала ташкентский вариант „Поэмы без героя“. Мы такие были рапсоды — читали стихи, больше, конечно, Гумилева, но и Ахматову. Причем интересное явление: Пастернак и Цветаева совершенно не пользовались спросом. И я их тогда плохо знала. Так две столицы держали великий спор, и нашими поэтами были Ахматова и Мандельштам»¹³.

Стр. 7 — *Е. Корнилова* — в 1968 году Екатерине Владимировне Корниловой было 11 лет.

Стр. 7 (сноска) — *Сообщено ее матерью.* — Мать Е. В. Корниловой — подруга Н. Т. Галина Петровна Корнилова (род. 1928) отдыхала с семьей Чепайтисов на Куршской косе в 1960-х годах, писала о Литве в своих рассказах¹⁴.

Н. Т. о рассказах Г. П. Корниловой о Литве: «Если бы я писала статьи, я бы написала, что только тебе удалось сохранить и сделать то ли вечными, то ли прекрасными, то ли просто разрывающими сердце дух и вещи пятидесятых годов. Когда пытались делать это в кино (от „Пяти вечеров“ до „Москва слезам“), брали сравнительно условный срез. В прежних книжках ты пригвоздила к бумаге красоту наших первых квартир, молочных магазинов, где мы покупали молоко для Катьки и Ляльки [дочь Н. Т. Мария], т. е. скорее — начала шестидесятых. <...> Обе мы с тобой как бы родились лет на десять позже самих себя, и юность наша пришлась плюс-минус на 55-й год...»¹⁵.

Стр. 8 (сноска) — *Шестов Л.* — философ Лев Исаакович Шестов, сочинение придумано Н. Т.

Стр. 8 (сноска) — *Глазов Я.* — в 1968 году Якову Юрьевичу Глазову было 2 года.

Стр. 8 (сноска) — *Достоевский, Леонтьев, Ницше* — Н. Т. об увлечении Константином Николаевичем Леонтьевым и Фридрихом Ницше в конце 1960-х годов (о Достоевском см. стр. 92 наст. изд.): «Именно тогда сгустилась и оформилась особая неопитская злость. Несколько человек двигались примерно так: не могу тут дышать; вот к чему привели все эти „гуманизмы“; значит, ненавидим всякую жалость и слабость. Конечно, я упрощаю, но не очень. Полюбили Леонтьева, кто-то нашел Ивана Ильина, кто-то Леона Блуа, Беллока,

¹³ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг. 2004–2005. Семейный архив.

¹⁴ *Корнилова Г.* Кикимора. М.: Изд-во Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского, 2002.

¹⁵ Открытка. Семейный архив Г. П. Корниловой.

Элиота, Рамиро Маэшту, а кто-то и Ницше, естественно, замечая у них главным образом „вот это“. Те, кто рванулся к католичеству, восхищались кострами. Как всегда при ставке на силу, начинался культ здоровья — словом, все, что заметил и описал Г. Федотов в „Антихристовом добре“»¹⁶.

Стр. 8 (сноска) — *М. Траубридж* — Н. Т. любила обыгрывать свою фамилию, например, написала пьесу «Гвоздь» под именем Хуана Монтелеаль (перевод на испанский Н. Трауберг)¹⁷.

Стр. 9 — ...*парадокс Пранаса*... — Пранас Моркус (см. стр. 43–44 наст. изд.).

Стр. 9 (сноска) — *Гофман, Кьеркегор* — Н. Т. с детства читала Эрнста Теодора Амадея Гофмана, особенно любила повесть «Мартин-бочар и его подмастерья» (см. стр. 44 наст. изд.).

Серена Кьеркегора Н. Т. ставила в один ряд с св. Августином и Паскалем (см. стр. 98 наст. изд.).

Стр. 10 — ...*тип Томаса*... — Томас Венцлова (см. стр. 28–29 наст. изд.).

Стр. 11 — *porcupine* — дикобраз (англ.).

Стр. 11 — ...*феномен Фаунтлероя*... — «Маленький лорд Фаунтлерой», см. стр. 37 наст. изд.

Стр. 11 — ...*феномен Франциска*... — см. стр. 35 наст. изд.

Стр. 11 — ...*момента Иова*... — во многих своих очерках и интервью Н. Т. упоминала притчу об Иове: «Другое дело, если человек страдает сам. Вот тут он вопиет хуже Иова, и тем сильнее, чем ехидней и сладостней упрекал других, что они, видите ли, страдают. А вот когда страдаю Я-а-а, это совсем другое дело!»¹⁸.

Стр. 11 — ...*чудо Честертона*... — см. стр. 35–36 наст. изд.

Стр. 12 — *Эффект Раскольников* — см. тетрадь «Петровский парк», стр. 12–13.

Стр. 12 — ...*в духе Ионеско*. — Н. Т. переводила для издательства «Ёлочка» две пьесы Эжена Ионеско — «Урок» и «Носороги» — см. *Венцлова Т. Н. Л. Трауберг как семиотик и персонолог: к истокам «зануд и паскуд»*, стр. 70.

Стр. 13 — *Эффект Цахеса* — Н. Т. любила приводить в пример Цахеса из сказки Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер»: «Как в жизни недолюбленный человек легко превращается в крошку Цахеса, так и в мемуарах может всех перекусать»¹⁹. «Если раздувать, а не растворять, выйдет история о Цахесе. Самолюбие опасно и для себя, и для других. Союзы, основанные на нем (жена умело и незаметно подпитывает амбиции мужа) часто кончаются так же, как в сказках: сожрав всех вокруг, муж съедает и ее»²⁰.

¹⁶ *Трауберг Н.* Сама жизнь. Стр. 144.

¹⁷ *Трауберг Н.* Матвеевский садик. М.: Ёлочка, 2008. Стр. 123.

¹⁸ *Трауберг Н.* Полианна // Истина и жизнь. 2004. № 3.

¹⁹ *Трауберг Н.* Еще одно письмо Вл. А. Успенскому // Неприкосновенный запас. 1999. № 3 (5).

²⁰ *Трауберг Н.* Женский сюжет // Истина и жизнь. 2009. № 1.

- Стр. 13 — ...*формула Фомы*... — св. Фома Аквинский, см. стр. 47 наст. изд.
- Стр. 13 (сноска) — *А. Чернова* — Н. Т.: «Агнесса Чернова — в дальнейшем жена Томаса Венцловы». Агнесса Филипповна Чернова (род. 1942) была женой Томаса Венцловы в 1967–1970 годах.
- Стр. 14 (сноска) — *И. Гец* — Н. Т.: «Илья Гец — муж Цили Гецене, которая с Томасом Венцловой работала в Вильнюсском университете».
- Стр. 14 (сноска) — *Каролинки* — район Каролинишкис в Вильнюсе.
- Стр. 16–17 — Салфетка из архива В. Успенского. Н. Трауберг, В. Успенский, Т. Венцлова, А. Поливанова. Работа по типологии личности.

Текст, написанный на салфетке (орфография и пунктуация оригинала):
 Рукой Н. Трауберг:

I	II	III	IV
Фальшь	Высокомерие	Подонство	Равнодушие

Рукой В. Успенского на левой стороне:

«Визит Натали 29/III 66

I II III IV

светлая лич 0 <зачеркнуто>

благородный чел. — 0

глубоко порядочный человек — 0 0

светлая личность — 0 0 0».

Рукой В. Успенского под таблицей Н. Трауберг:

«1 чучело

0 человек 1 2 3 4

0 0 мил. ч. 1204

0 0 0 хор. ч.

0 0 0 0 пр. ч.».

Рукой В. Успенского в правом верхнем углу:

«Обед с Натали (и Т. Венцлова и А. Поливановой) 7/III 66».

- Стр. 18 — Фото: Н. Трауберг. Вильнюс, 1964. Квартира в Антакальнисе, у Н. Т. болит голова.

Стр. 21 — *in the long run* — в конечном счете (англ.).

- Стр. 21 (сноска) — ...*школы Глазовых*... — Братья Гриша и Яша Глазовы. В 1968 году Григорию Юрьевичу было 5 лет, Якову Юрьевичу — 2 года.

- Стр. 22 — ...у *Толстого*... — Н. Т. о своем несогласии с Львом Николаевичем Толстым: «Толстой не прав в том, что жизнь по Евангелию можно построить с помощью закона: не сходится, это не эвклидова геометрия. Это берешь

силой, усилием каждую секунду. Каждый поступок, который должен быть хотя бы отдаленно евангельским, не совершается: хочешь сделать и не можешь. Хорошо знаю по себе»²¹.

Стр. 22 — ...«Фея Розабельверде и майор Скоби»... — Фея Розабельверде из сказки Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер», майор Скоби из романа Г. Грина «Суть дела».

Стр. 22 — С. К. Пири — Н. Т.: «Пири — игрушечный медведь Т. и М.».

Стр. 23 — Протоиерей И. Роднянский... — Н. Т. познакомилась с Ириной Бенционовной Роднянской (род. 1935) в начале 1960-х годов.

И. Б. Роднянская: «Честертон в исполнении Трауберг — целая эпоха и в моей жизни. Как радостно было процитировать: „Добро — это добро, даже если никто ему не служит. Зло — это зло, даже если все злы“. Это из эссе о Филдинге, в те годы, помнится, разрешенного. Но благодаря Н. Л., запустившей свои переводы в самиздат, Честертон для меня, как и для других из близкого круга, сразу предстал христианским апологетом-парадоксалистом и выстроился в затылок Достоевскому и особо популярному тогда Бердяеву; в бледных машинописных копиях мы читали и „Франциска Ассизского“, и „Вечного человека“. Уже стоит на моей полке пятитомник Честертона, пришедший на смену трехтомнику, а у меня все не поднимается рука выбросить толстую папку с блеклой машинописью»²².

Стр. 23 — ...*operarum caritatis* <...> *consolare afflictum* <...> *ferre onerosos* <...> *pro omnibus orare*... — *operarum caritatis* — дел милосердия (лат.), *consolare afflictum* — утешать унывающих (скорбящих) (лат.), *ferre onerosos* — носить бремена (лат.; ср. Гал. 6:2: «Носите бремена друг друга»), *pro omnibus orare* — молиться обо всех (лат.).

Стр. 23 — Мэри Дж. Траубридж — см. стр. 78 наст. изд.

Стр. 25 — Н. Матушка — «Матушка» — домашнее прозвище Н. Т., см. «Венок сонетов».

Стр. 26 — С. Еремеев, ОР — по-видимому, от прозвища Юрия Яковлевича Глазова «Иеремия».

Стр. 27 — ...мotto Муравьева... — Владимир Сергеевич Муравьев (см. стр. 44–46 наст. изд.).

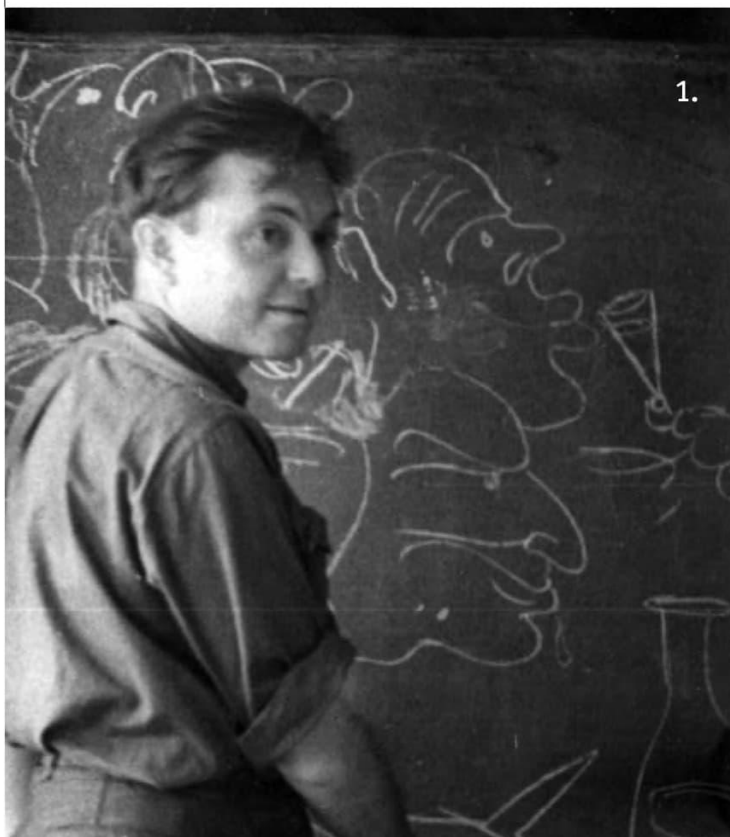
Стр. 27 — О. Рондо-Безверхова — по фамилии дедушки Н. Т., Николая Николаевича Ланде-Безверхова.

Стр. 28 — Фото: Н. Трауберг, Мария, Томас, В. Чепайтис. Вильнюс, ул. Лейиклос, 1967. Слева на фото — двухэтажный домик, на втором этаже — три окна квартиры Чепайтисов.

²¹ Баландина Н. Притча легко совпадает с действительностью. Интервью с Н. Трауберг // Искусство кино. 2007. № 6.

²² Книжная полка Ирины Роднянской // Новый мир. 2007. № 6.

**1. В. Успенский. Кяэрику, 1967 2. Т. Венцлова. 1960-е
3. М. Чепайтите и Е. Корнилова, Пярвалка, 1967**

Стр. 29 — Листок из архива В. Успенского. Н. Трауберг. Работа по типологии личности.

Текст (орфография и пунктуация оригинала):

Мир лежит во зле

	Будьте как дети	Мудры как змеи	Не мир, но меч
Святые	Св. Франики	Св. Фомы	Св. Доминики
обижаемые	<u>Талки</u> Не лежит он, все такие хорошие	<u>Батюшки</u> Лежит-то он лежит, а мы его берлогой	<u>Буткевичи</u> Лежит, гад, ну его...
обижающие	<u>Бруни</u> Ах, вечно вы усложняете, все так мило!	<u>Литжены</u> Лежит, что и го- ворить, а я свое возьму	<u>Князи</u> Лежит, и потому всех презираю

Талки — Талка — прозвище Гитаны Садовниковой (род. 1944), вильнюсской подруги Н. Т.

Батюшки — Батюшка — домашнее прозвище Виргилиуса Чепайтиса, см. тетрадь «Венок сонетов».

Буткевичи — Зенонас Буткявичюс (1936–2012) — друг Томаса Венцловы.

Бруни — семья Бруни, знакомые Н. Т. (см. В. Успенский. Комментарий к «Оде» и к затекстовым примечаниям к оной. Стр. 24 наст. изд.).

Литжены — жены писателей.

Князи — по-видимому, имеется в виду Андрей Волконский (см. стр. 66 наст. изд.).

Стр. 31 — *Папа Бенедикт XV...* — Н. Т. цитирует папу Бенедикта XV: «Бенедикт XV успел предупредить, что в „настоящем XX веке“ особенно опасны дурной порядок и дурная свобода. Мы их сполна получили. В нашей бедной стране 1920-е годы сумели совместить их вполне открыто; потом дурная свобода шла понизу, почти тайно, и многим кажется, что ее не было. Нет, была, и там же, где теперь, — в распутстве и коррупции»²³.

Стр. 33 — *as you like it* — как вам это понравится (англ.).

Стр. 33 — *theologia moralis* — нравственное богословие (лат.).

²³Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 303.

Стр. 33 — ...пошли Кабирии или «Главные улицы» — фильмы «Ночи Кабирии» (1957) Федерико Феллини и фильм «Главная улица» (1956) Хуана Антонио Бардема.

Стр. 34 — См. у Тэффи... — Надежда Александровна Лохвицкая (Тэффи) — одна из самых любимых русских писателей Н. Т., она цитировала Тэффи всю жизнь.

Н. Т. о «круглом дураке» Тэффи: «Прав, прав Честертон: „ниже“ и „выше“ мещанства человека испортить трудно. Мещанством для краткости именуем непрошибаемое всезнание — то, что Тэффи называла „круглый дурак“. Перекидываясь к божественной лексике, противопоставим ему смирение и кротость, а можно — ту добрую волю, о которой так удачно говорят рождественские ангелы»²⁴, «Как это похоже на ту глухоту души, о которой сокрушаются и Библия, и Пушкин, и Тэффи („круглый дурак“, в отличие от обычного), и Набоков с Бердяевым („пошлость“), и Честертон („вульгарность“ и просто „глупость“), и мы сами много лет назад, когда обозначили ее латинским *X*, поскольку такое свойство легче учуять, чем описать. <...> Слепота и глухота — болезнь, отделяющая от истины и свободы, легкости и красоты. Сколько лет люди вынужденно жили без этого!»²⁵

---

²⁴ Трауберг Н. Марьино роща. М.: Ёлочка, 2008. Стр. 33.

²⁵ Трауберг Н. Третье письмо Вл. А. Успенскому (Неприкосновенный запас. 2000. № 2 (10)) // Трауберг Н. Невидимая кошка. Стр. 35.

Наш!

НАТАЛЬЯ ТРАУБЕРГ

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

МОСКВА 2008

«ёлочка»

ТЕТРАДЬ № 4. ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

Письмо Натали Трауберг

Людмила Улицкая

Дорогая Натали! Перегородка делается все прозрачней, еще чуть-чуть, и письма с легкостью начнут ходить туда-сюда. Уже есть смысл попробовать пообщаться — между нами осталось несколько невыясненных вопросов и я не потеряла надежды, что успею получить ответ, находясь по эту сторону облаков. Мое восхищение и очарованность, а также некоторая робость перед Вами в те годы, когда Вы были довольно молодой женщиной, а я не совсем еще взрослой девицей, были столь велики, что я так и не смогла спросить у Вас несколько важных вещей, и до сих пор они остались невыясненными. Из них может быть самая меня занимающая вещь — какая дерзость, самоуверенность, какое чувство собственной силы и невинности должно быть в душе человека, который говорит, как вы говорили: сегодня я молюсь за Польшу... или за Израиль... или за пострадавших от землетрясения...

Я смотрела и изумлялась Вашему могуществу. Хотя и с Польшей было плоховато, и с Израилем не лучше, и взрывы то там, то здесь происходили, и больные дети умирали. Но каковы были Ваши отношения с ангелами? С Франциском и с Антонием? С Марией, дочерью Иоакима и Анны? — если Вы могли ставить перед ними такие вопросы! Если такие отношения возможны между Вами и ими, значит, они возможны и для других существ? Они, как Ваши любимые кошки, ходили из комнаты в комнату, для нас невидимые, для Вас осязаемые, общались с Вами, утешали, прикрывали Ваши чудесные глаза от всяких гадостей, которые Вы просто не замечали? Но при этом они не исцеляли Ваши тяжкие болезни — неужели из воспитательных соображений? Они Вас не подводили? Я лично просто боялась к ним обращаться, потому что в случае, если бы они не захотели исполнить мои горячие мольбы, я перестала бы верить в их могущество и, что куда хуже, в их доброжелательность или даже в само их существование?

Глядя на Ваши полные подробностей собеседования с высшими силами, понимая, что Вы с ними накоротке, я одновременно несколько даже негодовала, почему это они, при всей теплоте и близости, не дают Вам никаких послаблений ни в болезнях, ни в страданиях иного рода? Годами наблюдая Вашу многотрудную, полную тяжких физических испытаний жизнь, я растеряла постепенно представление о том, что существует какая-то линейная справедливость, — в моих глазах Провидение было к Вам исключительно несправедливо, но Вы были столь настойчивы и неколебимы в своей вере, что Провидение даже несколько проигрывало в сравнении с Вами.

Не знаю, трудно ли ангелам наблюдать за всеми нашими безобразиями, пытаться нам помогать, исправлять наши ошибки и глупости, но нам определенно очень трудно наблюдать за их совершенством, которое для них-то легко и сладко, потому что ничего другого они не знают.

Последние две недели я нахожусь в состоянии близкого, насколько мне позволяет аллергическая реакция на кошачью шерсть, общения с двумя прекраснейшими серыми представительницами кошачьего племени. И я сделала небольшое открытие, которым хочу поделиться, хотя почти уверена, что не получу от Вас одобрения: у кошек и ангелов есть одна общая черта — на самом деле они к нам, земным женщинам, совершенно равнодушны. У меня даже есть такое подозрение, что и между собой они находятся не в лучших отношениях. Помните ли Вы, дорогая Натали, прелестное Благовещение Лоренцо Лотто, где Дева сидит со своим рукодельем и еще не заметила появившегося архангела Гавриила, а кошечка серая уже его заметила, страшно испугалась, выгнула спину и распушила шерсть? Вот на этот вопрос я и хотела бы получить ответ.

Поскольку я совершенно не уверена в том, что мой маршрут проляжет через те прозрачные места, в которых Вы пребываете, вне всякого сомнения, со своими четырьмя кошками и одной (последней) собачкой, сделайте одолжение, дорогая Натали, дайте знать, в каких взаимоотношениях находятся между собой эти две породы столь любимых Вами существ.

Одна наша общая подруга, художник, последние лет десять рисует исключительно ангелов, и я постоянно всматриваюсь в эти многочисленные отряды и замечаю, что они принадлежат другому этносу, и физиономии у них поюго-восточней, чем у византийских, и наблюдается некоторая развязность в жестах и поведенках... Словом, я смущена. И в этой точке я тоже жду руководящих пояснений. Какие там отношения в ангельском сообществе, нет ли там проявлений агрессии и национализма, не дай Бог?

В сущности, эти осторожные вопросы все группируются вокруг одного и когда-то важного, но с годами актуальность потерявшего: что там ангелы вообще делают около любви? Ведь пока мы были молоды и привлекательны, никакие ангелы не могли нас отодрать от чужих игрушек, как бы ни старались, а когда мы стали стары и полностью потеряли интерес к старинной, все еще не вышедшей из моды игре, их защита, поддержка и советы оказываются совершенно излишними...

Натали! Дорогая Натали! Если можно, найди способ сообщить о положении дел. А может, там действительно царит... стесняюсь выговорить эти слова. Ну, ты понимаешь...

Дружеский поцелуй,
Люся У.

Комментарий к книге Натальи Трауберг «Петровский парк»

Сборник «Петровский парк» был придуман Натальей Леонидовной для заинтересовавшегося издательства, но не издан. Сборник стал второй книгой возрожденной «Ёлочки». Издан в 2008 году тиражом 26 экз.

Стр. 2 — Фото: Н. Трауберг читает Т. Кибирова. Москва, 2007, католический Сочельник. Последняя квартира Н. Т. на Фортунатовской ул. Фото Натальи Романовой.

Стр. 3 — *Матвей и Кристина* — внук Н. Т. Мотеюс (Матвей) Томасевич Чепайтис (род. 1979) и его жена Кристина Чепайтене (урожд. Славуцките, род. 1980).

Стр. 3 — ...пришлось редактировать книгу «Детективные истории в Библии». — Н. Т. ошиблась в названии, книга называется «Криминальные истории в Библии», перевод с немецкого¹.

Стр. 3 — ...задумало издать «Любовные истории»... — книга «Любовь и страсть в Библии»² издана в 2010 году, перевод не Н. Т.

Стр. 4 — ...Катулл хоть прямо написал еще и *odi*... — двустишие Катулла *Odi et amo* — «Ненавижу и люблю».

Стр. 4 — ...Иоаким с Анной — о свершении... — Н. Т. об Иоакиме и Анне: «Моя русско-украинская родня, не жившая в Киеве, чтит „Золотые врата“, и я помню их чуть не с возраста, о котором ничего не помню. Трудно не испытать хоть что-то, увидев, как старая женщина припала на грудь старику. Анна сообщает Иоакиму, что их молитва исполнена. Ни чудо о Сарре, ни песнь другой Анны, высочайшие, даже если судить в пределах словесности, так сильно никого не трогают.

Сколько ни крутись, обожествляя то нестойкую влюбленность юных, то страсть взрослых и даже их теснейшую привязанность, рано или поздно заметишь, что их предел, высшая точка — вот эти „Золотые ворота“. Идет к этому — ничего не может быть лучше, идет к другому — очень жаль. Счастья не будет, хоть святая Анна думала скорее о блаженстве или радости. Помню, Аверинцев сказал, что лучшее время брака — между серебряной и золотой свадьбой»³.

Стр. 4 — *Пэлем Грэнвил Вудхауз* — Н. Т. знала книги П. Г. Вудхауза с детства, поскольку ими зачитывался ее отец. Л. З. Трауберг переписывался с П. Г. Вудхаузом в 1960–1970-х годах.

¹ Криминальные истории в Библии. М.: Рос. Библейское об-во, 2009.

² Любовь и страсть в Библии. М.: Рос. Библейское об-во, 2010.

³ Трауберг Н. *Dies Natalis*. М.: Ёлочка, 2009. Стр. 16.

В одном интервью Н. Т. рассказывает о том, как начала переводить Вудхауза: «Я очень хотела, чтобы его книги смогли прочесть по-русски. Когда в далеком 1946 году мы с тем мальчиком [Р. В. Кинжалов, см. стр. 36 наст. изд.] гуляли по Питеру, я прочитала и Вудхауза. Потом продолжала читать его всю жизнь, но думала, что перевести его невозможно. В 1996 году я работала в американских архивах Льюиса. Американцы отнеслись спокойно к этим трудам, но когда я сказала хозяйке, у которой жила, что перевожу Вудхауза, она буквально подпрыгнула. На одной из лекций моя хозяйка объявила собравшимся, что я перевожу Вудхауза. Что с ними было! Американцы страшно его любят и считают, что он непереволим на другие языки. Для меня тоже не все так просто, я, например, не знаю, как передать речь Берти Вустера, и перевожу другие романы. А вообще-то мой путь к переводу Вудхауза был очень долг: прочитала его в 1946 году („Деву в беде“), а потом сорок три года боялась его переводить, до конца 1989-го»⁴.

Стр. 4 — ...даже случайным браком с бойкой дамой... — Н. Т. о браке П. Г. Вудхауза: «Вообще же судить о его личной жизни — нелегкое дело. Догадок много, но больше всего похоже на правду, что он придавал ей очень большое значение только в книгах. <...> Как в его книгах, все получилось сразу — в 1914 он женился. Понять, почему он это сделал, почти невозможно. Начало Первой мировой войны застало его на пароходе. 3 августа, то есть на следующий день после приезда, он познакомился в гостях с молодой вдовой Этель Уэймен. Был у нее и первый муж, Роули, а от него — десятилетняя дочка Леонора.

Предполагается, что в XX веке, пусть — в „этом кругу“, женятся если не по любви, то по влюбленности. Некоторые так и пишут: „Вудхауз влюбился, и...“, но ощутить это нелегко. Этель уже тогда походила на женщин двадцатых или тридцатых годов. Прежде всего, она была бойкой, но это не умягчали юмор и уютность какой-нибудь леди Чевендер. Из переписки с падчерицей, которая очень похожа на молодых героинь Вудхауза <...> видно, что оба они „боятся маму“. На фотографиях она угловата, элегантна и явственно некрасива. Словом, гадать — бессмысленно; нетрудно предположить, что ей просто пришло в голову женить на себе такого покладистого человека. Сами же по себе они — идеальная иллюстрация к дихотомии „бойкий — тихий“»⁵.

Стр. 9 — *Чарльз Диккенс* — Н. Т. любила книги Ч. Диккенса с детства. В квартире Траубергов на Большой Пушкинской собрание сочинений Диккенса

---

⁴Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. Стр. 408.

⁵Трауберг Н. Пэлем Грэнвилл Вудхауз. Краткая биография // Сайт Российского общества Вудхауза. URL: <http://wodehouse.ru/bio.htm>

стояло в комнате отца (см. тетрадь «Иаков на Лукишках», стр. 46). Определение «диккенсовский» — всегда хвалебное в сочинениях Н. Т.

Высочайшая похвала Вудхаузу в статье о нем — его сходство с Диккенсом. Н. Т.: «Как и Диккенс, он напоминает, что жизнь не сводится к тьме, злобе и распутству, — именно напоминает, а не выдумывает. Как Диккенс, он показывает нам то, что есть в каждой душе, в каждой семье, хотя бы — у каждого ребенка»⁶.

В 1949 году Н. Т. прочитала биографию «Чарльз Диккенс» Г. К. Честертон, в 1960-х годах перевела ее для самиздата, вышла книга в 1982 году⁷.

Н. Т.: «Летом 1949-го я ездила в Михайловский сад и читала там честертоновскую книгу про Диккенса. Предшествовали этому: кампания против космополитов, которую я сочла чем-то вроде кары Божьей, поскольку папа и другие (кроме Мики Блеймана) — баре и циники; посадка моих друзей (начало апреля), которая пришибла мое народолюбие; окончание университета, очень трогательное. <...> Читая про Пэготти и достоинства „простых людей“, я думала: „Как он может?! Где он их видел?! Они же такие беспощадные“, — начисто забыв свои покаяния перед народом, которые оборвались месяца на три раньше, а главное — решив почему-то, что речь идет о несчастных советских хамах, а не о нянечке»⁸.

Стр. 9 — ...мы жили *втроем с дочкой Марией и котом Кешей*. — В июле 1973 года Н. Т. переехала в квартиру на ул. Веерной, д. 40, корп. 3, в московском районе Матвеевское.

Н. Т.: «В конце 1969 года мы вернулись из Вильнюса, то есть это я вернулась совсем, дети жили и там, и тут. <...> Летом 1971-го была готова кооперативная квартира в Матвеевке, но начались двухлетние сложности, которые нормальный человек понять не может. Примерно так: дети, особенно Том, должны учиться в шикарной английской школе; значит, они должны жить на Страстном, у дедов <...> два года мы жили все вместе, а на краю земли стояла пустая квартира, которую мама считала отчасти дачей и иногда оставалась там»⁹.

В 1974 году в матвеевской квартире было основано Честертоновское общество в России (см. стр. 150–151 наст. изд.), председателем которого стал кот Кеша (Иннокентий Коттон Грэй, 1972–1989).

Стр. 9 — ...где живут *теперь Матвей и Кристина*... — внук Н. Т. Матвей (Мотеус) и его жена Кристина снимали квартиру на Верхней Масловке, возле Петровского парка.

⁶ Трауберг Н. Сэр Пэлем, отец Дживса и Вустера (Огонек, 1995) // Трауберг Н. Невидимая кошка. М.: Летний сад, 2006. Стр. 180.

⁷ Честертон Г. К. Чарльз Диккенс / пер. с англ. Н. Трауберг. М.: Радуга, 1982.

⁸ Трауберг Н. Честертон в России. URL: <http://www.gilbertchesterton.ru/tip-ar-aaa-826/>

⁹ Трауберг Н. Марьяна роща. М.: Ёлочка, 2008. Стр. 49.

Стр. 9 — ...*курицу; отец Александр иногда покупал их...* — Н. Т.: «Вот он [о. Александр Мень] приезжает на край света, в Матвеевку, где я тогда жила. В сумке у него — цыплята табака, которых он почти бежит жарить. Аверинцев уже ждет — и отца, и цыплят, поскольку „жареная курица“ была для него символом частной жизни, мирного дома, честертоновской радости. Потом они сидят в углу и обсуждают еще не напечатанную книгу „Дионис. Логос. Судьба“»¹⁰.

С Александром Вольфовичем Менем (о. Александр, 1935–1990) Н. Т. познакомилась в 1965 году. Они подружились, о. Александр приезжал к Чепайтисам в Вильнюс. Когда Н. Т. вернулась в Москву, о. Александр стал ее духовником, она ездила к нему в Новую Деревню.

Н. Т.: «Впервые меня привез к отцу Александру Мелик Агурский в 1965 году. Я уже о нем слышала примерно года два <...> вдруг Мелик как-то появляется и говорит: „Ах, вот есть такой священник“, какой-то необычный, не от мира сего, еврей. Приехали мы в Семхоз, очень с ним было весело, приятно, что-то мы пили, шутили. Он уже какого-то Честертона получил от Мелика, и о Честертоне поговорили. И Наташа [жена о. Александра] ему сказала: „Алик, вот такой-то ходит, а говорят, что с ним надо осторожно, и может быть лучше, чтобы он не ходил“. И тут он сказал — я это помню очень хорошо, это было наверху: „Ой, мать, разве теперь разберешь, с кем надо осторожно, с кем нет, — да пускай ходит“. И вот когда он это сказал и как-то особенно взмахнул рукой со своей такой интонацией, во мне что-то повернулось. Таких священников я не видела, которые бы так сказали. Я видела, в далеком детстве, каких-то впоследствии посаженных батюшек, тайных, это были для меня какие-то сказочные персонажи, а потом я была у Шпиллера и очень его почитала, но я привыкла к тому, что за христианской милостью к священникам — лучше не ходить»¹¹.

«Честертон писал, что святой — противоядие против пороков своей эпохи. К отцу Александру это очень подходит. Тогда бытовала присказка: „Сноб или жлоб?“. Под снобом понимали несоветского, под жлобом — уже органично живущего по-советски. Как было в реальности? Те, кто „смотрел сверху“, уподоблялись жлобам невежливостью; те, кто дрожал в своей нише, были на грани сумасшествия. Наверное, только в фильмах молодые герои радовались еде, зверям, стихам, не замечая, где живут. Отец Александр прекрасно замечал, а указанным вещам — радовался, без допинга, без питья, без истерической взвинченности. Последние два слова кажутся смешными, когда речь идет о нем»¹².

¹⁰ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 228.

¹¹ Трауберг Н. Воспоминания об отце Александре Мене // Сайт «Библиотека Якова Кротова». URL: http://krotov.info/library/19_t/ra/uberg_033.html

¹² Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 225.

1. О. Александр Мень, 1971. Фото В. Кейдана 2. Ю. Шрейдер, Москва, 1992
3. В архиве К. С. Льюиса, Уиттон-колледж, США, 1996. Фото Е. Гросмана

«У всех, кто его знал, возникало ощущение, что он постоянно, всегда, в любой момент жизни предстоит перед Господом. Как пастырь он был обращен к каждому, принимал решения только индивидуально. Он не предлагал единую схему, определенную парадигму, общий механизм (или пять, десять, двадцать схем или подходов), что вообще-то принято. Он каждый раз находил другой подход — и каждый раз индивидуальный»¹³.

Стр. 11 — Фото: Н. Трауберг, дочь Мария и кот Кеша. Москва, 1974. Квартира в Матвеевском. Фото Владимира Кейдана.

Стр. 12 — *Федор Михайлович Достоевский*. — Отношение Н. Т. к Ф. М. Достоевскому видно из ее текста в *Summa Anthropologiae* (стр. 22), где Н. Т. высказывает свои мысли от имени о. Уолла: «Из частных замечаний о. Уолла отметим мысль о том, что у — то есть для — Достоевского почти все (или все?) — зануды; у Толстого же — почти все паскуды. (Напомним еще раз, что ни один из терминов не имеет пейоративного оттенка.) „Толстой видит так, как видят люди, — пишет о. Уолл. — Достоевский же — так, как видит Бог, и потому его книги не страшны, а утешительны для нас“».

Стр. 12 — *сцена у Сони* — Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание». Часть четвертая, глава IV.

Стр. 13 — *в другой ordo* — Н. Т., опираясь на св. Фому Аквината, часто противопоставляла *ordo naturae* — естественный порядок, т. е. мир сей, падший, *ordo gratiae* — порядку благодати или безгрешному, непадшему миру.

Н. Т. пишет в предисловии к детской книжке: «Все просто — мадам де Сегюр жила в наивное, допотопное время, когда мир и человека видели так, как у нее. Все было четко, радостно, правильно, концы сходились, зло явно выделялось на светлом фоне добра, предметы походили на игрушки, любое место — на прекрасный сад. <...> Живем ли мы в таком мире? <...> Живем, конечно, но не в *ordo gratiae*, а в *ordo naturae*. Верующий человек, особенно — католик, слышал, что надо бы жить в *ordo gratiae*, но если этого нет как нет, он врет себе или (и) другим; неверующий рано или поздно такой мир отрицает, с враньем все не так просто. <...>

Gratia, благодать, дает такую жизнь и такое зрение, но тут подстерегает подмена, и очень страшная. У благодатной жизни есть неперемненные признаки, которые проще всего объединить словами „покой и воля“ — духовный мир и духовная свобода, а не равнодушная отрешенность и злое своеволие. Подумав о том, чем отличается тут друг от друга „плохое“ и „хорошее“, мы увидим жалеющую любовь и особую, неописуемую радость, противопоставленные не скорби, а благодущию и отчаянию. Эту радость умел

¹³Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 241.

как никто передать все тот же ровесник нашей графини, Пушкин, и, что удивительно, — даже тогда, когда жизнь его была совсем не благодатной. Иногда умел Лев Толстой. Это очень редкий дар»¹⁴.

Стр. 13 — *Тимур Кибиров* — Н. Т. полюбила стихи Тимура Юрьевича Кибирова (род. 1955) в 1990-х годах, в конце жизни подружилась с ним.

Н. Т.: «В начале 1990-х годов я, словно заклинание, читала, как Тимур Юрьевич молит Бога простить и пощадить Россию. <...> Может быть, самое трогательное, уже классическое — „Леночка, будем мещанами“; а кусочек: „Может, Бог даст, образуется все, ведь немного и надо...“ я, как сумасшедшая, цитирую при малейшей возможности. Снова такой классической точности Тимур Юрьевич достиг в „Карабарасе“. Доминиканец бы позавидовал — идеальная проповедь»¹⁵.

А. Н. Архангельский: «Ее интересовало все, но более всего — как вернуть моральное основание миру. Она рассуждала о современной поэзии — не только о Кибирове, стихи которого любила, но и (с любовью!) о поэтах, чьи стихи ей вовсе не нравились. Рассказывала о своих радиоэфирах, о прочитанных книгах, давних и новых... Это был, как водится, немного сумбурный диалог, но скачкообразная манера — отзвук ее трассирующей мысли, словно прошивающей реальность насквозь. От Кибирова разговор переходил к Франциску Ассизскому, от святого Франциска — к тому, что не умеют у нас комментировать Клайва Льюиса, от Льюиса — к филологу Николаю Всеволодовичу Котрелеву — и снова к Кибирову. Она словно хотела одномоментно охватить весь мир сразу»¹⁶.

Стр. 14 — *Клайв Стейплз Льюис* — К. С. Льюиса Н. Т. начала переводить в 1972 году по просьбе о. Александра Меня, перевела множество трактатов Льюиса, несколько сказок и роман «Мерзейшая мощь».

Н. Т.: «Внезапно в 72-м году на праздник Троицы <...> я получила посылку от отца Александра — книжку Льюиса *The Problem of Pain*. Это была первая книжка Льюиса, которую я видела. <...> Отец Александр сказал, что Льюис — хороший апологет. Я взяла *The Problem...* и поехала к подруге, которая работала в музее в Мураново. По дороге начала читать, и до того мне понравилась эта книга, что я тут же приступила к переводу. Тогда же было немедленно решено перевозить по одной книге Льюиса в год по этим проложенным каналам. И в 72-м я перевела *The Problem...* и назвала „Страдания“ <...> следующим я перевела *Miracles* и назвала „Чудо“. <...> Ну а что же с „Хрониками Нарнии“... К 79-му году было уже переведено пять сказок

¹⁴ Из послесловия к книге графини де Сегюр «Проделки Софи» (Одесса: Два слона, 1994).

¹⁵ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 389.

¹⁶ Архангельский А. Птичка Божия и свято место // Книжное обозрение. 2009. № 14/15 (2232/2233).

из семи, и я перевела из них четыре. Они немедленно выходили в мир, отец Александр сдавал их машинисткам, самиздат выпускал их со всякими огрехами, ошибками...»¹⁷.

О романе «Мерзейшая мощь» (*That Hideous Strength*): «А вот третий роман [„Космической трилогии“ К. С. Льюиса], „Мерзейшую мощь“ я очень люблю. Я начала его переводить в 1979 году и закончила к Пасхе 1983 года, в Литве. С этим переводом связано много всяких интересных историй, но это уже отдельный разговор. А что касается самого романа, то он удивительно жизненный, причем многое в нем очень напоминает советские реалии восьмидесятых годов — такое вот странное совпадение. Но главное, роман этот глубоко христианский, он — о смирении, с помощью которого только и можно преодолевать торжествующее вокруг зло»¹⁸.

Стр. 14 — Из книги «Любовь» — трактат К. С. Льюиса *The Four Loves* Н. Т. перевела для самиздата в 1976 году.

Стр. 17 — Владимир Набоков. «Дар» — Н. Т. о том, как ее родители напоминали персонажей «Дара» Владимира Владимировича Набокова: «Взрослые все время — все время! — танцевали фокстрот. Мне казалось, что они вообще ничем больше не занимаются. Играли иногда в какие-то игры типа карт с фишками. Барышни были модные, молодые люди — несколько похожие на вудхаузовских. Такой вот замкнутый мир, совсем несоветский. Они были очень милые. Крайне улучшенное их издание — это Годунов-Чердынцев из набоковского „Дара“»¹⁹.

Стр. 17 — *simia Dei* — обезьяна Бога (лат.). Часть высказывания *Diabolus est Dei simian*, которое приписывается Тертуллиану.

Стр. 19 — Луиза М. Олкотт. «Маленькие женщины, ставшие взрослыми» — В детстве Н. Т. любила читать романы для детей Луизы Мэй Олкотт в издании «Золотой библиотеки»: «Маленькие женщины», «Маленькие женщины, ставшие взрослыми», «Маленькие мужчины» и «Маленькие мужчины, ставшие взрослыми»²⁰.

Н. Т.: «В детстве у меня были учительницы французского и немецкого. Мама считала, что меня надо воспитывать так же, как ее воспитывали. В 11 лет я поняла, что раз мои любимые книжки („Маленькие женщины“, „Маленькая принцесса“) написаны по-английски, то я буду читать их в оригинале»²¹.

¹⁷ Марсден Д., Жукова Л. *The problem of pain* советского самиздата. Интервью с Н. Трауберг // Нарния. Служение детям. 2004. № 1.

¹⁸ Каплан В. Открывающий радость. Интервью с Н. Трауберг // Фома. 2006. № 2 (34).

¹⁹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 421.

²⁰ Все четыре книги Л. Олкотт. — СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, сер. «Золотая библиотека», [19–?].

²¹ Калашникова Е. Жизнь как благодарность. Интервью с Н. Трауберг // Вопросы литературы. 2002. № 4.

Н. Т. в интервью английскому журналу о любимых книгах: «Несколько лет назад я составила список своих самых любимых книг. <...> Туда вошли „Леди Джен“ Сесилии Джеммисон (из XIX века), „Маленькая принцесса“ Фрэнсис Бёрнетт, четыре книги Луизы Олкотт, „День восьмой“ Торнтон Уайлдера, „Перелетный кабак“ Честертона (который я же сама и перевела), потом еще кое-что из Вудхауза и Диккенса»²².

Стр. 20 — ...которые были тогда в Ольгине... — см. тетрадь «Иаков на Лукишках», стр. 40.

Стр. 20 — *Дороти Л. Сэйерс. «Престолы и господства»* — Н. Т. начала переводить Дороти Ли Сэйерс в 1990-х годах, в 1996 году была в чикагском Уиттон-колледже, где хранятся архивы К. С. Льюиса, Ч. Уильямса, Г. К. Честертона, Д. Л. Сэйерс (см. стр. 148–150 наст. изд.).

Н. Т. о Дороти Л. Сэйерс и ее сонете «Мы дома, мы ушли от суеты...»: «Можно заметить, что у Д. Л. С., как и у ее соратников [Льюиса, Уильямса], сочетались свойства, которые этот мир друг другу противопоставляет: истовость пророка — и эксцентричный юмор, женская жалость — и мужская сила; таких сочетаний много. Одно из них — может быть, самое существенное для нее — с необычайной четкостью выражено в сонете. <...> Восемь строк посвящены поистине райскому покою — и вдруг, взлетая ввысь, она вводит пламенную любовь. Не „противопоставляет“ ее покою, а как бы к нему прибавляет: и покой без любви, и любовь без покоя — искажены, несовершенны. Заметим, что в этом сочетании свойств одна часть все-таки важнее, стихи завершаются ею, ибо для Дороти Сэйерс, истинной христианки, „любовь из них больше“ (1Кор. 13:13)»²³.

В 2003 году Н. Т. выпустила сборник пьес, эссе и стихов Дороти Л. Сэйерс²⁴, написала к нему предисловие.

Стр. 21 — ...с Катей Доброхотовой-Майковой... — Екатерина Михайловна Доброхотова-Майкова (род. 1960) переводила вместе с Н. Т. Вудхауза, других авторов.

Н. Т.: «Последнее время мне понравилась молодая переводчица Катя Доброхотова-Майкова: в переводе у нее удивительно нежная рука»²⁵.

Стр. 22 — *Тимур Кибиров. «Послание Ленке»* — см. стр. 93 наст. изд.

Стр. 24 — Фото: Н. Трауберг. Ленинград, 1935. Постановочное фото «Маленькая дама».

²² Гилберт Честертон: Секрет жизни — в смехе и смирении. Интервью с Н. Трауберг (пер. О. Антоновой) // *Road to Emmaus*. 2002. N 9 (*G. K. Chesterton in Russia*). *Spring*.

²³ Предисловие к книге Дороти Л. Сэйерс «Создатель здания» (М.: Истина и жизнь, 2003. Стр. 6).

²⁴ *Сэйерс Д. Л. Создатель здания* / сост. Н. Трауберг. Ассоциация «Духовное возрождение» ЕХБ, изд-во «Хиллтоп», 2003.

²⁵ *Калашникова Е. Жизнь как благодарность.*

Стр. 25 — Иллюстрация из книги Л. Олкотт «Маленькие женщины, ставшие взрослыми». Издание товарищества М. Вольфъ.

Стр. 26 — *Торнтон Уайлдер. «День восьмой»* — Н. Т. впервые прочитала Торнтон Уайлдера в 1980-е годы, в переводе на русский.

Н. Т.: «Именно тогда [1980-е] мы [С. С. Аверинцев, о. Александр Мень, В. С. Муравьев и Ю. А. Шрейдер] стали думать о торфяном болоте. <...> Был лед, после — оттепель, а потом — что-то вроде торфа. Совершенно изнемогая от невыносимых времен, Сергей Сергеевич расписывал, какие бывают на болотах цветы, кусты, источники. Читая „Курьер ЮНЕСКО“, кто-то из нас обнаружил тему „Хрупкий лес“. Произрастал он именно на болоте. Было это намного позже, в 1989-м, и мы решили, что лес этот начинает расти. <...> Читали мы и „День восьмой“ Торнтон Уайлдера, мало того — очень любили (я и сейчас люблю), и там тоже нашли отрывок про болото и лес»²⁶.

Стр. 26 — *...Татьяна поступила очень плохо...* — см. поэму Т. Кибирова «Выбранные места из неотправленных e-mail-ов».

Стр. 28 — *Гилберт Кийт Честертон. «Перелетный кабак»* — Н. Т. перевела роман Г. К. Честертон «Перелетный кабак» (*The Flying Inn*) в 1969 году для советского издательства, его не пропустили, и он попал в самиздат.

Н. Т.: «Тот, кто читал его лучший роман, „Перелетный кабак“, поймет, что именно защищал он и славил — не преимущества меча перед прозой компромисса (как в „Наполеоне“) и даже не чистоту рыцарского идеала (как в „Дон Кихоте“), а свободу и радость человека, или, как писал он в „Автобиографии“, „бесконечное достоинство отдельной души“. В отличие от героев „Наполеона“ и „Дон Кихота“, Патрик Дэлрой не возрождает ни рыцарских орденов, ни геральдики, ни гильдий, ни самоуправления городов — он просто катит ногой по Англии бочонок рома и голову сыра, причиняя бесчисленные неприятности лорду, запретившему бедным веселье и пиво»²⁷.

Стр. 28 — *Владимир Сергеевич Муравьев* — см. стр. 44–46 наст. изд.

Стр. 29 — *Образ романтической любви я увидела еще студенткой...* — см. стр. 36 наст. изд.

Стр. 32–33 — Фото: Г. К. Честертон с женой Фрэнсис. Лондон, 1910-е. Любимое фото Н. Т.

Н. Т. о браке Честертон и Фрэнсис: «Писем, записей и стихов, связанных с любовью к Фрэнсис, необычайно много. Увидел он ее в 1896 году, объяснился ей в любви — в 1898-м, женился — в июне 1901-го. Когда, уже

²⁶ Трауберг Н. Хрупкий лес // Истина и жизнь. 2005. № 11.

²⁷ Трауберг Н. Честертон — биограф и историк // Историко-биографический альманах «Прометей 1967». М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1967. Т. 2.

1. П. Г. Вудхауз с женой Этель 2. Внук Матвей с женой Кристиной. Вильнюс, 2006
3. Внук Матвей, дочь Мария, Л. Улицкая, Т. Кибиров, В. Успенский, Н. Трауберг,
Т. Чудотворцева. Москва, 2008

за тридцать, она делала операцию, чтобы избавиться от бесплодия, он сидел на ступеньках, мешая сестрам и врачам, и писал ей сонет (операция не помогла).

Роль невесты, потом — жены, в жизни Честертона так велика, что поэмами о ней можно считать все его книги. Однако, кроме совпадений, у „Четверга“ есть преимущество: избавление от страха Честертон всегда связывал с Фрэнсис. При всей ее скромности, она приняла это и не спорила, когда, посвящая ей поэму „Белая лошадь“, он писал: „Ты, что дала мне крест“.

Когда сорокалетний Честертон заболел какой-то странной болезнью и несколько недель был без сознания, Фрэнсис спросила его: „Ну скажи, кто за тобой ухаживает?“ — и немного посмеялась над собой, потому что, открыв глаза, он ясно ответил: „Бог“»²⁸.

Стр. 34 — *Антон Павлович Чехов. «Дама с собачкой»* — Н. Т. пишет об Антоне Павловиче Чехове в рецензии на книгу о нем: «Чехов очень страдает и от „левой“, и от „правой“ категоричности. Он пишет брату: „Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет меня непременно видеть либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. <...> Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах“. Смотрите, „ложь и насилие“ — антихристово добро! <...> Так проявляется и прибывает то противостояние „лжи“, которое почти угасло после Нового Завета. Да, Августин, да, Паскаль, Кьеркегор, но этого очень мало, а вера без этого задохнется. Она и задохнулась в чеховское время.

Читаешь и видишь, как поверх всей этой мешанины, крест-накрест, ложатся правда и милость. Они действительно есть, Чехов — не фон Корен. Вроде бы не веря в Христа, он не забыл, почему Лаевский лучше...»²⁹

Стр. 34 — ...на Андреевских чтениях Библейско-богословского института... — Н. Т. участвовала в создании Библейско-богословского института, основанного о. Александром Менем.

Ирина Анатольевна Гусева (род. 1956), Ирина Константиновна Языкова (род. 1957): «Имя апостола Андрея Библейско-богословскому институту дала Наталья Леонидовна Трауберг. Она преподавала у нас в ББИ курс „Теория и практика литературного перевода и редактирования“ в 1990–2000-х годах, печатала статьи и переводы в журнале ББИ „Страницы“ и „Мир Библии“ (была членом редколлегии обоих журналов).

²⁸ Из послесловия к роману Г. К. Честертон «Человек, который был Четвергом» (СПб.: Амфора, 2000) // Трауберг Н. Невидимая кошка. М.: Летний сад, 2006. Стр. 237.

²⁹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 145.

Наталья Леонидовна активно участвовала в научных семинарах и публичных чтениях, которые чаще всего проходили в музее М. Цветаевой. Андреевские чтения проводятся в институте с 1996 года, Наталья Леонидовна участвовала в них в практически ежегодно (вначале это были конференции, потом стали называться Андреевскими чтениями).

С 2010 года в институте проводятся симпозиумы памяти Натальи Леонидовны Трауберг „Образы трапезы в богословии, философии и истории культуры”³⁰. Это была ее давняя идея»³¹.

---

³⁰ Сайт ББИ. URL: <http://standrews.ru/rus/>

³¹ Письмо И. Гусевой М. Чепайтите. 2013.

Дорогую
"Кансу"
НТ

НАТАЛЬЯ ТРАУБЕРГ

ИАКОВ НА ЛУКИШКАХ

москва 2008

«ёлочка»

ТЕТРАДЬ № 5. ИАКОВ НА ЛУКИШКАХ

Письмо Пранцишке

Пранас Моркус

Дорогая Франека,

как многое из того, что внезапно возникало, если имело отношение к твоей матери, эта фотография лета 44-го (ухватившийся за стальную нитку в дни боев за город скошенный фонарный столб!) взяла да и всплыла ко времени моего опрометчивого обещания тебе прокомментировать «Иакова на Лукишках». Сочинение-то начинается со слов «дорогой Франек» и вестит о судьбоносности одной общей поездки в Вильнюс. Конечно, конечно, но как охватить столько жизней? Стать собакой, вертящейся вокруг невидимой оси в прустовской погоне за кончиком хвоста? Другая возможность — заблудший кот, к хвосту которого злые дети крепко привязали пустышку из-под шпрот, да пустили по беговой. Мчится кот, словно пресловутая тройка, тарыхтя жестью по мостовой, расступаются и хохочут встречные, и бег тот бесконечен, разве что отвалится-уставши-трещалка, а кот, придя в себя, сможет подвести некоторые предварительные итоги.

Что до меня, жестянка возникла летом того же 44-го, в нескольких километрах от восточно-прусской границы. Отец как-то неуверенно спросил меня, не хочу ли я с ним на Запад, в Германию. Шестилетний, я не представлял ни куда меня зовут, ни что со мной станет, когда останусь. Полтора десятилетия спустя, появившись на перроне Белорусского вокзала, Натали, пускаясь в неведомое, отдавала себе отчет, от чего она убегает: с ранних детских лет ее подгонял истощенный вой некоего завхоза в санатории под Ленинградом, изгонявший в предрассветный холод нескольких ютившихся там на птичьих правах.

Всех ее литовских адресов, чего доброго, не счесть, но первым и поэтому настоящим ее домом (где-то об этом написано) стал тот, напротив св. Иакова, — квартира с видом на родильный дом и огромный больничный сад. Знакомые, которым я показываю этот снимок (см. стр. 107 наст. изд.), почему-то не удивляются, не восклицают: «Что это? Как это?». А ведь того счастливого домика-то и нет.

Стараюсь вообразить, что бы произнесла Натали, достанься ей в руки эта фотография. Я бы добавил, что всю послевоенную четверть века св. Иаков был предназначен на снос. Существовал проект Дома Правительства, сначала со сталинским шпилем, потом без, зато с бревенчатой избой посреди предполагавшегося двора: старое, так сказать, и новое. Но Бог не выдал и свинья не съела. И темнота, представленная на снимке засветившейся частью негатива, отступила.

Комментарий к книге Натальи Трауберг «Иаков на Лукишках»

Сборник «Иаков на Лукишках» составлен в 2008 году для домашнего издательства «Ёлочка». Издан тиражом в 17 экз.

Стр. 2 — Фото: Н. Трауберг. Ленинград, 1931.

Стр. 3 — ...*обязана жизнью Вудхаузу*... — Н. Т. считала, что ее родители познакомились из-за Вудхауза: «Мамин первый муж (как говорил Успенский — „законный“, т. к. они были обвенчаны) победил в каком-то конкурсе. Он был инженер-строитель, а они нужны были Щусеву, строившему какой-то вокзал. В Москве было полегче, хотя вообще приближался нэп, и они поехали. Года через два мама бедного мужа отвергла. Пожив еще немного в Москве и открыв, что истина — в богеме, но не найдя в ней места, она поехала в Питер, где сняла комнату у художницы Ходасевич, племянницы поэта <...> мужем ее был Андрей Романыч фон Дидерихс, прекрасно разбиравшийся в старинной мебели и, что важнее, друживший с Горьким. Тот его и вызволил, а потом — устроил смотрителем, что ли, дворцовых шкафиков и стульев. <...> К Валентине Михайловне (Ходасевич) пришли два молодых (23 и 20) режиссера, затеявших студию ФЭКС (Фабрика эксцентрики). Она только-только приехала из Англии и привезла английские книги. Мама сидит и слышит дикий хохот. Оказывается, что эксцентрики читают некоего *Wodehouse* и надрываются. Так познакомилась она с папой»¹.

Стр. 3 — *Томас, Мария, Матвей, Елизавета, Полина, Петр, Йокубас, Сибиле-Мария и юный Лука(с)* — дети Н. Т. Томас Чепайтис и Мария Чепайтите, внуки Мотеюс Томасевич Чепайтис, Елизавета Сергеевна Шутова (род. 1983), Полина Сергеевна Шутова (род. 1984), Петр Сергеевич Шутов (род. 1986), Йокубас Чепайтис (род. 1992), Сибиле-Мария Бразаускайте (род. 2001) и правнук Лукас Чепайтис (род. 2006).

Стр. 3 — ...*вещие слова монсиньора Сладкявичюса*. — 15 октября 1983 года Н. Т. поехала в Кайшядорис к архиепископу Винцентасу Сладкявичюсу (1920–2000).

Н. Т.: «Осенью 1983 года жизни уже практически не было. Однако, как ни странно, монсиньор Сладкявичюс незадолго до этого получил старинную архиепископскую кафедру на полпути между Вильнюсом и Каунасом, туда к нему ездили. Поехала и я, чтобы не сойти с ума, а может — попросить об экзорцизмах.

Архиепископ сказал тогда вещи, в которые было очень трудно поверить. Тихо, даже спокойно он сообщил (именно „сообщил“), что никаких экзорцизмов не надо, такое состояние нормально, потому что советское зло

---

¹Трауберг Н. Дедушка Коля и сэр Пэлем // Истина и жизнь. 2004. № 2.

достигло апогея и очень скоро кончится. Почти деловито он предложил посвятить этому какие-нибудь страдания, а позже, уже в обычной, несоветской жизни, — никогда не гневить Бога, поскольку это будет не рай — просто падший мир, — но уже и не ад. Много раз за последующие годы я вспоминала об этом и рассказывала другим»².

Стр. 3 — ...*в исключительно мерзкое время*... — Н. Т. много где говорила и писала, какая удушливая атмосфера была в советское время (см. тетрад «Иаков на Лукишках», стр. 19 и стр. 96 наст. изд.).

Стр. 3 — ...*молитвы Иоанна Павла*. — Н. Т. очень любила папу Иоанна Павла II, редактировала переводы его энциклик, чтоб они лучше звучали на русском, часто его цитировала.

Н. Т.: «Для XX века он сделал самое большое, что можно сделать. Если в этих категориях думать, то он самый великий человек XX века. Иоанн Павел сделал самое главное: он кончил век тирании. Он кончил его молитвой — и больше ничем. <...> Я, когда жила в Литве, это видела, и мы все в этом участвовали: и молитвы Папы, и „люди от Папы“, и „четки от Папы“, и просьба не бояться — это первое, с чем он вышел к молодежи.

Это спасло мир. От чего? От уничтожения в самом простом смысле. А то, что шло к уничтожению, — это ясно. И если кому-то стало трудно жить, они могут вспомнить: если бы не Папа, ни их, ни их любимых внуков не было бы»³.

Стр. 4 — *До замужества я жила у мамы*... — квартира Траубергов на Страстном бульваре, 2/16.

Стр. 4 — ...*а потом мы снимали, где только могли*... — семья Чепайтисов в 1959–1964 годах, до получения в 1964 году собственной квартиры в Вильнюсе (ул. Антакалнё, 95), снимала квартиры и дачи (неполный список составлен по корреспонденции и текстам Н. Т.): в 1959 году — в Москве дачу в Серебряном бору, в Вильнюсе дачу друзей-архитекторов Насвитисов на ул. Эжереляй; в 1960 году — дачу под Москвой в Заветах Ильича; в 1961 году — комнату в Москве у Е. И. Васильевой (см. стр. 61 наст. изд.), дачу в в Красной Пахре (где был написан «Венок сонетов») и квартиру в Вильнюсе на ул. Жуведру; в 1962 году — дачу в Старом Крыму на ул. Крупской и дачу в Аукштадварисе, и наконец, в том же 1962 году — квартиру Пранаса Моркуса в Вильнюсе на ул. Каролё Пожелос.

Воспоминания Н. В. Котрелева о даче в Красной Пахре: «Мы поехали к Наташе в гости, они с Виргилиусом снимали дачу в Красной Пахре у переводчика с немецкого, друга Пастернака, Николая Николаевича Вильяма-Вильмонта.

² Трауберг Н. Памяти кардинала Сладкявичюса // Русская мысль. Париж, 2000. № 4320. 1 июня.

³ Борзенко А. «Для XX века он сделал самое большое, что можно сделать» Интервью с Н. Трауберг // Polit.ru. 2005. 4 апр. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2005/04/04/trauberg.html>

Была гнусная погода, слякоть, все раскисло, начало весны или осень. Приехали — я, Гриша Померанц, Вася Максюков. Виргилиуса не было, он, по-видимому, был в Литве. У меня до сих пор стоит в глазах красота застоля — мы пили вино из глубоких цветных бокалов из толстого стекла на ножках и что-то ели. Дача была хорошая, удобная. Меня оставили ночевать, а утром выяснилось, что Наташа в трансе и жить так больше не может. Ей что-то сказала дачная домработница, и вот она не могла там оставаться. Я проснулся, когда все было решено — надо бежать, она была уже одета.

И мы поехали в Москву, отказываться от дачи. Езда непростая — электричка, автобус, наконец добрались к владельцу дачи на Ломоносовском проспекте возле кинотеатра „Луна“ в сталинском доме. Я чувствовал себя защитником — ведь она искала в Красной Пахре тишины и уединенности, была беззащитна перед авторитетными домработницами, а вот что вышло. Интересно, после этого я доставил Наташу на Страстной бульвар или оставил там, у Вильмонтов?»⁴.

Стр. 4 — ...за нашей подругой стал ухаживать эстонец... — подруга — Далия Эпштейн (род. 1937), однокурсница Виргилиуса Чепайтиса, эстонец — Тыну Кыйв (1943–1989), друг Виргилиуса, впоследствии — муж Далии.

Н. Т.: «Д. была замужем за совершенно замечательным эстонцем. Он, театровед и семиотик, приехал в конце шестидесятых работать в знаменитый паневежский театр (это оттуда Банионис, Будрайтис и другие в том же духе). Литовского он не знал, в театре говорил по-французски и отчасти по-русски. Такие свойства его речи немедленно проявились, когда он, влюбившись в Д., стал ездить в Вильнюс, где потом и остался. Гуляя с ней по усаженной розами площади, он сурово сказал: „Их есть плохая *qualité*“, что, естественно, вошло у нас в поговорку»⁵.

Д. Эпштейн: «„Плохая калитэ“ относилось к тюльпанам. Он мне привез ко дню рождения три тюльпана из Риги, а про наши сказал, что плохая калитэ»⁶.

Стр. 4 — ...много читали Белля... — см. стр. 74–76 наст. изд.

Стр. 5 — *nel mezzo del cammin di nostra vita* — «Земную жизнь пройдя до половины» (итал.) — начало «Божественной комедии» Данте.

Стр. 5 — ...кусочек про то, что надо пройти сквозь землю... — Г. К. Честертон, «Франциск Ассизский»: «Нам говорили в детстве, что, если прорыть дырку сквозь Землю и лезть в нее все дальше, придет такое время, когда ты будешь лезть уже не вниз, а вверх. Не знаю, так ли это. Не знаю потому, что мне не случалось прокапывать Землю насквозь, тем более — пролезать сквозь нее. Наверное, и я, и чи-

⁴ Воспоминания Н. В. Котрелева о Н. Трауберг. Семейный архив.

⁵ Трауберг Н. Узор из роз // Истина и жизнь. 2004. № 7–8.

⁶ Письмо Д. Эпштейн М. Чепайтите. 2013.

татели — люди обыкновенные, не побывали там, где оказался св. Франциск. Да, и это аллегория. Мы не следовали за Франциском в то диковинное место, где полное унижение преобразается в полную святость и радость»⁷.

Стр. 5 — ...я снова и снова пытаюсь рассказать... — Н. Т. часто цитировала евангельскую притчу о блудном сыне.

Н. Т.: «Сколько Он говорит о „возвысивших себя“ и „унизивших“, как это для Него важно! Но техника „обойдем Евангелие“ так блистательно развита, что „нам“ это нипочем. И то ведь, неприятно себя унижать, не в условном, сладеньком стиле, а всерьез, как блудный сын. Он ведь и не думал, что себя унижает. <...> И тело отдают на сожжение, сидят (это у нас), голодают (сами), а всё — не блудный сын. Вы его вспомните! Он знает, что недостойн любви, а отец глаза выплакал. Хоть вывернись наизнанку, хоть пригнись до пола, а четырех добродетелей, названных св. Бернардом Клервоским: смирение, смирение, смирение и смирение, — нет как нет»⁸.

Стр. 5 — *Льюис считал, что «мегафон Божий» — страдание...* — переведа эти слова, Н. Т. на много лет обеспечила себе трудное занятие — убеждать всех в обратном.

Н. Т.: «[Знакомая вспомнила] слова Льюиса о том, что страдание — „мегафон Божий“, но забыла прекраснейшее рассуждение из той же самой книги о том, что мы, люди, не вправе братья за этот мегафон...»⁹. «Психологи пишут и пишут, как опасно недополучить радости в детстве. Некоторые считают, что это — важнейший корень беспощадности. Но если говорить о взрослых, споры о том, страдание или радость — мегафон Божий, никуда не приведут. Здесь не или-или, здесь — четыре возможности. Да, страдание — мегафон (сказал это Льюис), но если его не примешь, оно тебя разрушит. Да, „от счастья и славы безнадежно черствеют сердца“; но у кого-то, наоборот, они оттаивают и расцветают»¹⁰.

Стр. 6 — *О. Саймон Тагуэлл. «Пути несовершенства». Из главы «Отцы-пустынники»* — В 1983 году Н. Т. перевела книгу книгу «Беседы о Блаженствах» (*Reflections on the Beatitudes*) о. Саймона Тагуэлла для самиздата, главы из книги «Пути несовершенства» (*The Ways of Imperfection*) перевела для журнала «Страницы»¹¹ в 1996 году.

Н. Т.: «Одна чрезвычайно героическая доминиканка, просидевшая примерно шестнадцать лет, укоряла меня: „Ну что ты переводишь каких-то журналистов! Переведи что-нибудь духовное“.

⁷ Честертон Г. К. Франциск Ассизский (пер. Н. Трауберг) // Вопросы философии. 1989. № 1.

⁸ Трауберг Н. Снова о блудном сыне // Истина и жизнь. 2004. № 3.

⁹ Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. Стр. 114.

¹⁰ Трауберг Н. Лучший университет. Предисловие к 3-томнику П. Г. Вудхауза (М.: Художественная литература, 1999) // Трауберг Н. Невидимая кошка. М.: Летний сад, 2006. Стр. 137.

¹¹ Тагуэлл С. Отцы-пустынники / пер. Н. Трауберг // Страницы. 1996. № 3.

Приехал отец Жак Лёв, привез записи Тагуэлла. Она не очень хорошо знала английский, однако — два доминиканца, и каких! Словом, дала она мне их перевести. Я начала читать и подскочила от радости. И слава Богу — началась мерзкая пора между Брежневым и Горбачевым. Подскочила, приехала в Вильнюс и перевела.

Представьте смятение бедной сестры Екатерины весной 85-го, когда самиздатский экземпляр дошел до нее. И дух какой-то попустительский, что ли! И Честертон с Льюисом просто пестрят. Пострадав немного, она сказала, чтобы мы не давали книгу „внешним“, еще не так поймут. Но славный самиздат, к счастью, остановить нельзя»¹².

Стр. 8–9 — Фото: Н. Трауберг, сын Томас и В. Чепайтис. Вильнюс, 1961. Съемка в день крещения дочери Марии. Фотографа пригласили в гостиницу «Неринга», где снимали номер Л. З. и В. Н. Трауберги.

Стр. 10 — ...мы жевали это на радио... — Н. Т. выступала в разных передачах и вела свою передачу «Окно в Европу» на радиостанции «София» с 1995 по 2008 год.

Сергей Сергеевич Бычков (род. 1945) о Н. Т. на радио: «В последние годы она становилась все просветленней и мудрей. Именно поэтому ее радиопередачи привлекали такое внимание. Какое счастье, что слушатели порой записывали ее афористические изречения. К примеру, одно из них: «Вот притча из жизни. Захожу в вагон метро, усталая, но все места заняты. Гляжу, девушка сидит, увлеченно читает. Что читает? Присмотрелась — „Добротолюбие“. Про то, что надо старушкам иногда место уступать, там не написано»¹³.

Стр. 10 — ...нянечку, бабушку, Проппа, Шишмарева, Блеймана... — нянечка — Лукерья Яковлевна Буянова (ок. 1882 — 1942); бабушка, мать В. Н. Трауберг, — Мария Петровна Ланде-Безверхова (урожд. Петренко, 1881–1977); Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970), Владимир Федорович Шишмарев (1875–1957) — любимые преподаватели Н. Т. в ЛГУ; Михаил Юрьевич Блейман — см. стр. 56 наст. изд.

Няня Н. Т., орловская крестьянка Лукерья Буянова, была нанята в 1903 году в Одессе семьей Ланде-Безверховых, когда родилась Ольга Николаевна. Она воспитала девочек Веру и Олю; когда Вера Николаевна родила Н. Т., няня переехала в Ленинград и прожила в семье Траубергов до своей смерти.

Н. Т.: «Однажды мой муж, уставший от моего страха перед Джойсом или Борхесом, сказал: „Ну и личность твоя нянечка! У тебя так и остались ее вкусы“. Что там вкусы! Недавно моя молодая подруга слушала-слушала — и удивилась:

¹² Трауберг Н. Заповеди блаженства // Истина и жизнь. 2003. № 12.

¹³ Бычков С. Преодоление удушья // Новый мир. 2010. № 11.

1. Н. Трауберг, дочь Мария, внуки: Полина, Петр, Елизавета, Матвей. Москва, 2000.
 Фото С. Сушкина 2. Церковь св. Филиппа и Иакова. Вильнюс, 1944

обычно детей учат, как выжить в этом мире, а нянечка твердо и кротко учила законам Царства, полагаясь на ту заботу, которая обещана в Евангелии»¹⁴.

«Какой же подарок мне выпал! Я, западница, либерал, то и се, знаю на опыте лучшее, что есть у России, — беспримесную кротость. Не равнодушие, не попустительство, не аномию, в которой уличают всех миролюбивых людей, а именно кротость, если хотите, весь набор — кротость, милость и смирение.

Среди прочего, они отличаются тем, что человеку много дороже жизни — но только своей, никогда не чужой. Для всех до единого людей он не хочет никакого страдания и (что важно) радуется их радости. Мне скажут: ну, где же это в России? Вот, в нянечке. Сокровища — очень маленькие, но перевешивают всё»¹⁵.

«Нянечка была перевезена от бабушки с дедушкой, т. е. от маминых родителей, которые уже тоже жили в коммуналке в Одессе, ко мне. Она воспитала маму и тетю; пришла она к Николаю Николаевичу и Марье Петровне в 1903 году, перед самой канонизацией Серафима Саровского. Мама в старости взяла у меня иконку Серафима, которую я забрала после смерти бабушки, и сказала: „Это висело над моей кроватью, я хочу эту иконку“, — при том, что мама была, мягко выражаясь, неверующей всю основную часть своей жизни. Она очень почитала няню, няня была человек совершенно замечательный. <...> Бабушка Марья Петровна беспрерывно вокруг меня сутилась, очень много участвовала в моем воспитании. Во-первых, нянечка еще на моей памяти называла ее „барыня“, она у нее выросла, она пришла к ней в 20 лет, они были почти ровесницы, бабушка чуть старше. И, во-вторых, Марья Петровна была воспитательницей по преимуществу — она была классной дамой до революции, причем имела мужество отказаться от преподавания вообще: она не хотела преподавать в советской безбожной школе»¹⁶.

Мария Петровна, бабушка Н. Т., часто приезжала из Одессы к дочери в Ленинград, совсем переехала к Траубергам после войны, когда погиб ее муж, Николай Николаевич Ланде-Безверхов (1872–1944). Умерла в Москве.

Стр. 10 — ...другую бабушку... — «бабушка Миля», мать Л. З. Трауберга, Эмилия Соломоновна Трауберг (урожд. Вейланд, 1981–1934).

Н. Т.: «Эмилия Соломоновна была космополитическая буржуазная дама, ставшаяся сохранить молодость, певшая арии, — она училась в Одесской консерватории, она одесситка, а вообще из Бессарабии, очень смешная — такая классическая, с карикатур двадцатых годов, крашенная хной, с ожерельем, в шелковых платьях, такая из себя... в ботах — носили боты тогда. <...> И Мария Петровна,

¹⁴ Трауберг Н. Марьино роща. М.: Ёлочка, 2008. Стр. 10.

¹⁵ Там же. Стр. 6.

¹⁶ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг. 2004–2005. Семейный архив.

строжайшая, с кружевами на голове, ходящая в церковь, ей казалась в острой форме сумасшедшей — без романов, без каких-то поклонников, не поющая... ужас, кому девочку отдали! Мы с бабушкой Эмилией очень дружили, играли, шутили, но она пальцем не пошевелила, она была так добродушно-эгоистична, чтобы заниматься моим воспитанием. Она только ахала от каких-то „ужасов“, которые там, на нашей территории, разыгрывались, от того, что девочке там вдалбливают. Но она была крайне легкомысленна и, заменив Баден-Баден или не знаю что Кисловодском, она все время с какими-то адвокатами ездила на курорт. <...> Я как-то ухитрилась обеих бабушек любить и по этому поводу не волноваться»¹⁷.

Стр. 10 — ...«на осторожном царском пути»... — Н. Т. любила приводить этот пример: «Что поделаешь, когда мы качаемся то влево, то вправо, даже не догадываясь об „осторожном царском пути“, как говорил К. С. Льюис. Но это не „золотая середина“, не Аристотелева „мера“, а нечто похожее на хождение по водам»¹⁸.

Николай Владимирович Эппле (род. 1977): «Наталья Леонидовна была органически чужда какой бы то ни было партийности. В этом не было ни нарочитой бескомпромиссности, ни интеллигентского оппортунизма — широкая и разнообразная дружба была уютнее и естественнее любой партии, именно поэтому ее „круг“ был так невероятно пестр и широк. <...> Именно эту беспартийность она и проповедовала усерднее всего, не уставая говорить о том, как опасно привнесение в церковь советской привычки деления на своих и чужих и как необходим и труден „царский путь“ между искушениями „Севера и Юга“, тоталитаризма и либерализма»¹⁹.

Стр. 10 — ...поэтов и снобов... — Н. Т.: «Честертон делил всех на людей, поэтов и снобов. Он считал, что люди священны, поэты хороши и жертвенны, а снобы плохи, потому что горды»²⁰.

Стр. 10 — ...мысль об опасности творчества. — Н. Т.: «Творчество — очень трудная проблема. Никто не может запретить писать, тем более в мирском понимании, но для души об этом стоит подумать. Я выросла в богемной среде, и у меня изначальная прививка: я знаю, что такое богемный человек, и представляю опасности, с этим связанные. <...> Пишущего человека также подстерегают опасности. Как-то Ольга Седакова сказала, что творчество — зона повышенной опасности. Она решилась в нее войти — она замечательный поэт. Я не решилась — в молодости я думала, что стану писателем, буду

¹⁷ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

¹⁸ Трауберг Н. Царский путь // Искусство кино. 2006. № 8.

¹⁹ Эппле Н. Зоркость и надежда. Памяти Натальи Трауберг // Церковный вестник. 2009. № 7 (404). Апр.

²⁰ Калашникова Е. Жизнь как благодарность. Интервью с Н. Трауберг // Вопросы литературы. 2002. № 4.

писать что-то эдакое, невероятно хорошее. <...> А в 29 лет я поняла, что это — кумир нечеловеческой силы и что очень быстро происходит так: думаешь, что пишешь потому, что хочешь людям что-то сказать, но через три минуты тебя одолевает первородный грех и ты уже хочешь себя показать»²¹.

Ольга Александровна Седакова (род. 1949) о Н. Т.: «Теперь человека, которого не коснулся трауберговский Честертон (в Англии ее звали „мадам Честертон“), вряд ли можно назвать просвещенным. Да, переводами можно изменить состав культуры больше, чем собственными сочинениями (понятно, если эти сочинения не гениальны, а таких немного). После Кирилла и Мефодия, после Вас. Жуковского это в России неудивительно. Кирилл и Мефодий (и их ученики и последователи) принесли на Русь пропущенные века Византии, Жуковский — пропущенные века рыцарского Средневековья. Что принесла нам Наталья Трауберг?

Новую апологетику, то есть христианский ответ времени на его вопросы на его языке. Это слово „новую“ важнее, чем то, что апологетика эта была западнохристианской (католической и при этом в особом британском ключе). Другой новой апологетики XX века просто не было. Эта апологетика предлагала не побег от мира (в древнее благочестие, в „веру отцов“), а веселую битву с миром. Битву непримиримую»²².

Стр. 11 — *Долгий опыт «Софии»...* — радио «София», см. стр. 106 наст. изд.

Стр. 12 — О. Саймон Тагуэлл. *«Пути несовершенства». Из главы «Франциск Ассизский»*. — Н. Т. перевела эту главу для журнала «Страницы»²³ в 1996 году.

Стр. 14 — Фото: Р. Янулайтис, Т. Чепайтис, М. Чепайтите, Н. Трауберг, М. Янулайтис. Титувенай, 1972. Рамунас и Модестас — сыновья Кястаса Аугустинаса Янулайтиса, см. стр. 146–147 наст. изд.

Стр. 15 — *...на лекции, в актовом зале...* — в 1946 году Н. Т. учится на 2 курсе ЛГУ.

Стр. 15 — *...когда Венанций Фортунат благоговейно посещал св. Радегунду...* — Н. Т. рассказывала этот сюжет о святой Радегунде, жене Хлотаря I, на радио «София» в цикле лекций, посвященных истории Церкви. Специально для передачи она перевела упомянутый стих Венанция Фортуната:

Эту корзиночку я сплел из ивовых прутьев,
Чтобы вам принести, милые мать и сестра,
Непритязательный дар дикорастущих каштанов
И за трапезой мирной тихо беседу вести²⁴.

²¹ Калашникова Е. Жизнь как благодарность.

²² Седакова О. Битва за незащищенность // OpenSpace.ru. 2009. 3 апр.

²³ Тагуэлл С. Франциск Ассизский, Гумберт Римский, Жан-Пьер де Коссад, Тереза из Лизье / пер. Н. Трауберг // Страницы. 1996. № 4.

²⁴ Передача «Окно в Европу» // Радио «София». 2006. 26 фев.

Стр. 15 — *universalia* — универсалия (лат.). В средневековой западной философии этим словом обозначались общие понятия (в отличие от частных).

Стр. 15 — *Наши дамы...* — киношные дамы из окружения Веры Николаевны Трауберг.

Стр. 15 — *Леночка Васильева* — см. стр. 61 наст. изд.

Стр. 15 — «зеленые холмы томизма» — см. тетрадь «Венок сонетов», стр. 22.

Стр. 16 — *...как и предвидел о. Шпиллер...* — Н. Т. о знакомстве с Всеволодом Дмитриевичем Шпиллером (о. Всеволод, о. Шпиллер, 1902–1984): «Я очень долго не решалась просить духовного руководства у о. Всеволода. Просто не было раньше никакого руководства в моей жизни. Мне казалось, что это неудобно — его беспокоить, и я пошла, только когда у меня в 1961 году родилась дочка. <...> Мы стали очень много шутить, много говорить. Он удивлялся, что у меня такое детство „белогвардейское“, что я читала книжки, журналы с бабушкой, ему было очень приятно. <...> Он очень умел с людьми говорить, но я думаю, что совпала культура. Я очень много через бабушку взяла дореволюционной культуры, и это ему было приятно. <...> И вот тут случилось самое удивительное, что поразило меня больше, чем опыт общения с таким и барственным, и крайне посвященным священником, ироническим таким, но очень мягко ироническим. Он не только благословил на причащение у католиков — я имела на это право с католической стороны как жена католика, это называется евхаристическое общение с Римским престолом (причем это еще до Второго Ватикана так было, давно очень), — а он меня благословил специально и сказал такую странную фразу: „У нас Платон, у них Аристотель, вот вам надо этому учиться“. Я там получила Аристотеля в виде Фомы Аквинского выше головы, он очень этому радовался»²⁵.

Стр. 16 — *появился отец Станислав...* — К Станисловасу Добровольскису (о. Станислав, 1918–2005) в его приход в Пабярже Н. Т. ездила с середины 1960-х годов. Благодаря ее рассказам о «патере», как Н. Т. его называла, к нему стали ездить прихожане о. Александра Меня.

Н. Т.: «Я услышала о нем почти сразу, как переехала в Литву из Москвы, — это был 1962 или 1963 год. <...> Мне впервые рассказал о Добровольскисе, кажется, Пранас Моркус и сильно удивлялся тому, что я ничего об этом человеке не знаю. Его к тому времени знала уже, без преувеличения, вся Литва, хотя из лагеря он вернулся сравнительно недавно. <...> Я много читала тогда католических книг и книг про католичество. <...> И некоторые духовные проблемы, которые у меня были тогда в Москве, таким образом разрешились. Так что сломя голову лететь к Добровольскису за утешением и наставничеством у меня просто не было причин. Я даже не помню точно,

---

²⁵ Интервью Е. Агафонова с Н. Трауберг об о. Всеволоде Шпиллере. 2005. Семейный архив.

в каком году первый раз к нему отправилась, — в середине шестидесятых, не раньше. И все же потребность не просто в исповеднике, а именно в духовном наставнике была. И в конце концов я поехала к о. Станиславу»²⁶.

Н. Т. рассказывала об о. Станиславе и московских гостях маленькие притчи: «Приехали гости, поговорить о том, креститься ли. Утром в воскресенье патер пошел служить, а они набрали грибов, начистили картошки и рады, что его ждет обед. Однако крещеные люди, которые были с ним в храме, молча выбросили еду в окно, а потом сообщили, что в воскресенье работать нельзя. Интересно, крестились ли те, первые, или нет? От эмоций я забыла спросить об этом патера, когда он восклицал: „И где вы таких берете?!“ Мы — это москвичи. Хотя и про „своих“ он говорил: „Какое католичество? Национализм и язычество“»²⁷.

Самый известный рассказ Н. Т. об о. Станиславе: «Когда моя дочь Мария готовилась к конфирмации, он ей сказал: „Ты помни одно: со всеми считайся, а туфельки ставь ровно“»²⁸.

Никита Феликсович Алексеев (род. 1953) о Н. Т.: «[Советую] прочитать книгу „Сама жизнь“, вышедшую в свет незадолго до смерти Натальи Трауберг. Это по сути современный аналог *Apologia pro vita sua* Джона Генри Ньюмена, и в ней очень просто и немыслимо тактично („туфельки ставить ровно“) рассказано о ее страшной и счастливой жизни. О кошмаре советского режима и о воспринятой от бабушки и няни светлой православной церковности. О фарисействе и саддукействе. О том, как люди и языки отличаются друг от друга. О том, почему она перешла под омофор Римской церкви. О жаре, о морозе и теплохладности. И о том, как справляться с мороком противоположностей, не отказываясь от фундаментальных ценностей, без которых никому — никуда»²⁹.

Стр. 16 — *даватки* — в Литве так называли прилежных прихожанок, со временем слово стало синонимом слова «ханжа».

Стр. 16 — *Катилюсами* — Братья Катилюсы — Рамунас (Ромас, род. 1935) и Аудронис (Адас, род. 1940) — друзья Виргилиуса Чепайтиса, Пранаса Моркуса, Томаса Венцловы и Иосифа Бродского. В квартиру братьев Катилюсов на ул. Лейиклос (см. стихи Бродского «Улица Леиклос») семья Чепайтисов переехала по обмену в декабре 1967 года из квартиры в Антакальнисе.

Стр. 16 — *...в 1965-м (КГБ)...* — в 1965 году Виргилиуса Чепайтиса начали вызывать в КГБ.

²⁶ Юров С. Самый светлый литовец. Интервью с Н. Трауберг (Истина и жизнь. 2006. № 7–8) // Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 196.

²⁷ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 207.

²⁸ Там же. Стр. 208.

²⁹ Алексеев Н. Мяч и меч Натальи Трауберг // Новая газета. 2009. № 47. 8 мая.

1. Э. Трауберг, бабушка. Одесса, 1900-е **2.** М. Ланде-Безверхова, бабушка. Одесса, 1900-е **3.** Л. Трауберг с дочерью. Алма-Ата, 1944

Стр. 16. — *новеллы Кортасара* — Н. Т. перевела четыре новеллы Хулио Кортасара — «Другое небо»³⁰, «Заколоченная дверь», «Сеньорита Кора» и «Захваченный дом».

Стр. 16 — ...*Додд*... — Н. Т. в 1997 году в Иерусалиме прочитала трактат Чарльза Гарольда Додда «Притчи о Царстве» (*The Parables of the Kingdom*) и тут же перевела его³¹.

Н. Т.: «Принять евангельские слова как указание к немедленным и достаточно странным действиям — очень неудобно, даже страшно. Нежелание это и страх почти ничем не пробыешь, но если в них появилась хотя бы щелочка, книга Чарльза Додда действительно может сокрушить их. Стыдно пафоса, но она бесценна: благодаря ей нам легче увидеть не какое-то, где-то и когда-то ожидающее Царство, а вот этот мир, в котором на самом деле царствует Бог»³².

Стр. 16 — *civitas* — город (лат.).

Стр. 17 — *О. Саймон Тагуэлл. «Пути несовершенства». Из главы «Жан-Пьер де Коссад»* — Н. Т. перевела эту главу для журнала «Страницы»³³ в 1996 году.

Стр. 19 — ...*звери, особенно — из Льюиса...* — *звери из романа К. С. Льюиса «Мерзейшая мощь»* — медведь, галка и кот (см. стр. 94 наст. изд.).

Стр. 19 — ...*утешали Аверинцева...* — С Сергеем Сергеевичем Аверинцевым (1937–2004) Н. Т. познакомилась в середине 1960-х годов.

Н. Т.: «Парадокс Аверинцева заключался в том, что огромное большинство диссидентов, сколь бы пылко они ни бурлили на кухнях, могло выживать в советском социуме и даже как-то управляться с бытом. Аверинцев, которого упрекали в конформизме, самого советского воздуха не выносил совершенно. Чудом была его работа в институте, и только прямым вмешательством Провидения могу я объяснить тот факт, что выходили его книги. Неслучайно первая его работа, которую я прочла по восторженной рекомендации Ирины Роднянской, называлась именно „Провидение“ — это была статья для „Философской энциклопедии“.

Тогда, в 1966-м, Роднянская сказала, что у них в редакции БСЭ появился дивный мальчик — и мальчик оказался действительно дивный, такой, по которому сразу было видно, что он не учился в школе. Это спасает от травм в детстве, но приводит ко многим куда более серьезным травмам в юности. <...>

Феномен Аверинцева — результат чудесного совпадения его катехизаторского дара с потребностями эпохи. Началось то, что он впоследствии называл „сокровищем семидесятых“ — это сокровище в значительной сте-

³⁰ *Кортасар Х.* Серия «Мастера современной прозы». М.: «Прогресс», 1976.

³¹ *Додд Ч.* Притчи о Царстве. М.: Хиллтоп, 2000.

³² *Трауберг Н.* Сама жизнь. Стр. 153.

³³ *Тагуэлл С.* Франциск Ассизский, Гумберт Римский, Жан-Пьер де Коссад, Тереза из Лизье.

пени им и создано. В 1969-м окончательно наступил тот недомороженный заморозок, который не давал нам даже основания повторить вслед за Пастернаком „Мы были музыкой во льду“. Льда не случилось — мы стали музыкой в болоте. В это время и стало формироваться наше Честертоновское общество, энтузиастом которого был С. С. Он подружился с Александром Менем, великолепен был их контраст: пылкий отец Александр, которого ничто не брало — так свято он был уверен, что его ведет Господь, — и тихий, с высоким голосом и виноватой улыбкой Аверинцев, столь же упрямый и ни секунды не тратающий даром»³⁴.

Стр. 19 — ...*Света Долгополова, будущий отец Георгий...* — Светлана Андреевна Долгополова (род. 1947), Георгий Петрович Чистяков (о. Георгий, 1953–2007) — друзья Н. Т.

С. А. Долгополова о Н. Т.: «Натали долгое время оставалась в Москве среди тех немногих людей, которые обладали той суммой знаний, которая была жизненно необходима для окружающих. Когда она вернулась из Литвы, присоединив к своим университетским знаниям еще знания католического богословия, то в Москве, наверное, только Сергей Сергеевич Аверинцев был ее равноправным и равносущим собеседником. Но она знания отдавала всем и отдавала широко. Я вспоминала вчера, когда шла с друзьями по Тверской, что Натали жила там в квартире своего отца, Леонида Захаровича, на Страстном бульваре, а напротив, в Большом Гнезниковском переулке, жила Татьяна Эрастова с семьей детьми. И вот там, среди этого бесчисленного количества детей, приходящих гостей, среди всех этих многодетных мам, которые решили вот так противостоять советской жизни — создав свои семьи, среди примкнувших к ним странных маргиналов, Натали, впервые приехавшая после Вильнюса, устроила курс о богословии Фомы Аквината. Надо сказать, что несмотря на публику, которая, как видите, была совершенно не университетского типа, это действительно был такой пир ума, который собирал множество народа. Это не было пустой умозрительной игрой, а было тем, что шло прямо в кровь, потому что тогда, в этой пустоте советской жизни, надо было действительно найти почву, на которой можно было стоять, ее надо было даже не найти, а создать. Создать этот воздух, которым можно было бы дышать. Натали всегда это делала, и то и другое, в любом кругу, не жалея себя и не помня о высоте своего ума, о серьезности и трагичности своих внутренних поисков»³⁵.

³⁴ *Трауберг Н.* Он умер потому, что повзрослел (запись рассказа о С. Аверинцеве) // Ъ-Огонёк. 2004. 7 мар.

³⁵ Выступление С. А. Долгополовой на вечере памяти Н. Трауберг 11 мая 2009 г. // Христианос. XVIII. Рига, 2009.

Н. Т. познакомилась с отцом Георгием Чистяковым, когда он еще не был священником (рукоположен в 1992 году), вместе с ним была в правлении Российского Библейского общества, посвятила памяти о. Георгия и Сергея Ивановича Юрова свою книгу «Сама жизнь».

Н. Т.: «Когда Аверинцев узнал, что в правление Библейского общества прочат „Егора Чистякова“, он сказал мне, что Е. Ч. — „тоже харизматический лидер“. Не совсем ясно, к кому относится „тоже“, но, узнав это о себе, будущий отец очень веселился. <...> Сразу, как во влюбленности, мы узнали друг в друге полное неприятие того свойства, которое в начале 1970-х годов было названо „икс“ (X). Чтобы его понять, лучше идти от противного — противостоит оно истине и свободе. Тут и видишь, что они странно и неразрывно связаны. Предоставим читателю вообразить одну без другой (насильственная истина, гибельная свобода) и назовем составные части икса: важность и фальшь, самоправедность и пошлость, непробиваемая уверенность. <...> Тоже сразу, без рассуждений мы приняли, что сочетанию истины со свободой необходим особый, ангельский смех. Подозрение к смеху основано на том, что он бывает бесовским. Это — глумление, когда довольны тем, что другому очень плохо. Помните, как часто в Евангелии говорится о „ниже“ и „выше“. Вот и здесь: бесовский смех опускает человека (зверя, растение, предмет), ангельский — возвышает, радуя и перенося в райский слой бытия. Этот мир считает умным того, кто умеет опускаться, играет на понижении; даже слово придумали — „редукционизм“. Значит, Георгий умным не был, он был простодушным, как отец Браун, Франциск, ребенок или Мартин, наша дворняга»³⁶.

Стр. 19 — ...крутая казачка... — С. А. Долгополова: «Я искала смысл жизни и незадолго перед этим из своих донских степей, от своего деда-казака, попала в Москву. Здесь я увидела настоящую интеллигенцию и людей изысканной культуры, чьи предки когда-то принадлежали аристократическому кругу. Но все это тоже подлежало какой-то проверке. Проверке духа. Мне хотелось найти настоящего христианина»³⁷.

Стр. 19 — ...скорее *mystère*, чем *problème*... — *mystère* — тайна, *problème* — проблема, задача, которую можно решить умственным усилием (франц.).

Стр. 19 — «Мерзейшая мощь» — роман К. С. Льюиса (см. стр. 94 наст. изд.).

Стр. 20 — ...дети сновали между Москвой и Литвой... — см. стр. 89 наст. изд.

Стр. 20 — ...за экзорцизмом к монсьёру Сладкявичюсу... — см. стр. 102–103 наст. изд.

---

³⁶ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 309.

³⁷ Беседа М. Чепайтите с С. Долгополовой об о. Станиславе Добровольскисе. 2008. Семейный архив.

Стр. 20 — ...*все те же интенции*... — Н. Т.: «Знаете ли вы, что такое интенция? Вот что: когда о чем-то молишься, можно что-то сделать, от чего-то отказаться или, на самый худой конец, посвятить свои тяготы — скажем, болезнь. Собственно, это обет, но, сколько я их видела, слышала, ничего самонадеянного в них нет, все препоручается Богу»³⁸.

Стр. 20 — ...*тайный доминиканский священник*... — в вильнюсской квартире на ул. Пшевальскё у Н. Т. снимал комнату Андрей Викторович Касьяненко (о. Доминик, род. 1955), тайно вступивший в доминиканский орден.

Н. Т.: «Вскоре у нас поселился тайный священник, в миру — милиционер. (Я уже тысячи раз писала, что он был связист и занимался в милиции сигналами от воров — скажем, на машинах.) Они с котом Кешей очень подружились. Утром, до работы, отец Доминик служил Мессу, и Кеша непременно присутствовал. Сидел он на антресолях, что обусловило возглас: „Кеша на высокóщи!“ (*in excelsis*).

Кроме церковной жизни Кеша принимал участие и в политической. Именно на те годы пришлась Польша. 1981 год оказался тяжелым. Что бы ни решали теперь о Ярузельском — спас он страну или не спас, — мимо нашего дома по улице Пшевальского ночами шли какие-то тяжелые машины. Шли они прямо на юг, к Польше. Мы с Домиником и Кешей сидели на кухне и молились, тихо, каждый про себя»³⁹.

Стр. 20 — *собрат из Питера (физик)* — Евгений Георгиевич Гейнрихс (о. Евгений, род. 1953), в 1981 году — тайный доминиканский священник.

О. Евгений о Н. Т.: «В течение тридцати без малого лет дом Натальи Леонидовны часто и подолгу служил мне гостеприимным пристанищем в моей страннической и бесприютной жизни.

Еще в большей, пожалуй, степени приютил меня в эти годы мир ее мыслей. Вот уж где я чувствовал себя неизменно уютно, радостно и вольготно. Тридцать лет — срок совсем немалый, и невозможно оценить то, чем я теперь, по его истечении, обязан этому — удивительно ясному, одухотворенному и вместе с тем непередаваемо изысканному — уму. <...> В ее присутствии возможно было только „рассуждать“ о человеческой слабости, но никогда — „осуждать“, т. е. припечатывать подобием приговора. Согласитесь, что если к этому отнестись серьезно, то выполнение такого условия, задача — уж не из самых-самых простых. <...> Наталья Леонидовна ангелом не была — Господь создал ее человеком и наделил удивительно большим, ясным и наблюдательным умом. А к тому еще — способностью

³⁸ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 164.

³⁹ Трауберг Н. Марьяна роща. Стр. 56.

облекать эти наблюдения в точнейшую словесную форму, характеризующую к тому же необычайно твердым вкусом. Трудно жить с таким даром в мире десятилетиями культивируемой вполне сознательно серости!

Неволью обидав кого-то, она очень страдала. Нанести обиду сознательно была, пожалуй, вовсе неспособна»⁴⁰.

Стр. 20 — ...у недобитых доминиканок... — в Вильнюсе в 1980 году Н. Т. познакомилась с пожилыми монахинями-доминиканками. Эти вильнюсские монахини описаны в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

Н. Т.: «Каждое воскресенье мы шли с ним [А. В. Касьяненко] к монашкам, которые, отсидев свое, жили попарно в своих квартирках. Чаще мы ходили в ближнюю квартирку, за вокзалом. Там жили девяностолетняя настоятельница, мать Антонина, и кругленькая, сероватая сестра Маргарита. Две другие и еще одна, живущие сами по себе, приходили туда — Екатерина, Магдалина, Филумена. Наш отец Доминик служил мессу. Потом обедали и непременно на сладкое ели крем-брюле или конфеты „Коровка“. На балконе росли незабудки и маргаритки. Мать Антонина вспоминала со мной любимые детские книжки — „Маленькую принцессу“, „Леди Джен“. <...> Сестры и матушка давали обеты непрерывно. Особенно заволновались они, когда 13 мая 1981 года был ранен Иоанн Павел II. Стали перезваниваться: „А ты что посвятишь?“, „А ты?“. Я посвятила перевод „Четверга“ [The Man Who Was Thursday Г. К. Честертона], там как раз про анархистов и террор, и перевела его месяца за два»⁴¹.

Стр. 21 — *labor* — труд (лат.). Ср. девиз ордена св. Бенедикта *ora et labora* — «молись и работай».

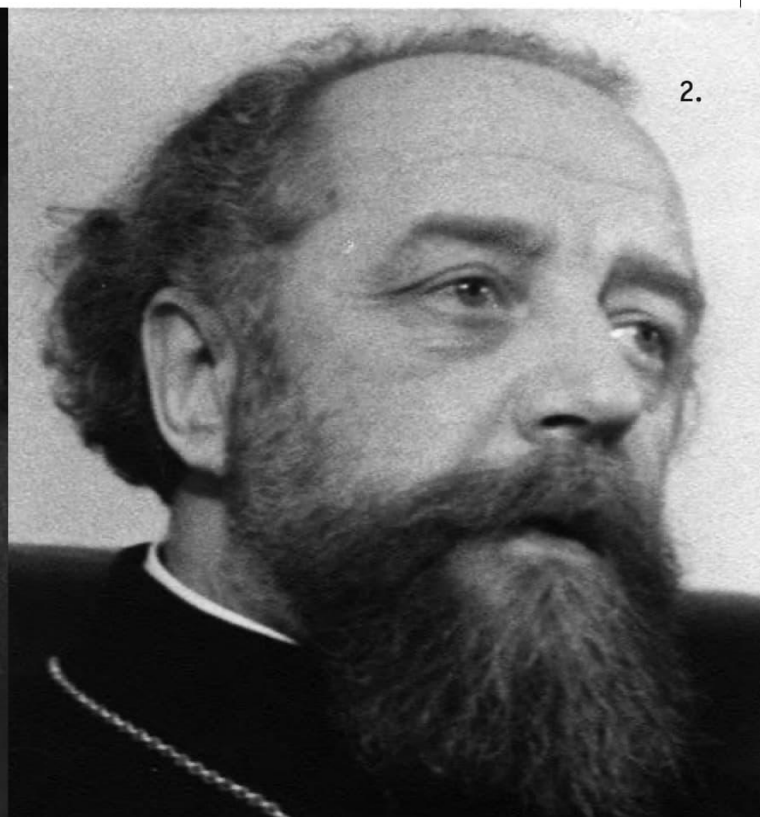
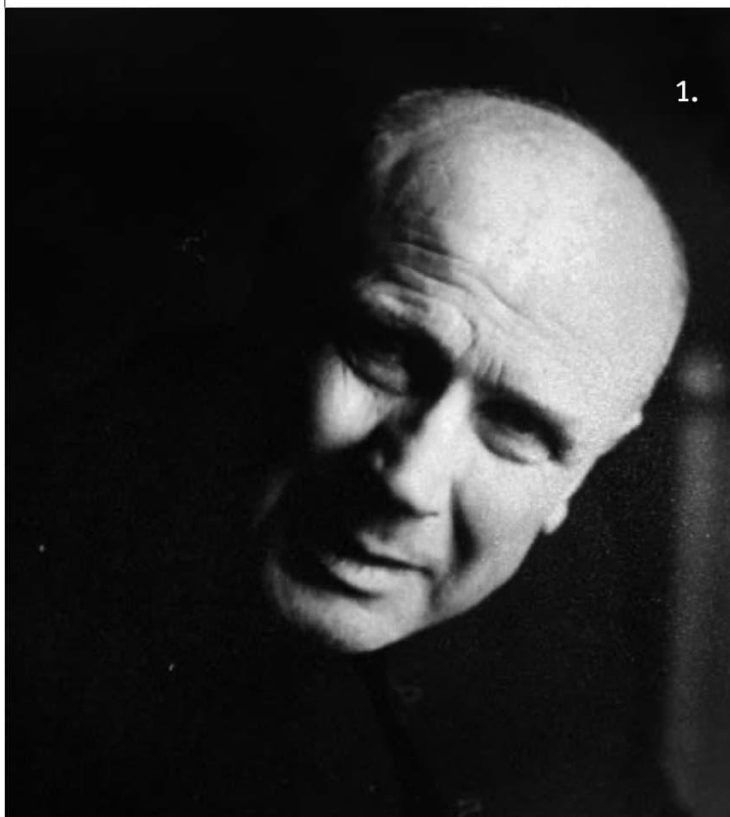
Стр. 21 — *hideous* — отвратительный, жуткий, уродливый (англ.). В названии последнего романа «космической трилогии» К. С. Льюиса — *That Hideous Strength* — Н. Т. переводит это слово превосходной степенью прилагательного «мерзкий» («Мерзейшая мощь»).

Стр. 21 — Глеб Якунин, Алик Вольпин, Наталья Горбаневская — Глеб Павлович Якунин (о. Глеб, род. 1934), Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (род. 1924), Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936–2013) — московские диссиденты, с которыми дружила Н. Т.

Н. Т.: «Вот только что [2005] в „Мемориале“ был вечер моей крестницы Наталии Горбаневской, там столько знакомых лиц... Но сейчас они все старые, а тогда они были молодые и очень рисковали, я их считала героями и даже как-то горевала, что сама не герой, и каялась священникам. Они такое покаяние

⁴⁰ Гейнрихс Е. Слово неизреченное // Христианос. XVIII. Рига, 2009.

⁴¹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 165.

1. О. Станисловас Добровольскис. Пабярге, 1980-е. Фото С. Руковой 2. О. Всеволод Шпиллер, 1950-е 3. Крестины внучки Елизаветы. Н. Трауберг, дочь Мария, о. Евгений Гейнрихс, о. Андрей Касьяненко, сын Томас. Вильнюс, 1983. Фото. С. Шутова

не принимали, что я не герой, они сами боялись. Все нормальные священники боялись — хоть бы и о. Эшлиман, хотя потом он сам стал героем, мы с ним знакомы с 65-го года, а вот о. Глеб Якунин, конечно, не боялся, потому что он простая душа и, значит, раз диссидент — так диссидент, раз герой — так герой. <...> Но все как один они боялись, что там очень много злобы. „Наши“, „ваши“, разделение — это действительно очень опасно. Когда Горбаневская уезжала в 1975 году, перед самым ее отъездом мы гуляли с ней по саду и говорили об этом, я спорила с ней... Они просто жить не могли без этого, что „не наши“ — это нелюди. Очень трудно быть революционером...»⁴².

Н. Т. об А. С. Есенине-Вольпине: «Среди гостей [в Вильнюсе у Чепайтисов] был Алик Вольпин. Сiju и пишу это 12 мая, в день его восьмидесятилетия; значит, тогда [1963] ему было тридцать девять. Наверное, читатели знают, что через два года он основал движение, поразительное не только неожиданностью и смелостью, но и тем, что он не нарушал закона, поскольку призывал соблюдать существующую конституцию. Назвать смелым его самого будет неточно. Он витал вне страха, а тут, в быту, переваливался из психушки на волю и обратно. В Бога он не верил и отговаривал тех, кто верит»⁴³.

Стр. 21 — *С 15 октября 1983 года...* — в этот день Н. Т. была у Сладкявичюса (см. стр. 102–103 наст. изд.).

Стр. 22 — *другой, настоящий священник* — о. Александр Мень.

Стр. 22 — *...одна женщина...* — Н. Т.: «Лидия Маслова пишет в газете „Коммерсантъ“: „На экране оказалась очень разительно представлена воинственная природа добра — это такое самоотверженное христианское добро, но при этом с кулаками, зубами и когтями. В решающей схватке с колдуньей смертоносный прыжок льва показан таким образом, что камера буквально ныряет ему в пасть, и остается неясным — то ли Аслан целиком проглотил противницу, то ли из христианского всепрощения ограничился откушенной головой“»⁴⁴⁴⁵.

Стр. 23 — *О. Саймон Тагуэлл. «Пути несовершенства». Из главы «Тереза из Лизье»* — Н. Т. перевела эту главу для журнала «Страницы»⁴⁶ в 1996 году.

Стр. 26 — Фото: Н. Трауберг в три года. Ленинград, 1931.

Стр. 27 — *беседы о Тагуэлла* — книга «Беседы о Блаженствах» (см. стр. 105 наст. изд.).

Стр. 27 — *книжка Павла Санаева* — книга Павла Владимировича Санаева (род. 1969) «Похороните меня за плинтусом» (см. тетрадь «Елизаветинский переулок», стр. 14).

⁴² Интервью Е. Агафонова с Н. Трауберг об о. Всеволоде Шпиллере.

⁴³ *Трауберг Н.* Лето в Литве // Истина и жизнь. 2004. № 7–8.

⁴⁴ *Маслова Л.* Аслан воскрес // Коммерсантъ. 2005. 23 дек.

⁴⁵ *Трауберг Н.* Сама жизнь. Стр. 77.

⁴⁶ *Тагуэлл С.* Франциск Ассизский, Гумберт Римский, Жан-Пьер де Коссад, Тереза из Лизье.

- Стр. 27 — книжка *Светланы Шенбрунн* — книга Светланы Павловны Шенбрунн (род. 1939) «Розы и хризантемы» (см. тетрадь «Елизаветинский переулок», стр. 14).
- Стр. 27 — ...по прозвищу *Jasque*... — см. стр. 31 наст. изд.
- Стр. 28 — ...*Лорие* в «Диккенсе», правит *Алевтина Н. в эссе*... — Мария Федоровна Лорие (1904–1992), редактор перевода книги Г. К. Честертона «Диккенс»⁴⁷, Алевтина Н. — не установлено.
- Стр. 28 — в «Человеке с золотым ключом» — *The Man With the Golden Key*, автобиография Г. К. Честертона.
- Стр. 28 — *compositum* — состав (лат.).
- Стр. 29 — Если ты уже так велик, что пьешь кофе, ты знаешь, как, выпив кофе, можно вдруг умилиться выдумке вместо правды — Ср. с главой VI «Записок Панды».
- Стр. 29 — ...статья о твоём двоюродном прадедушке *Илье*... — Илья Захарович Трауберг (1905–1948), дядя Н. Т.; о какой статье идет речь, не выяснено.
- Стр. 29 — ...описан сентиментальный брак с балериной... — И. З. Трауберг был женат на балерине Ольге Васильевне Лепешинской (1916–2008).
- Стр. 29 — ...ни *Dichtung*, ни *Wahrheit*... — *Dichtung und Wahrheit* — «Поэзия и правда» (нем.), название автобиографического сочинения И. В. Гете.
- Стр. 29 — ...манежными криками деда (*Л. З.*)... — Л. З. Трауберга.
- Стр. 30–31 — Фото: Н. Трауберг с внуком Матвеем и котом Кешей. Вильнюс, 1981. Фото Сергея Шутова.
- Стр. 32 — у *Захара Давыдовича* и *Эмилии Соломоновны* — Захар Давыдович Трауберг (1879–1942[?]), Эмилия Соломоновна (см. стр. 108–109 наст. изд.) — родители Л. З. Трауберга, деды Н. Т.

Н. Т. о дедушке Захаре: «Он был очень хороший человек. У него была болезнь Паркинсона. <...> Его отец был очень набожным. Сам он набожным не был, он принял реформаторство, чтоб переехать. Но в Бога верил, несомненно. Бабушка Миля — нет. Совсем. <...> Они имели возможность переехать в Питер, только приняв реформацию или другой вид протестантства. Он не был членом никакой общины. Но он был интеллигент, она — нет. Она была такая Анна Маньяни, Эмилия Соломоновна, красивая, но менее одухотворенная. Он был настоящий интеллигент, самоучка. <...> Это были торговцы, люди деловые. Ему не дали хорошего образования, он гимназию не кончал. Он самоучка, в Одессе они все такие. Он знал языки, поступил в типографию мальчиком, потом пошел дальше. Но у него были замечательные данные, потому что у него была потрясающая память. Просто потрясающая! <...>

⁴⁷ Честертон Г. К. Чарльз Диккенс / пер. Н. Трауберг. М.: Радуга, 1982.

Знаете, когда я его вспомнила? Когда я видела выставку Норштейна. Он рисовал таких. У него какие-то старые евреи сидят, с такими светлыми глазами. У дедушки Захара не было светлых глаз, какие-то желтенькие, зелененькие... Но вот ощущение такое, что это древний народ с ясными глазами, вся эта подлянка, которой пришлось заразиться, уже нет ее. Какие-то такие, норштейновские...»⁴⁸.

Из воспоминаний Аркадия Николаевича Кольцатого (1905–2002): «Вот я прихожу к ним и обедаю у них. Сидят: Эмилия Соломоновна — полная еврейская дама... мама. Потом, значит, там во главе стола сидит Захарыч... <...> А отчество я забыл. Захар... Потом сидит Леня, потом сидит Витька, потом сидит Ильюшка и я. Теперь так. У всех, кроме Эмилии Соломоновны, рядом с тарелкой книжка или журнал. И происходит чтение, как в библиотеке. Все молчат. И едят. И смотрят в книги. Абсолютно — если муха летит, так услышите — тихо. Так обедает семейство Трауберга. На Коломенской улице, дом 20... в Ленинграде»⁴⁹.

У Захара Давыдовича и Эмилии Соломоновны было три сына — Леонид (Лазарь, см. стр. 42 наст. изд.), Виктор (Авигдор, 1903–1960) — военный врач, и Илья (см. стр. 121 наст. изд.) — кинорежиссер.

Стр. 33 — *Мама и тетя* — тетя Н. Т., младшая сестра матери — Ольга Николаевна Сибирякова (урожд. Ланде-Безверхова, 1903–1965), жила в Ленинграде, работала ретушером в газете «Смена», была замужем три раза: за Алексеем Александровичем Сибиряковым, Збышеком Пионтковским, Борисом Михайловичем Лео (1904–1975).

Н. Т.: «Я расскажу, как жила моя тетя, которая была скромным человеком. В отличие от мамы. <...> В 1930-х годах тетя третьим браком, а мама вторым вышли за еврейских мальчиков. Но папа стал, поскольку был в кино, — успешным, богатым. А Борька, муж тети, богатым не стал. Хотя был карикатуристом, рисовал всякий кошмар: Черчилль на цепи, Чемберлен и прочее. Но такого антисоветчика второго я вообще не видела. <...> Дома он пил водку. Тратил все деньги тети, ретушером зарабатываемые сумасшедшим трудом. <...>

Она ехала в набитом трамвае на работу и целый день сидела, ретушировала. Причем делала тумбочки. Вот кого-то посадили, ей звонили: „Ольга Николаевна, сделайте из него тумбочку“. И она делала тумбочку. <...> Она пела, например, песню, ретушируя Маркса и Энгельса: „Маркс и Энгельс, хоть их били, но они всегда шалили“. <...> Тетя была очень легкомысленна. <...> Она

⁴⁸ Пешкова М. «Сама жизнь» — не только книга. Интервью с Н. Трауберг // Радио «Эхо Москвы». 2009. 18 янв., 8 фев.

⁴⁹ Нусинова Н. «Фридка очень меня любил». Беседа с А. Н. Кольцатым (Лос-Анджелес, 22.02.1994) // Киноведческие записки. 2012. № 100/101. Стр. 396. URL: <http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/391-418.pdf>

жила с Борей сначала на Троицкой, потом на Фонтанке. Он уехал в 1946 году в Москву, а тетя не хотела Питер покидать ни за что. Когда мы уехали, и у нее совсем никого не осталось, она хотела поменяться на Пресню, но не смогла. И осталась на Фонтанке, и гуляла там. Пока не скончалась»⁵⁰.

Стр. 34 — *Сестра ее была Нюра...* — сестра Марии Петровны, бабушки Н. Т. (см. стр. 106–108 наст. изд.), Анна Петровна Соболева (урожд. Петренко, 1891–1982), всю жизнь прожила в Одессе.

Стр. 34 — *...приходил Введенский...* — Александр Иванович Введенский (1904–1941).

Стр. 34 — *by-product* — побочный продукт (англ.).

Стр. 35 — *собачка Лялька, она же заяц* — игрушечную собачку, или зайца Ляльку, которого сначала называли Епишей, Н. Т. привез в 1930 году с Алтая отец, снимавший там фильм «Одна».

Н. Т.: «Папа привез рассказ о том, что песенку *Ich kusse Ihre Hand, Madame* алтайцы совершенно серьезно поняли как „Иркутский хулиган, мадам“. Вряд ли я это поняла в два года, а вот меховую куклу вроде бибабо полюбила на всю жизнь.

Назвали ее Епишей. Бабушка и нянечка никогда не допустили бы шуток над священным саном; вероятно, это был Епифан. И точно, ей (ему?) очень подходил Епифаний Премудрый, сказавший: „Простота без пестроты“. Епишу я ставила выше моих фарфоровых кукол, он (все-таки он) воплощал мечту о кенозисе: серенький, из козьего меха, с синими стеклянными глазами, на бурой в крапинку подкладке»⁵¹.

Стр. 36 — Фото: Н. Трауберг с зайцем Лялькой. Ленинград, 1932. Любимое фото Н. Т., по ее просьбе опубликовано в книге «Сама жизнь».

Стр. 37 — *...деление мира на бойких и тихих...* — Н. Т.: «Няня делила людей на тихих и бойких, или на тихих и важных. Это самое евангельское деление, которое я вообще в жизни знала. Когда начинаешь читать Евангелие, там это ясно видишь. Прочитайте Нагорную проповедь, и вы увидите, что там речь идет о „тихих“ — кротких, милостивых, чистых сердцем»⁵².

Стр. 38 — *...в доме отдыха Инснаба...* — см. стр. 65–66 наст. изд.

Стр. 39 — *...бойкая девочка по фамилии Самойлович...* — по-видимому, внучка полярного исследователя Рудольфа Лазаревича Самойловича.

Стр. 40 — *...трехкомнатную квартиру на Большой Пушкинской...* — см. стр. 58–59 наст. изд.

Стр. 40 — *...с Ириной Тернавцевой...* — см. стр. 65 наст. изд.

---

⁵⁰ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

⁵¹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 34.

⁵² Курт А. Противление страданием. Интервью с Н. Трауберг // Истина и жизнь. 1997. № 10.

Стр. 40 — ...сняли дачу в Ольгине... — Н. Т.: «В Ольгине мы жили примерно с конца июля до начала октября. Туда нас пригласила бабушкина знакомая, лютеранка Антонина Карловна. Описать ее садик я много раз пыталась, но тщетно. <...> Писать про это лето я тоже пыталась, но тут нужна музыка или хотя бы стихи. Сейчас перечислю самые главные картинки.

Мы входим в домик и видим картину „Христос с детьми“.

Мы читаем друг другу „Почту“ Маршака и „Алису в стране чудес“. Очень смеемся, но вдруг я ощущаю в „Алисе“ что-то странное; и скрываю, чтобы не огорчать няню.

Мы идем на Яблочный Спас в ольгинскую церковь. На мне, как кофточка — крестильная рубашка, батистовая, с мережками. Я причащаюсь, еле дыша.

Мы бежим навстречу приехавшим из города феям в шелковых платьях — маме с подругами, одну из которых звали Люси»⁵³.

Стр. 42 — «Переписки двух куколок» <...> «Сониных проказ», «Примерных девочек», «Доброго маленького чертенка» <...> «Леди Джен» <...> «Маленькой принцессы» <...> «Маленьких женщин» <...> «Фаунтлерой» <...> «Мурзилка» («Лесные человечки») — «Переписка двух кукол»⁵⁴ — книга Юлии Гуро (Луиза Ольней), «Сонины проказы»⁵⁵, «Примерные девочки»⁵⁶ и «Добрый маленький чертенок»⁵⁷ — сочинения графини де Сегюр (см. стр. 92 наст. изд.) «Маленькая принцесса»⁵⁸ и «Маленький лорд Фаунтлерой»⁵⁹ — повести Френсис Бёрнетт (см. стр. 37 наст. изд.), «Маленькие женщины»⁶⁰ — повесть Луизы Мэй Олкотт (см. стр. 94 наст. изд.), «Новый Мурзилка»⁶¹ — повесть с рисунками Палмера Кокса в пересказе Анны Борисовны Хвольсон.

Стр. 44 — ...купили леди Джен... — Н. Т. сохранила куклу леди Джен до 1970-х годов, отдала на реставрацию, но не получила обратно: «Когда мы переехали на Пушкинскую, в 1934 году, мы с мамой почти сразу пошли в магазин на углу Большого и Бармалеевой. Там царила красота *belle époque*, конечно, очень обшарпанная Советами, но для меня — ослепительная. Например, внизу стоял негр в чалме, со светильниками, а лестница его окружала.

⁵³ Трауберг Н. Марьяна роща. Стр. 8.

⁵⁴ Гуро Ю. Переписка двух кукол. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1864.

⁵⁵ гр. Сегюр, урожд. Ростопчина. Сонины проказы. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1869.

⁵⁶ гр. Сегюр, урожд. Ростопчина. Примерные девочки. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, [190-?].

⁵⁷ гр. Сегюр, урожд. Ростопчина. Добрый маленький чертенок. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, [1908].

⁵⁸ Бёрнетт Ф. Г. Маленькая принцесса. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, [191-?].

⁵⁹ Бёрнетт Ф. Г. Маленький лорд Фаунтлерой. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф [1902?].

⁶⁰ Олкотт Л. Маленькие женщины, или Мэг, Джо, Бетси и Эми. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, [19-?].

⁶¹ Кокс П. Новый Мурзилка: Удивительные приключения и странствования маленьких лесных человечков. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1916.

1.

2.

1. Няня Лукерья с Наташей. Ленинград, 1934

2. Наташа с тетей Олей. Ленинград, 1935

По-видимому, там был комиссионный отдел, потому что мы с мамой купили куклу несказанной красоты, с тельцем из папье-маше, фарфоровой головкой и закрывающимися глазами. У нее были белокурые кудри, а глаза — синие, просто синие, что в книге бывает, но в жизни — редко. <...> Героиня „Леди Джен“ — точно такая, как моя кукла. Няня называла ее Ледичка, и я, собственно, тоже.

Прожила она у меня <...> ровно сорок лет. В 1974-м она разбилась, наверное — [кот] Кеша столкнул, и на довольно мелкие кусочки (головка; папье-маше не бьется). Одна женщина-реставратор взяла ее починить — и больше ничего не известно»⁶².

Стр. 44 — *Черкасовы* — с Николаем Константиновичем Черкасовым (1903–1966) и его женой Ниной Николаевной (1907–1980) дружили родители Н. Т.

Н. Т.: «И так же хорошо я помню 9 мая 1945 года. 8 мая мама была у актера Черкасова — она дружила с ним и с его женой (надо сказать, что позже, во время „борьбы с космополитизмом“, они вели себя замечательно, очень помогали отцу), и ночью позвонила домой — по какому-то западному радио Черкасов услышал, будто уже подписаны бумаги о капитуляции Германии. Я не спала, потом мы целый день ходили по городу с университетскими друзьями в состоянии полного, солнечного счастья»⁶³.

Стр. 44 — *...кажется, в нем жил и Борисов...* — актер Александр Федорович Борисов (1905–1982) сыграл роль М. П. Мусоргского в одноименном фильме (1950).

Стр. 45 — *...сидели Митрохины, он сам и жена его Алиса...* — Н. Т. была знакома с Дмитрием Исидоровичем Митрохиным (1883–1973) и его женой Алисой Яковлевной Брускетти (1872–1942) с детства, встретила с ним в эвакуации в Алма-Ате.

Н. Т.: «...у меня такая дружба, очень неожиданная, с художником Митрохиным, последним представителем мира искусств, который жил за Алма-Атинкой. А на Большой Пушкинской он жил в нашем доме. Прямо на первом этаже. И он меня знал, но я была девочкой, и он не особенно обращал внимание. И когда я узнала, что Дмитрий Исидорович живет здесь, я пошла к нему. Или он пришел? Я стала ходить к нему, за реку Алма-Атинку, где у него был домик. <...> Я была мечтательницей в чистом виде. Я все время мечтала. Или молилась, или мечтала. Ну, боялась еще. Я воображала какие-то гофмановские вещи, представляла гофмановские какие-то места. <...> И вот я приходила к Митрохину, и он дарил мне рисунки»⁶⁴.

⁶² Трауберг Н. Марьяна роща. Стр. 69.

⁶³ Ответы Н. Трауберг на вопросы читателей журнала «Фома» // Фома. 2008. № 3.

⁶⁴ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

Стр. 45 — ...жили старушки Лукашевич... — Н. Т.: «Наш дом, ампирный особняк с надстройкой „Корбюзье для бедных“, стоял прямо напротив ворот. В правом ближнем углу, бывшем храме, жили старушки Лукашевич. О Господи, где патер Браун, который разберется в их судьбе! Вряд ли старушки вселились, когда служб уже не было; может быть, они уступили один этаж? Маловероятно и то, что они не были польками или хотя бы литовками. Райский дух их жилья выражался в засушенных цветах, картинах „Времена года“, открытках и густой сирени под окном, где мы с нянечкой часто сидели.

После возвращения из Алма-Аты (август 1944-го) ни старушек, ни домика не оказалось, равно как и другого, слева от ворот. Миракль — это миракль, то есть „сама жизнь“»⁶⁵.

Стр. 48 — ...Эйзенштейном из Мексики... — Н. Т. знала Сергея Михайловича Эйзенштейна с детства (см. стр. 59–60 наст. изд.), в эвакуации в Алма-Ату подружилась с ним.

Н. Т.: «Прямо под нами жили Эйзенштейн, Шуб и Александров. <...> Шуб и Эйзенштейн непрерывно с нами общались. Я очень прибилась к Шуб сперва <...> Эсфирь Ильинична мне очень нравилась. Она любила всякие стихи, читала мне Ахматову. И она мне нравилась тем, что она была не ироническая, как наши все, а такая высокопарная.

А я в Алма-Ате превратилась в микробарышню. <...> Застенчивую все равно очень, дико нелепую. Потому что я говорила на жаргоне своих родителей и поэтому казалась страшно бойкой. <...> Для меня вдруг открылась красота этого города и какая-то его невероятная поэтичность, и у меня начались интересные происшествия. Ну, например, очень стал со мной дружить Эйзенштейн. Он вдруг заметил, что барышня какая-то проклюнулась, и стал меня таскать на съемки. И я ходила на „Ивана Грозного“, буквально чуть не на каждую съемку. Причем я плакала и просила его не водить меня, когда опричники, — мне страшно было. А он такой был вредный и говорил: „Ха-ха, своевременно или несколько позже!“ Какую-то вот такую чушь, и все-таки заставлял меня ходить. Ему очень казалось занятным, что совершенно кисейная барышня, знающая историю по Карамзину и по бабушке, в ужасе смотрит на этих опричников»⁶⁶. «Эйзенштейн вздумал снять меня в роли юной Анастасии. Мама спросила, куда он денет еврейскую скорбь. Он легкомысленно ответил: „Выдадим за византийскую“»⁶⁷.

Стр. 48 — ...Люция Робертовна, немецкая учительница... — Н. Т.: «Немецкий знал отец, возможно — через идиш, но довольно плохо. Он вообще легко

⁶⁵ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 48.

⁶⁶ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

⁶⁷ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 27.

читал на нескольких языках, но не говорил. Вероятно, от природы был способен к языкам. Немецкий в меня не влез, хотя меня ему учила очень милая немецкая дама, Люция Робертовна. Но ничто меня не брало»⁶⁸.

Стр. 49 — ...как пишет Конгар... — Ив-Мари-Жозеф Конгар, кардинал, доминиканец, как и Н. Т.

Стр. 49 (сноска) — *О ее стопроцентно мученической смерти...* — няня Н. Т., Л. Я. Буянова (см. стр. 106–108 наст. изд.), умерла во время блокады Ленинграда, в то время как семья Траубергов эвакуировалась в Алма-Ату.

Н. Т.: «Я еще была такой подросток дурацкий, в общем, страшно зажатый. Я очень много молилась, но у меня были всякие горести. Как то: я рассталась с нянечкой, которая осталась в Питере. Причем даже папа не мог ее увезти. Она не была формально родственницей, и оформить ее было нельзя. Потом выяснилось, что можно было — путем взяток все было можно. Но почему-то не получилось. И нянечка скончалась совершенно ужасно во время блокады. <...>

Причем интересно, что к нянечке пришла из Царского Села папина тетя, Розалия Соломоновна, которая была врач, жила в Царском Селе. Она, естественно, понимала, что если туда немцы дойдут, то ничего хорошего не будет. Она пришла, просто ногами пришла из Царского Села в Питер, и поселилась у нас в квартире. Похоронила нянечку. Жила с ней всю блокаду. И вышла из блокады глубоко верующей иудаисткой. Причем она была с опереточными ариями, такая еврейская врачиха, очень даже себе ничего, с романами всякими... А мы встретили седую старуху в черных кружевах, как у ее матери Руфи, глубоко набожную. И, видимо, там не без нянечкиного участия все было. Причем она никогда ничего не рассказывала»⁶⁹.

Розалия Соломоновна Вейланд (1891–1962) — сестра бабушки Н. Т. Эмилии Соломоновны (см. стр. 108–109 наст. изд.).

Стр. 51 — Страница из дневника Л. З. Трауберга, 1931 год.

Текст (орфография и пунктуация оригинала):

«Труды и дни Наталии Трауберг

№ 3

2/IV (рассматривая карты): „король, валет, дама. Нядэлэ, что эта дама?“

„Ну, дама, которая замужем, с детками“.

„А если бы не замужем, так это барышня, да?“

„Да“.

„Я хочу быть дамой. Я люблю детей. Нядэлэ, а если бы ты кого нибудь полюбила, ты бы вышла замуж?“

⁶⁸ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 423.

⁶⁹ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

„Что ты, Наташенька, я уже старая...”

Пауза.

„Нядэлэ, а почему ты не вышла замуж, когда была молодой?”

Няня невольно смеется. Н-ли конфузится. Рёв. Папа прибегает на помощь, всё забыто.

13/IV Явились утром перед папашей и строго спросили: „Что ты пишешь?” „Сценарий”. „Ну, хорошо, всё, что ты пишешь, читай мне, всё, всё”.

14/IV (милые остроты) „Няня, хочу динь! ... Почему я сказала динь, когда надо динь-динь. Нядлэ, и палки тоже”. „Ну, сделай, Наташинька, и палки, и диньку...” „Ты хочешь, чтоб я выпустила диньку... Как же я могу, ведь он на Воскресенском, далеко, я не могу его выпустить”.

14/IV Я позвонил вечером и попросил няню „поцеловать Наташку”. Натали выслушала и серьезно сказала: „Нехорошо, что папа говорит Наташка. Почему он не сказал Наташиньку или Наташечку?” Я на утро принес извинения».

Нядэлэ — прозвище няни, Л. Я. Буяновой.

Главн

Наталья Трауберг

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

москва 2008

«ёлочка»

ТЕТРАДЬ № 6. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Полустихи

Николай Котрелев

Когда читаешь написанное человеком, которого знал, слышал, то часто снова слышишь его. Но не всегда. Писать должен или очень талантливый человек, или тот, кого я очень люблю. Так звучит мне неподражаемая, непередаваемая насмешка Венечки Ерофеева. Но дороже — голос, ее голос с желтоватых листков, из строк, превращающихся в неожиданные уклоняющиеся от продолжения реплики. Ее восклицания, ухватывающие новую тему, чтоб не продолжить начатую. Ее — когда мы познакомились, когда-то, я — как все — звал ее про себя и прилюдно Наташей, не принимал названия «Натали» (это осталось — в моих ушах — идиолектом Томаса Венцловы, из своих, и — чужих, неприемлемо ироничных по отношению к ней, заглаза). А я постепенно пришел к имени «Наталья Леонидовна», в разговорах с чужими, средними, даже с самыми близкими, поскольку они полюбили ее позже меня. И Гриша Померанц стал Григорием Соломоновичем, и Юра Лесскис Георгием Александровичем: случились в свое время перерывы общения, а когда возобновилось, даже при самой душевной симпатии, как с Георгием Александровичем, разницу лет актуализовали окружавшие, новоприбывшие. Наташа осталась для меня самого, почти одного...

Вот Женя Федоров остался Женей!

Наталья Леонидовна пишет, как говорит (и — «словно реченька журчит», которая по камням прыгает, не бурливая, а переменчивая, стремительно-прихотливая, всхлипывая, улыбаясь, затихая, темнея, заплескавшись, уносит мысль и переживание). Говорит прерывисто (и Володя Муравьев — то ли советовал, да нет, скорее требовал: «Говори через фразу! Пропускай что и так понятно!»). А мне — единственно разумный строй разговора, вообще коммуникации — сорит. Трудно было с ними разговаривать!..

И радуюсь — читать не легче. «В былые годы», с перерывом во много лет, повторялись подчас темы, предметы переброса восклицаниями. И слова повторялись, и смыслы оставались устойчиво на своих местах. И вот перечитываю наброски Натальи Леонидовны, не ради поучения, а ради радости услышать ее еще раз, и даже увидеть мягкие руки, распахивающиеся и соединяющиеся или опадающие на колени.

А как четко она повторяет излюбленное: «Я спорить не могу, я могу только сказать свое! Нет, женщина спорить не должна!»

Вот и я — спорить не буду, не хочу, ни в коем случае не стану спорить! Потому что я — мужчина. Я слушаю ее голос... И сопереживаю, надо бы — сострадать: вчитайтесь в ее восклицания, и поймете, о чем речь.

Комментарий к книге Натальи Трауберг «Елизаветинский переулок»

Сборник «Елизаветинский переулок» составлен в 2008 году для домашнего издательства «Ёлочка». Издан тиражом в 16 экз.

Стр. 2 — Фото: Н. Трауберг с кошкой Муркой. Москва, 2007. Последняя квартира Н. Т. на Фортунатовской ул. Фото Натальи Романовой.

Стр. 3 — *Елизавете и Полине* — Елизавета Сергеевна Шутова, Полина Сергеевна Шутова — внучки Н. Т.

Стр. 3 — «*Сама жизнь*» — написано в 2008 г. для сборника «Елизаветинский переулок»¹ о только что вышедшей книге Н. Т.

Н. Т. о своей книге «Сама жизнь»²: «Какая же в этой книжке миссия? Ну, главная, конечно, та, которая тихо скрылась за самой жизнью: что мир полон чудес; что мы все живем бытовыми совпадениями, которые не случайные сближения, а обратная сторона ангельского шитья; что мы тем самым не просто болтаемся, а живем в сюжете; а сюжет этот выколот очень хорошим существом. Я бы хотела, чтобы это заметили, но это проследить там трудно.

А что там действительно очень сильно — это что восемьдесят лет отбухал человек [сама Н. Т.], из коих шестьдесят не мог дышать.

Только в семидесятые годы перестали об этом думать: стали как-то уродливо и странно жить. То есть кто мог — не очень уродливо и странно: Аверинцев какой-нибудь, Гаспаров писал и думал, даже я переводила какой-то самиздат, и в этом было вроде главное содержание жизни. Но у меня к тому времени уже накопилось ощущение, что я нахожусь в среде, для которой у меня нет органа — жабр каких-нибудь»³.

Стр. 3 — *Григорий Дашевский написал...* — Григорий Михайлович Дашевский (1964–2013) о книге Н. Т.: «Наталья Трауберг, благодаря которой сперва в самиздатских, а потом в типографских книгах здесь прочли Г. К. Честертон, К. С. Льюиса и П. Г. Вудхауза, в своей книге „Сама жизнь“ от воспоминаний о себе и о других отказывается. Свой отказ от мемуарности она объясняет сама: „Простейшие страсти мешают увидеть себя — ну и не пиши о себе, пиши о других. А как? Что мы о них знаем? Какие-то поступки, обрывки фраз, которые исказила память? При любом, простите, «духовном опыте» мы не знаем о человеке почти ничего“. И почти не опираясь на весь тот материал памяти о себе и других, который в наших глазах только и дает мемуаристу право

¹ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. М.: Ёлочка, 2008. Стр. 5.

² Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008.

³ Бабицкая В. «Мы не просто болтаемся, а живем в сюжете». Интервью с Н. Трауберг // OpenSpace.ru. 2008. 15 сент. URL: <http://os.colta.ru/literature/names/details/3002/>

на суд над временем, Трауберг прямо говорит о времени как таковом, о его смысле, дает почти голые формулы разных советских десятилетий...»⁴

Стр. 3 — «*дикое слово*» — Владислав Фелицианович Ходасевич, стихотворение «Перед зеркалом»: «Я, я, я. Что за дикое слово!»

Стр. 3 — *I wonder* — в данном случае точнее всего было бы перевести как «не знаю».

Стр. 4. Хилэр Бэллок. «Чужой, бессмысленный ученый...» — *Lines to a Don*⁵ (*Remote and ineffectual Don that dared attack my Chesterton...*). Пер. Т. Чепайтиса.

Стр. 4 — «*Иоанн Павел II о СМИ*» — опубликовано в журнале «Сеанс»⁶.

Стр. 4 — ...*письмо православного монаха*... — иеромонах Макарий Маркиш (род. 1954, в миру — Марк Симонович Маркиш) — сын Симона Перецовича Маркиша (1931–2003), с которым Н. Т. дружила в середине 1950-х годов.

Н. Т.: «Не понимаю, что страшного в беге времени. Увидишь картинку из прошлого и умиляешься, она ведь стала идиллией, *eidolon*. Поистине чудо, что наша жизнь движется, как багаж в аэропорту, повинаясь Божьему замыслу. 30 октября прошлого года, в 41-ю годовщину смерти Ирины Игнатьевны Муравьевой, незнакомый ей внук Алеша прочитал кусок очень мудрой статьи, подписанной „иеромонах Макарий“. Через полгода, узнав номера телефонов у первой Симиной жены, пятьдесят с лишним лет назад поехавшей за ним в ссылку, я позвонила ее сыну. Он прислал мне список и, кажется, текст своих статей»⁷.

Стр. 5 — *Иоанн Павел II* — см. стр. 103 наст. изд.

Стр. 5 — *motu proprio* — по собственному почину, с собственного соизволения (*лат.*) — заявление, которое Папа делает от своего собственного имени по какому-нибудь насущному вопросу, имеющее силу административного распоряжения. Этим оно отличается от энциклики, которая обычно относится к вопросам доктринальным.

Стр. 6 — Морис Бэринг [*письмо из Москвы в марте 1907 года*] — *Dear Gilbert may I leave out the Chesterton?*..⁸ Пер. Н. Т.

Н. Т.: «С Морисом Бэрингом он познакомился в самом начале века, а дружить они стали после того, как в марте 1908 года Бэринг прислал Честертону письмо из Москвы, где подолгу жил как дипломат, журналист и исследователь русской культуры. Речь в нем, среди прочего, идет о статье, в которой Бернارد Шоу создал чудище Честербеллок»⁹.

⁴ Дашевский Г. О времени без себя // Ъ-Weekend. 2008. № 35 (8). 12 сент.

⁵ Belloc H. Verses. L. J. Gomme. 1916. P. 74.

⁶ Сеанс. 2005. № 25/26. Стр. 203.

⁷ Трауберг Н. Иеромонах Макарий // Истина и жизнь. 2005. № 12.

⁸ Pearce J. Literary Converts. Spiritual Inspiration in an Age of Unbelief. San Francisco: Ignatius Press, 2002. P. 52.

⁹ Трауберг Н. Пояснение к тройному портрету // Неожиданный Честертон. М.: Истина и жизнь, 2002. Стр. 361.

Стр. 6 — «О „Коде да Винчи“» — опубликовано в журнале «Сеанс»¹⁰.

Стр. 7 — ...итальянской подругой... — Ольга Делла Лена (урожд. Обухова, 1949–2011), дружила с Н. Т. с начала 1970-х годов, познакомилась с ней у о. Александра Меня.

Стр. 8 — Оливер Херфорд [этими стихами епископ Чикагский приветствовал Честертона в Америке в 1930 году] — *When Plain Folk, such as you or I, See the Sun sinking in the sky...*¹¹. Пер. Н. Т.

Оливер Херфорд (1863–1935) — епископ Чикагский.

Стр. 8 — «После Египта» — опубликовано в журнале «Сеанс»¹².

Стр. 8 — ...поместила в трехтомник как послесловие... — на самом деле речь идет о составленных Н. Т. первых трех томах пятитомника, выпущенных в 1999 году издательством «Художественная литература»¹³. «Длинная статья», о которой говорит Н. Т., оказалась не после-, а предисловием к первому тому (и ко всему изданию).

Н. Т.: «Пустыня Исхода, в которой мы сейчас живем, лучше Египта для одних, хуже — для других... Теперь часто гадаешь, что мы делаем в этой пустыне — поддерживаем руки Моисея, поклоняемся тельцу, скорбим о райских пайках?... Казалось бы, запомни чудеса, положишься на них, хотя бы поблагодари — но нет. Однако те, кто родился там, подрастал, вошел в Обетованную землю, тоже были разные, недаром жизнь в Книге Судей так похожа на нынешнюю чернуху. Многие учились „гибельной свободе“, а кто-то — другой свободе, доброй»¹⁴.

Стр. 9 — Непрестанно отсылая к стихам Кибирова об «Аде с Лолитой», я стала об этом писать... — Тимур Кибиров: «Только детские книжки читать! Нет, буквально — не „Аду“ с „Улиссом“, а, к примеру, „Волшебную зиму в Муми-доле“. А если б еще и писать!...» Н. Т. упоминает это стихотворение, например, в послесловии к к сборнику рассказов П. Г. Вудхауза «Билл Завоеватель»¹⁵.

Н. Т. «Тимур Кибиров говорит в стихах, что хотел бы читать (и писать) одних „Муми-троллей“... Людей потянуло к „таким“ книгам не потому, что эти книги врут, а потому, что говорят нам очень важную правду. Неужели мы совсем не знаем той свободы и того уюта, которые описаны в тех главах „Билла“, где Флик с собачкой нашли приют в Баттерси? Неужели мы никогда не видели таких комнат, улиц, кафе или садов? Даже в отвратительные десятилетия советской жизни это не всегда удавалось отравить и не удалось отнять»¹⁶.

¹⁰ Сеанс. 2006. № 29/30. Стр. 106.

¹¹ Pearce J. Wisdom and Innocence. A Life of G. K. Chesterton. San Francisco, 1997. P. 395.

¹² Сеанс. 2005. № 23/24, Стр. 166.

¹³ Вудхауз П. Г. Собр. соч.: в 5 т. М., 1999.

¹⁴ Трауберг Н. Лучший университет // Вудхауз П. Г. Собр. соч. Т. 1.: Ранние рассказы. Стр. 10.

¹⁵ Вудхауз П. Г. Билл Завоеватель. М.: Олма-Пресс, 2000.

¹⁶ Трауберг Н. Последний английский рыцарь // Вудхауз П. Г. Билл Завоеватель.

Стр. 10 — *The Code of Mulliners* — «Честь Маллинеров» (пер. Н. Т.) в собрании сочинений П. Г. Вудхауза¹⁷ (М.: Остожье, 1999. Т. 4).

Стр. 11 — ...монах Анджей Белят делал доклад... — о. Анджей Белят (род. 1965) — монах-доминиканец, как и Н. Л.

О. А. Белят: «Наш профессор Юлий Шрейдер, узнав, что Папа объявил 1994 год годом Семьи, предложил провести годичный семинар среди верующих ученых. Епископ Кондрусевич благословил, и в феврале или в марте была первая встреча в одной из аудиторий журфака. Мне было двадцать девять, и я уже полтора года жил в Москве. Когда возник вопрос, кто подготовит следующий доклад, как обычно, воцарилось молчание, и я решился. Весной того же года (апрель-май) я сделал доклад „Святой Иосиф как икона отца“, в котором было о деградации мужчин...»¹⁸.

Стр. 12 — ...посыпались <...> от литовского и русского друзей... — литовский друг — Томас Венцлова, который жил в Йейле, русский друг — о. Михаил Меерсон-Аксенов (род. 1944). Речь в письме шла о романе Бориса Акунина «Коронация», а в «удивленных вопросах отца Михаила», по словам Ольги Меерсон, «было не издевательство, а скорее некоторая ирония, особенно по поводу неомонархистского ажиотажа. Впрочем, он тогда был настроен скептичнее к царской семье. Больше обращал внимание на безответственность и меньше их жалел...»¹⁹.

Ольга Меерсон (род. 1959) о Н. Т.: «Еще в его московские времена она дружила с моим мужем, о. Михаилом. Близко... С о. Михаилом она как раз именно в начале 2000-х годов и переписывалась. Я видела Н. Л. в 1992-м, а потом несколько раз в 2000-х. В Нью-Йорке у Н. Л. было всегда полно друзей. В Вашингтоне же, подозреваю, только мы, о. Михаил в основном»²⁰.

Н. Т.: «Если остался прямой наследник отца Александра, это американский священник Меерсон. Без харизматичности, но с добротой и с чертами свойственной отцу Александру какой-то томистской уравновешенности»²¹.

Стр. 12 — ...воспитывала меня верующая бабушка... — Мария Петровна Ланде-Безверхова (см. стр. 106–108 наст. изд.).

Н. Т.: «Многих воспитывали верующие няни и бабушки, но мои оказались исключительно смелыми: невзирая ни на что, они очень рано и, в сущности, непрерывно передавали мне евангельские понятия о мире, а главное — о жизни. Например, я знала, что есть надо, что дадут. Видимо, каприз (своеволие),

¹⁷ Вудхауз П. Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. М.: Остожье, 1999.

¹⁸ Письмо о. Анджее Белята С. Панич. 2013.

¹⁹ Письмо О. Меерсон С. Панич. 2013.

²⁰ Там же.

²¹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 241.

бойкость (победительность), важность были самой главной опасностью, и они [бабушка и няня] спасали меня, без колебаний, ставя на тихое, маленькое... Но стоит ли переписывать здесь Евангелие, особенно заповеди блаженства? Конечно, держалось это верой; иначе крестьянка и классная дама не решились бы воспитывать заведомого изгоя. Едва ли не самым главным был запрет на злобу. И требовательная бабушка, и сверхкроткая нянечка настолько убедили меня, что, рассердившись, я вылезала в коридор и там „сбрасывала агрессию“: как знаток еще не существовавшей этологии, ощеривалась и выпускала когти. Конечно, после этого я просила прощения у Бога»²².

Стр. 12 — ...игра с именем и отчеством «Изабелла Фелициановна» (для работавших в «Иностранке» в ней три, а не два уровня)... — Н. Т. состояла в общественном редакционном совете журнала «Иностранная литература», в котором заведующей отдела критики была Изабелла Фабиановна Зорина, то есть Н. Т. ошиблась в отчестве²³.

Стр. 12 — католик, возглавляющий американский *Chesterton Institute* — Иэн Бойд, *CSB*. О. Иэн Бойд пригласил Н. Т. в Лондон в 1998 году, встретился с ней на Честертоновской конференции в Вильнюсе в 2004 году.

Н. Т.: «В 1990 или 1991 году мне написал отец Бойд, американский исследователь творчества Честертона, он спрашивал о наших самиздатовских переводах. Мы послали ему несколько книг, а потом он пригласил меня в Лондон в 1998 году, потому что он был уже слишком старый, чтобы приехать сюда. Я попала на встречу Братства Святого Албания и Святого Сергия, и на две конференции — по Чарльзу Уильямсу и посвященную столетнему юбилею Льюиса»²⁴.

Стр. 13 — ...обидел целый город Коржавин... — Н. Т. имеет в виду рассказ С. Довлатова «Литература продолжается», в котором описывалась проходившая в Калифорнии конференция американских славистов.

«Выступление Коржавина продолжалось шесть минут. В первой же фразе Коржавин обидел трехсот участников заседания. Трехсот американских славистов. Он сказал:

— Вообще-то я пишу не для славистов. Я пишу для нормальных людей...

Затем он произнес несколько колкостей в адрес Цветкова, Лимонова и Синявского.

Затем обидел целый город Ленинград, сказав:

— Бобышев — талантливый поэт, хоть и ленинградец...»²⁵

²² Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 153.

²³ Благодарим за справку А. Я. Ливерганта.

²⁴ Гилберт Честертон: Секрет жизни — в смехе и смирении. Интервью с Н. Трауберг (пер. О. Антоновой) // *Road to Emmaus*. 2002. N 9 (G. K. Chesterton in Russia). Spring.

²⁵ Довлатов С. Литература продолжается // Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2010. Т. 4. Стр. 345.

- Стр. 13 — *mutatis mutandis* — с соответствующими изменениями (лат.).
- Стр. 13 — *Ромуальд Траугутт* — генерал, член польского подпольного правительства. Высказывались предложения о его беатификации.
- Стр. 13 — *Уолтер де ла Мэр. «Рыцарь Святого Духа, он песню поет...»* — *Knight of the Holy Ghost, he goes his way...*²⁶. Пер. Н. Т. Уолтер де ла Мэр.
Н. Т.: «Надя (Муравьева) подарила мне перевод из Уолтера де ла Мэра, где были строчки „тихая речь кота“ и „мирное имя дома“»²⁷.
- Стр. 14 — «*Опять о пятой заповеди*» — Написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»²⁸.
- Стр. 14 — ...прочитала в «Континенте» хвалебный отзыв о Санаеве. — Вероятней всего, речь идет о статье В. Пустовой «Опыт воспитания героя. Яцутко, Чередниченко, Павлов, Санаев, Зайончковский»²⁹.
- Стр. 14 — *Анонимная эпитафия. «Достоин восхищения и царского венца...»* — *Place upon his hand the jewel, on his brow the diadem...*³⁰ Пер. Н. Т.
- Стр. 15 — «*Опять о мемуарах*» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»³¹.
- Стр. 15 — ...вспомним <...> *Августина*. — Блаженный Августин — любимый богослов Н. Т., наравне с Фомой Аквинским. Самый частый рассказ Н. Т. об св. Августине — сюжет о его обращении.
- Н. Т.: «Вот, например, блаженный Августин, великий святой. Он был умен, он был известен, у него была замечательная карьера, если мерить нашими понятиями. Но ему стало трудно жить. <...> Это когда начинаешь осознавать, что что-то не так. Сейчас люди снимают подобное ощущение тем, что идут в красивую церковь и слушают красивое пение. Правда, потом они чаще всего начинают все это ненавидеть или становятся ханжами, так и не услышав, что сказал Христос. Но с Августином было не так. К нему пришел один приятель и говорит: „Вот смотри, Августин, мы с тобой хоть и ученые, а живем, как два дурака. Ищем мудрости, и все не там“. Августин очень разволновался и выбежал в сад. И услышал откуда-то: „Возьми прочти!“ Кажется, это мальчик на улице кому-то кричал. А Августин услышал, что это к нему. Вбежал в комнату и открыл Евангелие. И попал на послание Павла, на слова: „Облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечения о плоти не превращайте в похоти“. Простые фразы: отвергнись себя, и возьми крест,

²⁶ Pearce J. Literary Converts. P. 52.

²⁷ Трауберг Н. Постскриптум // Истина и жизнь. 2005. № 1.

²⁸ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. М.: Ёлочка, 2008. Стр. 24.

²⁹ Пустова В. Опыт воспитания героя // Континент. 2006. № 129. Стр. 412.

³⁰ O'Connor J. Father Brown on Chesterton. London, 1937. Ch. XXV.

³¹ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 27.

и заботы о себе не превращай в свои идиотские желания, и пойми, что самый главный мирской закон на свете — делать то, что моей голове или не знаю чему там еще хочется, — для христианина не имеет никакого значения. Эти слова полностью изменили Августина»³².

Стр. 15 — *...менее известного Патрика...* — Патрик, кельтский святой V века. Ему приписывают множество кельтских молитв и благословений, в частности знаменитый «Щит святого Патрика», который переводила Н. Т.

Стр. 16 — Фото: Н. Трауберг с сотрудниками института ВИЯК. Клязьма, март 1953. Слева лаборантка, справа — профессор Леонид Осипович Рузер.

Стр. 17 — *«Пять лет»* — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»³³.

Стр. 17 — *...прочитала у Соловьева-отца...* — Н. Т. любила читать «Историю России с древнейших времен» Сергея Михайловича Соловьева, которую привезла из Одессы ее бабушка, Мария Петровна. «История России» продана во времена космополитизма.

Стр. 17 — *...в самом конце 1979-го мы с дочерью уехали в Вильнюс, летом 1984-го вернулись в Москву...* — Н. Т. жила Вильнюсе два раза — с 1961 по 1969 и с 1979 по 1984 год, на ул. Пшевальскё.

Пранас Моркус: «Годы спустя после развода Н. Л. вернулась в Вильнюс, на этот раз никак не в ситцевую Литву: и люди поразительно напоминали тех, от которых она пыталась укрыться, и ни о каком хоум не могло быть и речи»³⁴.

Н. Т.: «С 1980 по 1984 (до 31 мая) год я снова жила в Литве. В письмах к Томасу Венцлове, за непроходимую стену, сравнивала ее с Китежем и с Лапудой. Действительно, тайная жизнь маленькой захваченной страны, которая, как и многие страны, называет себя землей Девы Марии, была похожа и на затонувший рай, и на неприятный летающий остров»³⁵. «Литва к этому времени стала наконец довольно советской, научившись не работать, огрызаться и даже приставать на улице с упреками типа: „Что ж это у вас пальто запачкано?“. Она пожухла, как ни красили старый Вильнюс в конфетные цвета, и — в отличие от 1950-х или 1960-х — о Европе почти не напоминала. Усилилась и нелюбовь к русским, и сходство с ними, причем похожи они стали на советских, а не любили именно русских, даже если в них ничего

³² Борисова Е. «Христианство — это очень неудобно». Интервью с Н. Трауберг // Эксперт. 2009. № 19 (657). 18 мая.

³³ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 29.

³⁴ Моркус П. По ту сторону корчмы на литовской границе // Дар и крест. Памяти Натальи Трауберг: Сб. статей и воспоминаний. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. Стр. 47.

³⁵ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 221.

1.

2.

1. С. Аверинцев, Н. Аверинцева, А. Козырев, о. Б. Дюпир, П. де Лобье, О. Седакова, Н. Котрелев. Ватикан, 1998 2. Н. Трауберг с дочерью Н. Котрелева А. Демьяновой и ее дочкой Марией. Москва, 2000

советского не было. Однако Лапута или Китеж там оставались, а здесь — не знаю. Наверное, тоже (бывает ли без них?), но я бы не заметила, иначе Бог не спрятал бы меня в Литву...»³⁶.

Стр. 17 — ...год я преподавала, потом меня выгнали... — после окончания ЛГУ Н. Т. распределили в Институт иностранных языков.

Н. Т.: «Меня послали преподавать в Институт иностранных языков. Располагался он слева от Смольного, в местах, которые я с детства любила. Таврический сад и улицы за ним были для меня особенно прекрасными. <...> Осень в институте была странной. Преподаватель марксизма, он же — какое-то партийное начальство, только завидев меня, радостно сказал: „Ну, вы у нас не задержитесь“. С другой стороны, в этот институт уже вытолкали Эткинды, а кафедру перевода возглавлял ученик Тынянова, переводчик Гофмана — Андрей Венедиктович Федоров. Мы трое, но не только мы, менялись листочками Мандельштама, ранними сборниками Ахматовой и тому подобным. <...>

Выгонять меня начали с зимы. Когда перед Новым годом мои студенты писали контрольную, заглянул в дверь Готя Степанов и подарил мне елочную игрушку, тигра в блестящих. Почти сразу меня за это высекли „по жалобе студентов“. Студенты (точнее, студентки) клялись, что никому ничего не говорили. <...> Тут и началась травля. Осуществляли ее буквально несколько человек, но очень представительно, от директорши до уборщицы. Вменяли мне разные грехи: профнепригодность (это правда; нас, филологов, совершенно не учили преподавать, но здесь я ничем от других не отличалась); прогулы (их отсутствие доказать невозможно); челочку и берет; то, что собачку зовут Молли; моральное разложение. <...> Моральное разложение мгновенно усилилось — я чуть не вышла замуж за сочувствовавшего и помогавшего мне заведующего одной кафедры. Словом, всенародно обсудив мои месячные (да!) и обвинив меня в том, что я разбила витринку, с одной кафедры, теории языка, меня выгнали. Однако Федоров, похожий на мокрую мышь из „Алисы“, сказал, что у него, на кафедре перевода, я нужна. Станный был строй: эти часы мне оставили»³⁷.

Стр. 17 — ...работа, пусть и почасовая... — в Москве Н. Т. работала в Военном институте иностранных языков (ВИЯК, см. стр. 53 наст. изд.).

Н. Т.: «Мама заставляла меня ездить в Москву, искать работу. Я нашла почасовую в институте военных переводчиков. Там работал мой приятель Боря Вайсман. Там собирали всю шушеру, со всей Москвы, но у меня не было московской прописки. То я преподавала, то я не преподавала. <...> И так продолжалось до

³⁶ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 162.

³⁷ Там же. Стр. 57.

посадки врачей. <...> Один год я была в штате, один год на почасовой. Я знала, что меня как штатскую не допускают к чему-то, и могут всегда вызвать. Боря был военный, демобилизованный. Я не знала, уходя, что на следующий день я работаю. Мы были никто — они могли выгнать всех евреев. Кафедру переводов возглавлял Рузер, совершенно замечательный дядечка. <...> В общем, была какая-то странная жизнь. Но все-таки это было после смерти [Сталина]. Это был 1953–1955-й. Я ушла оттуда в 1955-м»³⁸.

Стр. 17 — ...Аверинцев сравнивал с речами Порфирия Головлева... — по всей видимости, имеется в виду фрагмент из предисловия С. С. Аверинцева к вышедшей в Лондоне беседе с митрополитом Сурожским Антонием (Блумом).

С. Аверинцев: «Живущий в Лондоне митрополит Антоний Блум, правящий иерарх Русской Православной Церкви на Британских островах — человек острого и глубокого ума, незаурядной одаренности. Важнее другое свойство, нечасто встречающееся среди верующих и неверующих: безупречная интеллектуальная честность... Поэтому его слово точно и предметно, абсолютно свободно от прикрас, тумана, благообразной стилизации. Это не просто литературный стиль — это стиль духовности. Стиль православной аскетики, всегда осуждавшей и мечтательности, и фарисейские словесные церемонии „смиренноглаголения“. У него-то ни слушатель, ни читатель не наткнется на красоты слога во вкусе Порфирия Головлева»³⁹.

Стр. 17 — ...тяжелые болезни... — см. Л. Улицкая, Письмо Натали Трауберг. Стр. 85 наст. изд.

Стр. 17 — ...среди тайных священников... — см. стр. 117–118 наст. изд.

Стр. 17 — ...одним из этих священников... — о. Евгений Гейнрихс (см. стр. 117–118 наст. изд.).

Стр. 17 — литовский монастырь — см. стр. 118 наст. изд.

Стр. 17 — ...с другим священником... — Андрей Викторович Касьяненко (см. стр. 117 наст. изд.).

Стр. 18 — как сидят «Эмка» или «Алик»... — «Эмка» — Наум Моисеевич Коржавин (Мандель, род. 1925) и Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (см. стр. 120 наст. изд.).

Стр. 18 — ...жила у Гариных... — Эраст Павлович Гарин и Хesia Александровна Локшина — друзья родителей Н. Т.

Н. Т.: «Я рассказываю <...> о том, как было хорошо у Гариных. <...> Они были праведники, настоящие московские праведники <...> это были люди, которые были островом, противостоящим всему советскому строю.

³⁸ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 153.

³⁹ Без записок. Интервью Антония Блума / пер. с англ. С. Аверинцева. Лондон, 1991.

Приходишь в их квартиру — и все, его нет! Там частично лежал архив Мейерхольда, лежали пьесы Эрдмана. Когда вернулся Эрдман, он у них дневал и ночевал. Там каждый мог читать все, что он хотел, от Мандельштама до Ахматовой. <...> Я подвизалась со своим репертуаром, читая стихи. Потом мы все пели песни. <...> Читались „Басни“ [Эрдмана]: „Рояль был весь открыт, и струны в нем дрожали. «Почто дрожите вы», — спросили у скитальцев игравшие сонату десять пальцев. «Нам нестерпим такой режим, вы бьете нас — и мы дрожим!..»“. <...> Это все читалось в 1945 году. Запросто. Вот такой оазис был в этом доме. <...> Приходила Раневская, заикающаяся. И они все уже хором читали „Самоубийцу“. Мы катались. Когда я читала: „Я Маркса прочел, и Маркс мне не понравился“, — мы все лежали на полу. Это были такие мои университеты. Я из кисейнейшей барышни, которая кроме походов к Митрохину, мечтаний и молитв вообще ничего не знала, попала в какую-то божественную среду. Она тоже была страшно нужна, я от родителей этого не получила. <...> И Фаина совершенно дивная, с ее заиканием. Хулиганка абсолютная»⁴⁰.

Стр. 18 — *Фрида Вигдорова* — Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965) дружила с Серманами, Ильей и Руней, друзьями Н. Т. (см. стр. 144 наст. изд.).

Н. Т.: «Илье [Серману] дали 25 лет без права переписки. <...> Мы тем временем пошли к его матери. <...> Красивая интересная женщина. Типичная бывшая дама 1920-х годов. Она очень любила Руню, и остались два внука. Мы отправились через Мостостроительную, и никогда не забуду, как мы шли. Ощущение было такое, что у нас, как в сказке, какие-то железные башмаки на ногах. Так тяжело было к ней идти. Что с ней, когда сына на 25 лет посадили... <...> Детей увела Фрида Вигдорова. На всякий случай, чтобы не пришли за ними. Была она женщина совершенно замечательная»⁴¹.

Стр. 18 — ...с *Георгием Петровичем Свиридовым*, он ходил к нам и помогал... — с Георгием Петровичем Свиридовым (1915–1998) Н. Т. подружилась, когда он писал с ее отцом оперетту «Огоньки».

Н. Т.: «Пришел Свиридов и стал писать „Огоньки“, и до весны включительно, если не лета — то есть зима 1950–1951-го и лето 1951-го — Свиридов сидел у нас каждый второй день, и они писали эти „Огоньки“ — выдумывали тексты, подгоняли под „рыбу“, „рыбу“ подгоняли под музыку и так далее. Не могу вам сказать, как утешил нас Свиридов. <...> Он был нелепый, застенчивый, очень милый человек. Мы с ним гуляли по зимним улицам; оказалось, что оба страшно любим Лескова, просто безумно.

⁴⁰ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг. 2004–2005. Семейный архив.

⁴¹ Там же.

Мы подружились. Причем время от времени он говорил мне, как Бендер Зосе: „Вы нежны и удивительны“. Это у нас была шутка такая: если он скажет „нежны и удивительны“, то надо смеяться. <...> Лесков, парк, сидение у бабушки, где он нашел наконец верующую женщину, — он был абсолютно верующим человеком, ходил в церковь...»⁴².

Стр. 18 — *per excessum* или *per abusum* — термины томистской этики, восходящие к Аристотелю. *Per excessum* означает «по преизбытку», «в искажении», *per abusum* — «по недостатку».

Н. Т.: «Скажем, Честертон доуродствовался до того, что даже с отцом Брауном (люди) себя не особенно отождествляют. Все-таки какой-то он еще более нелепый, надо приличней себя вести. Однако дальше, уже *per excessum*, лежит удобное смешение изгоя распущенного с изгоем евангельским, на котором живет и держится предпоследняя (?) контркультура»⁴³.

Стр. 19 — ...отец попросил Шостаковича написать музыку <...> оставил папе записку с отказом... — Н. Т. рассказывает историю, случившуюся во время космополитизма: «К папе пришел человек по имени Симеон Полоцкий (буквально) и сказал, что он хочет написать мюзикл из жизни рабочих <...> его обещал с папой написать Шостакович, но испугался и оставил записку в гостинице.

Вот как это было: папа пошел на встречу с Шостаковичем, с которым они были очень близкие друзья. <...> Когда папа пришел в гостиницу, то там лежала записка: „Леонид, прости, ты понимаешь, я же сейчас не могу, и т. д. Я пришлю хорошего человека» — что-то вот такое. Но папа обиделся чудовищно. Просто чуть не умер. <...>

Когда умерла Нина Васильевна, жена Шостаковича, он его простил, и в последние годы они опять общались в Москве. А мама его не простила никогда. Хотя я лично вообще не вижу преступления. Совершенно законно для нежнейшего, тишайшего человека, затравленного. Ну что с него взять? И он ведь прислал Свиридова, и Свиридов был совершенно очарователен»⁴⁴.

Н. Т. о Шостаковиче (см. стр. 58 наст. изд.) и его жене Нине Васильевне (1909–1954): «Шостаковича, наверное, подпитывала или просто питала музыка. К несчастью, я в ней совсем не разбираюсь и могу представить только, как подпитывает слово. Но мы-то читаем стихи (или не стихи), а он музыку создавал. Наверное, иначе бы он не выдержал. Тут я исхожу из того, что нормальна, правильна ранимость. Однако сама семья Шостаковичей показывает, что это не так. Прежде всего, Дмитрия Дмитриевича дополняла,

⁴² Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

⁴³ Трауберг Н. Эффект Чизхолма (написано для журнала «Истина и жизнь» в 2006 г.). URL: <http://trauberg.com/texts/e-ffekt-chizholma/>

⁴⁴ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

держала, уравнивала такая спокойная женщина, как Нина Васильевна. Посмотрите, пожалуйста, на две маленькие фотографии и прибавьте манеру, улыбку, какой-то особенно мягкий цвет глаз (хотя они были темные), высокий лоб — всего не перечислишь. Рядом с ней становилось спокойно и даже красиво, хотя „дамы“ считали ее немодной. Я помню до сих пор, как в сентябре 1944 года, почти 60 лет назад, стояла рябина у них на столе»⁴⁵.

Стр. 19 — ...*Руня с Илюшей*... — Руфь Александровна Зернова (1919–2004) и Илья Захарович Серман (1913–2010) — друзья Н. Т. с университетских лет.

Н. Т.: «Весной 1946 года я увидела на филфаке женщину с ребенком на руках. Очаровательную. С рыжей челкой, французским личиком, живыми глазами. Это оказалась Руфь Зернова. <...> Мы очень подружились, и я стала к ним ходить. Ее муж, Илюша Серман, совершенно очаровательный тишайший человек, считался просто суперзвездой литературоведения»⁴⁶. «Я ходила к Серманам очень часто и сидела у них на кухне. У них бывали Ефим Григорьевич Эткинд, Георгий Владимирович Степанов, иногда Юрий Михайлович Лотман — цвет российского литературоведения тех лет. Лотман, создавший целую школу в литературоведении, все время работал — он мало ходил по таким тусовкам. Мы тоже много занимались, но все-таки еще сидели друг с другом, много говорили, читали стихи. Жизнь была чрезвычайно интенсивная, это постановление [о журналах „Звезда“ и „Ленинград“] ее не перерубило. Она продолжалась. Жизнь перерубило убийство Михоэлса. <...> И буквально наутро в университете был другой воздух. Никто еще ничего не делал, а воздух был другой»⁴⁷.

«6 апреля 1949 года посадили Руню Зернову и Илью Сермана. Ей дали пять лет, ему — двадцать пять, без права переписки. Когда мы пошли к его матери, Руниной свекрови, она сказала, что прекрасно знает смысл этих слов, но к Илье это не относится, мы его скоро увидим. Действительно, мы увидели его в Москве, на вокзале, в 1954 году»⁴⁸.

Стр. 19 — *Глазовы* — см. стр. 73–74 наст. изд.

Стр. 19 — *Шрагины* — Борис Иосифович Шрагин (1928–1990) и Наталья Николаевна Садомская (1927–2013) — друзья Н. Т.

Н. Т.: «Помню, как я увидела его в первый раз, скорее всего — в 1969-м, а может — в 1970 году. Мы были у Глазовых, он пришел и стал рассказывать, как ездил в лагерь к Александру Гинзбургу. Говорил и улыбался он так, что я сказала одному молодому философу: „Прямо Пьер Безухов!“, но тот сурово

⁴⁵ Трауберг Н. Обыкновенный Шостакович // Книжное обозрение. 2003. № 34 (1940). 25 авг.

⁴⁶ Беседы Ю. Табака с Н. Трауберг.

⁴⁷ Курт А. Противление страданием. Интервью с Н. Трауберг // Истина и жизнь. 1997. № 10.

⁴⁸ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 64.

возразил, что передо мной не тюфяк какой-нибудь, а борец, герой и диссидент. Когда я это вспоминала, мне пришло в голову, что Пьер был именно диссидентом.

Через какое-то время мы увиделись по делу с Бориной женой, Наташей, и до самого их отъезда очень часто встречались. После отъезда мы с ней переписывались»⁴⁹.

Наталья Садомская о Н. Т.: «Она была такой христианкой диккенсовского типа. И даже в последний раз, когда я ее видела, а это было православное Рождество, накануне того, как ее увезли в хоспис. А я только что прочитала ее книжку [„Сама жизнь“], она там одну главку посвятила Боре, я и говорю: „Наташ, ты же все про него выдумала, а потом его за это и похвалила“. А она говорит: „А я вообще про всех все выдумала!“ Мы с ней так хохотали, и она говорит: „Знаешь, это вообще роман-приключение. Пускай все думают, что хотят. А я что захотела, то и выдумала“. И это говорил человек, который лежал, которого на будущий день должны были увезти в хоспис. Это было замечательно. С ней всегда было — вот представьте себе — с ней всегда было весело!»⁵⁰

Стр. 19 — *Томас Венцлова* — см. стр. 28–29 наст. изд.

Стр. 19 — Г. К. Честертон. «Я осьминога полюбил...» — *And I have loved Octopus since we were boys together. I love the Vulture and the Shark, and even love the weather* — строфа из стихотворения Г. К. Честертона *The Oneness of the Philosopher with Nature*. Пер. Н. Т.

Стр. 20 — «Вечер духовной поэзии» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁵¹.

Стр. 20 — ...лекции о. Александра в Доме медика... — речь идет о цикле лекций «Христианство и культура», которые с осени 1988 года о. Александр Мень читал в московском Доме медика.

Н. Т.: «Четыре с лишним года, начало 1980-х, оказались такими трудными, словно нас, как тех цыплят, придавили утюгом. Отец [Александр] держался. Он держался всегда, меня кое-как спасала Литва. Мы писали друг другу короткие записки. Одной из темнейших зим я обозначила номера стихов „Сторож, сколько ночи? Сторож, сколько ночи?“, и отец ответил тоже одними номерами: „Приближается утро, но еще ночь“.

В самом конце весны 1985-го мы спокойно говорили о том, что уже — не ночь. Летом двоим нашим прихожанам вернули книги и еще что-то изъятое при обыске. Раньше, зимой 1984–1985-го, когда эти обыски были, отец

⁴⁹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 247.

⁵⁰ Выступление Н. Садомской на поминках по Н. Трауберг. 2009. Семейный архив.

⁵¹ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 34.

любил повторять: „Сценарий пишут не они“. Ему оставалось прожить пять лет. Эти годы были голодные и грязные, но, как заметил псалмопевец, „мы радовались“. То встретимся в зале, который он называл овальным, то в Доме медика, то еще где-нибудь. Отец бегал с толстым портфелем. Жили мы уже совсем как в Библии — против всяких вероятностей и ожиданий, чудом, колосс упал»⁵².

Стр. 20 — ...суровые неофиты... — Н. Т. много рассуждала о людях, пришедших в церковь в 1960–1980-х годах, об их часто искаженной религиозности.

Н. Т.: «В начале восьмидесятых мы с одним тайным священником, в миру — милицейским инженером, составили куб „неофит“, предположив, что искаженная религиозность не в ладу с соловьевскими стыдом, благоговением и жалостью. Одним из трех признаков неофита оказалось мистическое бесстыдство — больная, себялюбивая, нецеломудренная мистика. Другой признак — жестокость, безжалостность, *us—them mentality*»⁵³.

Стр. 21 — ...увидела фотографию Юлия Даниэля... — Юлий Маркович Даниэль (1925–1988). Н. Т. дружила с женой Даниэля, Ириной Павловной Уваровой (род. 1932).

Стр. 21 — Г. К. Честертон. «Как хорошо медузой быть!..» — стихотворение Г. К. Честертон *Triolet (I wish I were a jelly fish That cannot fall downstairs...)*. Пер. Н. Т.

Стр. 22 — «Серпун» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁵⁴, повторно опубликовано в сборнике писем Томаса Венцловы Наталье Трауберг «Божественная Натали»⁵⁵.

Стр. 22 — Кястас Янулайтис — Кястас Аугустинас Янулайтис (1934–1989), друг Н. Т. и Виргилиуса Чепайтиса, отдыхал с ними в Пярвалке. Кястас был выбран Королем Пярвалки, о чем Н. Т. пишет в воспоминаниях: «Кястас Аугустинас Янулайтис был красив, как средневековый рыцарь в представлении романтика. Правил он косой Неринга, где мы жили в 1960-х годах каждое лето. Кажется, по линии Гимбутов (к которой принадлежит очень известная женщина, американский антрополог) он восходил к Гедиминовичам. Отец его был крупнейшим литовским историком, а он определенной профессии не имел и, хотя кончил в Литве университет, служил почему-то в Институте киноведения, преподавал детям французский язык. Дело в том, что он женился на москвичке и жил здесь, в Москве. <...> Умер король по-королевски. Как все помнят, на границе 1980–1990-х годов Литва боролась за независи-

⁵² Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 230.

⁵³ Трауберг Н. Закон Квудла (Дружба народов. 1993. № 1) // Трауберг Н. Невидимая кошка. М.: Летний сад, 2006. Стр. 11.

⁵⁴ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 29.

⁵⁵ Венцлова Т. Божественная Натали. М.: Ёлочка, 2010. Стр. 213.

мость. Он, все же — историк, читал в литовском представительстве лекцию. Поднял руку с указкой перед картой Литвы — и скончался, отказало сердце. Случилось это в ноябре 1989-го»⁵⁶.

Стр. 22 — *Саша Раскина* — Александра Александровна Раскина (род. 1944), дочь Фриды Вигдоровой (см. стр. 142 наст. изд.).

Стр. 23 — *Г. К. Честертон. «Чай заварен, туман, и газ горит...»* — *An Idyll*⁵⁷ (*Tea is made; the red fogs shut round the house but the gas burns...*). Пер. Н. Т.

«...двое — в Оксфорде» — одноклассники Г. К. Честертона Эдмунд Клерихью Бентли и Люшен Олдершоу.

Н. Т.: «...довольно скоро, в 1890 году, Честертон возглавил Клуб Дебатов, куда входили Люшен Олдершоу, братья д'Авигдор, братья Соломон, Фордэм, Солтер, Вернэд и Бентли. Он дружил всю жизнь со всеми, особенно — с Бентли и Олдершоу. О том, каким он был тогда, Бентли пишет: „Г. К. Ч., когда я его впервые увидел, был необычайно высоким, долговязым мальчиком с серьезным, даже угрюмым выражением лица, которое очень легко сменялось веселым и счастливым“»⁵⁸.

Стр. 23 — «*Фра Анжелико*» — опубликовано в журнале «Истина и жизнь»⁵⁹.

Стр. 23 — ...о. Александр Хмельницкий служил Мессу... — о. Александр Хмельницкий (род. 1942) — доминиканец, как и Н. Т., главный редактор журнала «Истина и жизнь», в котором с 1997 по 2006 год Н. Т. печатала маленькие мемуарные заметки под рубрикой «Сама жизнь».

Стр. 23 — ...в моей, а точнее — родительской квартире... — квартира на ул. Горького, 37, которую Л. З. Трауберг получил в 1981 году, когда выселяли дом на Страстном.

Стр. 23 — ...позвонил американец... — Евгений Федорович Гросман (род. 1945).

Стр. 23 — ...переводить для их миссии... — Н. Т. переводила для миссии Петра Петровича Дейнеки; позже миссия названа Ассоциацией «Духовное возрождение».

Н. Т.: «Ко мне пришел <...> человек из миссии Петра Дейнеки, для которой я переводила и редактировала. Там любили говорить *providentially*; и точно — по этой самой причине миссия была расположена в одном иллинойском колледже, неподалеку от совершенно с ней не связанных архивов Честертон, Толкина, Льюиса, Уильямса, Дороти Сэйерс, Джорджа Макдональда и мыслителя-лингвиста Барфилда; архивы эти издаст ежегодный журнал *Seven*. Мы были знакомы и переписывались.

⁵⁶ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 295.

⁵⁷ Oddy W. Chesterton and the Romance of Orthodoxy. The Making of GKC. 1874–1908. Oxford, 2008.

⁵⁸ Трауберг Н. Честертон в Англии. URL: <http://chesterton.ru/about-gkc/0011.html>

⁵⁹ Истина и жизнь. 2003. № 3.

Милосердный гость рассказал мне, что встретил там, под Чикаго, кого-то из них, и они удивились, почему я к ним не приезжаю. Он популярно объяснил. К концу сентября я уже была там и провела в архивах две недели»⁶⁰.

Стр. 23 — *evangelical* — евангельский христианин-баптист.

Стр. 24 — Г. К. Честертон [надпись на романе «Шар и крест»] — *This is a book I do not like — Take it away to Heckmondwike...* Пер. Н. Т.

См. тетрадь «Елизаветинский переулок», стр. 3., о. Джон О'Коннор — друг Г. К. Честертон, послуживший прототипом о. Брауна.

Н. Т.: «В 1904 году, гостя у знакомых в деревне, он познакомился с католическим священником Джоном О'Коннором, и они разговорились о тайнах зла. Честертон поразило сочетание в нем чистоты и мудрости, свойственной и ему самому, хотя он об этом не знал. Этот священник стал ему близким другом, а позже — духовником»⁶¹.

«О'Коннор был во многом похож на Брауна; правда, он не раскрывал преступлений, но он тоже не мог управиться с зонтиком, тоже был рассеян, а главное, тоже поражал добротой, здравомыслием и юмором. Они с Честертоном дружили всю жизнь, переписывались, гостили друг у друга, подолгу гуляли и беседовали. А когда Честертон умер, О'Коннор написал книгу „Отец Браун о Честертоне“»⁶².

Стр. 24 — «Осень 1996-го» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁶³.

Стр. 24 — ...*архивы семи христианских писателей...* — Макдональда, Уильямса, Честертон, Толкина, Барфилда, Дороти Сэйерс и Льюиса — Н. Т. переводила четырех из семи названных авторов: Г. К. Честертон (см. стр. 35 наст. изд.), Дороти Л. Сэйерс (см. стр. 95 наст. изд.), К. С. Льюиса (см. стр. 93 наст. изд.) и Джорджа Макдональда, сказку «Невесомая принцесса» (*The Lost Princess*)⁶⁴.

Стр. 24 — ...*Григорием Кружковым...* — Григорий Михайлович Кружков (род. 1945).

Г. М. Кружков о Н. Т.: «Я видел и аскетизм ее, и упорное трудолюбие — она была главной добытчицей в семье, зарабатывая не только на детей, но и на внуков переводом романов с испанского, итальянского и английского. Услады ее были самые скромные — например, поесть в ресторане ЦДЛ жареной рыбы. Только единожды нам с ней это реально удалось, но зато сколько

⁶⁰ Трауберг Н. Зеленая линия // Истина и жизнь. 2005. № 1.

⁶¹ Трауберг Н. Человек-гора // Сеанс. 2005. № 25/26. Стр. 247.

⁶² Трауберг Н. Детективные рассказы Гилберта Кийта Честертон // По Э. Золотой жук. Честертон Г. К. Странные шаги. М.: Детская литература, 1967.

⁶³ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 43.

⁶⁴ Макдональд Дж. Невесомая принцесса. / пер. с англ. Н. Трауберг совм. с С. Калининой. М.: Центр «Нарния», 2004.

1.

2.

3.

1. Т. Венцлова и Н. Трауберг. Москва, 1993. Фото. Ю. Будрайтиса
 2. К.-А. Янулайтис, М. Чепайтите, М. Янулайтис. Титувеная, 1972 3. Лекция в храме
 Успения. Москва, 1998. Фото С. Бессмертного

раз мы обсуждали в мечтательном плане: мол, а не закатиться ли нам снова в ЦДЛ поесть той самой дивной рыбки? Рыба сия, конечно, молчаливо полагалась не простой, а символической; хотя Наташе было ведомо, что я атеист, но она никогда не делила людей на верующих и неверующих»⁶⁵.

Стр. 25 — ...на занятия в Библейский институт... — см. стр. 98–99 наст. изд.

Стр. 25 — ...Сергеем Сергеевичем... — Сергей Сергеевич Аверинцев (см. стр. 114–115 наст. изд.).

Н. Т.: «В Москве 78-го я видела снег и не чувствовала почти ничего. Рай был возможен в разговорах с очень немногими людьми, круг их сужался, одним из них был Аверинцев. Он был из тех, кто платит сполна. Он был из тех, кто умел жалеть, поддерживать, утешать — большего дара человеку сделать нельзя»⁶⁶.

Стр. 25 — ...Честертон где-то написал: «Маленькое красиво»... — эта мысль присутствует во многих сочинениях Честертона, например, в его пространном эссе о Диккенсе: «Слово „уют“ говорит о том, что маленькое предпочитают большому и любят именно за то, что оно мало»⁶⁷. Само высказывание *Small is beautiful* впоследствии стало названием вышедшей в 1973 году книги английского экономиста Э. Ф. Шумахера.

Н. Т.: «Заметим, что Фрэнсис любила все маленькое, и настолько, что собирала бирюльки. Наверное, не без ее влияния Честертон создал ту фразу, которая уже без него в конце сороковых стала названием книги, резко меняющей понятие об экономике: *Small Is Beautiful*»⁶⁸.

Стр. 26 — ...Муравьевым, Янулайтисом, Аверинцевым... — основатели Честертоновского общества в России — Владимир Сергеевич Муравьев (см. стр. 44–46 наст. изд.), Леонид Сергеевич Муравьев (1941–1995), Кястас Аугустинас Янулайтис (см. стр. 146–147 наст. изд.), Сергей Сергеевич Аверинцев (см. стр. 114–115 наст. изд.) и Юлий Анатольевич Шрейдер (1927–1998).

Н. Т.: «Двадцать девятого мая, в день падения Византии и рождения Джона Кеннеди, можно праздновать и годовщину рождения Честертона. <...> В 1974-м нам удалось отпраздновать здесь, в России, сотую годовщину и организовать Честертоновское общество — точно тогда же, когда, как мы позже узнали, оно появилось в Англии.

Собрались семь человек и один кот. Кота избрали председателем, и он им остался, хотя умер в 1989 году. Английское общество признало его полномочия. Что до людей, все не так просто. Хотел приехать отец Александр

⁶⁵ Кружков Г. Не англы, но ангелы суть // Дар и крест. Стр. 23.

⁶⁶ Трауберг Н. Он умер потому, что повзрослел (запись рассказа о С. Аверинцеве) // Ъ-Огонек. 2004. 7 мар.

⁶⁷ Честертон Г. К. Чарльз Диккенс / пер. с англ. Н. Трауберг. М.: Радуга, 1982.

⁶⁸ Трауберг Н. Капли из ведра. Заметки переводчика // Дружба народов. 2004. № 8.

Мень, но не смог, и мы почему-то не сочли его членом общества. Обошли и мою дочь, тринадцатилетнюю Марию, хотя поголовно все с ней дружили. Как бы то ни было, формально общество насчитывало семь членов»⁶⁹. «Сергей Сергеевич Аверинцев, братья Муравьевы, Юлий Анатольевич Шрейдер и Кястас Янулайтис основали это общество»⁷⁰.

Н. Т. о Л. С. Муравьеве, брате В. С. Муравьева, с которым тоже дружила: «брата крестили Леонидом, как и звали до этого двадцать пять лет, но называли или Лёдкой, или почему-то Мартыном. Он, единственный из нас, не имел отношения ни к слову, ни к Честертону, ни к католицизму. Трудно передать степень его печали и молчаливости. Был он иконописцем и реставратором»⁷¹.

Н. Т. о Ю. А. Шрейдере, с которым дружила с конца 1960-х годов, вместе вступила в Третий орден (монахи в миру) доминиканцев: «Брат Фома. Такое имя взял и Юлий Анатольевич Шрейдер, когда стал доминиканцем, а может быть — когда крестился в конце шестидесятых, но уж „братом“ он точно стал в семидесятых, вступая в орден. Вот кто порадовал бы Честертона. Юля умел радоваться любой мелочи. Как-то мы с Сергей Сергеевичем называли простую священную жизнь наперекор всему „жареной курицей“. Сами мы далеко не всегда могли так жить, а Юля — всегда. Он очень любил вино и пиво, но, в отличие от Муравьевых и по слову Честертона, пил не с горя, а от радости и благодарности.

Скончался он очень смиренно, когда был один в квартире, видимо — мгновенно, от инфаркта. Когда пришли, увидели, что он стоит около кровати на коленях»⁷².

Стр. 26 — ...моему молодому другу... — Сергей Иванович Юров (1965–2007), с которым Н. Т. вела передачу «Окно в Европу» на радио «София» в 2005–2007 годах. Н. Т. посвятила ему и о. Георгию Чистякову книгу «Сама жизнь», а также была составителем его книги «Статьи и беседы»⁷³. Отрывки из интервью С. Юрова с Н. Т.:

«С. Ю.: С Натальей Леонидовной Трауберг, одним из лучших российских переводчиков английской и испанской литературы, вероятно, можно было бы поговорить о чем-нибудь более приятном, чем советская власть. За сорок с лишним лет работы Наталья Трауберг перевела на русский язык более ста книг. <...> Но „проблема советскости“ была выбрана главной темой интервью неслучайно. На наших глазах произошло событие метаисторического порядка: погребло колоссальное геополитическое новообразование — Советский Союз. <...> Вы не жалеете о том, что прожили жизнь в СССР?

⁶⁹ Трауберг Н. Сама жизнь. Стр. 289.

⁷⁰ Там же. Стр. 163.

⁷¹ Там же. Стр. 293.

⁷² Там же. Стр. 294.

⁷³ Юров С. Статьи и беседы // М.: Редакция «НГ-религии», 2008.

Н. Т.: Не знаю... Я такой мракобес, что считаю: раз Бог поставил, значит, так надо. Но это, конечно, очень тяжелая участь. <...>

С. Ю.: Вы могли бы определить, что такое [советское] как явление мировой истории?

Н. Т.: Думаю, нечто очень демоническое. Не плоть и не мир, а прямой дьявол, адская попытка построить какую-то обратную страшную иерархию, попытка заменить Бога, попытка утверждения каких-то абсолютных, но очень страшных ценностей, связанных с чудовищной беспощадностью. Люди страдают от этой беспощадности, но тут же воспроизводят ее по отношению к тем, кто стоит на социальной лестнице хотя бы на один сантиметр ниже. Больше я не знаю, как определить... Но одно можно сказать с уверенностью: НЕ УДАЛОСЬ. К счастью, в Божьем мире это удастся, по-видимому, вообще не может. Это очень долго гнило и в конце концов взорвалось»⁷⁴.

Стр. 27 — Г. К. Честертон (*назидание собачке*) — оригинал стихотворения не найден. Пер. Н. Т.

Стр. 27 — «Как М и N спасли демократию» — опубликовано в журнале «Истина и жизнь»⁷⁵.

Стр. 27 — издательство «Балтрус» — издательство «Балтрус», публиковавшее переводы прибалтийских и скандинавских авторов, было создано при московском «Новом издательстве» в 2004 году.

Стр. 27 — ...канцелярит... — Н. Т. писала много заметок и статей об искусстве перевода, особенно ее огорчали канцелярные обороты.

Н. Т.: «Старый, добрый канцелярит. Сколько про него ни пишут, он не сдается. Мало того — как в пропаганде или в проповеди, его ругают именно те, кто им пользуется. Снова и снова мы видим глаголы-связки, и не только дорогое всем „является“, но и загадочное „суть“ в единственном числе. Снова встречаем пассивы, цепочки родительных падежей („изготовление полей шляп“) и венец канцелярита, комки отглагольных существительных, которые заодно уснащают текст ассонансами на манер акафиста (...ание, ...ение). Кстати, цепочки генитивов часто появляются именно из-за этих комков. Сюда же, хотя уже не к синтаксису, относится любовь к слову „чувство“ — „чувство жалости“... Лексика — ну что о ней скажешь? Нечувствительность к вульгаризмам уравнивается нечувствительностью к словам, которые вообще-то есть, но то ли пропитались духом недоброй памяти собраний, то ли сами склонны к нему по объему смысла»⁷⁶.

⁷⁴ Юров С. «Мы очень страшны...» Интервью с Н. Трауберг // Русская мысль. 1997. № 4195. 30 окт.

⁷⁵ Истина и жизнь. 2005. № 7–8.

⁷⁶ Трауберг Н. Третье письмо Вл. А. Успенскому // Неприкосновенный запас. 2000. № 2 (10).

- Стр. 27 — *Редактор увидел текст...* — Евгений Владимирович Пермяков (1961–2007), основатель «Нового издательства» и «Балтруса».
- Стр. 28 — Фото: В. Трауберг, Н. Трауберг, сын Томас. Москва, 1990. Кунцевское кладбище, похороны Л. З. Трауберга. Н. Трауберг похоронена вместе с матерью и отцом на Кунцевском кладбище.
- Стр. 29 — «Шерамур» — опубликовано в журнале «Истина и жизнь»⁷⁷.
«Шерамур» — рассказ Николая Семеновича Лескова.
Н. Т. с детства любила книги Лескова, сохранила бабушкино переплетенное собрание сочинений из приложению к журналу «Нива»⁷⁸.
Н. Т.: «Для меня всегда был важен Лесков, он был любимый бабушкин писатель, и я воспитывалась на его книгах. У него меня покоряло соединение свободы и почвенничества, как у Честертон и А. К. Толстого»⁷⁹.
- Стр. 29 — *Наш герой* — сын Н. Т. Томас Чепайтис.
- Стр. 29 — *...книги Жана Ванье...* — Жан Ванье — французский католический деятель и писатель. По воспоминаниям Т. Чепайтиса — пересказ Евангелия для умственно отсталых людей.
- Стр. 29 — *...переписку Томаса Венцловы с Милошем...* — Т. Венцлова, Чеслав Милош. «Вильнюс как форма духовной жизни».
- Стр. 29 — *трактат Льюиса* — автобиография *Surprised by Joy*.
- Стр. 29 — *...англоязычного индийца...* — англоязычная индийская писательница — Анита Десаи. Книга ее рассказов должна была выйти в издательстве «Прогресс».
- Стр. 30 — Г. К. Честертон. «Моя госпожа надела серый наряд...» — *A Chord of Colour*⁸⁰ (*My Lady clad herself in gray...*) Пер. Н. Т. Стихи Г. К. Честертон, посвященные его жене Фрэнсис (см. стр. 96–98 наст. изд.).
- Стр. 31 — «Шалом» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁸¹.
- Стр. 31 — *...с конференции...* — Борис Дубин: «конференция была испано-российская, очень многолюдная, в Гранаде в 1999 году»⁸².
- Стр. 31 — *Борис Дубин* — Борис Владимирович Дубин (род. 1946) о знакомстве с Н. Т.: «Я видел и слышал Наталью Леонидовну многократно, несколько раз нам случалось разговаривать один на один и подолгу. Мы начали встречаться в семидесятых годах в испанской редакции издательства „Художественная литература“,

⁷⁷ Истина и жизнь. 2004. № 9.

⁷⁸ Полное собрание сочинений Н. С. Лескова. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1903.

⁷⁹ Калашникова Е. Жизнь как благодарность. Интервью с Н. Трауберг // Вопросы литературы. 2002. № 4.

⁸⁰ Chesterton Day by Day. The Wit and Wisdom of G. K. Chesterton. Incling Books, 2002. P. 64.

⁸¹ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 55.

⁸² Письмо Б. Дубина М. Чепайтите. 2013.

где для нас — и скольких, скольких еще, и как это тогда было важно! — всегда находилась не только верная работа, но и улыбка приветя. <...> Заложница письма, она была человеком разговора. К ней, и без того бесконечно обаятельной, тянулись еще за этим — поговорить. Ее питерская речь лилась мягко, тон был высок, темп стремителен, за ней просто-таки было не угнаться. И дело не только в скорости высказывания. Поражала какая-то давняя продуманность, сердечная выношенность говоримого, неожиданность и вместе с тем удивительная легкость „странных сближений“ (Наталья Леонидовна любила это пушкинское *mot*), высота мысленных взлетов, дававшихся будто бы запросто, — тут даже внимательному слушателю и собеседнику становилось не по себе...»⁸³.

Стр. 32 — *Антонием* — Митрополит Антоний Сурожский (Блум; владыка Антоний, 1914–2003). Н. Т. была знакома с митрополитом Антонием, встречалась с ним во время его приездов в Москву и в Лондоне.

Н. Т. об Антонии Сурожском: «Трудно о нем говорить, все будет нелепо — и восторги, и сожаление. Его жизнь совершенна, человеческое слово ее не берет.

Последний раз я видела его летом 2000 года в Лондоне, где отец Сергей Гаккель почему-то повел меня на епархиальное собрание. Владыка был очень старым, раньше я этого не замечала. Говорил он долго, прекрасно, и все-таки казалось, что лучше бы ему отдохнуть. Один из священников прочел ему прижизненный панегирик.

Церковные дамы пытались рвать его на части. Слава Богу, многие его оберегали, причем с английской деликатностью.

Когда-то он был голосом Церкви сквозь треск советских глушилок. Даже тогда он приезжал и встречался со здешними людьми. Служил в Лефортове и, очевидно, в других храмах. Но это не главное; он — молился. Наверное, только две молитвы были слышны в тогдашнем, скользящем к гибели мире — его и Папы Иоанна Павла. А может быть, каждого Папы; они сменялись, он — все жил»⁸⁴.

Стр. 32 — Г. К. Честертон. «Меж свадебным непоправимым днем...» — *Creation Day*⁸⁵ (*Between the perfect marriage day and that fierce future proud, and furred...*). Пер. Н. Т. Стихи Г. К. Честертон, посвященные его жене Фрэнсис (см. стр. 96–98 наст. изд.).

Стр. 33 — «Вежливость королей» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁸⁶.

Стр. 33 — *отец Георгий* — о. Георгий Чистяков (см. стр. 116 наст. изд.).

⁸³ Дубин Б. О чуде и утешении // Дар и крест. Стр. 37.

⁸⁴ Трауберг Н. О владыке Антонии Сурожском // Истина и жизнь. 2003. № 9.

⁸⁵ Pearce J. Wisdom and Innocence. P. 41.

⁸⁶ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 58.

1.

2.

1. На Андреевских чтениях в музее Цветаевой. Москва, 2000-е
2. С о. Владимиром Лапшиным в храме Успения. Москва, 1990-е

Стр. 34 — *caritas* — милосердная любовь (лат.).

Стр. 34 — *ordo* — см. стр. 92–93 наст. изд.

Стр. 34 — Г. К. Честертон. «Ты знаешь, я люблю тебя...» — *Epithalamium Argentum* (*I need not say I love you yet...*). Пер. Н. Т. Посвящение: «Фрэнсис к серебряной свадьбе 28 июня 1926 года» (см. стр. 96–98 наст. изд.).

Стр. 35 — «Рипичип» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁸⁷.

Стр. 35 — *Смелый мыш* — Рипичип — персонаж сказок К. С. Льюиса «Принц Каспиан», «Покоритель зари», «Последняя битва».

Стр. 35 — ...отца Владимира... — Владимир Николаевич Лапшин (о. Владимир, род. 1948), духовник Н. Т. в последние годы ее жизни.

Отец Владимир о Н. Т.: «Все в ее жизни, казалось бы, не подходило под слово „величие“, но на самом деле это было именно так.

Но самое главное — самое главное в ней — это было умение принимать на себя чужую боль. Умение принимать на себя чужое страдание, умение нести вместе со Христом, вместе со всеми святыми эту боль и страдание...»⁸⁸.

Стр. 35 — *идальго* — Тимур Юрьевич Кибиров (см. стр. 93 наст. изд.). Т. Кибиров посвятил Н. Т. сборник «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки»⁸⁹, который был издан в «Ёлочке».

Стр. 35 — *Томас* — Томас Венцлова (см. стр. 28–29 наст. изд.).

Стр. 35 — *Зверинцев* — прозвище Сергей Сергеевича Аверинцева в семье Н. Т., за любовь к зверям.

Н. Т.: «В Аверинцеве преобладало ребяческое, иногда совершенно неожиданное: он обожал играть, и нам случалось часами составлять классификацию паскуд и зануд. По этой классификации он был зануда сапиенс. Моих детей он поразил тем, что процитировал им двустигшие — „Прекрасен всякий зверь, носящий сзади хвост, затем что он умен и, между прочим, прост“. За эту любовь к зверям дети немедленно прозвали его Зверинцев и вообразить не могли, что этот человек — профессор, чьи лекции сбегается слушать вся Москва, ученый, чья голова набита именами и древними языками»⁹⁰.

Стр. 35 — ...по «Софии»... — радио «София» (см. стр. 106 наст. изд.).

Стр. 35 — ...загадочные уши... — «Имеющий уши, да услышит» (Мф. 11:15; 13:9, 43; 25:30).

Стр. 35 — «...за это бывает вознаграждение» — см. тетрадь «Венок сонетов», стр. 11.

Стр. 35 — Г. К. Честертон. «Ты появилась в светлом новом платье...» — *The Last*

⁸⁷ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 61.

⁸⁸ Лапшин В. [Слово после отпевания] // Христианос. XVIII. Рига, 2009.

⁸⁹ Кибиров Т. Греко- и римско-кафолические песенки и потешки. М.: Ёлочка, 2008.

⁹⁰ Трауберг Н. Он умер потому, что повзрослел.

*Masquerade*⁹¹ (*A wan new garment of young green, touched, as you turned your soft brown hair...*) Пер. Н. Т. Стихи Г. К. Честертона, посвященные его жене Фрэнсис (см. стр. 96–98 наст. изд.).

Стр. 36 — «Белое пятно» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁹².

Стр. 36 — ...читала Розанова... — Н. Т. о Василии Васильевиче Розанове: «Если такой поразительный, умнейший и живейший человек, как Розанов, окруженный верующими людьми, теми самыми, которые и меня воспитывали — мои бабушка и дедушка, если даже Розанов мог считать христиан людьми лунного света, то это значит, что дело зашло уже далеко. Если он считал, что Христос хотел убить всякую радость, хотя и непрестанно ходил по знакомым, пил, что-то еще там делал, со всеми общался и жалел людей, — что само по себе немаловажно! — это уже просто за пределом! Я до сих пор не могу утешиться: как же так, что мой любимый Розанов и такую чушь мог писать?»⁹³

Стр. 37 — Фрэнсис Честертон [акrostих, посвященный Дороти Коллинз] — *Maria Immaculata. A Sonnet to D. E. Collins*⁹⁴ (*Do you remember how we walked the streets of Rome, and saw the Queen of Heaven high...*). Пер. Н. Т.

Дороти Коллинз (1894–1988) — секретарь Г. К. Честертона, фактически приемная дочь. Честертон посвятил ей свою книгу «Фома Аквинский»: «Дороти Коллинз, без чьей помощи автор был бы еще беспомощней, чем обычно». Когда Г. К. Честертон умирал, рядом с ним были Фрэнсис и Д. Коллинз.

Н. Т.: «Неделю он был в коме, потом пришел в себя, улыбнулся своей жене Фрэнсис и секретарше Дороти Коллинз, которые сидели у его кровати, сказал: „Доброе утро, любимая! Привет, дорогая!“ и умер»⁹⁵.

Н. Т. виделась с Д. Коллинз в Лондоне в 1967 году (см. стр. 42 наст. изд.).

Стр. 37 — «Наша беда» — написано в 2008 году для сборника «Елизаветинский переулок»⁹⁶.

Стр. 37 — ...святых Феодосия, Франциска, Фому, Екатерину. Заметьте, не Варвару... — этих святых объединяет то, что они очень страдали от «властного деспотизма» родительской любви. Св. Феодосия Печерского мать изводила за то, что он потаенно носил на себе вериги, пыталась силой вернуть его после

⁹¹ Chesterton G. K. Early Poetry. Greybeards at Play, The Wild Knight and Other Poems, The Ballad of the White Horse. Inkling Books, 2004. P. 73.

⁹² Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 64.

⁹³ Трауберг Н. Папа не делил людей на верующих и неверующих // Портал-Credo.Ru. 2005. 11 апр.

⁹⁴ Pearce J. Wisdom and Innocence. P. 339.

⁹⁵ Гилберт Честертон: Секрет жизни — в смехе и смирении.

⁹⁶ Трауберг Н. Елизаветинский переулок. Стр. 67.

того, как он ушел к Антонию Печерскому. Св. Франциска Ассизского его отец, Пьетро Бернардоне, приставил к торговле сукном. «Франциск встал перед всеми и сказал: „Я звал отцом Петра Бернардоне, теперь я слуга Господень. Я верну отцу и деньги, и все, что он считает своим, даже платье, которое он дал мне“. Он снял с себя одежды — все, кроме одной; и люди увидели, что это власяница. Он сложил одежду в углу, а наверх положил деньги. Потом обернулся к епископу, словно отвернулся от всех других, и получил благословение, и, по преданию, вышел в холодный мир»⁹⁷. Состоятельное семейство св. Фомы Аквинского так противилось его любви к намерению стать доминиканцем, что его «преследовали, изловили, разорвали нищенские одежды, связали и заперли в башне как безумца», а в один из дней «подослали к нему размалеванную блудницу, желая застать его врасплох, или совратить, или хотя бы ввести в соблазн»⁹⁸. Родители св. Екатерины Сиенской, которая с детства хотела быть монахиней, принуждали ее к браку, за непослушание взвалили на нее всю домашнюю работу.

Н. Т.: «Ну вот, например... преподобный Феодосий, Екатерина Сиенская, Франциск Ассизский... Все четыре истории у родителей-христиан. И все о том, что у всех дети — люди как люди, а мой ребенок — кретин. Феодосий не хочет одеваться так же шикарно, как положено ему по классу, и много сил и времени отдает добрым делам. Екатерина каждодневно заботится о больных и бедных, спит по часу в сутки вместо того, чтобы гулять с подружками и заниматься домом. Франциск отказывается от веселой жизни и отцовского наследства...»⁹⁹.

Св. Варвара (Варвара Илиопольская) — в отличие от предыдущих святых не из христианской семьи — дочь язычника Диоскора. Отец Варвары, узнав о том, что она поверила в Христа, потребовал от нее отречения, она отказалась, и Диоскор обезглавил ее.

Стр. 39 — Стихотворение Г. К. Честертон, перевод Н. Трауберг. Страница из архива Н. Трауберг.

Стихотворение посвящено его жене Фрэнсис.

---

⁹⁷ Честертон Г. К. Святой Франциск Ассизский / пер. Н. Трауберг // Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1990. Стр. 38.

⁹⁸ Честертон Г. К. Святой Фома Аквинский. Стр. 288, 290.

⁹⁹ Борисова Е. «Христианство — это очень неудобно». Интервью с Н. Трауберг.

1. Ленинград, 1945 2. Лондон, 1967
3. Москва, 2007. Фото В. Ивлевой

Именной указатель

Jacque alias Трауберг В. Н.

Н. Н., см. также Трауберг Н. Л. **II**: 5, 7, 10, 24, 26, 28

Н. Н., см. также Чепайтис, Т. **VI**: 29, 30

Абеляр, Пьер **VI**: 15

Августин Блаженный **V**: 16, 28; **VI**: 15; **VII**: 78, 79, 137, 138

Аверинцев, Сергей Сергеевич *alias* Зверинцев **IV**: 9; **V**: 19; **VI**: 17, 25, 26, 36; **VII**: 44, 87, 90, 96, 114–116, 132, *139, 141, 150, 151, 156

Аверинцева, Наталья Петровна **VII**: *139

Авзоний (Петров), иеросхимонах **III**: 23

Аврелий (Кордовский), св. **VII**: 47

Агафонов, Егор Юрьевич **VII**: 7

Агнесса, мать (из главы С. Тагуэлла) **V**: 23

Агурский, Мелиб Самуилович (Мелик) **VII**: 90

Ада Львовна **VII**: 56

Адам **III**: 25

Адриан (персонаж Э. Т. А. Гофмана) **III**: 32, 34

Айвивуд, лорд (персонаж Г. К. Честертона) **IV**: 29, 30

Акунин, Борис (Чхартишвили Г. Ш.) **VI**: 8–13; **VII**: 135

Алейн (персонаж Н. Марш) **VI**: 10

Алеко (персонаж А. С. Пушкина) **IV**: 23

Александр, о. *alias* Мень А. В.

Александров, Григорий Васильевич **VII**: 127

Алексеев, Никита Феликсович **VII**: 112

Алиса *alias* Брускетти А. Я.

Алиса (персонаж Л. Кэрролла) **I**: 4, 23;

II: 4, 26, 27; **V**: 15, 16, 17; **VII**: 30, 52

Аллингем, Марджери **VI**: 10

Альтман, Натан Исаевич **VII**: 65

Анастасия, царица **VII**: 127

Андерсен, Ганс Христиан **V**: 22, 40, 42; **VII**: 47, 58

Андреев, Даниил Леонидович **VII**: 36

Андрей, ап. **VII**: 98

Андропов, Юрий Владимирович **V**: 20

Анна Андреевна *alias* Ахматова А. А.

Анна Пророчица **VII**: 85, 87

Анна Сергеевна (персонаж А. П. Чехова) **IV**: 34, 35

Анна, св., мать Девы Марии **IV**: 4; **V**: 27

Антони, Джон **IV**: 20

Антоний Печерский, св. **VII**: 157

Антоний Сурожский (Блум) *alias* владыка Антоний **VI**: 33, 34, 35; **VII**: 141, 154, 155

Антоний, владыка *alias* Антоний Сурожский (Блум)

Антоний, св. **V**: 6, 7; **VII**: 85

Антонина Карловна **V**: 40; **VII**: 124

Антонина, мать **VII**: 118

Апельсин *alias* Померанц Г. С.

Арагорн (персонаж Дж. Р. Р. Толкина) **IV**: 28

Арвен (персонаж Дж. Р. Р. Толкина) **IV**: 28

Ардов, Михаил Викторович **VII**: 23

Аристотель **VII**: 109, 111, 143

Арк, Жанна д' **VII**: 12

Аркус, Любовь Юрьевна **VII**: 7

Арнштам, Лео Оскарович **VII**: 58

Арсений, авва (из главы С. Тагуэлла) **V**: 6

Артамонов, Сергей Дмитриевич **VII**: 48

- Архангельский, Александр Николаевич **VII**: 36, 93
- Аслан (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 22; **VI**: 35; **VII**: 120
- Ася, реставратор **V**: 44
- Атос (персонаж А. Дюма) **VI**: 10
- Афра, авва (из главы С. Тагуэлла) **V**: 7
- Ахмадулина, Белла Ахатовна *alias* Ахмадуля **II**: 25; **VII**: 64
- Ахматова, Анна Андреевна **II**: 19, 34; **VII**: 34, 56, 60, 62, 67, 70, 77, 127, 140, 142
- Баландина, Наталья Петровна **VII**: 80
- Балл, Георгий Александрович **VII**: 48
- Бальмонт, Константин Дмитриевич **VII**: 24
- Бальмонт, Нина Константиновна **VII**: 24
- Бальтазар (персонаж Э. Т. А. Гофмана) **III**: 32, 34
- Банионис, Донатас **VII**: 104
- Банко (персонаж У. Шекспира) **IV**: 5
- Бардем, Хуан Антонио **VII**: 83
- Баррет, П., о. **III**: 23
- Барфилд, Оуэн **VI**: 24; **VII**: 148
- Батюшка *alias* Чепайтис В.-Ю.
- Баублис, доктор **VII**: 74
- Бах, Иоганн Себастьян **II**: 28, 34
- Бахтырев, Анатолий Иванович *alias* Кузьма **VII**: 34
- Беатриче (персонаж Данте) **III**: 30
- Безухов, Пьер (герой Л. Н. Толстого) **VII**: 145
- Беллок, Хилэр **VI**: 4, 12; **VII**: 77
- Белль, Генрих **III**: 7, 9; **V**: 4, 48; **VII**: 74, 76, 104
- Белозеров, Алексей Сергеевич **VII**: 7
- Белый, Андрей (Бугаев Б. Н.) **II**: 11; **VII**: 12, 13, 15
- Бельмиш, Анна **VII**: 15
- Белят, Анджей, о. **VI**: 11; **VII**: 135
- Бендер, Остап (герой И. Ильфа и Е. Петрова) **VII**: 143
- Бенедикт **XV III**: 31, 33; **VII**: 82
- Бенедикт, св. **VII**: 118
- Бентли, Эдмунд Клерихью **VII**: 147
- Бенуа, Александр Николаевич **V**: 44
- Берберова, Нина Николаевна **IV**: 18
- Берггольц, Ольга Федоровна **VII**: 60
- Бердяев, Николай Александрович **VII**: 80, 83
- Бернард Клервоский, св. **VII**: 105
- Бернардоне, Пьетро **VII**: 157
- Бёрнетт, Фрэнсис **I**: 30; **VII**: 37, 95, 124
- Бессмертный, Сергей Борисович **VII**: 149
- Биллингтон, Джеймс **VI**: 25
- Бинстед (персонаж П. Г. Вудхауза) **IV**: 5, 7, 8
- Блейман, Михаил Юрьевич (Мика) **II**: 33; **V**: 10 **VII**: 56, 89, 106
- Блок, Александр Александрович **II**: 11; **IV**: 23 **VII**: 56
- Блуа, Леон **VII**: 77
- Бобышев, Дмитрий Васильевич **VII**: 137
- Богатырев, Петр Григорьевич **VII**: 70
- Бойд, Иэн, *CSB* **VII**: 136
- Болейн, Анна **VII**: 12
- Борис Леонидович *alias* Пастернак Б. Л.
- Борисов, Александр Федорович **V**: 44 **VII**: 126
- Борхес, Хорхе Луис **VII**: 3, 106
- Борщевский, Юрий Ефимович **VII**: 48
- Бразаускайте, Сибиле-Мария **V**: 3; **VII**: 102
- Брандт (персонаж Г. Ибсена) **VI**: 30
- Браун, о. (персонаж Г. К. Честертона) **VI**: 3; **VI**: 10; **VII**: 116, 127, 143, 148

- Брежнев, Леонид Ильич **VII**: 106
Брет, Джоан (персонаж Г. К. Честертона) **IV**: 29, 30, 31
Бригошаздас *alias* Прейкшас К.
Бродский, Иосиф Александрович **VII**: 48, 71, 72, 112
Бруни, Лев Александрович **VII**: 48, 82
Бруни, Марьяна Львовна **VII**: 11, 24, 82
Бруни, Наталья Ивановна **VII**: 48, 82
Брускетти, Алиса Яковлевна **V**: 45; **VII**: 126
Бугаев, Борис Николаевич *alias* Белый А.
Будрайтис, Юозас **VII**: 104, 149
Бунин, Иван Алексеевич **VII**: 31
Буся, мальчик **V**: 39
Буткявичюс, Зенонас **VII**: 82
Буянова, Лукерья Яковлевна *alias* няня, нянечка **III**: 33; **V**: 3, 10, 34, 35, 37, 39, 42, 46, 47, 48, 49; **VII**: 6, 56, 66, 89, 106, 108, 112, 123, 124, *125, 126–129, 136
Бычков, Сергей Сергеевич **VII**: 106
Бэр, Бээр, Баэр (персонаж Л. М. Олкотт) **IV**: 20
Бэринг, Морис **VI**: 6; **VII**: 133
Вайсман, Борис Савельевич **VII**: 53, 141
Ванье, Жан **VI**: 29; **VII**: 153
Варвара Илиопольская, св. **VI**: 37; **VII**: 157, 158
Василевский, Андрей Витальевич **VI**: 15
Васильев, Александр Георгиевич (Саша) **VI**: 27
Васильев, Георгий Николаевич **VII**: 61
Васильева, Елена Ивановна (Леночка) **II**: 19, 34; **V**: 15
Введенская, Никита Дмитриевна **VII**: 9, 20
Введенский, Александр Иванович **V**: 34; **VII**: 123
Ведьма, кошка **VII**: 56
Вейланд, Розалия Соломоновна **VII**: 128
Вейн, Гэрриет (персонаж Д. Сэйерс) **VI**: 20, 21, 22; **VI**: 10
Вейн, Гэрриэт (персонаж Д. Л. Сэйерс) **IV**: 20, 21, 22
Вейн (персонаж Г. К. Честертона) **V**: 44
Вейсайте, Ирена **VII**: 74
Вензолафас *alias* Венцлова А.
Венцлова, Антанас *alias* Вензолафас **I**: 31; **VII**: 46
Венцлова, Томас *alias* Томас **II**: 32; **III**: 10, 35; **V**: 16, 19, 20; **VI**: 19, 22, 27, 29, 35; **VII**: 3, 6, 7, 13, 28, 29, 32, 38, 40, 46, 52, 53, 61, 71, 72, 74, 78, 79, *81, 82, 112, 135, 138, 145, 146, *149, 153, 155
Вигдорова, Фрида Абрамовна **VI**: 18; **VII**: 142, 147
Вильям-Вильмонт, Наталья Семеновна *alias* Наталья С. **II**: 23, 34; **VII**: 62
Вильям-Вильмонт, Николай Николаевич **VII**: 103
Владимир, о. *alias* Лапшин В. Н.
Волконский, Андрей Михайлович **VII**: 66, 82
Волошин, Максимилиан Александрович **VI**: 18, 22
Вольпин, Алик *alias* Есенин-Вольпин А. С.
Врубель, Михаил Александрович **IV**: 23
Всеволод, о. *alias* Шпиллер В. Д.

- Вудхауз, Пэлем Грэнвил **IV**: 3, 4, 21; **V**: 3; **VI**: 8, 9, 18, 30; **VII**: 5, 29, 37, 76, 87, 88, 89, 95, *97, 102, 105, 132, 134, 135
- Вудхауз, Этель **IV**: 4; **VII**: *97
- Вульф, Вирджиния **II**: 22
- Вустер, Берти (персонаж П. Г. Вудхауза) **VI**: 10; **VII**: 88, 89
- Высоцкий, Владимир Семенович **IV**: 22
- Габричевский, Александр Георгиевич **II**: 19, 34; **VII**: 60
- Гавриил, архангел **VII**: 86
- Газе-Раппопорт, Модест Георгиевич **VII**: 9, 12, 18
- Гайдено, Пиам Павловна **III**: 7, 35; **VII**: 76
- Гаккель, Сергей, о. **VII**: 154
- Гарин, Эраст Павлович **VI**: 18; **VII**: 58, 61, 142
- Гарская (Каретникова), Нина Викторовна **II**: 34; **VII**: 48, 64
- Гаспаров, Михаил Леонович **VII**: 132
- Гедиминовичи (династия) **VII**: 147
- Гейнрихс, Евгений Георгиевич (о. Евгений) **VI**: 20; **V**: 21, 27; **VII**: 117, 118, *119, 141
- Георгий, о. *alias* Чистяков Г. П.
- Георгий, св. **VI**: 7
- Гесиод **V**: 19
- Гете, Иоганн Вольфганг фон **VII**: 121
- Гец, Илья **III**: 14, 35; **VII**: 79
- Гецене, Циля **III**: 35; **VII**: 79
- Гиббс (персонаж Г. К. Честертона) **IV**: 3
- Гимбутас (Гимбутене), Мария **VII**: 146
- Гинзбург, Александр Ильич **VII**: 35, 145
- Гинкас, Кама **VII**: 70
- Гитлер, Адольф **III**: 26, 27
- Глазов, Григорий Юрьевич (Гриша) **III**: 21, 24, 25, 26, 35; **VI**: 19; **VII**: 48, *75, 79
- Глазов, Юрий Яковлевич **VII**: 47, 48, 71, 73, 74, *75, 80, 145
- Глазов, Яков Юрьевич (Яша) **III**: 8, 12, 21, 25, 26, 35; **VII**: 73, *75, 77, 79
- Глазова, Елена Юрьевна (Лена) **III**: 35; **VII**: 48, *75
- Глазова (урожд. Рафальская), Марина Григорьевна **III**: 35; **VI**: 19; **VII**: 35, 48, 73, 74, *75, 145
- Глеб, о. *alias* Якунин Г. П.
- Годунов-Чердынцев, Федор Константинович (персонаж В. В. Набокова) **IV**: 18, 19; **VII**: 94
- Голдина, С. О. **II**: 33; **VII**: 56
- Головлев, Порфирий (персонаж М. Е. Салтыкова-Щедрина) **VI**: 17; **VII**: 141
- Голсуорси, Джон **II**: 22
- Гонзаг, Мария, мать (из главы С. Тагуэлла) **V**: 24
- Гор, авва (из главы С. Тагуэлла) **V**: 7
- Горбаневская, Наталья Евгеньевна **V**: 21; **VII**: 48, 118, 120
- Горбачев, Михаил Сергеевич **VII**: 106
- Горбовская, Екатерина Александровна **VII**: 49
- Горбовская, Оксана **VII**: 49
- Горбовский, Александр Альфредович **VII**: 49
- Горький, Максим **VII**: 102
- Готя *alias* Степанов Г. В.
- Гофман, Эрнст Теодор Амадей **III**: 9, 32; **VII**: 58, 78, 80, 140
- Грант (персонаж Дж. Тэй) **VI**: 10
- Гревс, Иван Михайлович **VII**: 40
- Григоренко-Мень, Наталья Федоровна **VII**: 49

- Григорий Великий **VII**: 47
Гримм, Вильгельм **II**: 7; **VII**: 56
Гримм, Якоб **II**: 7; **VII**: 56
Грин, Грэм **VII**: 76, 80
Гриша *alias* Померанц Г. С.
Гросман, Евгений Федорович **VII**: 91, 147
Грушенька (персонаж Ф. М. Достоевского) **III**: 9
Грэй, Иннокентий Коттон *alias* Кеша **IV**: 9, *11; **V**: *30–31; **VII**: 89, 92, 117, 121, 126
Грэй, Камилла **VII**: 64
Грэм, Билли **VI**: 24
Гуковский, Григорий Александрович **VII**: 7, 41
Гуковский, Матвей Александрович **VII**: 40
Гумилев, Николай Степанович **VII**: 34, 77
Гурджиев, Георгий Иванович **VII**: 70
Гуро, Юлия (Ольней, Луиза),
Гуров, Дмитрий (персонаж А. П. Чехова) **IV**: 34, 35
Гусева, Ирина Анатольевна **VII**: 7, 98, 99
- Давыдов, Юрий Николаевич **VII**: 76
Дамаскин Иоанн, св. **VI**: 5
Даниэль, Юлий Маркович **VI**: 21; **VII**: 146
Данте Алигьери **VI**: 11; **VII**: 104
Дарвин, Чарльз **III**: 23
д'Артаньян (персонаж А. Дюма) **VI**: 10
Дашевский, Григорий Михайлович **VI**: 3; **VII**: 132, 133
Де ла Мэр, Уолтер **VI**: 13; **VII**: 137
Дейбнер, Иван, о. **V**: 45
Дейнека, Петр Петрович **VII**: 148
Делла Лена (урожд. Обухова), Ольга **VII**: 134
- Демурова, Нина Михайловна **VII**: 49
Демьянова, Александра Николаевна **VII**: *139
Демьянова, Мария Родионовна **VII**: *139
Десаи, Анита **VII**: 153
Джейн (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 21
Джемисон, Сесилия **II**: 32; **VII**: 52, 64, 95
Джен, кукла **V**: 44, 48
Джен, леди (персонаж С. Джемисон) **II**: 4, 32; **VII**: 52, 67, 95
Джойс, Джеймс **II**: 22; **VII**: 106
Джордж, Элизабет **VI**: 10
Дидерихс, Андрей Романыч фон **VII**: 102
Диккенс, Чарльз **II**: 13; **IV**: 3, 9; **V**: 42, 46; **VII**: 40, 52, 88, 89, 95, 121, 150
Диоскор **VII**: 158
Добиаш-Рождественская, Ольга Антоновна **VII**: 41
Добровольскис, Станисловас (о. Станислав) **V**: 16; **VII**: 111, 112, 116, *119
Доброхотова-Майкова, Екатерина Михайловна **IV**: 21; **VII**: 7, 95
Довлатов, Сергей Донатович **VI**: 13; **VII**: 136, 137
Додд, Чарльз Гарольд **V**: 16; **VII**: 114
Долгополова, Светлана Андреевна **V**: 19; **VI**: 34; **VII**: 76, 115, 116
Долли (персонаж Л. Н. Толстого) **V**: 28
Доминик, о. *alias* Касьяненко А. В.
Доминик, св. **VII**: 82
Дон Кихот **VII**: 36, 44, 96
Донской Дмитрий, св. **VI**: 11
Достоевский, Федор Михайлович **II**: 18; **III**: 8, 9, 22, 31; **IV**: 3, 12, 13; **V**: 29, 33; **VII**: 77, 80, 92

- Дубин, Борис Владимирович **VI**: 31; **VII**: 7, 154
- Дубинин, Н. П. **VII**: 17
- Дудоров, Анатолий **VII**: 54
- Дэлрой, Патрик (персонаж Г. К. Честертона) **IV**: 29-31; **VII**: 96
- Дюпир, Бернар, о. **VII**: 139
- Евгений, о. *alias* Гейнрихс Е. Г.
- Екатерина Сиенская, св. **VII**: 157, 158
- Екатерина, св. **VI**: 37
- Екатерина, сестра **VII**: 106, 118
- Елизавета *alias* Шутова Е. С.
- Ельмслев, Луи **II**: 7, 33; **VII**: 55
- Емельянова, Ирина Ивановна **I**: *30, 31 **VII**: 43
- Епифаний (из главы С.Тагуэлла) **V**: 7
- Епифаний Премудрый, св. **VII**: 123
- Епиша (Лялька), заяц **V**: 35, *36, 48; **VII**: 123
- Еремеев, С., ОР **III**: 26, 27; **VII**: 80
- Ерофеев, Венедикт **VII**: 43
- Есенин-Вольпин, Александр Сергеевич *alias* Вольпин, Алик **VI**: 18; **V**: 21; **VII**: 49, 118, 120, 142
- Жак *alias* Трауберг В. Н.
- Жанна, Жанночка **II**: 25, 34; **VII**: 64
- Жданов, Андрей Александрович **VII**: 36
- Женечка *alias* Левитин Е. С.
- Жильсон, Этьен **VII**: 47
- Жуковский, Василий Андреевич **VII**: 36, 110
- Заболоцкий, Никита Николаевич **VII**: 49
- Захар Давыдович *alias* Трауберг З. Д.
- Зверинцев *alias* Аверинцев С. С.
- Земгано (Юцевич), Игорь Федорович **I**: 31; **VII**: 46
- Зернова, Руфь Александровна (Руня) **VI**: 19; **VII**: 144
- Зина (персонаж В. В. Набокова) **IV**: 18, 19
- Зина, хозяйка дачи **I**: 28; **VII**: 29
- Зинаида Николаевна *alias* Нейгауз З. Н.
- Зорина, Изабелла Фабиановна **VII**: 136
- Зоря *alias* Мелетинский Е. М.
- Зося (героиня И. Ильфа и Е. Петрова) **VII**: 143
- Зудяленас *alias* Сталин И. В.
- Зульфикаров, Тимур Касымович **I**: 30; **VII**: 43
- Иаков *alias* Чепайтис Й.
- Иаков, ап. **V**: 4
- Иван Грозный **VII**: 127
- Иванов, В. В. **VII**: 14, 16, 31, 70
- Ивлева, Виктория Марковна **VII**: 159
- Изабелла Фелициановна (персонаж Б. Акунина) **VI**: 12; **VII**: 136
- Изабелла, кукла **V**: 48
- Иисус Христос **VII**: 124, 138, 155, 156, 158
- Илларион (из главы С.Тагуэлла) **V**: 7
- Иллич-Свитыч, Владислав Маркович **VII**: 72
- Ильин, Иван **VII**: 77
- Илья, Илюша, двоюродный прадедушка *alias* Трауберг И. З.
- Илюша *alias* Серман И. З.
- ИО (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 22
- Иоаким, св. **IV**: 4; **VII**: 85, 87
- Иоанн (Снычев), митрополит **VI**: 20
- Иоанн Креста, св. **V**: 16, 25
- Иоанн Павел **II** **V**: 3, 21, 22; **VI**: 4, 5, 6, 11; **VII**: 64, 103, 118, 133, 155

- Иоанн **XXIII VI**: 6
 Иоанн, авва (из главы С.Тагуэлла) **V**: 6
 Иов **III**: 11; **VII**: 78
 Ионеско, Эжен **III**: 12; **VII**: 3, 53, 70, 78
 Иосиф, св. **VII**: 135
 Исаак, авва (из главы С.Тагуэлла) **V**: 6
 Исаев, Константин Федорович **II**: 33;
     VII: 60
 Исая, авва (из главы С.Тагуэлла) **V**: 7
 Йейтс, Уильям Батлер **II**: 12
 Йокубас *alias* Чепайтис Й.

 Кабо, Любовь Рафаиловна **VII**: 34
 Казавчинская, Тамара Яковлевна **VII**: 49
 Каин **IV**: 23
 Калашникова, Елена Львовна **IV**: 26
 Каренина, Анна (персонаж Л. Н. Толстого) **IV**: 34
 Каретников, Николай Николаевич
     (Коля) **II**: 28, 34; **VII**: 49, 66
 Каретникова, Нина Викторовна *alias*
     Гарская Н. В.
 Карсавин, Лев Платонович **I**: 20; **VII**: 40
 Касона, Алехандро **VII**: 38
 Каспиан (герой Льюиса) **VII**: 155
 Кассиан (из главы С. Тагуэлла) **V**: 6
 Касьяненко, Андрей Викторович (о.
     Доминик) **V**: 20, 22, 27; **VII**: 117,
     118, *119, 141
 Катилюс, Аудронис (Адас) **V**: 16; **VII**: 112
 Катилюс, Рамунас (Ромас) **V**: 16; **VII**:
     112
 Катулл, Гай Валерий **IV**: 4; **VII**: 87
 Катя *alias* Малаховская Е. Б.
 Кафка, Франц **III**: 7, 9; **VII**: 74, 77
 Квудл (персонаж Г. К. Честертона) **IV**:
     3, 29, 31
 Кедрова (Дунаева), Марина Михайлов-
     на **VII**: 28, 29

 Кейдан, Владимир Исидорович **VII**:
     7, 91
 Кеннеди, Джон **VII**: 151
 Кеша *alias* Грэй И. К.
 Кибиров, Тимур Юрьевич **IV**: 13, 22, 26;
     VI: 9, 15; **VII**: 5, 87, 93, 95, 96, *97,
     134, 155
 Кинжалов, Ростислав Васильевич **VII**:
     36, 88
 Киплинг, Джозеф Редьярд **V**: 37
 Кирилл, св. **VII**: 110
 Китов, Анатолий Иванович **VII**: 18
 Клее, Пауль **II**: 19
 Клиберн, Ван **I**: 31; **II**: 12; **VII**: 46
 Ковалева, Наталья Юрьевна **III**: 4, 35;
     VII: 7, 49, 73
 Кодзасов, Сандро Васильевич **VII**: 49
 Козинцев, Григорий Михайлович **VII**:
     42, 58, 62
 Козырев, Алексей Павлович **VII**: *139
 Кокс, Палмер **VII**: 124
 Коллинз, Дороти **VI**: 37; **VII**: 42, 156,
     157
 Колмогоров, Андрей Николаевич **VII**:
     10, 16–24, *25
 Кольцатый, Аркадий Николаевич **VII**:
     122
 Коля *alias* Каретников Н. Н.
 Конгар, Ив-Мари-Жозеф **V**: 49; **VII**: 128
 Кондратов, Александр Михайлович
     VII: 12, 21
 Кондрусевич, Тадеуш **VII**: 135
 Консовский, Алексей Анатольевич
     VII: 40
 Копельман, Дмитрий **VII**: 74
 Корен, фон **VII**: 98
 Коржавин (Мандель), Наум Моисеевич
     alias Эмка **VI**: 13, 18; **VII**: 136, 137, 142
 Кормер, Владимир Федорович **VII**: 49

- Корнилова, Галина Петровна **III**: 35;
VII: 7, 49, 77
- Корнилова, Екатерина Владимировна
(Катя) **III**: 7, 21, 25, 35; **VII**: 73, 77,
*81
- Корсар (персонаж Дж. Г. Байрона) **IV**:
23
- Кортасар, Хулио **V**: 16; **VII**: 114
- Коссад, Жан-Пьер де (из главы С. Тагу-
элла) **V**: 17, 18, 19
- Котрелев, Николай Всеволодович
VII: 6, 7, 35, 37, 38, 49, 93, 103, 104,
*139
- Кривошеин, Никита Игоревич **VII**: 66
- Крик, Беня (персонаж И. Бабеля) **VII**: 60
- Кристи, Агата **VI**: 11
- Кристина *alias* Чепайтене, К.
- Кроленко, Александр Александрович
VI: 18
- Кружков, Григорий Михайлович **VI**:
24; **VII**: 150
- Крыжицкий, Георгий Константинович
VII: 42
- Кузнецов, Петр Саввич **VII**: 16
- Кузьма *alias* Бахтырев А. И.
- Кузьменко, Михаил Александрович
VII: 7
- Куровский, Александр Владимирович
VII: 31
- Кыйв, Тыну **VII**: 104
- Кьеркегор, Серен **III**: 9; **VII**: 78, 98
- Кэрролл, Льюис **VII**: 30
- Кюри **VII**: 13
- Л., Александра Константиновна де
VII: 41
- Ладигене, Стефания **VII**: 74
- Лаевский (персонаж А. П. Чехова)
VII: 98
- Ланде-Безверхов, Николай Николае-
вич **VII**: 80, 108
- Ланде-Безверхова (Сибирякова), Ольга
Николаевна *alias* тетя, тетя Оля **V**:
33, 37; **VII**: 122, *125
- Ланде-Безверхова (урожд. Петренко),
Мария Петровна *alias* бабушка
Маня **V**: 32; **VII**: 106, *113, 136
- Лансинг, Брекенридж (персонаж Т.
Уайлдера) **IV**: 26, 27, 28
- Лансинг, Юстэйсия (персонаж Т. Уайл-
дера) **IV**: 3, 26, 27, 28
- Лансинг, Джордж (персонаж Т. Уайл-
дера) **IV**: 27, 28
- Лансинг, Фелиситэ (персонаж Т. Уайл-
дера) **IV**: 28
- Лапшин, Владимир Николаевич
(о. Владимир) **VI**: 35; **VII**: *155,
156
- Ларин, Сергей Иванович **VII**: 49
- Ларина, Татьяна (персонаж А. С. Пуш-
кина) **IV**: 26, 34
- Лебедева, Лидия *alias* Лидка Пердухи-
на **II**: 10, 33; **VII**: 58
- Лёв, Жак **VII**: 106
- Лев **XIII VI**: 6
- Левин, Юрий **VII**: 70
- Левитин, Евгений Семенович (Женеч-
ка) **II**: 6, 7, 8, 21, 23, 26, 28, 33; **VII**:
54, *57
- Леночка, Ленка, жена Т. Кибирова **IV**:
22; **VII**: 93
- Лео, Борис Михайлович **VII**: 122
- Леони, родственница св. Терезы (из
главы С.Тагуэлла) **V**: 23
- Леонора (дочка Э. Уэймен) **VII**: 88
- Леонтьев, Константин Николаевич **III**:
8; **IV**: 12; **VII**: 77
- Лепешинская, Ольга Васильевна **VII**: 121

- Лесков, Николай Семенович **VI**: 18, 29; **VII**: 143, 153
- Лесскис, Георгий Александрович **VII**: 34
- Ливергант, Александр Яковлевич **VII**: 136
- Лившиц, Бенедикт Константинович **VII**: 9
- Лиза, Лизетта *alias* Шутова Е. С.
- Лилит **III**: 30
- Лимонов, Эдуард Вениаминович **VI**: 15; **VII**: 137
- Линли, Томас (персонаж Э. Джордж) **VI**: 10
- Лобачевский, Николай Иванович **VII**: 16
- Лобье, Патрик де **VII**: *139
- Ломоносов, Михаил Васильевич **VII**: 16
- Лорие, Мария Федоровна **V**: 28; **VII**: 121
- Лотман, Юрий Михайлович *alias* Юр-
мих **VII**: 70–72, *75, 144
- Лотто, Лоренцо **VII**: 86
- Лука(с) *alias* Чепайтис Л.
- Лукашевич, старушки **V**: 45; **VII**: 127
- Льюис, Клайв Стейплз **IV**: 14; **V**: 5, 10, 11, 19, 20, 21, 22; **VI**: 17, 24, 29, 35; **VII**: 4, 88, 93–95, 105, 106, 114, 116, 118, 132, 148, 153, 155
- Людмирская, Галина Даниловна **II**: 6, 7, 33; **VII**: 54
- Людовик *alias* Трауберг Л. 3.
- Люси, подруга мамы Н. Т., Люси Кон-
стантиновна Атаманова **VII**: 124
- Люция Робертовна **V**: 48; **VII**: 127, 128
- Ляпунов, Алексей Андреевич **VII**: 18
- М.-Ф. *alias* Чепайтите М.
- Магдалина Мария, св. **II**: 12; **VI**: 7
- Магдалина, сестра **VII**: 118
- Мадлоша, кукла **I**: 23, 31; **VII**: 48
- Мазинг, Уку **VII**: 72
- Макбет (персонаж У. Шекспира) **IV**: 5
- Макдональд, Джордж **VI**: 24; **VII**: 148, 150
- Максвелл, Джеймс **VII**: 12
- Максюков, Василий Михайлович **VII**: 104
- Макфи (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 21
- Малаховская, Екатерина Бронисла-
вовна (Катька) **II**: 27, 34, **V**: 40; **VII**: 14, 56, *57, 58, 65, 67
- мама *alias* Трауберг В. Н.
- Мандельштам, Надежда Яковлевна **II**: 19; **VII**: 60
- Мандельштам, Осип Эмильевич **II**: 34; **VI**: 19; **VII**: 32, 34, 56, 60–62, 67, 70, 77, 140, 142
- Манн, Генрих **II**: 22
- Манн, Томас **II**: 22
- Манфред (персонаж Дж. Г. Байрона) **IV**: 23
- Маньяни, Анна **VII**: 121
- Маня, бабушка *alias* Ланде-Безверхова М. П.
- Маргарита, сестра **VII**: 118
- Мари Жозефовна (Мариос) **VII**: 55
- Мари, монахиня (из главы С.Тагуэлла) **V**: 23, 24
- Марина из Нижневартовска (персо-
наж Т. Кибирова) **IV**: 13, 14
- Маритен, Жак **VII**: 47
- Мария *alias* Чепайтите М.
- Мария (Богоматерь) **V**: 18, 27; **VI**: 7, 20; **VII**: 85, 140
- Марк *alias* Стэддок М.
- Марк, ап. **VI**: 15
- Маркиза *alias* Сфинкс С.
- Маркиш, Макарий (Шимон Перецович),
иеромонах **VII**: 133

- Маркс, Карл **VII**: 122, 142
- Мармеладова, Соня (персонаж Ф. М. Достоевского) **IV**: 12; **VII**: 92
- Мартин-бочар (герой Э. Т. А. Гофмана) **VII**: 78
- Мартин, собака **VII**: 116
- Марч, Джо (персонаж Л. М. Олкотт) **IV**: 19
- Марш, Найо **VI**: 10
- Маршак, Самуил Яковлевич **VII**: 124
- Марья Ивановна, домработница **II**: 23, 34; **VII**: 62
- Маслова, Лидия Сергеевна **VII**: 120
- Матвей *alias* Чепайтис М.
- Матой, авва (из главы С. Тагуэлла) **V**: 6
- Матушка, Н., см. также Трауберг Н. Л. **III**: 25; **VII**: 80
- Матушка, см. также Трауберг Н. Л. **I**: 4, 6, 7, 8, 11, 20, 21, 22, 23, 28; **VII**: 27, 46, 80
- Матфей, ап. **VI**: 15, 36
- Матьё, Матюха, Мотя, Мтф *alias* Чепайтис М.
- Маша, дочь А. С. Пушкина **V**: 28
- Маэшту, Рамиро **VII**: 78
- Маяковский, Владимир Владимирович **VII**: 19, 21, 70
- Меерсон, Ольга **VII**: 135
- Меерсон-Аксенов, Михаил, о. **VII**: 135
- Мейерхольд, Всеволод Эмильевич **VII**: 142
- Мелетинский, Елеазар Моисеевич (Зоря) **VII**: 30, 34
- Мельмот (персонаж Ч. Метьюрина) **IV**: 23
- Мельхиседек (персонаж Ф. Бернетт) **V**: 48
- Менделеев, Дмитрий Иванович **VII**: 16
- Мень, Александр Вольфович (о. Александр) **IV**: 9; **V**: 19; **VI**: 20, 23, 35; **VII**: 49, 76, 90, *91, 93, 96, 98, 111, 115, 120, 134, 145, 151
- Мерлин (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 11
- Меровинг *alias* Хлотарь **I**
- Мессинг, Вольф **VII**: 31
- Мефодий, св. **VII**: 110
- Милн, Алан **VII**: 46
- Миловидова, Татьяна Львовна **VII**: 7
- Милош, Чеслав **VI**: 29; **VII**: 153
- Мильтон, Джон **IV**: 21
- Миля, бабушка *alias* Трауберг Э. С.
- Миля, родственница соседей **V**: 34
- Минлос, Роберт Адольфович **VII**: 20, *25
- Митрохин, Дмитрий Исидорович **V**: 45; **VII**: 126, 142
- Михоэлс, Соломон Михайлович **VI**: 18; **VII**: 144
- Мицци, девочка **V**: 39
- Моисей **VI**: 8, 23; **VII**: 134
- Монтелеаль, Хуана, см. также Трауберг Н. Л. **VII**: 78
- Моор, Карл **IV**: 23
- Моркус (Яцкявичюс), Пранас *alias* Франек **I**: 21, 31; **II**: 32; **III**: 9; **V**: 3, 4, 15, 20; **VII**: 6, 7, 28, 43, 44, *45, 46–48, 52, 67, 71, 78, 103, 111, 112, 138
- Моррас, Шарль **VI**: 10
- Моцарт, Вольфганг Амадей **VI**: 30
- Муравьев, Алексей Владимирович **VII**: 34, *39
- Муравьев, Владимир Сергеевич **I**: 31; **II**: 32, 33; **III**: 27; **IV**: 28; **VI**: 26; **VII**: 35, *39, 43, 44, 46, 52, 54, 61, 73, 80, 96, 150, 151
- Муравьев, Леонид Сергеевич **VII**: 38, 49, 73, 150, 151

- Муравьева, Ирина Игнатьевна *alias* Скрузделите **I**: 28, 31; **VII**: 28, 30, 34, *39, 44, 46, 49, 73, 133
- Муравьева, Надежда **VII**: 137
- Муравьева (урожд. Кононова), Татьяна Федоровна **II**: 33; **VII**: 54
- Мурка, кошка **VI**: *2; **VII**: 132
- Мышкин, Лев Николаевич (персонаж Ф. М. Достоевского) **II**: 12
- Мэнсон, Чарльз **III**: 26
- Мялль, Линнарт **VII**: 70
- Н., Алевтина **V**: 28; **VII**: 121
- Н. Н., см. также Трауберг Н. Л. **I**: 15
- Набоков, Владимир Владимирович **IV**: 17; **VI**: 9; **VII**: 51, 83, 94
- Надежда Яковлевна *alias* Мандельштам Н. Я.
- Наживин, Иван Федорович **VII**: 21
- Наполеон **I VII**: 55, 96
- Насвитисы, Альгимантас и Витаутас **VII**: 103
- Натали, см. также Трауберг Н. Л. **VII**: 13–16, 24, 28, 32, 35, 44, 47, 52, 54, 73, 74, 76, 79, 85, 86, 101, 115, 129, 146
- Наталия (Кордовская), св. **VII**: 47
- Наталья С. (Семеновна) *alias* Вильям-Вильмонт Н. С.
- Натапов, Григорий Моисеевич **VII**: 7
- Наташа (персонаж Ф. М. Достоевского) **III**: 14, 30
- Нейгауз (урожд. Еремеева), Зинаида Николаевна **II**: 19; **VII**: 60
- Николай (Микалоюс), св. **VII**: 28
- Николай **II VI**: 12
- Никольский, Георгий Евлампиевич **VII**: 65
- Ницше, Фридрих **III**: 8; **VII**: 77, 78
- Новалис (Гарденберг, Фридрих фон) **I**: 20; **VII**: 40
- Новосадюк, Владимир Иванович **VII**: 40
- Норштейн, Юрий Борисович **VII**: 122
- Ньюмен, Джон Генри **VII**: 42, 112
- Нюра, сестра бабушки *alias* Соболева А. П.
- нянечка, няня *alias* Буянова Л. Я.
- О'Коннор, Джон, о. **VI**: 3; **VII**: 148
- Олдершоу, Люшен **VII**: 147
- Оливия (персонаж Г. К. Честертона) **VII**: 36
- Олкотт, Луиза Мэй **IV**: 19; **VII**: 94, 95, 96, 124
- Оля, тетя *alias* Ланде-Безверхова О. П.
- Онегин, Евгений (персонаж А. С. Пушкина) **IV**: 26
- Орбели, Иосиф Абгарович **VII**: 40
- Ортега-и-Гассет, Хосе **V**: 10
- Островский, Александр Николаевич **V**: 15
- Отдельнова-Васильева, Елена Ивановна **VII**: 61
- О'Хара, монсеньор **III**: 20, 27
- П-овский, Алексей Сергеич (герой Белого) **VII**: 20
- Павел, ап. **III**: 22; **VI**: 23
- Павлов, Иван Петрович **VII**: 16
- Палья, Камилла **VI**: 7
- Памва, авва (из главы С. Тагуэлла) **V**: 7
- Панич, Светлана Михайловна **VII**: 7, 135
- папа *alias* Трауберг Л. З.
- Паперный, Владимир Зиновьевич **VII**: 49
- Парслоу, Грегори, сэр (персонаж П. Г. Вудхауза) **IV**: 4, 5–9
- Паскаль, Блез **VII**: 78, 98

- Пастернак, Борис Леонидович **I**: 30, 34; **II**: 19, 33, *34; **VII**: 13, 38, 40, 43, 60–62, 67, 70, 77
- Пастернак, Евгений Борисович **VII**: 18
- Патрик, св. **VI**: 15; **VII**: 138
- Пафнутий, авва (из главы С. Тагуэлла) **V**: 6
- Пердухина, Лидка *alias* Лебедева Л.
- Пермяков, Евгений Владимирович **VII**: 153
- Петр *alias* Шутов П. С.
- Петр **I VII**: 71
- Петр, ап. **VI**: 15, 23
- Пигмалион (персонаж Б. Шоу) **VI**: 7
- Пий **XI V**: 25
- Пимен, авва (из главы С. Тагуэлла) **V**: 6, 7
- Пинский, Леонид Ефимович **VII**: 35
- Пинь-Пинь, панда **II**: *2; **VII**: 52
- Пионтковский, Збышек **VII**: 122
- Пири, С. К. **III**: 22, 23, 31, 35; **VII**: 80
- Питчер, Александра **VII**: 7
- Платон **VII**: 111
- Полетаев, Игорь Андреевич **VII**: 10, 18, 22
- Поливанов, Константин Михайлович **II**: 34; **VII**: 62
- Поливанов, Михаил Константинович (Мишель) **II**: 34; **VII**: 9, 15, 20, *25, 54, 62
- Поливанова, Анна Константиновна **II**: 34; **VII**: 7, 62, 79
- Поливанова, Маргарита Густавовна **II**: 34; **VII**: 62
- Поливанова, Марина Михайловна **VII**: 7
- Поливанова, Мария Константиновна **II**: 34; **VII**: 62
- Полина Александровна, маникюрша **V**: 33
- Полина, монахиня (из главы С. Тагуэлла) **V**: 23
- Полина, Поля *alias* Шутова П. С.
- Полоцкий, Симеон **VII**: 143
- Померанц, Григорий Соломонович (Гриша) *alias* Апельсин **I**: 10, 29; **II**: 22; **VII**: 28, 30, 32, 34, 36, *39, 44, 46, 49, 62, 73, 74, 104
- Поморская, Кристина **VII**: 70
- Пранас *alias* Моркус П.
- Прейкшас, Казис *alias* Бригошаздас **I**: 31; **VII**: 46
- Прокофьев, Олег Сергеевич **II**: 34; **VII**: 49, 64, 66
- Прокофьева, Софья Леонидовна **VII**: 6, 7, 52
- Пропп, Владимир Яковлевич **V**: 10; **VII**: 106
- Протей **VI**: 13
- Пру, Алексис (из главы С. Тагуэлла) **V**: 24
- Пруст, Марсель **VI**: 18; **VII**: 37
- Пуаро, Эркюль (персонаж А. Кристи) **VI**: 10
- Пушкин, Александр Сергеевич **V**: 28; **VI**: 25, 26, 30; **VII**: 54, 83, 93
- Пэготти (персонаж Ч. Диккенса) **VII**: 89
- Пэм (персонаж Г. К. Честертон) **IV**: 29
- Пятигорский, Александр Моисеевич **VII**: 49, 69, 70
- Рабин, Оскар Яковлевич **II**: 25; **VII**: 35, 64
- Рабинович, Елена Георгиевна **VII**: 41
- Радегунда, св. **V**: 15; **VII**: 110
- Радищев, Александр Николаевич **VII**: 70
- Раневская, Фаина Георгиевна **VII**: 142
- Раппопорт, Сусанна Ильинична **II**: 27, 34; **VII**: 65

- Раскина, Александра Александровна (Саша) **VI**: 22; **VII**: 147
- Раскольников, Родион (персонаж Ф. М. Достоевского) **III**: 12, 13, 22, 25, 30; **IV**: 12, 13; **VII**: 78
- Ребиндер, Елена Петровна (Аля) **VII**: 49
- Ревзин, Исаак Иосифович **VII**: 70
- Ревзина (Карпинская), Ольга Григорьевна **VII**: 70
- Редгрейв, Ванесса **VI**: 25
- Рейнолдс, Барбара **IV**: 21
- Рембрандт Харменс ван Рейн **V**: 5
- Рери (персонаж Г. К. Честертона) **VII**: 35
- Рещикова (Резчикова), Вера Александровна **VII**: 49
- Рипичип (персонаж К. С. Льюиса) **VI**: 35; **VII**: 155
- Роднянская, Ирина Бенционовна **VII**: 80, 114
- Роднянский, И., протоиерей **III**: 23; **VII**: 80
- Розабельверде, фея (персонаж Э. Т. А. Гофмана) **III**: 22, 23, 24, 31; **VII**: 80
- Розанов, Василий Васильевич **VI**: 36; **VII**: 156
- Романова, Наталья Ивановна **VII**: 87, 132
- Рондо-Безверхова, О. **III**: 27; **VII**: 80
- Роули (муж Э. Уэймен) **VII**: 88
- Рошаль, Григорий Львович **VII**: 61
- Рошаль, Марианна Львовна **VII**: 61
- Рузвельт-мл., Теодор **II**: 26
- Рузер, Леонид Осипович **VII**: 138, 141
- Рукова, Софья Алексеевна **VII**: 119
- Руня *alias* Зернова Р. А.
- Руо, Жорж **II**: 19
- Руссо, Жан-Жак **VI**: 15
- Руфь, кукла **V**: 48
- Руфь, мать Вейланд Р. С. **VII**: 128
- Рэнсом (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 21
- Саган, Франсуаза *alias* Саганка **I**: 22, 31; **VII**: 47
- Садовникова, Гитана (Талка) **VII**: 82
- Садомская, Наталья Николаевна **VII**: 145
- Самойлович, Рудольф Лазаревич **VII**: 66, 123
- Самойлович, девочка **V**: 39
- Санаев, Павел Владимирович **V**: 27; **VI**: 14; **VII**: 120, 137
- Сапгир, Генрих Вениаминович **VII**: 35
- Сарра **VII**: 87
- Сахаров, Андрей Дмитриевич **VI**: 22
- Свивеллер, Дик (персонаж Ч. Диккенса) **IV**: 3, 9, 10
- Свиридов, Георгий Петрович **VI**: 18, 19; **VII**: 142–144
- Свифт, Джонатан **VII**: 35
- Северянин, Игорь **VII**: 21, 22
- Сегал, Дмитрий Михайлович **VII**: 70
- Сегюр, де, графиня **VII**: 92, 93, 124
- Седакова, Ольга Александровна **VII**: 109, 110, *139
- Селин (из главы С. Тагуэллы) **V**: 23
- Сенокосов, Юрий Петрович **VII**: 49
- Серафим Саровский **VII**: 108
- Сергеев, Андрей Яковлевич **VII**: 49
- Сергей Сергеевич *alias* Аверинцев С. С.
- Сергий Радонежский, св. **VI**: 11
- Серман, Илья Захарович (Илюша) **VI**: 18, 19; **VII**: 142, 144
- Сибиле-Мария *alias* Бразаускайте С.-М.
- Сибиряков, Алексей Александрович **VII**: 122
- Синявский, Андрей Донатович **VII**: 137
- Скалозуб (персонаж А. С. Грибоедова) **VI**: 36

- Скоби, майор (персонаж Г. Грина) **III**: 22, 23, 24; **VII**: 80
- Скоби, миссис (персонаж Г. Грина) **III**: 22
- Скржинская, Елена Чеславовна **VII**: 41
- Скрузделите *alias* Муравьева И. И.
- Сладкявичюс, Винцентас, монсиньор **V**: 3, 20, 21; **VII**: 102, 103, 116, 120
- Смердяков, Павел (персонаж Ф. М. Достоевского) **III**: 22
- Соболев, Сергей Львович **VII**: 18
- Соболева (урожд. Петренко), Анна Петровна (Нюра) **V**: 34; **VII**: 123
- Соловьев, Владимир Сергеевич **II**: 11; **VII**: 47
- Соловьев-отец, Сергей Михайлович **VI**: 17; **VII**: 138
- Солонович, Евгений Михайлович **VII**: 49, *75
- Солт, Глория (персонаж П. Г. Вудхауза) **IV**: 7, 8
- Спицына, Ирина Александровна **VII**: 7
- Стаббз, Моды (персонаж П.Г. Вудхауза) **IV**: 4, 5, 6, 7, 8, 9
- Стаббз, Седрик (персонаж П.Г. Вудхауза) **IV**: 9
- Сталин, Иосиф Виссарионович *alias* Зудяленас **I**: 30, 31; **III**: 26, 27; **VII**: 43, 46, 141
- Станислав, о. *alias* Добровольскис С. Стендаль (Бейль, Анри Мари) **II**: 22
- Степанов, Георгий Владимирович (Готя) **VII**: 140, 144
- Стэддок, Марк (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 11, 21
- Сусанна *alias* Раппопорт С. И.
- Сушкин, Сергей Викторович **VII**: 107
- Сфинкс, Софрония (персонаж Ч. Диккенса) **IV**: 3, 9, 10
- Сысой, авва (из главы С.Тагуэллы) **V**: 7
- Сэйерс, Дороти Ли **IV**: 20, 21; **VI**: 10, 24; **VII**: 95, 148
- Сэлинджер, Джером Дэвид **III**: 7, 9; **V**: 48; **VII**: 74, 76
- Табак, Юрий Михайлович **VII**: 7, 15, 30, 32, 33, 44, 53, 54, 60–62, 65, 66, 77, 108, 123, 126–128, 142, 144
- Тагуэлл, Саймон, о. **V**: 3, 12, 17, 23, 27; **VI**: 5, 6; **VII**: 4, 5, 105, 106, 110, 114, 120
- Талиесин (персонаж Ч. Уильямса) **IV**: 28
- Тальбот-Толли **III**: 6; **VII**: 74
- Тамм, Игорь Евгеньевич **VII**: 13, 16, 17
- Таракан **III**: 6, 8
- Тарновский **III**: 7
- Тати, Жак **I**: 30; **V**: 48; **VII**: 38, 76
- Татьяна (персонаж Т. Кибирова) **VII**: 96
- Татя, см. также Трауберг Н. Л. **I**: 30; **V**: 35; **VII**: 10, 13–15, 20, 24, 32, 38
- Теккерей, Уильям Мейкпис **II**: 22
- Тереза Авильская, св. **V**: 16, 21
- Тереза из Лизье (Мартэн), св. **V**: 5, 23, 24, 25
- Терлецкая **III**: 7
- Термитов **III**: 8
- Тернавцев, Валентин Александрович **V**: 40; **VII**: 65
- Тернавцева, Ирина Валентиновна **V**: 40; **VII**: 65, 123
- Тернавцева, Мария Валентиновна **VII**: 65
- Терпин, Мош (персонаж Э. Т. А. Гофмана) **III**: 32
- Тертуллиан **VII**: 94
- тетя *alias* Ланде-Безверхова О. П.
- Тили **III**: 10
- Тимка, кот **V**: 32, 33
- Тихомиров, Владимир Михайлович **VII**: 9, 19

- Толкин, Джон Рональд Руэл **VI**: 24;
VII: 148
- Толстой, Алексей Константинович **VI**:
5; **VII**: 153
- Толстой, Лев Николаевич **III**: 22; **VI**:
15; **VII**: 21, 79, 92, 93
- Том, Томик, Томас *alias* Чепайтис Т.
Томас *alias* Венцлова Т.
- Томашевская, Мария Николаевна **VII**: 7
- Томашевский, Николай Борисович
(Коля) **II**: 7, 8, 33, 34; **VII**: 14, 55, 56,
58, 65, 67
- Топоров, Владимир **VII**: 70
- Трауберг, Виктор (Авигдор) Захарович
VII: 122
- Трауберг, Захар Давыдович **V**: 32; **VII**:
*113, 121, 122
- Трауберг, Илья Захарович **V**: 29; **VII**:
121, 122
- Трауберг, Леонид (Лазарь) Захарович
alias папа, Людовик **I**: 22, 30, 31; **V**:
29, 37, 40, 43, 45, 47; **VI**: 19; **VII**: 6, 87,
31, *33, 35, 37, 40–43, 46, 58, 60, *63,
65, 87, 106, 108, 121, 122, 128, 153
- Трауберг, Наталья Леонидовна, см.
также Матушка; Матушка, Н.;
Монтелеаль, Хуана; Натали; Татя;
Траубридж, Мэри Дж.; Чепайтене,
Наталия; N. N.; H. N. **I**: *2, *12,
*18–19, 28, *31; **II**: *15, *16, *30; **III**:
*2, *18, 20, *28; **IV**: *2, *11, *24; **V**:
*2, *8–9, *14, *26, *30–31, *36; **VI**:
*2, *16, *28; **VII**: *2, *25, *33, *39,
*45, *63, *91, *97, *107, *113, *119,
*125, *139, *149, *155, *159
- Трауберг (урожд. Вейланд), Эмилия
Соломоновна *alias* бабушка Миля
V: 10, 33, 32, 35; **VII**: 108, 109, *113,
121, 122
- Трауберг (урожд. Ланде-Безверхова),
Вера Николаевна *alias* мама, Жак,
Jasque **I**: 7, 28, 29, 31; **V**: 3, 4, 27, 33,
35, 37, 40, 43, 44; **VI**: *28, 46; **VII**: 6,
30, 31, *33, 35, 37, 40, 47, 49, *63, 65,
106, 111, 153
- Траубридж, М. (Мэри Дж.), см. также
Трауберг Н. Л. **III**: 8, 23, 24; **VII**:
78, 80
- Траугутт, Ромуальд **VI**: 13; **VII**: 137
- Трипвуд, Галли (персонаж П. Г. Вудха-
уза) **IV**: 7
- Тристрам *alias* Чепайтис Т.
- Тумялис, Юозас **II**: 4, 8, 32; **VII**: 28, 52,
53, 67
- Тынянов **VII**: 140
- Тыркина, П. **III**: 27
- Тэй, Джозефин **VI**: 10
- Тэффи (Лохвицкая), Надежда Алек-
сандровна **III**: 34; **VI**: 22; **VII**: 83
- Уайлдер, Торнтон **IV**: 3, 26, 34; **VII**: 95,
96
- Уайт, Гилберт **IV**: 14
- Уварова, Ирина Павловна **VII**: 146
- Уильямс, Чарльз **IV**: 15, 28; **VI**: 24; **VII**:
95, 136, 148
- Уимзи, Питер, лорд (персонаж Д. Л.
Сэйерс) **IV**: 20, 21; **VI**: 10
- Уимзи, Питер, лорд (персонаж Д. Л.
Сэйерс) **VI**: 20, 21
- Уимпол, Энид (персонаж Г. К. Честер-
тона) **IV**: 31
- Улицкая, Людмила Евгеньевна **V**: 10;
VII: 6, *97, 118, 141
- Уолл, Сирил, о. **III**: 20, 21, 22, 23, 24, 25,
26; **VII**: 92
- Уолш, Джин П. **IV**: 21
- Уорд, семья издателей **VII**: 42

- Успенская, Светлана **VII**: 14
- Успенский, Борис Андреевич **II**: 6, 7, 28, 33; **VI**: 27; **VII**: 43, 54, 55, 67, 69, 72
- Успенский, Владимир Андреевич **I**: 7, 29; **II**: 6, 21, 28, 33; **VI**: 27; **VII**: 7, 12, 19, 24, *25, 29–32, 37, 49, 52, 54, 55, 62, 67, 71, 72, 78, 79, *81, 82, 83, *97, 102, 153
- Устинова, Татьяна Витальевна **V**: 10
- Уэймен, Этель **VII**: 88
- Фандорин, Корнелий (персонаж Б. Акунина) **VI**: 11
- Фандорин, Эраст (персонаж Б. Акунина) **VI**: 10, 11
- Фаунтлерой (персонаж Ф. Бернетт) **I**: 15, 30; **II**: 12; **III**: 11, 33
- Феверстон (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 22
- Федоров, Андрей Венедиктович **VII**: 140
- Федоров, Евгений Борисович **VII**: 34, 40
- Федотов, Георгий Петрович **VII**: 78
- Феллини, Федерико **I**: 31; **III**: 34; **VII**: 47, 83
- Феодосий Печерский, св. **VI**: 4, 37; **VII**: 157
- Фернандель **VII**: 56
- Фея (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 22
- Филдинг, Генри **VII**: 80
- Филумена, сестра **VII**: 118
- Фильштинский, Исаак Моисеевич **VII**: 34
- Финкельштейн, Владимир Исаакович **VII**: 65
- Флик (герой П. Г. Вудхауза) **VII**: 135
- Фома Аквинский (Аквинат), св. **II**: 12, 34; **III**: 13, 27; **IV**: 26; **VI**: 37; **VII**: 47, 53, 66, 79, 82, 92, 111, 115, 137, 157
- Фома, брат *alias* Шрейдер Ю. А.
- Фортунат, Венанций **V**: 15; **VII**: 110
- Фра Анжелико **VI**: 23; **VII**: 147
- Франек *alias* Моркус П.
- Франциск Ассизский, св. **I**: 11; **III**: 11; **V**: 3, 12, 13, 35; **VI**: 4, 37; **VII**: 34, 35, 78, 80, 85, 93, 105, 114, 116, 120, 157, 158
- Франя, Франека *alias* Чепайтите М.
- Фредерикс, Всеволод Константинович **VII**: 58
- Фредерикс, Дмитрий Владимирович (Митька) **VII**: 58
- Фредерикс, Мария Дмитриевна **II**: 10, 33; **VII**: 56, 58
- Фрейденоберг, Ольга Михайловна **VII**: 7, 36
- Фрейдин, Юрий Львович **VII**: 49, 65
- Фридрих, ювелир (герой Э. Т. А. Гофмана) **VII**: 44
- Фрост (персонаж К. С. Льюиса) **V**: 22
- Хайдеггер, Мартин **I**: 29; **VII**: 32
- Хаксли, Олдос **VI**: 19
- Харди, Томас **IV**: 6; **VI**: 19
- Харкнесс, Рут Элизабет **II**: 26
- Харкнесс, Уильям **II**: 26
- Хвольсон, Анна Борисовна **VII**: 124
- Хемингуэй, Эрнест **I**: 15; **VI**: 18; **VII**: 37
- Хепберн, Одри **II**: 33; **VII**: 56, 67
- Херн, Майкл (персонаж Г. К. Честертона) **VII**: 36, 44
- Херфорд, Оливер **VI**: 8; **VII**: 134
- Хинчин, Александр Яковлевич **VII**: 22
- Хлебников, Велимир **VII**: 70
- Хлотарь **I** *alias* Меровинг **V**: 15; **VII**: 110
- Хмельницкий, Александр, о. **VI**: 23; **VII**: 147

- Ходасевич, Валентина Михайловна **V**: 3; **VII**: 102
- Ходасевич, Владислав Фелицианович **IV**: 18; **VII**: 56, 133
- Холин, Игорь Сергеевич **I**: 29; **VII**: 35
- Холмс, Шерлок (персонаж А. Конан Дойля) **VI**: 10
- Хуан де ла Крус, св. **VII**: 64
- Цахес, по прозванию Циннобер (персонаж Э. Т. А. Гофмана) **III**: 13, 22, 32, 34; **VII**: 78
- Цветаева, Марина Ивановна **III**: 7; **VII**: 10, 18, 22, 44, 70, 77, 99
- Цветков, Алексей Петрович **VII**: 137
- Целестин **V VI**: 11
- Цецилия Львовна **VII**: 56
- Цецилия, св. (из главы С. Тагуэлла) **V**: 24
- Цивьян, Татьяна Владимировна **VII**: 70
- Цинциннат (персонаж В. В. Набокова) **VII**: 51
- Чакстер (персонаж Ч. Диккенса) **IV**: 10
- Чевендер, леди (героиня П. Г. Вудхауза) **VII**: 88
- Чемберлен, Невилл **VII**: 122
- Чепайтене, Наталия, см. также Трауберг Н. Л. **I**: 13, 28; **VII**: 28
- Чепайтене (урожд. Славуцките), Кристина **IV**: 3, 9; **VII**: 87, *97
- Чепайтис, Виргилиус-Юозас *alias* Батюшка **I**: *2, 4, 7, 8, 11, 21, 23, 28, 31; **II**: 5, *15, 24, 26, 32, 34; **III**: *28; **V**: *8–9; **VII**: *2, 3, 4, 24, 28–30, 32, 34, 38, 43, *45, 46, 48, 49, 52, 57, *63, 64–67, 73, 74, *75, 77, 80, 82, 90, 103, 104, 106, 110, 112, 120, 146
- Чепайтис, Йокубас **V**: 3, 29; **VII**: 102
- Чепайтис, Лукас **V**: 3; **VII**: 4, *97, 102
- Чепайтис, Мотеюс (Матвей) Томасевич *alias* Матъё, Матюха, Мотя, Мтф **IV**: 3, 9; **V**: 3, 20, 28, 32, 37, 39, 43; **VII**: 48, 71, 87, 89, *97, 102, *107
- Чепайтис, Томас (Тристрамас) *alias* Том, Томик, Тристрам, Шнупса, см. также N. N. **I**: *2, 3, 9, *2, 16, *18–19, 22, 23, 27, 28, *29; **II**: 5, 32; **III**: *2, 5, 9, 22, *28; **V**: 3, 4, *8–9, *14; **VI**: 4, *28, 29, 30; **VII**: 6, 7, 13, 24, 28, 29, 35, 38, 40, 43, 44, 47, 48, 54, 59, 72, 73, 74, 80, 102, 106, *119, 133, 153
- Чепайтите, Мария Пранцишка (Франциска) *alias* М.-Ф., Франека, Франя **I**: 4, 9, 10, 11, 16, 17, *18–19; **II**: 24, 25, 34; **III**: *2, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 22, 24, 26, 27, *28; **IV**: 9, *11; **V**: 3, 4, *14, 22, *30–31; **VII**: 4, 5, 15, 20, 28, 29, 35, 28, 40, 64, 73, 74, 77, 80, *81, 85, 89, 92, *97, 102, 106, 112, *119, *149, 151
- Черкасов, Николай Константинович **VII**: 126
- Черкасова, Нина Николаевна **I**: 31; **VII**: 48, 126
- Чернова, Агнесса Филипповна **III**: 13, 35; **VII**: 79
- Черчилль, Уинстон **VII**: 122
- Честертон, Гилберт Кийт **I**: 16; **II**: 12, 34; **III**: 11, 13, 24; **IV**: 29, *32–33, 35; **V**: 4, 5, 10, 19, 28, 35, 38, 40, 41, 42, 44; **VI**: 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 15, 18, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 30, 32, 34, 35; **VII**: 3, 4, 5, 7, 35, 36, 37, 42, 44, 47, 52, 53, 66, 69, 72, 76, 78, 80, 83, 89, 90, 95–98, 104–106, 109, 110, 118, 121, 132, 133, 134, 136, 143, 145–158
- Честертон, Фрэнсис **IV**: *32–33; **VI**: 37; **VII**: 96, 98, 150, 154–158

- Чехов, Антон Павлович **IV**: 3, 34; **VII**: 98
 Чижевский, Александр Леонидович **VII**: 16
 Чижевский, Николай Прокопьевич **VII**: 16
 Чистяков, Георгий Петрович (о. Георгий) **V**: 19; **VI**: 33; **VII**: 115, 116, 152, 155
 Чудотворцева, Татьяна Фоминична **VII**: 7, 49, *97
 Чуковский, Николай **VII**: 35
 Чупринин, Сергей Иванович **VI**: 15
 Чхартишвили, Григорий Шалвович *alias* Акунин Б.

 Шейди, Тристрам **VII**: 29
 Шеллинг, Вильгельм Йозеф фон **II**: 25
 Шенбрунн, Светлана Павловна **V**: 27; **VI**: 14; **VII**: 121
 Шенди, Тристрам **I**: *28; **VII**: 49
 Шеннон, Клод Элвуд **VII**: 52
 Шерамур (персонаж Н. С. Лескова) **VI**: 29, 35
 Шестов, Лев Исаакович **III**: 8; **VII**: 77
 Шива **VII**: 70
 Шишмарев, Владимир Федорович **V**: 10; **VII**: 106
 Шмаин, Илья Хананович **VII**: 34
 Шнупса *alias* Чепайтис Т.
 Шом (персонаж Г. К. Честертона) **VII**: 35
 Шостакович, Дмитрий Дмитриевич **II**: 33; **VI**: 18; **VII**: 56, 58, 143, 144
 Шостакович, Нина Васильевна **VII**: 143, 144
 Шоу, Джордж Бернард **VI**: 6; **VII**: 134
 Шпенглер, Освальд **IV**: 14
 Шпиллер, Всеволод Дмитриевич (о. Всеволод) **V**: 16; **VII**: 90, 111, *119, 120

 Шрагин, Борис Иосифович **VI**: 19; **VII**: 145
 Шрейдер, Юлий Анатольевич (Юля) *alias* брат Фома **VII**: 73, *91, 96, 132, 151
 Штайн, Даниэль (персонаж Л. Е. Улицкой) **VI**: 17
 Штромас, Александрас (Штром, Александр) **III**: 6; **VII**: 74
 Шуб, Эсфирь Ильинична **VII**: 127
 Шульман, Аркадий Исаакович **II**: 5, 32; **VII**: 54
 Шульман, Борис Эммануилович **II**: 5; **VII**: 54
 Шумахер, Эрнст Фридрих **VI**: 25; **VII**: 150
 Шутов, Петр Сергеевич **V**: 3, 29; **VII**: 102, *107
 Шутов, Сергей Алексеевич **VII**: 121
 Шутов, Сергей Алексеевич **VII**: 119
 Шутова, Елизавета Сергеевна (Лиза) *alias* Лизетта, Элизабет **V**: 22, 27, 28, 29, 32, 35, 37–40, 42; **VI**: 3; **VII**: 102, *107, *119, 132
 Шутова, Полина Сергеевна (Поля) **V**: 3, 22, 29; **VI**: 3; **VII**: 102, *107, 132
 Шюнэ, кукла **V**: 48

 Щербацкий, Федор Ипполитович **VII**: 66
 Щусев, Алексей Викторович **VII**: 102

 Эйвельманс, Бернар **VII**: 65
 Эйзенштейн, Сергей Михайлович **II**: 18; **V**: 48; **VI**: 12; **VII**: 7, 59, 60, 127
 Экберг, Анита **VII**: 12
 Эко, Умберто **VI**: 7
 Элизабет *alias* Шутова Е. С.
 Элиот, Томас Стернз **VII**: 44, 77
 Эмилия Соломоновна *alias* Трауберг Э. С.

Эмка *alias* Коржавин Н. М.
 Эмсворт, лорд (герой П. Г. Вудхауза) **VII**: 29
 Энгельс, Фридрих **VII**: 122
 Эппле, Николай Владимирович **VII**: 109
 Эпштейн, Даля **VII**: 7, 104
 Эрастова, Татьяна Даниловна **VII**: 115
 Эрдман, Николай Робертович **VII**: 142
 Эткинд, Ефим Григорьевич **VII**: 140, 144
 Эшли, Беата (персонаж Т. Уайлдера) **IV**: 27, 28
 Эшли, Джон (персонаж Т. Уайлдера) **IV**: 26, 27, 28
 Эшли, Роджер (персонаж Т. Уайлдера) **IV**: 28
 Эшлиман, Николай Николаевич, о. **VII**: 120

 Юдина, Мария Вениаминовна **VII**: 49
 Юло, господин (герой Жака Тати) **VII**: 38
 Юрмих *alias* Лотман Ю. М.
 Юров, Сергей Иванович **VII**: 112, 116, 151, 152
 Юстэйсия *alias* Лансинг Ю.
 Юткевич, Сергей Иосифович **VII**: 42, 58

 Яглом, Акива (Кика) Моисеевич **VII**: 10, 20, 21
 Яглом, Исаак (Ися) Моисеевич **VII**: 10, 20, 21
 Языкова, Ирина Константиновна **VII**: 98
 Якобсон, Роман Осипович **VII**: 70–73
 Яков, отец няни **V**: 34
 Якунин, Глеб Павлович (о. Глеб) **V**: 21; **VII**: 118, 120

Янулайтис, Кястас Аугустинас **VI**: 22, 25; **VII**: 110, 146, *149, 150, 151
 Янулайтис, Модестас **V**: *14; **VII**: 110
 Янулайтис, Рамунас **V**: *14; **VII**: 110
 Ярузельский, Войцех **VII**: 117
 Яша, родственник соседей **V**: 34

СОДЕРЖАНИЕ

«ДОМАШНИЕ ТЕТРАДИ» НАТАЛЬИ ТРАУБЕРГ. <i>Мария Чепайтите</i>	
Издательство «Ёлочка»	3
Комментарии к комментариям.....	4
ОДА, ЗАТЕКСТОВЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИЙ К НИМ. <i>Владимир Успенский</i>	
Ода на совместное с Натальей Леонидовной Трауберг посещение известной лекции в Политехническом музее 11 января 1962 года	9
Комментарий к «Оде» и к затекстовым примечаниям к оной	13
ТЕТРАДЬ №1. ВЕНОК СОНЕТОВ	
Предисловие к сонетам. <i>Томас Тристрамас Чепайтис</i>	27
Комментарий к книге Натальи Трауберг «Венок сонетов»	28
ТЕТРАДЬ № 2. ЗАПИСКИ ПАНДЫ	
Записки Панды. <i>Софья Прокофьева</i>	51
Комментарий к книге Натальи Трауберг «Записки Панды»	52
ТЕТРАДЬ № 3. SUMMA ANTHROPOLOGIAE, ИЛИ МАТВЕЕВСКИЙ САДИК (HORTULUS MATTHAEI)	
Н. Л. Трауберг как семиотик и персонолог. <i>Томас Венцлова</i>	69
Комментарий к книге Натальи Трауберг «Summa Anthropologiae, или Матвеевский садик (Hortulus Matthaei)»	71
ТЕТРАДЬ № 4. ПЕТРОВСКИЙ ПАРК	
Письмо Натали Трауберг. <i>Людмила Улицкая</i>	85
Комментарий к книге Натальи Трауберг «Петровский парк»	87
ТЕТРАДЬ № 5. ИАКОВ НА ЛУКИШКАХ	
Письмо Пранцишке. <i>Пранас Моркус</i>	101
Комментарий к книге Натальи Трауберг «Иаков на Лукишках»	102
ТЕТРАДЬ № 6. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК	
Полустихи. <i>Николай Котрелев</i>	131
Комментарий к книге Натальи Трауберг «Елизаветинский переулок»	132
Именной указатель	160

Комментарии к «Домашним тетрадам» Н. Трауберг

Составитель: Мария Чепайтите

Дизайнер: Арина Журавлева

Выпускающий редактор: Петр Лезников

Корректоры: Алексей Белозеров, Валентина Кизило

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,4. Тираж 1500 экз. Заказ № 4404

ООО «Книжные мастерские»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

ООО «Мастерская „Сеанс“»

197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10

+7 (812) 237-08-42

info seance.ru

<http://seance.ru>

Отпечатано в ЗАО «Типография „Моби Дик“»

191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 44

+7 (812) 572-21-21

info mobyprint.ru

<http://mobyprint.ru>

Наталья Трауберг

ВЕНОК СОНЕТОВ